

A person wearing a dark hoodie is shown from the chest up. Their face is completely hidden behind a large, solid black circle. The background is a blurred indoor setting with warm lighting and wooden paneling.

**ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ**

ТЕМНЫЕ ТАЙНЫ

Да, убивать неправильно.
Это заповедь. Не убий!
Однако бывают
исключения.

Бывший криминальный психолог и специалист по серийным убийцам Себастиан Бергман оказывается в городе Вестерос случайно — ему нужно продать дом матери, с которой он не общался много лет. Преследуя собственные цели, он принимает участие в расследовании жестокого убийства шестнадцатилетнего парня и вытаскивает на свет слишком много глубоко запрятанных скелетов. Но собственные скелеты есть и у него... Детектив Ханса Русенфельдта и Микаэля Юрта стал европейским бестселлером и положил начало литературному сериалу о расследованиях любвеобильного психолога Себастиана Бергмана — человека, который слишком непредсказуем, чтобы работать в команде, и слишком профессионален, чтобы сидеть без дела.

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

«Темные тайны»

Убийцей мужчина не был.

Стаскивая мертвого мальчика вниз по склону, он убеждал себя: я не убийца.

Убийцы — преступники. Убийцы — злые люди. Их души поглотила тьма, и они по разным причинам с готовностью приняли ее в свои объятия, отвернувшись от света. А он человек незлой.

Напротив.

Разве в последнее время он не демонстрировал полную противоположность, почти целиком отбросив собственные чувства и желания, почти совершив над собой насилие ради благополучия других? Он попросту подставил другую щеку. Разве его присутствие в этой заболоченной низине посреди неизвестно чего с мертвым мальчиком не является еще одним доказательством того, что он стремится поступать как надо? *Вынужден* поступать как надо. Что он больше не намерен предавать.

Мужчина остановился и отдышался. Несмотря на юный возраст, парень оказался тяжелым. Хорошо тренированным — несколько часов в спортзале каждую неделю. Впрочем, уже недалеко. Мужчина ухватился за брючины, бывшие когда-то белыми, но в темноте казавшиеся почти черными — из мальчика вытекло очень много крови.

Да, убивать неправильно. Пятая заповедь. Не убий! Однако бывают исключения. Библия во многих местах призывает к справедливому убиению. Некоторые этого заслуживают. Неправильное может оказаться верным. Абсолютных истин не существует.

И если отсутствуют эгоистические побуждения. Если утрата одной человеческой жизни принесет спасение другим. Дай им шанс. Дай им жизнь. Тогда ведь деяние не может считаться злом? Если цель благая.

Мужчина остановился возле небольшого скопления темной воды. Обычно оно представляло собой просто огромную лужу глубиной несколько метров, но в последнее время дожди так напатали землю, что лужа растеклась посреди обильно поросшего кустарником болота, образовав настоящее маленькое озерцо.

Мужчина наклонился и ухватился за футболку мальчика возле плеч. С огромным трудом приподнял безжизненное тело и на мгновение посмотрел мальчику прямо в глаза. Какой была его последняя мысль? Успел ли он вообще что-нибудь подумать? Понял ли, что ему предстоит умереть? Поинтересовался ли почему? Думал ли он о том, чего не успел совершить за свою короткую жизнь, или о том, что на самом деле совершил?

Не играет никакой роли.

Зачем доставлять себе лишние мучения?

У него не было выбора.

Предать он не мог.

Снова предать.

Тем не менее он колебался. Но нет, они бы не поняли. Не простили бы. Не смогли бы, как он, подставить другую щеку.

Он толкнул парня спиной вперед, и тело с громким всплеском упало в воду. Мужчина подпрыгнул, не готовый к пронзившему темную тишину звуку.

Тело мальчика погрузилось в воду и исчезло.

Человек, который не был убийцей, вернулся к машине, припаркованной на маленькой

лесной дороге, и поехал домой.

~ ~ ~

— Полиция Вестероса^[1], Клара Лидман.

— Я бы хотела заявить о пропаже сына. Голос женщины казался почти извиняющимся, будто она была не вполне уверена, туда ли попала, или сомневалась, поверят ли ей. Несмотря на то что разговор записывался на пленку, Клара Лидман взяла в руки блокнот.

— Сообщите, пожалуйста, ваше имя.

— Лена. Лена Эрикссон. Моего сына зовут Рогер. Рогер Эрикссон.

— Сколько вашему сыну лет?

— Шестнадцать. Я не видела его со вчерашнего вечера.

Клара записала возраст и подумала, что делу следует сразу дать ход. Разумеется, если парень действительно исчез.

— С которого часа?

— Он убежал в пять.

Двадцать два часа назад. Важных при исчезновении двадцать два часа.

— Вы знаете, куда он пошел?

— Да, к Лизе.

— Кто такая Лиза?

— Его девушка. Я ей сегодня звонила, но она сказала, что он ушел от нее вчера около десяти.

Клара зачеркнула на листе две двойки и заменила их на цифру семнадцать.

— Куда же он от нее направился?

— Она не знает, думала, что домой. Но дома он не появлялся. Всю ночь. И сейчас уже прошел почти целый день.

«И ты звонишь только теперь», — подумала Клара. Ее вдруг осенило, что женщина на другом конце провода не кажется особенно взволнованной. Скорее расстроенной. Подавленной.

— Как фамилия Лизы?

— Ханссон.

Клара записала фамилию.

— У Рогера есть мобильный телефон? Вы пытались ему звонить?

— Да, но телефон не отвечает.

— У вас нет никаких соображений относительно того, куда он мог пойти? Может, он заночевал у кого-нибудь из приятелей или что-нибудь в этом роде?

— Нет, он бы позвонил.

Женщина ненадолго замолчала, и Клара предположила, что голос изменил ей, но, услышав на другом конце провода всасывающий вдох, поняла, что женщина глубоко затянулась сигаретой. Потом выпустила дым.

— Он просто исчез, и все.

Сон возвращался каждую ночь.

Не давал ему покоя.

Всегда тот же сон, приносивший тот же страх. Его это раздражало. Выводило из себя. Себастиан Бергман выше этого. Уж кто-кто, а он-то прекрасно разбирается в снах, и ему следовало бы справляться с этими лихорадочными остатками прошлого. Но, насколько бы подготовлен он ни был, как бы хорошо ни сознавал истинное значение этого сна, он все равно оказывался в плену. Сон, казалось, отыскивал внутреннюю точку пересечения между тем, кем является Бергман, и его пониманием значения этого сна.

4:43.

Начало светать. У Себастиана пересохло во рту. Неужели он кричал? Вероятно, нет, поскольку женщина рядом с ним не проснулась. Она дышала спокойно, длинные волосы наполовину скрывали ее обнаженную грудь. Себастиан машинально распрямил слегка сведенные судорогой пальцы. Он уже привык просыпаться после этого сна с крепко сжатой правой рукой. Потом попытался припомнить имя лежащего у него под боком существа.

Катарина? Карин?

Она наверняка в течение вечера упоминала, как ее зовут.

Кристина? Каролина?

В общем-то, это никакой роли не играло — он все равно не собирался с ней снова встречаться, но копание в памяти помогало изгнать последние туманные отголоски сна, который, похоже, плотно въелся во все его органы чувств.

Сон, преследующий его уже более пяти лет. Тот же сон, те же картины каждую ночь. Все подсознание напряженно пытается справиться с тем, с чем он не мог совладать в дневное время.

С чувством вины.

Себастиан медленно поднялся с постели, подавил зевок и взял одежду со стула, куда положил ее несколькими часами раньше. Одеваясь, он безразличным взглядом окинул комнату, в которой провел ночь. Кровать, два прикрепленных к стене белых платяных шкафа — один с зеркальной дверцей; простенький белый ночной столик из магазина «ИКЕА» с будильником и журналом «Будь здоров», маленький стол с фотографией живущего с мамой каждую вторую неделю ребенка и разными безделушками — возле стула, с которого он только что забрал одежду. На стенах ничего не говорящие репродукции, которые ловкий маклер наверняка представил как выполненные «в гамме латте», хотя они попросту грязно-бежевые. Комната была такой же, как и полученный им в ней секс — незатейливо и немного скучно, но свою функцию выполняет. Как и всегда. К сожалению, удовлетворения хватало не слишком надолго.

Себастиан закрыл глаза. Это всегда самый мучительный момент. Переход к реальности. Эмоциональный поворот на сто восемьдесят градусов. Знакомо до боли. Он сконцентрировался на лежащей в постели женщине, особенно на видневшемся соске. Как же ее зовут?

Он знает, что представился, подходя с напитками, — так он поступал всегда. Никогда не представлялся, спрашивая, свободно ли место рядом, что она хочет выпить или может ли

он ее угостить. Но ставя перед ней бокал — всегда.

«Кстати, меня зовут Себастиан».

Что же она ответила? Ему помнилось, что что-то на К. Он застегнул ремень на брюках. Раздался легкий металлический скрежет пряжки.

— Ты уходишь? — ее голос звучал со сна хрипловато, взгляд искал часы.

— Да.

— Я думала, мы вместе позавтракаем. Который час?

— Скоро пять.

Женщина приподнялась на локте. Сколько ей? Под сорок? Она откинула с лица прядь волос. Сон отступал и сменялся осознанием того, что из утра, на которое она рассчитывала, ничего не получится. Он потихоньку встал, оделся и собирался уйти, не разбудив ее. Они не будут вместе завтракать и, перебрасываясь фразами, читать утреннюю газету, не пойдут на воскресную прогулку. Он не захочет познакомиться с ней получше и больше не позвонит, что бы он там ни говорил.

Она это поняла. Поэтому ничего объяснять Себастиан не стал.

— Пока, — произнес он на прощание, отбросив попытки угадать имя. Он уже больше не был уверен даже в том, что оно начинается на К.

На улице было по-рассветному тихо. Пригород спал, и все звуки казались приглушенными, словно им не хотелось его будить. Даже шум транспорта с проходившего поблизости шоссе Нюнесвеген доносился, будто почтительно ослабленный сурдиной. Себастиан остановился возле указателя на перекрестке. Улица Варпавеген. Где-то в пригороде Губбэнген. До дома довольно далеко. Ходит ли в такое время метро? Ночью они ехали на такси. По пути останавливались у магазинчика и покупали хлеб для завтрака — она вспомнила, что у нее дома ничего нет. Ведь он же собирается остаться на завтрак? Они купили хлеб и сок, он и... ну черт возьми. Как же ее звали? Себастиан двинулся по пустынной улице.

Он обидел ее, как бы ее там ни звали.

Через четырнадцать часов ему предстояло ехать в Вестерос и продолжать начатое дело. Впрочем, оно другого рода, до той женщины ему уже больше не добраться.

Пошел дождь.

Какое мерзкое утро.

В пригороде Губбэнген.

~ ~ ~

Все откровенно шло к чертовой матери. В ботинки комиссара полиции Тумаса Харальдссона затекала вода, его рация вышла из строя, и он потерял остальных участников прочесывания местности. Солнце светило прямо в глаза, и комиссару приходилось щуриться, чтобы не спотыкаться о кустарник и корни, торчавшие по всему болоту. Харальдссон выругался про себя и посмотрел на часы. Примерно через два часа у Пенни в больнице начнется обеденный перерыв. Она сядет в машину и поедет домой в надежде на то, что он уже успел вернуться. А он вместо этого будет торчать в проклятом лесу.

Харальдссон еще глубже провалился левой ногой. Почувствовал, что толстый носок в коротком ботинке впитывает холодную воду. В воздухе ощущалось зарождающееся, еще нестабильное весеннее тепло, вода же по-прежнему хранила зимний холод. Харальдссон задрожал, но снова вытащил ногу и нащупал твердую почву.

Он огляделся. Восток, вероятно, там. Разве в той стороне не идут военнослужащие? Или скауты? Правда, он вполне мог крутануться на 360 градусов и окончательно утратить ощущение, где находится север. Чуть поодаль, однако, виднелся маленький холмик, означавший сухую почву — маленький рай в этом мокром аду. Харальдссон двинулся туда. Нога снова провалилась. На этот раз правая. Чертовская удача.

Всеми виной Хансер.

Ему не пришлось бы сейчас стоять тут мокрым по колено, если бы Хансер не захотела продемонстрировать свою активность и силу. А ей это действительно требовалось — ведь она, черт бы ее побрал, исходно даже не из полиции. Этакая юристка-выскачка, сумевшая ловко обойти его и выбиться в начальники, даже не запачкав рук и не промолив ног, как он.

Нет, если бы решать доверили Харальдссону, он бы действовал иначе. Конечно, парня никто не видел с пятницы и расширение зоны поиска вполне соответствовало служебной инструкции, особенно учитывая полученные сведения о «ночных мероприятиях» и «огнях в лесу» в окрестностях болота Листачер как раз в эти выходные. Но Харальдссон по опыту знал, что это пустой номер. Парень сидит сейчас где-нибудь в Стокгольме и смеется над обеспокоенной матерью. Ему ведь шестнадцать. А шестнадцатилетние парни любят заниматься таким делом — издеваться над своими мамами.

Хансер.

Чем больше Харальдссон промокал, тем больше ненавидел ее. Эта женщина — худшее, что с ним случилось. Молодая, привлекательная, политически активная представительница новой, современной полиции.

Она перешла ему дорогу. Когда она проводила первое совещание в полиции Вестероса, Харальдссон осознал, что его карьера резко затормозилась. Он ведь подавал на эту должность. А получила ее Хансер. И будет у них начальником минимум пять лет. Его пять лет. Из-под него выдернули лестницу, по которой он продвигался вверх. Теперь его карьера медленно двинулась по горизонтали, и ее завершение представлялось лишь вопросом времени. То, что он стоит по колено в зловонной глине в лесу километрах в десяти от Вестероса, казалось ему почти символическим.

В полученной утром эсэмэске большими буквами было написано: «СЕГОДНЯ СЛАДКИЙ ЛЕНЧ». Это означало, что Йенни приедет домой в обед, чтобы заняться с ним сексом, а потом они еще займутся любовью вечером, один или два раза. Теперь их жизнь

строилась так. Йенни проходила лечение от бесплодия и вместе с врачом разработала некую схему для оптимизации шансов на оплодотворение. Сегодня выпал такой оптимальный день. Отсюда и эсэмэска. Харальдссон испытывал двойственные чувства. С одной стороны, он ценил то, что их сексуальное общение в последнее время увеличилось на несколько сотен процентов. Ему нравилось, что Йенни всегда хотела его. С другой стороны, он никак не мог отделаться от ощущения, что на самом деле она хочет не его, а его сперму. Если бы не желание иметь ребенка, ей бы и в голову не пришло ехать домой в обед, чтобы наскоро потрахаться. Что-то во всем этом отдавало размножением животных. Как только яйцеклетка начинает двигаться к матке, они набрасываются друг на друга, словно кролики. В промежутках, по правде говоря, тоже, просто на всякий случай. Но уже больше не ради удовольствия, не ради близости. Куда же делась страсть? Где желание? И вот теперь Йенни приедет в обед домой, а там пусто. Может, следовало позвонить ей и спросить, не заняться ли ему перед уходом онанизмом, чтобы оставить сперму в банке в холодильнике. Самое ужасное, что он не был до конца уверен в том, что Йенни сочла бы такую идею совершенно неприемлемой.

Все началось в прошлую субботу.

Служба безопасности переключила разговор на полицию Вестероса около 15:00. Какая-то мать заявила о пропаже сына. Поскольку речь шла о несовершеннолетнем, заявление стало приоритетным. В полном соответствии с инструкцией.

К сожалению, приоритетное заявление пролежало до воскресенья, когда им поручили заняться дежурному наряду. В результате двое полицейских в форме посетили мать около 16:00. У нее еще раз приняли заявление, а позже вечером, перед уходом со службы, дежурные его зарегистрировали. Никаких мер все еще предпринято не было, не считая наличия теперь уже двух аккуратных и явно идентичных заявлений о пропаже того же человека. Причем оба имели пометку «приоритетное».

Только в понедельник утром, когда с момента исчезновения Рогера Эрикссона прошло 58 часов, старший по смене заметил, что заявления лежат без движения. К сожалению, профсоюзное собрание, посвященное предложению Государственного полицейского управления о введении новой формы, сильно затянулось, поэтому Харальдссона ознакомили с отложенным делом только в понедельник после обеда. Взглянув на дату приема заявлений, Харальдссон возблагодарил свою счастливую звезду за то, что дежурные полицейские все же посетили Лену Эрикссон в воскресенье вечером. Ей ведь не обязательно знать о том, что их визит вылился лишь в написание еще одного рапорта. Нет, работа началась всерьез уже в воскресенье, но пока ни к чему не привела. Именно этой версии Харальдссон и намеревался придерживаться.

Понимая, что перед разговором с Леной Эрикссон ему необходимо добыть хоть немного новых сведений, он позвонил подружке Рогера Лизе Ханссон, но та еще не вернулась из школы.

Харальдссон поискал в регистре материал на Лену Эрикссон и ее сына. Рогер был несколько раз уличен в мелком воровстве. В последний раз чуть больше года назад, что плохо привязывалось к исчезновению. На мать ничего не обнаружилось.

Он позвонил в муниципалитет и выяснил, что Рогер учится в Пальмлёвской гимназии. «Паршиво», — подумал Харальдссон.

Немуниципальная гимназия с интернатом. Считается одной из лучших в стране по

показателям успеваемости. В ней учатся талантливые и целеустремленные дети богатых родителей. Родителей со связями. Обязательно станут искать козла отпущения, виновного в том, что расследование началось не сразу, и тогда полное отсутствие сведений на третьи сутки будет выглядеть не слишком удачно. Харальдссон решил все остальное отложить. Его карьера и так замерла, и глупо подвергать себя дальнейшему риску.

Поэтому всю вторую половину дня Харальдссон усиленно работал. Он отправился в Пальмлёвскую гимназию. Директор Рагнар Грот и классная руководительница Беатрис Странд выразили глубокую озабоченность и ужаснулись, узнав об исчезновении Рогера, но ничем конкретным помочь не смогли. Они не слышали о том, чтобы что-то произошло. Рогер вел себя в школе как обычно, в пятницу днем он писал большую контрольную по шведскому языку и, по словам одноклассников, пребывал после нее в хорошем настроении.

Однако Харальдссону удалось разыскать Лизу Ханссон — последнюю, кто видел Рогера в пятницу вечером. Она училась в параллельном классе, и Харальдссону указали на нее в кафетерии. Симпатичная, хоть и самая обычная девушка. Прямые светлые волосы, челка убрана простой заколкой. Ненакрашенные голубые глаза. Белая блузка, застегнутая наверху до предпоследней пуговицы, поверх жилет. Усевшись напротив Лизы, Харальдссон сразу подумал о свободной церкви. Или о девушке из сериала «Белый камень», шедшего по телевидению в годы его молодости. Он спросил, не купить ли ей что-нибудь в кафетерии. Она отрицательно помотала головой.

— Расскажи о пятнице, когда Рогер был у тебя.

Лиза посмотрела на него и слегка пожала плечами.

— Он пришел примерно в половине шестого, мы сидели у меня в комнате, смотрели телевизор, а около десяти он пошел домой. Или, во всяком случае, сказал, что пошел домой...

Харальдссон кивнул. Четыре с половиной часа в ее комнате. Шестнадцатилетние парень и девушка. Смотрели телевизор — ну пусть попробует заставить меня в это поверить. Или я просто испорчен окружающей средой? Как давно они с Йенни стали смотреть вечером телевизор? Ни разу не перепихнувшись во время рекламы? Исчисляется месяцами.

— А больше ничего не произошло? Вы там не поругались, не поссорились, ничего такого?

Лиза помотала головой. Она прикусила малюсенький ноготь большого пальца. Харальдссон увидел, что кожа вокруг ногтя явно воспалена.

— Он раньше так когда-нибудь исчезал?

Лиза снова помотала головой.

— Насколько мне известно, нет, но мы не так давно вместе. Вы говорили с его мамой?

Харальдссону на мгновение подумалось, что она его обвиняет, но потом он понял, что конечно же нет. Всему виной Хансер. Из-за нее он потерял уверенность в себе.

— С ней встречались другие полицейские, но нам необходимо поговорить со всеми. Составить общую картину. — Харальдссон откашлялся. — А какие отношения у Рогера с мамой? Там нет никаких проблем?

Лиза снова пожала плечами. Харальдссон подумал, что у нее несколько ограниченный набор жестов. Мотание головой и пожимание плечами.

— Они ссорились?

— Конечно да. Иногда. Ей не нравилась школа.

— Эта школа?

Лиза кивнула.

— Она считала ее снобистской.

«Тут она чертовски права», — подумал Харальдссон.

— А отец Рогера, он живет в городе?

— Нет. Я не знаю, где он живет. Не знаю даже, известно ли это Рогеру. Он никогда о нем не говорит.

Харальдссон записал. Интересно. Возможно, сын отправился на поиски своих корней. Встретиться с отсутствующим отцом. Утаил это от матери. Случаются и более странные вещи.

— Что, вы думаете, с ним случилось? — прервала мысли Харальдссона Лиза.

Он посмотрел на нее и впервые заметил, что у нее глаза на мокром месте.

— Я не знаю. Но он, вероятно, скоро объявится. Возможно, просто ненадолго поехал в Стокгольм или что-нибудь в этом роде. Знаешь, захотелось немного приключений.

— Зачем ему это понадобилось?

Харальдссон посмотрел на ее искренне удивленное лицо. Ненакрашенный, стгрызенный ноготь во рту. Да, маленькой фрёкен Свободная Церковь этого не понять, но Харальдссон чувствовал все большую уверенность в том, что исчезновение на самом деле было бегством.

— Иногда в голову приходят странные идеи, кажущиеся на тот момент хорошими. Вот увидишь, он скоро появится. — Харальдссон улыбнулся убеждающей и внушающей доверие улыбкой, но увидел по Лизе, что цели не достиг.

— Обещаю, — добавил он.

Перед уходом он попросил Лизу составить список друзей Рогера и тех, с кем тот общался. Лиза надолго задумалась, потом написала и отдала Харальдссону листочек. Два имени: Юхан Странд и Свен Хеверин. «Одинокий парень, — подумал он, — одинокие парни частенько сбегают».

Усаживаясь в машину в тот понедельник вечером, Харальдссон все-таки испытывал известное удовлетворение от проделанной за день работы. Правда, разговор с Юханом Стрэндом не добавил ничего нового. В последний раз Юхан видел Рогера в пятницу после занятий. По его сведениям, вечером Рогер собирался к Лизе. Он не имел ни малейшего представления о том, куда тот мог подеваться после этого. Свен Хеверин явно получил длительное освобождение от школы. Шесть месяцев во Флориде. Он отсутствовал уже семь недель. Мать парня консультировала кого-то в США, и вся семья отправилась вместе с ней. «Некоторым людям везет», — подумал Харальдссон, пытаясь припомнить, в каких экзотических местах ему довелось побывать по работе. С ходу вспомнился только семинар в Риге, но там он половину времени промаялся с животом, и ему запомнилось в основном то, как раздражающе здорово веселились коллеги, пока он не отрывал взгляда от дна синего пластмассового ведра.

Но Харальдссон, как уже говорилось, испытывал известное удовлетворение. Он проработал несколько версий и, главное, обнаружил возможный конфликт между матерью и сыном, указывавший на то, что вскоре окажется, что полиции тут делать нечего. Разве мать в своем заявлении не употребила слово «убежал»? Да, действительно. Ее сын не «ушел» или «исчез», он «убежал». Не указывает ли это на то, что он покинул дом в порыве ярости? Захлопнутая дверь перед раздосадованной матерью. Харальдссон ощущал все большую уверенность. Парень отправился в Стокгольм расширять кругозор.

На всякий случай Харальдссон все-таки решил по пути завернуть к дому Лизы, чтобы

немного пообщаться с соседями. Ему хотелось там чуть-чуть покрутиться, с тем чтобы несколько человек смогли потом его узнать на случай, если кто-нибудь заинтересуется ходом расследования. Может, кто-то из них даже видел Рогера, при самом благоприятном раскладе — шедшим в сторону центра и вокзала. Затем он собирался заехать к матери, чтобы слегка надавить на нее и узнать, насколько часто они ссорились. Отличный план, посчитал он, заводя машину. Тут зазвонил мобильный телефон. Беглый взгляд на экран телефона заставил его чуть-чуть похолодеть. Хансер.

— Какого черта ей надо? — пробормотал Харальдссон, снова заглушая мотор. Может, не отвечать? Заманчиво, но вдруг парень уже вернулся. Возможно, именно это Хансер и хочет ему сообщить. Что он все время был прав. Он ответил.

Разговор продолжался всего 18 секунд, и со стороны Хансер состоял из четырех слов.

— Где ты? — были первыми двумя.

— В машине, — в полном соответствии с истиной ответил Харальдссон. — Я только что побеседовал с учителями и подружкой в школе, где учится парень.

К своей великой досаде, Харальдссон сам услышал, что занял оборонительную позицию. Его голос прозвучал уступчиво. Чуть тоньше обычного. Черт, он ведь сделал все как надо.

— Немедленно приезжай.

Харальдссон только собрался объяснить, куда направляется, и спросить, почему такая спешка, но не успел ничего сказать — Хансер уже положила трубку. Чертова Хансер. Он завел машину, развернулся и поехал в отделение полиции.

Там его встретила Хансер. Холодные глаза. Слишком аккуратно уложенные светлые волосы. Прекрасно сидящий и наверняка дорогой костюм. Ей только что звонила взволнованная Лена Эрикссон, которая интересовалась, что происходит, и теперь она сама вынуждена задаваться тем же вопросом. Что происходит?

Харальдссон быстро рассказал о проделанном за вторую половину дня, сумев четыре раза вставить, что получил дело только сегодня после обеда. Если ей хочется предъявить кому-то претензию, то следует обратиться к дежурившим в выходные.

— Обязательно, — спокойно ответила она. — Почему ты, зная о том, что с делом вышла проволочка, не проинформировал меня? О таких вещах мне непременно следует знать.

Харальдссон почувствовал, что история принимает нежелательный оборот. Он начал оправдываться:

— Подобное случается. Не могу же я, черт возьми, бегать к тебе, как только машина дает маленький сбой. У тебя ведь есть дела поважнее.

— Важнее, чем проследить за тем, чтобы мы незамедлительно начали поиски пропавшего ребенка?

Она смотрела на него вопросительно. Харальдссон молчал. Такое в его план не входило. Никак не входило.

Это происходило в понедельник. А теперь он стоял в мокрых носках на краю болота. Хансер пустила в ход всю артиллерию: опрос соседей и прочесывание местности, масштабы которой увеличивались с каждым днем. Пока без всякого результата. Накануне Харальдссон столкнулся в отделении с комиссаром полиции лена и небрежно заметил, что эта история им обойдется недешево. Много народу работает по многу часов, чтобы отыскать парня, который развлекается в столице. Толком разобрать реакцию комиссара Харальдссон не

сумел, но, когда Рогер вернется со своей маленькой экскурсии, комиссар наверняка вспомнит его слова. Тогда он поймет, сколько денег попусту растратила Хансер. Подумав об этом, Харальдссон улыбнулся. Должностная инструкция — это одно, а интуиция полицейского — совсем другое. Такому не выучишься.

Харальдссон остановился. На полпути к холму. Одна нога вновь провалилась. На этот раз основательно. Он вытащил ногу. Без ботинка. Харальдссон успел лишь увидеть, как жижка хищно засасывает черный ботинок сорок третьего размера, а носок левой ноги тем временем впитал еще несколько миллилитров холодной воды.

Черт возьми, с него хватит.

Достаточно.

На колени, руку в ил, достать ботинок. Потом он поедет домой. Другие могут носиться тут и прочесывать эту проклятую местность. А ему надо оплодотворять жену.

~ ~ ~

Отпустив такси и облегчив кошелек на 380 крон, Себастиан оказался перед собственной квартирой на улице Грев-Магництан в районе Эстермальм^[2]. Он давно собирался от нее отделаться — жилье было дорогим и шикарным, словно предназначенным для успешного писателя, лектора с опытом работы в высшей школе и разветвленной сетью знакомств. Ничто из этого к нему больше не относилось. Но одна мысль о необходимости отбирать, паковать и перевозить нажитые за все годы вещи представлялась ему невыносимой. Поэтому он предпочел просто закрыть большую часть квартиры и пользоваться лишь кухней, комнатой для гостей и меньшей из ваннных комнат. Остальное стояло неприкосновенным. В ожидании... чего-то.

Себастиан кинул беглый взгляд на вечно незастеленную кровать, но предпочел ей душ. Теплый и долгий. Ночная близость уже давно забылась. Может, он зря поспешил уйти? Сумела бы та женщина что-нибудь дать ему, останься он еще на несколько часов? Конечно, еще секса. И завтрак. Хлеб с соком. А потом? Окончательное прощание было неизбежным. Иначе это закончиться не могло. Тогда не стоило и затягивать. И тем не менее. Ему явно недоставало их недолгого единения, на мгновение приподнявшего его. Он уже вновь чувствовал себя отяжелевшим и опустошенным. Сколько же он на самом деле проспал? Два часа? Два с половиной? Похмелья, во всяком случае, не ощущалось. Он посмотрел на себя в зеркало. Глаза казались более уставшими, чем обычно, и ему подумалось, что скоро надо бы что-нибудь сделать с прической. Возможно, подстричься ежиком. Нет, тогда это будет слишком напоминать о нем прежнем. А прошлого больше не существует. Да, но можно подстричь бороду, укоротить волосы, даже мелировать несколько прядей. Он улыбнулся себе самой очаровательной улыбкой. «Просто невероятно, что это работает», — подумал он и внезапно ощутил страшную усталость. Поворот на сто восемьдесят градусов завершен. Пустота вернулась. Он посмотрел на часы. Может, все-таки стоит ненадолго прилечь? Себастиан знал, что сон обязательно вернется, но сейчас он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы волноваться по этому поводу. Он настолько свыкся со своим спутником, что в те немногие разы, когда тому не удавалось нарушить его ночной покой, ему его даже недоставало.

Поначалу дело обстояло иначе. Сон терзал его месяцами, и Себастиан безумно устал от вечных пробуждений, от этого постоянного танца вокруг страха и удушья, надежды и отчаяния. Он начал основательно выпивать на ночь — решение проблем номер один для белых мужчин среднего возраста с высшим образованием и душевными переживаниями. На некоторое время ему удалось полностью отделаться от кошмарного сна, но его подсознание слишком быстро отыскивало путь, минуя преграды алкоголя, поэтому для достижения эффекта приходилось выпивать значительно больше и начинать все раньше и раньше. В конце концов Себастиан понял, что проиграл битву, и резко прекратил.

Решил дать отболеть.

Предоставить время.

Дать зарубцеваться.

Ничего не получилось. После еще некоторого времени постоянных ночных пробуждений он обратился к лекарствам — к чему обещал себе никогда не прибегать. Однако обещания не всегда удается сдержать, это Себастиан знал по собственному опыту,

причем лучше большинства, особенно если перед тобой возникают действительно серьезные вопросы. Тогда требуется проявлять гибкость. Он обзвонил нескольких весьма сомнительных старых пациентов и извлек на свет божий свою книжку для выписки рецептов. Соглашение было простым: 50 на 50.

Ему, естественно, позвонили из Управления здравоохранения и соцобеспечения и поинтересовались относительно внезапно выписанного им большого количества препаратов. Себастиан сумел все объяснить удачно сфабрикованными ложными сведениями о «возобновлении деятельности» и «интенсивной начальной фазе» с «пациентами на стадии поиска», однако все же немного увеличил количество пациентов, чтобы не было столь очевидно, чем он на самом деле занимается.

Поначалу он принимал в основном пропаван, прозак и декстропропксифен, но они действовали раздражающе недолго, и Себастиан стал пробовать долконтин и другие субстанции на базе морфина.

Управление здравоохранения создавало ему, как оказалось, минимальные проблемы. С ними он справлялся. Хуже обстояло дело с эффектом от его экспериментирования. Сон, правда, исчез. Но у него исчезли также аппетит, большинство лекций и сексуальное влечение — совершенно новое для него и пугающее ощущение.

Но самым страшным было все-таки хроническое отсутствие концентрации. Казалось, будто он больше не способен додумать ни одну мысль до конца, а теряет ее где-то на полпути. Простейший бытовой разговор давался ему с известным трудом, а дискуссия или более длинное рассуждение стали совершенно недостижимы. Об анализах и выводах оставалось просто забыть.

Для Себастиана, само существование которого строилось на ощущении интеллекта, причем фундаментом собственного восприятия являлась иллюзия остроты своего мышления, это было ужасно. Жить с притупленным восприятием, правда, лишенным боли, но и куда большего — самой жизни, утратить возможность ощущать остроту. Всему есть предел. Себастиан понял, что вынужден выбирать: страх, но с полноценным мышлением, или вялая, приглушенная жизнь с недоразвитым сознанием. Он пришел к выводу, что, по всей видимости, возненавидит свое существование в любом случае, и выбрал страх, резко покончив и с лекарственными препаратами.

После этого он не притрагивался ни к спиртному, ни к наркотикам.

Не принимал даже таблеток от головной боли.

Но сон ему снился.

Каждую ночь.

«Почему это вдруг пришло в голову», — задумался он и посмотрел на себя в зеркало ванной комнаты. Почему сейчас? Ведь сон являлся его спутником на протяжении многих лет. Он изучал и анализировал его. Обсуждал его со своим психотерапевтом. Смирился, научился жить с этим сном.

Так почему же сейчас?

«Все дело в Вестеросе», — подумал он, вешая полотенце и выходя голым из ванной. Всему виной Вестерос.

Вестерос и его мать. Но сегодня он завершит эту главу своей жизни.

Окончательно.

Сегодня будет хороший день.

Для стоявшего в лесу возле болота Листачер Юакима этот день был лучшим за долгое время, а когда Юаким оказался одним из троих, кого выбрали для получения инструкций непосредственно от подошедшего к ним полицейского, день стал еще лучше. Обычное скучноватое собрание скаутов внезапно превратилось в нечто большее — в настоящее приключение. Юаким покосился на пистолет полицейского и решил, что непременно пойдет работать в полицию. Форма и пистолет. Как скауты, только значительно выше рангом. То что нужно. Потому что, по правде говоря, Юаким уже больше не считал жизнь скаутов самым интересным занятием. Ему только что исполнилось четырнадцать, и то, что поглощало его свободное время начиная с шести лет, стало терять свою притягательную силу. Чары разрушились. Походы, выживание, звери и природа. Не то чтобы это казалось ему глупостью, хотя все остальные парни в его классе считали именно так. Нет, он чувствовал, что просто перерос это. В свое время все было здорово, спасибо, но теперь требовалось нечто иное.

Возможно, это сознавал и Томми, их руководитель.

Может, поэтому, когда они добрались до болота, тот и подошел к полицейским с военными и поинтересовался, что происходит.

Может, поэтому он и предложил полиции свои услуги и помощь группы.

Независимо от причины полицейский по имени Харальдссон, слегка поразмыслив и посомневавшись, пришел к выводу, что лишние девять пар глаз в лесу им в любом случае не повредят. Ребята смогут обследовать собственный маленький сектор. Харальдссон попросил Томми разбить скаутов на группы по три человека, выбрать руководителей и послать их к нему. Юаким выгащал счастливый билет. Он оказался в одной группе с Эммой и Алисой, самыми красивыми девочками отряда, а руководителем избрали его.

И теперь Юаким возвращался к ожидавшим его девочкам. Харальдссон был приятно краток и решителен, как полицейские в фильмах про Мартина Бека^[3]. Юаким преисполнился собственной важности. Он уже прямо видел, как пройдет остаток этого потрясающего дня. Он найдет пропавшего мальчика сильно травмированным. Возможно, со сломанной ногой. Во всяком случае, мальчик будет смотреть на Юакима умоляющим взглядом и окажется настолько слаб, что не сможет говорить, но его глаза скажут все. Юаким поднимет его и понесет к остальным — вот так драматично. Остальные увидят его, заулыбаются, начнут аплодировать, кричать «ура!», и все получится чертовски здорово.

Вернувшись к группе, Юаким организовал ее членов следующим образом: Эмма пойдет слева от него, а Алиса — справа. Харальдссон строго приказал, чтобы цепочка двигалась равномерно, и Юаким, серьезно посмотрев на девочек, сказал, что важно держаться вместе. Наступил решающий момент. Выждав, как показалось, целую вечность, пока Харальдссон даст отмашку, цепочка прочесывающих лес наконец двинулась вперед.

Вскоре Юаким заметил, что держаться ровной цепочкой довольно трудно, хоть она и состояла всего из трех групп по три человека в каждой. Особенно когда они начали углубляться в лес и заболоченная местность раз за разом вынуждала их сворачивать с намеченного курса. Одной группе стало трудно выдерживать темп, вторая его не сбавляла и вскоре скрылась за холмами. В точности как говорил Харальдссон, и Юаким проникся к нему еще большим уважением. Он, казалось, знает все. Юаким улыбнулся девочкам и

заставил их повторить последние слова Харальдссона:

— Если что-нибудь обнаружите, кричите: «Находка!»

Эмма с раздражением кивнула:

— Ты это уже тысячу раз говорил.

Юаким не стал расстраиваться из-за ее ответа. Щурясь от светившего в глаза солнца, он зашагал дальше, пытаясь соблюдать расстояние и равнение. Хотя делалось все труднее. И он уже больше не видел группу Лассе, которая только что находилась чуть левее них.

Через полчаса Эмме захотелось отдохнуть. Юаким попытался заставить ее понять, что останавливаться нельзя. Они могут отстать и потерять остальных.

— Кого остальных?

Алиса многозначительно улыбнулась. Юаким сообразил, что они уже какое-то время не видят остальных.

— Судя по звукам, они идут позади нас.

Все трое умолкли и стали особенно внимательно прислушиваться. Где-то вдали доносились слабые звуки. Кто-то кричал.

— Нет, пойдем дальше, — решил Юаким, хотя в глубине души чувствовал, что Алиса, вероятно, права. Похоже, они двигались слишком быстро. Или не в ту сторону.

— Тогда иди один, — сердито глядя на него, ответила Эмма.

Юаким на секунду почувствовал, что теряет контроль над группой и Эмма начинает от него отдаляться. А ведь за последние тридцать минут она несколько раз ласково взглянула на него. Юаким весь покрылся потом, и не только из-за слишком теплого белья. Он же гнал их, чтобы произвести на нее впечатление, неужели она не понимает? А теперь выходит, будто он еще и виноват.

— Ты проголодался? — прервала его мысли Алиса. Она достала из рюкзака несколько сэндвичей.

— Нет, — ответил он чуть слишком поспешно, прежде чем сообразил, что, конечно, проголодался.

Юаким немного отошел от них и встал на холме, чтобы это выглядело так, будто у него есть какой-то план. Эмма радостно взяла сэндвич, не обращая никакого внимания на попытки Юакима принять важный вид. Он понял, что надо менять тактику. Сделал глубокий вдох, наполнив легкие свежим лесным воздухом. Небо затянули облака, и солнце исчезло вместе с обещанием отличного дня. Юаким вернулся к девочкам. Решил смягчить тон.

— Я все-таки с удовольствием возьму сэндвич, если у тебя еще что-нибудь осталось, — сказал он как можно приветливее.

— Конечно, — ответила Алиса и вытащила ему завернутый в пластиковый пакет бутерброд. Она улыбнулась, и Юаким понял, что такая тактика, пожалуй, подходит лучше.

— Интересно, где мы находимся, — продолжила Эмма, вынимая из кармана маленькую карту.

Все трое сгрудились вокруг карты и попытались догадаться, где они находятся. Это оказалось довольно трудно, поскольку местность не имела каких-либо отчетливых ориентиров, лишь холмы, чередовавшиеся с лесом и болотом. Но ребята знали, откуда они стартовали и в каком приблизительно направлении двигались.

— Мы все время шли на север, значит, должны быть где-то в этом районе, — предположила Эмма.

Юаким восхищенно кивнул — Эмма здорово соображает.

— Пойдем дальше или подождем остальных? — спросила Алиса.

— Я считаю, надо идти, — быстро ответил Юаким, но молниеносно добавил: — Или вам хочется подождать?

Он посмотрел на девочек — на Эмму с ярко-голубыми глазами и нежным лицом и Алису с чуть более резкими чертами. «Обе выглядят классно», — подумал он, и ему вдруг захотелось, чтобы они предложили подождать остальных. А те бы не шли долго-долго.

— Пожалуй, действительно стоит пойти дальше. Если мы сейчас здесь, то находимся недалеко от того места, где должны снова собраться вместе, — сказала Эмма, показывая на карту.

— Да, хотя вы правы, другие группы остались позади нас, так что можно с таким же успехом и подождать их, — попытался Юаким.

— Я думала, ты хочешь оказаться первым, ведь ты рванул вперед, как крутой спринтер, — вмешалась в разговор Алиса.

Девочки засмеялись, и Юаким прислушался к собственному ощущению. С симпатичными девчонками смеяться приятно, решил он и в шутку слегка подтолкнул Алису.

— Ты тоже неслась довольно неслабо.

Они принялись гоняться друг за другом. Побежали между глубокими лужами, поначалу бесцельно, но после того, как Эмма угодила в одну из луж, стали стараться замочить друг друга. Получился чудесный перерыв в скучноватом прочесывании местности — как раз то, что требовалось Юакиму. Он побежал за Эммой и на секунду схватил ее за руку. Девочка вырвалась и попыталась удрать от него, сделав несколько быстрых шагов. К сожалению, она угодила левой ногой под торчащий корень и потеряла равновесие. На секунду показалось, что Эмма сможет снова подняться на ноги, однако глина вокруг воды была скользкой, и девочка провалилась в лужу по талию. Юаким засмеялся, но Эмма закричала. Он умолк и подошел к ней. Эмма закричала еще громче. «Странно, — подумал Юаким. — Что тут такого страшного? Немного воды». Тут он увидел едва заметно торчащее перед Эммой белесое тело. Оно словно бы лежало под водой в ожидании своей жертвы. Невинные детские игры кончились. Их сменили паника и головокружение. Эмму рвало, Алиса плакала. Юаким замер, не отрывая взгляда от зрелища, которое будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

В первый раз увидеть покойника нелегко.

От того, что тебе всего четырнадцать лет, легче не делается.

Харальдссон лежал в постели и дремал. Йенни лежала рядом, подсунув подушку под попу и поставив ступни на матрас. Ей не захотелось затягивать дело.

— Лучше уж покончить с этим сразу, тогда мы успеем еще разок до того, как мне надо будет возвращаться.

Покончить. Есть ли в шведском языке более расхолаживающее слово? Харальдссон сомневался. Но теперь они покончили, и Харальдссон дремал. У кого-то играл дебютный альбом группы *ABBA. Ring Ring*.

— Твой телефон звонит, — Йенни толкнула его в бок.

Харальдссон проснулся, прекрасно сознавая, что ему не следовало бы находиться в постели рядом с женой. Он схватил с пола брюки и вытащил из кармана мобильник. Ну конечно, Хансер. Он сделал глубокий вдох и ответил.

На этот раз тоже четыре слова.

— Где тебя черти носят?

* * *

Хансер раздраженно положила трубку. «Вывихнул ногу». Черт бы его побрал. У нее было сильное желание поехать в больницу или хотя бы послать туда машину, только чтобы получить неопровержимое доказательство против этого мерзавца. Но времени не было. Совершенно внезапно она сделалась ответственной за раскрытие убийства. Нельзя сказать, чтобы ситуацию облегчало то обстоятельство, что руководителя сил, отправленных к болоту Листачер, не оказалось на месте или что он согласился подключить к прочесыванию малолетних скаутов. Детей, которым теперь требовалось организовывать психологическую помощь, после того как одна девочка провалилась в воду и, поднимаясь, вытащила за собой труп.

Хансер покачала головой. С этим исчезновением все изначально пошло наперекосяк. Абсолютно все. Теперь промахам необходимо положить конец. С этого момента они должны действовать правильно. Как профессионалы. Она посмотрела на трубку, которую по-прежнему держала в руке. У нее родилась идея. Конечно, это ответственный шаг. Многим он показался бы преждевременным. Он вполне может подорвать ее репутацию как руководителя. Впрочем, она уже давно дала себе слово не бояться неудобных решений. На карту поставлено слишком многое.

Погиб мальчик.

Убит.

Надо подключать к работе лучшие силы.

* * *

— Тебя к телефону, — сказала Ванья, заглядывая к Торкелю Хёглунду.

Его кабинет, как и почти все вокруг Торкеля, был строгим и простым. Никаких излишеств, никаких дорогих вещей, почти ничего личного. Благодаря мебели, привезенной с какого-то крупного склада, комната больше походила на кабинет директора средней руки в маленьком городке со скромным бюджетом, нежели на кабинет одного из самых высокопоставленных руководителей полиции Швеции. Некоторые из его коллег считали странным, что человек, отвечающий за отдел расследования убийств Государственной уголовной полиции, не стремится показать миру, чего он достиг. Другие толковали это как то, что успехи не ударили ему в голову. Правда же была более простой и приземленной: Торкелю вечно не хватало времени. У него много сил отнимала работа, он постоянно находился в разъездах и был не из тех людей, кому хочется посвящать свободное время отделке кабинета, где он довольно редко сидит.

— Звонят из Вестероса, — продолжила Ванья, садясь напротив него. — Там убили шестнадцатилетнего мальчика.

Торкель посмотрел, как Ванья усаживается поудобнее. Беседовать ему явно предстояло при свидетеле. Торкель кивнул и поднял трубку. Со времени второго развода ему казалось, что речь в телефонных разговорах теперь идет исключительно о внезапной трагической

смерти. Уже более трех лет никто не интересовался тем, придет ли он домой к ужину или чем-либо другим приятно тривиальным.

Имя он узнал — Керстин Хансер, начальница полиции Вестероса, с которой он познакомился несколько лет назад на курсах повышения квалификации. Хороший человек и наверняка толковый руководитель, подумалось ему тогда, он помнил также, что обрадовался, узнав о ее новой должности. Сейчас ее голос звучал сдавленно и напряженно.

— Мне требуется помощь, и я решила вызвать бригаду из Государственной уголовной полиции, больше всего мне бы хотелось, чтобы вы приехали лично, — услышал Торкель в трубке. — Думаете, это возможно? — продолжила она почти умоляюще.

Торкель на секунду подумал, что хорошо бы уклониться — он со своей командой только что вернулся после довольно неприятного расследования в Линчёпинге, — но он понимал, что, раз Керстин Хансер звонит, значит, ей действительно нужна помощь.

— Мы наделали ошибок с самого начала. Существует риск, что дело выйдет из-под контроля, поэтому мне действительно требуется ваша помощь, — продолжила она, словно услышав его сомнения.

— О чем, собственно, идет речь?

— Шестнадцатилетний мальчик. Пропал неделю назад. Найден мертвым. Убит. Жестоко.

— Пришлите мне весь материал по электронной почте, я посмотрю, — ответил Торкель, глядя на Ванью, которая встала, подошла к другому телефону и подняла трубку.

— Билли, зайди в кабинет к Торкелю. У нас есть работа, — сказала она в черную трубку, перед тем как вновь положить ее.

Похоже, она уже знала, каким будет окончательный ответ Торкеля. Она, казалось, знала это во всех случаях. Торкель испытал гордость и легкое раздражение. Ванья Литнер была его ближайшим союзником в команде. Несмотря на незначительный возраст — ей только что исполнилось тридцать, — за два года, которые Ванья проработала с ним, она выросла в опытного и, на взгляд Торкеля, почти раздражающе талантливого полицейского. В ее возрасте он и сам стремился стать именно таким. Закончив разговор с Керстин Хансер, Торкель улыбнулся Ванье.

— Начальником тут по-прежнему являюсь я, — начал он.

— Знаю, я просто соберу команду, чтобы ты смог слышать наши точки зрения. А там уж решение, как всегда, за тобой, — сказала она, сверкнув глазами.

— Конечно, конечно, можно подумать, что у меня есть выбор, если уж ты за что-то взялась, — ответил он, вставая. — Значит, надо начинать складывать вещи, мы едем в Вестерос.

* * *

Билли Русэн вел фургон по шоссе E18. Как всегда, слишком быстро. Торкель уже давно прекратил делать ему замечания. Вместо этого он сконцентрировался на полученном материале об убитом Рогере Эрикссоне. Отчет оказался довольно кратким и скудным, ответственный следователь Тумас Харальдссон был, похоже, не из тех, кто особенно надрывается. Вероятно, придется начинать все сначала. Торкель знал, что на дела такого рода обожает набрасываться вечерняя пресса. Ситуация усугублялась тем, что

предварительная причина смерти, установленная на месте обнаружения трупа, указывала на то, что мальчик подвергся жестокому нападению и получил многочисленные ножевые ранения в область сердца и легких. Правда, больше всего беспокоило Торкеля не это, а короткая заключительная фраза из отчета врача с места обнаружения трупа.

«Предварительное обследование показывает, что у покойного почти полностью отсутствует сердце». Торкель посмотрел в окно на мелькавшие за ним деревья. Кто-то изъясился сердцем. Торкель надеялся ради всех, что мальчик не увлекался тяжелым роком или не был заядлым игроком в компьютерную игру *World of Warcraft*. Иначе в прессе появятся совершенно безумные теории.

Более безумные, поправил он себя.

Ванья оторвала взгляд от собственной папки. Она явно прочла то же предложение.

— Вероятно, стоит сразу вызвать Урсалу, — сказала она, как всегда, прочитав его мысли.

Торкель кивнул.

— Адрес у нас имеется? — оглянувшись назад, спросил Билли.

Торкель дал ему адрес, и Билли быстро ввел его в *GPS*-навигатор. Торкелю не нравилось, когда Билли, сидя за рулем, занимался чем-то посторонним, но тот хотя бы снизил скорость, пока вводил место назначения. Хоть что-то.

— Осталось полчаса, — Билли снова нажал на газ, и большой фургон мгновенно отреагировал. — Возможно, сумеем добраться за двадцать минут — в зависимости от движения.

— Полчаса вполне подойдет. Мне не нравится, когда мы преодолеваем звуковой барьер.

Билли прекрасно знал мнение Торкеля о его вождении, но лишь улыбнулся шефу в зеркало заднего вида. Хорошая дорога, хорошая машина, хороший водитель. Почему бы не использовать это по максимуму?

Билли еще увеличил скорость.

Торкель достал телефон и набрал номер Урсалы.

Поезд отошел от Центрального вокзала Стокгольма в 16:07. Себастиан уселся в вагон первого класса. Когда они выезжали из города, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Раньше он непременно засыпал в поездах. Но теперь, хоть и чувствовал всем телом, что часок сна пошел бы ему на пользу, он никак не мог обрести требуемое спокойствие.

Себастиан достал, вскрыл и прочел письмо из похоронного бюро. Он заранее знал, о чем в нем говорится. Одна из бывших коллег матери позвонила ему и сообщила, что та скончалась. «Тихо и достойно», — сказала она. Тихая и достойная — такова жизнь его матери в двух словах. Ничего положительного в них не заключалось, во всяком случае, если тебя зовут Себастиан Бергман, — нет, для него жизнь являла собой борьбу с первой до последней минуты. Тихие и достойные для него не существовали. Обычно он называл их мертвыми и скучными, живущими одной ногой в могиле. Теперь его уверенность поколебалась. Как бы сложилась его жизнь, будь он тихим и достойным?

Вероятно, лучше.

Менее болезненно.

Во всяком случае, в этом его пытался убедить Стефан Хаммарстрём, психотерапевт Себастиана. Они обсуждали это в одну из последних встреч, когда Себастиан рассказал ему о смерти матери.

— Насколько опасным тебе представляется быть как все? — спросил Стефан, когда Себастиан изложил ему свое отношение к тихому и достойному.

— Безумно опасным, — ответил Себастиан. — Вероятно, смертельным.

Потом они просидели почти час, обсуждая генетическую предрасположенность человека к опасности. Данную тему Себастиан очень любил.

Он уже понял важность опасности как движущей силы, отчасти по собственной жизни, отчасти по своему исследованию, посвященному серийным убийцам. И рассказал терапевту, что для серийного убийцы истинным толчком являются две вещи: фантазия и опасность. Фантазия — это мотор, который крутится, постоянно присутствуя, хоть и вхолостую.

У большинства людей имеются фантазии — сексуальные, темные, жестокие, — постоянно выпячивающие собственное «я», постоянно уничтожающие то или тех, кто встает на пути. В фантазиях человек всемогущ. Мало кто изживает свои фантазии. Те, кому это удается, сумели найти ключ.

Опасность.

Риск, что тебя обнаружат.

Риск отважиться на запретное.

В этот миг на свободу вырываются адреналин и эндорфин. Это горючее, которое взрывается и заставляет мотор работать на пределе возможного. Поэтому любители отключаться ищут новые наркотики, а серийные убийцы становятся серийными убийцами. Трудно вернуться обратно к холостому ходу, когда ты уже запустил мотор. Почувствовал силу. Обнаружил, что побуждает тебя жить. Опасность.

— Ты действительно имеешь в виду опасность, а не напряжение? — спросил Стефан, склонившись вперед, когда Себастиан умолк.

— У нас что, урок шведского языка?

— Нет, ты читаешь лекцию. — Стефан налил из стоявшего возле него графина стакан воды и протянул Себастиану. — А тебе случалось получать за лекции деньги, вместо того чтобы самому платить за их чтение?

— Я плачу за то, чтобы ты слушал. Что бы я ни говорил. — Себастиан улыбнулся и покачал головой.

— Нет, ты знаешь, за что мне платишь. Тебе требуется помощь, а такие маленькие отступления сокращают время на разговор, который нам действительно следует вести.

Себастиан не ответил. Не пошевелил ни единым мускулом лица. Стефан ему нравился. Не какое-то там фуфло.

— Давай вернемся к твоей матери. Когда похороны?

— Они уже состоялись.

— Ты там был?

— Нет.

— Почему?

— Потому что считал, что это церемония для людей, которые ее действительно любили. Стефан несколько секунд молча рассматривал его.

— Вот видишь, нам много о чем надо поговорить.

За окнами покачивающегося вагона открывался красивый вид. Поезд проезжал через только что зазеленевшие луга и леса к северо-западу от Стокгольма. Сквозь деревья мелькнуло во всем своем блеске переливающееся красноватыми красками озеро Меларен. У любого другого пассажира, вероятно, пробуждалась мысль о возможностях жизни. Для Себастиана все было строго наоборот. В окружавшей его красоте он не видел никаких возможностей. Себастиан поднял взгляд к потолку. Всю жизнь он провел в бегах от родителей. От отца, с которым боролся начиная с юности, и от матери, тихой и достойной, но никогда не встававшей на его сторону. Никогда. Так ему казалось.

На мгновение у него на глаза навернулись слезы. Это достижение последних лет. Слезы. «Странно, — подумал он, — что человеку в моем возрасте приходится открывать такую простую вещь, как слезы».

Эмоционально.

Иррационально.

Вот уж чего ему никогда не хотелось. Он перешел к единственному средству, способному, по его мнению, заглушить чувства, — к женщинам. Еще одно нарушенное обещание. Себастиан вел порядочный образ жизни с того момента, как встретил Лили и решил хранить ей верность. Однако из-за посещавшего его по ночам изнуряющего сна и пустых, бессмысленных дней он не видел иного выхода. Краткие мгновения с разными женщинами заполняли его жизнь, а погоня за новыми победами делала свое дело — мыслям удавалось хотя бы на время выдавливать ощущение бессилия. Он функционировал как мужчина, как любовник, как хищник, постоянно охотящийся за новыми женщинами. Эту способность он пронес через все. Его это радовало и пугало. Это составляло всю его сущность. Одинокий мужчина, заполняющий время молодыми и старыми, студентками и коллегами, замужними и незамужними. Он не гнушался никем. Для него существовало лишь одно правило: она должна покориться ему. Показать, что он чего-то стоит, что он живет. Он сам понимал, насколько деструктивно его поведение, но пристрастился к нему и отбрасывал мысль о том, что однажды ему, вероятно, придется искать иной выход.

Себастиан стал осматриваться в полупустом вагоне. Его взгляд остановился на сидевшей чуть поодаль брюнетке. Около сорока, дорогая серо-голубая блузка, дорогие золотые серьги. «Не слишком жеманная», — подумал он. Она читала книгу. Отлично, читающие книги сорокалетние женщины, согласно его опыту, занимали третье место в шкале трудности. В некоторой зависимости от того, что именно они читают, но тем не менее.

Он встал и прошел несколько шагов до ее места.

— Я иду в вагон-ресторан, вы что-нибудь хотите?

Женщина с удивлением оторвалась от книги, сомневаясь, к ней ли он обращается. Встретившись с ним взглядом, поняла, что явно к ней.

— Нет, спасибо, мне ничего не надо.

Она почти демонстративно вновь погрузилась в книгу.

— Точно? Даже чашки кофе?

— Нет, спасибо.

На этот раз она даже не подняла взгляд.

— Чаю? Горячего шоколада?

Тут она оторвала взгляд от книги и посмотрела на Себастиана с некоторым раздражением. Себастиан улыбнулся почти патентованной улыбкой:

— Теперь можно получить даже вино, но, пожалуй, еще слишком рано.

Женщина не ответила.

— Вас, вероятно, удивляет, почему я спрашиваю, — продолжал Себастиан. — Я вынужден. Я чувствую, что мой долг — спасти вас от этой книги. Я ее читал. Вы еще будете меня благодарить.

Женщина подняла глаза и снова встретилась с ним взглядом. Себастиан улыбался. Женщина улыбнулась в ответ.

— Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе. Черного, без сахара.

— Будет исполнено.

Новая краткая улыбка, когда Себастиан продолжил путь по вагону. Возможно, поездка в Вестерос все-таки получится недурственной.

* * *

В отделении полиции Вестероса кипела бурная деятельность. Керстин Хансер немного нервно взглянула на часы. Надо идти. Бог свидетель, до чего же не хочется. Она могла назвать девяносто девять вещей, которыми занялась бы охотнее, чем поездкой в морг и встречей с Леной Эрикссон. Но деваться некуда. И пусть они были на сто процентов уверены в том, что найденный мальчик действительно Рогер Эрикссон, мать хотела увидеть его собственными глазами. Хансер пыталась отговорить ее, но Лена Эрикссон стояла на своем: она хочет увидеть сына. Они собирались отправиться в морг прямо с утра, но мать дважды откладывала визит. Почему, Хансер не знала, да ее это и не волновало. Больше всего ей хотелось, чтобы визит вообще не состоялся, во всяком случае с ее участием. Эту часть работы она откровенно не любила, и, по правде говоря, она не слишком хорошо ей удавалась. Хансер старалась при любой возможности избегать подобных ситуаций, но все,

похоже, предполагали, что она должна справляться с ними лучше других только потому, что она женщина. Ей якобы проще находить нужные слова, и ее присутствие приносит скорбящим родственникам известное облегчение исключительно в силу ее пола. Хансер считала это полной ерундой. Она никогда не знала, что говорить. Могла выразить глубокое сочувствие, возможно, обнять, подставить плечо для рыданий, дать номер телефона, по которому можно с кем-нибудь поговорить, неоднократно заверить в том, что полиция приложит все усилия для поимки того, кто причинил им столько страданий. На это она, разумеется, была способна, но речь, как правило, шла лишь о том, чтобы постоять рядом. А с этим мог справиться кто угодно.

Она даже не могла припомнить, кто ходил с ними от полиции, когда они с мужем опознавали Никласа. Там был какой-то мужчина. Просто стоял рядом.

Вообще-то она могла послать кого-нибудь другого. Наверняка так бы и поступила, если бы расследование изначально шло иным образом. Теперь же рисковать было нельзя. Их повсюду преследовала пресса. Об отсутствии сердца журналисты явно уже знали — и, конечно, скоро узнают о том, что полиция начала искать мальчика только через трое суток после исчезновения. А также про психологическую травму, нанесенную в лесу малолетним скаутам, и «тяжелый вывих» Харальдссона. С настоящего момента расследование пойдет безупречно. Она за этим проследит. Будет сотрудничать с лучшими силами и быстро покончит с этим жутким делом. Таков был ее план.

Зазвонил телефон.

Звонили из приемной дежурного.

Ее разыскивает Государственная комиссия по расследованию убийств. Хансер бросила взгляд на настенные часы. Быстро доехали. Все сразу. Она чувствовала, что необходимо с ними хотя бы поздороваться. Лене Эрикссон придется несколько минут подождать, ничего не поделаешь. Хансер поправила блузку, распрямила плечи и вышла на лестницу, ведущую ко входу в здание. Она остановилась возле запертой двери, отделявшей приемную от внутренних помещений отделения. Через красивое узорчатое стекло она увидела Торкеля Хёглунда, спокойно расхаживающего с руками за спиной. На зеленом диване у выходящего на улицу окна сидели мужчина и женщина. Оба моложе Хансер. «Коллеги Торкеля», — подумала она, нажимая на кнопку и открывая дверь. Торкель обернулся на щелчок замка и улыбнулся, увидев Хансер.

Внезапно она слегка засомневалась. Как правильно поступить? Объятия или коллегиальное рукопожатие? Они несколько раз встречались на курсах, несколько раз вместе обедали, виделись в коридорах. Торкель разрешил ее сомнения: пошел ей навстречу и по-дружески обнял. Потом обернулся к вставшим с дивана коллегам и представил их. Керстин Хансер поздоровалась.

— К сожалению, я немного спешу, мне надо к судмедэкспертам.

— Мальчик?

— Да.

Хансер обратилась к дежурному:

— Харальдссон?

— Должен спустаться. Я позвонил ему сразу после разговора с вами.

Хансер кивнула. Вновь бросила взгляд на часы. Слишком сильно опаздывать нельзя. Она быстро посмотрела на Ванью и Билли, но заговорила, обращаясь к Торкелю:

— До настоящего момента расследование вел Харальдссон.

— Да, я видел его имя в полученном нами материале. Хансер испуганно вздрогнула. Неужели в голосе Торкеля прозвучала некоторая снисходительность? По лицу, правда, этого не скажешь.

Где Харальдссона носит на этот раз? Хансер уже собралась достать мобильный телефон, но тут щелкнул замок двери, через которую она сама вышла несколькими минутами раньше, и в приемную, сильно хромая, вошел Харальдссон. Двигался он вызывающе медленно, но в конце концов все-таки подошел и поздоровался с вновь прибывшими.

— Что у вас с ногой? — Торкель многозначительно кивнул на правую ногу Харальдссона.

— Вывихнул во время прочесывания леса, когда мы искали парня. Поэтому меня не оказалось на месте, когда его нашли. — Последнюю фразу он обратил к Хансер, бросив на начальницу быстрый взгляд.

Она не верит ему, это он знал. Значит, в ближайшее время надо не забывать хромоть. Ведь не станет же она звонить в больницу? А если позвонит, ей все равно не сообщат, был он там или нет. Это ведь должно подпадать под какой-то пункт о неприкосновенности пациентов? Работодатели же не имеют права смотреть карточки своих сотрудников? Или все-таки имеют? Придется справиться в профсоюзе. Харальдссон настолько погрузился в собственные размышления, что на мгновение прекратил слушать начальницу. Тут он заметил, что она смотрит на него с самым серьезным видом.

— Торкель с командой забирают расследование в свои руки.

— У тебя? — Харальдссон откровенно изумился.

Этого он никак не ожидал. Жизнь сразу показалась ему светлее. Это ведь группа настоящих полицейских, таких же как он. Естественно, они больше оценят его работу, чем привыкший сидеть за столом юрист, каковым является его шеф.

— Нет, главная ответственность по-прежнему останется на мне, но руководить оперативной частью расследования с настоящего момента станет комиссия из Государственной уголовной полиции.

— Вместе со мной?

Хансер вздохнула про себя, моля Бога о том, чтобы Вестерос не захлестнула волна преступлений. Иначе у них не будет ни малейшего шанса справиться.

Ванья бросила веселый взгляд на Билли. Торкель слушал беседу с непроницаемым видом. Хуже всего начинать сотрудничество с унижения местной полицейской власти или приуменьшения ее роли. Торкель никогда не любил подчеркивать свое превосходство. Существуют лучшие способы добиваться от всех максимума.

— Нет, они будут полностью отвечать за расследование. У тебя это задание забирают.

— Но нам, разумеется, больше всего хотелось бы работать в тесном сотрудничестве, — вмешался в разговор Торкель, серьезно глядя на Харальдссона. — Вы обладаете уникальными знаниями по этому делу, которые могут оказаться решающими для достижения успеха.

Ванья посмотрела на Торкеля с восхищением. Сама она уже поместила Харальдссона в папку БС — Безнадежный Случай; следовало дать ему изложить свою версию дела, а затем отстранить от расследования как можно дальше.

— Значит, я буду работать вместе с вами?

— Вы будете работать поблизости от нас.

— Насколько близко?

— Посмотрим. Пожалуй, начнем с того, что вы проинформируете нас обо всем, что произошло до настоящего момента, и мы сразу приступим к делу. — Торкель положил руку на плечо Харальдссона и осторожно повел того к двери.

— Увидимся позже, — бросил он через плечо Хансер.

Билли пошел к дивану, чтобы забрать вещи, а Ванья осталась стоять на месте. Она была готова поклясться, что бывший руководитель расследования прошел первые шаги вместе с Торкелем не хромая.

* * *

Лена Эрикссон сидела в маленьком зале ожидания, засовывая в рот еще один смягчающий горло леденец. Коробочку с леденцами она стащила на работе. Вчера. Они лежали на полке возле кассы. Эвкалипт. Не самый ее любимый сорт, но она просто взяла ближайшую коробочку, когда они закрывали магазин, и сунула в карман, толком не посмотрев.

Вчера.

Когда она еще пребывала в уверенности, что ее сын жив. Слепо поверив разговаривавшему с ней полицейскому, который сказал, что все указывает на то, что Рогер отправился куда-то по собственному желанию. Возможно, в Стокгольм. Или в какое-то другое место. Маленькое приключение подростка.

Вчера.

Не просто другой день, а совершенно иной мир. Когда была жива надежда.

Сегодня ее сын исчез навсегда.

Убит.

Найден в болоте.

Без сердца.

Получив известие о смерти, Лена целый день не покидала квартиры. Ей следовало встретиться с полицейскими с утра, но она позвонила и отложила встречу. Дважды. Не могла встать. Какое-то время она боялась, что вообще больше не сумеет подняться на ноги. Поэтому сидела в кресле. В гостиной, где они проводили все меньше времени вместе, она и сын. Лена пыталась припомнить, когда они в последний раз сидели тут вместе.

Смотрели фильм.

Ели.

Разговаривали.

Жили.

Она не помнила. Вероятно, сразу после того, как Рогер пошел в эту чертову школу, предположила она. Проведя всего несколько недель с тамошними юными снобами, он изменился. В последний год они жили более или менее порознь.

Ей непрерывно звонили из вечерних газет, но она не хотела ни с кем разговаривать. Пока. Под конец она сняла трубку со стационарного телефона и отключила мобильник. Тогда они приехали к ней домой, кричали в дверную щель для почты, бросали записки на коврик в прихожей. Но она так и не открыла. Не встала с кресла.

Ее сильно мутило. Кофе из автомата, который она выпила, добравшись домой, застрял в

горле. Ела ли она что-нибудь со вчерашнего дня? Вероятно, нет. Но пила. Спиртное. Обычно она не выпивала. В больших количествах. Проявляла во всем умеренность, во что с трудом верилось встречавшим ее людям. Осветленные домашними средствами волосы с темными корнями. Лишний вес. Отслаивающийся лак на ногтях пухлых, украшенных кольцами пальцев. Пирсинг. Пристрастие к трикотажным брюкам и свободным футболкам. Большинство людей быстро создавали себе впечатление о Лене при первой же встрече. Значительная часть их предубеждений вообще-то подтверждалась. Хроническая нехватка денег. В восьмом классе бросила школу. Забеременела, когда ей было семнадцать.

Мать-одиночка.

Низкооплачиваемая работа.

Но злоупотребление алкоголем — нет, никогда.

Однако сегодня она выпила. Чтобы заглушить тоненький голос, напомнивший о себе откуда-то из задней части головы, как только она получила известие о смерти, и усилившийся в течение дня. Голос, не желавший исчезать.

У Лены разболелась голова. Ей явно требовался свежий воздух. И сигарета. Она встала со стула, подняла с пола сумку и пошла к выходу. Ее сношенные каблуки одиноко и гулко застучали по каменному полу. Почти достигнув цели, она увидела, как в крутящуюся дверь поспешно вошла одетая в костюм женщина лет сорока пяти. Женщина решительным шагом направилась к ней.

— Лена Эрикссон? Я Керстин Хансер, полиция Вестероса. Извините, что опоздала.

В лифте они ехали молча. На подвальном этаже Хансер открыла дверь, пропустив Лену вперед. Потом они продолжили путь по коридору, пока им навстречу не вышел лысый мужчина в очках и белом халате. Он провел их в небольшое помещение, где в освещении лампы дневного света одиноко стояли носилки-каталка. Под белой простыней четко проступали контуры тела. Хансер с Леной приблизились к носилкам, а лысый мужчина спокойно обошел и встал с другой стороны. Он встретился с Хансер взглядом, та коротко кивнула. Тогда он аккуратно отогнул простыню, обнажив лицо и шею Рогера Эрикссона до ключиц. Лена спокойно смотрела на носилки, а Хансер почтительно отступила на шаг назад. Она не услышала от стоявшей рядом женщины ни резкого вдоха, ни сдавленного крика, ни всхлипывания. Не увидела инстинктивно поднятой ко рту руки. Ничего.

Хансер удивилась, еще когда они встретились в зале ожидания. Лицо Лены не было красным и опухшим от слез. Она не казалась убитой горем или из последних сил собравшейся, скорее, была почти спокойной. Впрочем, Хансер ощутила в лифте приглушенный таблетками запах алкоголя и догадалась, что это и является причиной столь малого душевного волнения. Это — и шок.

Лена стояла неподвижно и смотрела на сына. Чего она ожидала? В общем-то ничего. Она даже не решалась подумать о том, как он будет выглядеть. Не могла представить себе своих чувств, когда окажется там. Что должно было сделать с ним время, проведенное в воде? Он немного опух, это точно. Будто у него аллергическая реакция. А в остальном ей показалось, что он выглядит как обычно. Темные волосы, светлая кожа, выделяющиеся черные брови, намек на усы на верхней губе. Закрытые глаза. Безжизненный, разумеется.

— Я думала, будет выглядеть так, будто он спит.

Хансер молчала. Лена повернула к ней голову, словно желая получить подтверждение

тому, что не ошибается.

— Но так не выглядит.

— Да.

— Я столько раз видела его спящим. Особенно когда он был маленьким. Я имею в виду, он неподвижен. Прикрыл глаза, но...

Лена не закончила фразу. Она протянула руку и дотронулась до Рогера. Холодный. Мертвый. Она задержала руку на его щеке.

— Я потеряла сына, когда ему было четырнадцать.

Не отрывая руки от щеки мальчика, Лена слегка повернула голову в сторону Хансер.

— Неужели?

— Да...

Снова молчание. Почему она это сказала? Хансер никогда прежде не рассказывала этого никому в подобной ситуации. Но в стоящей возле носилок женщине было нечто особенное. У Хансер возникло ощущение, будто та не позволяет себе горевать. Не может. Или даже не хочет. Она сказала об этом с целью утешить. Протянуть руку, чтобы показать, что понимает, через что Лене придется пройти.

— Его тоже убили?

— Нет.

Внезапно Хансер почувствовала себя дурой. Будто ее комментарий замыслился как сравнение страданий. «Я ведь тоже кое-кого потеряла, вот так». Но Лена, казалось, уже перестала об этом думать. Она повернулась и вновь стала смотреть на своего единственного сына.

Как много лет он был ее единственной гордостью.

Или как много лет он был для нее всем.

Точка.

Это твоя вина? — начал спрашивать голосок в голове. Лена убрала руку и отступила на шаг. Головная боль сделалась невыносимой.

— Я, пожалуй, лучше пойду.

Хансер кивнула. Лысый мужчина вернул простыню на место, а женщины направились к двери. Лена начала вытаскивать из сумки пачку сигарет.

— Вам есть кому позвонить? Вам, наверное, не стоит оставаться одной?

— Но ведь так и есть. Теперь я одна.

Лена покинула комнату.

Хансер осталась стоять на месте.

Все как она и предполагала.

Конференц-зал в отделении полиции Вестероса был совсем недавно переоборудован. Мебель из светлой березы завезли всего несколько недель назад. Восемь стульев вокруг овального стола. Три стены покрывали новые обои расслабляющего, пастельного зеленого оттенка, а четвертая стена представляла собой комбинацию из белой доски и экрана. В углу возле двери стояло новое оборудование, соединенное с проектором на потолке. В центре овального стола находилась панель, управлявшая всем в комнате. Едва ступив на серое ковровое покрытие, Торкель решил, что здесь и будет штаб его команды.

Сейчас он собрал все лежавшие перед ним на лакированном столе бумаги и допил остатки минеральной воды. Разбор проведенной к нынешнему моменту работы по

расследованию убийства прошел приблизительно так, как он и ожидал. Доклад Харальдссона, собственно, принес неожиданности только в двух случаях.

В первый раз — при разборе хронологии расследования.

— Что вы делали в воскресенье? — спросила Ванья, оторвавшись от бумаг.

— Полиция взялась за дело всерьез, но ничего не достигла.

Ответ прозвучал быстро. Заученно быстро. Лживо быстро. Торкель отметил это, понимая, что Ванья тоже не упустила этого из виду. Она являла собой максимальное из известных Торкелю приближение к человеческому детектору лжи. Он с некоторым ожиданием во взгляде наблюдал за тем, как она, пристально посмотрев на Харальдссона, вновь погрузилась в бумаги. Харальдссон расслабился. Они, конечно, находятся по одну сторону, но коллегам незачем знать о том, что на начальной стадии были допущены кое-какие ошибки. Сейчас надо смотреть вперед. Поэтому он немного рассердился — и слегка заволновался, — когда Ванья снова помахала карандашом. Билли улыбнулся — он тоже заметил, что Ванья уловила в тоне Харальдссона фальшь. Она так просто не отступится. Никогда не отступается. Билли откинулся на спинку удобного стула и скрестил руки на груди. Это может получиться забавно.

— Когда ты говоришь «взялась за дело», — продолжила Ванья еще более строго, — что ты имеешь в виду? Я не нахожу никаких допросов ни матери, ни кого-либо другого, никаких результатов обхода соседей, никакого временного графика пятницы. — Она посмотрела на Харальдссона в упор. — Так чем же именно вы занимались?

Харальдссон заерзал на стуле. Черт подери, теперь ему еще приходится отвечать за чужие ошибки. Он откашлялся.

— Я в те выходные не работал и получил расследование только в понедельник.

— И что же происходило в воскресенье?

Харальдссон посмотрел на сидящих в комнате двоих мужчин, словно ища поддержки своей позиции, что оглядываться назад совсем не обязательно. Но не получил ее. Оба смотрели на него выжидающе. Харальдссон снова откашлялся.

— Насколько я понял, полицейские в форме выезжали к матери.

— И что сделали?

— Взяли сведения об исчезновении мальчика.

— Какие сведения? Где они значатся?

Ванья не сводила с него взгляда. Харальдссон понял, что они не сдвинутся с места, пока не узнают обо всем случившемся. Поэтому он рассказал. Правду. После чего в комнате воцарилась тишина некоего нового рода. Харальдссон, во всяком случае, истолковал ее как тишину, возникающую, когда группе людей требуется переварить, возможно, самую большую нелепость из тех, что им доводилось слышать.

— Значит, единственное, что было сделано в воскресенье, — написание еще одного заявления о том же самом исчезновении? — в конце концов нарушил молчание Билли.

— В принципе да.

— О'кей, мальчик исчезает в пятницу в 22:00. Когда вы начали всерьез искать?

— В понедельник. После обеда. Когда заявление попало ко мне. Вернее, искать мы тогда еще не начали, но стали опрашивать его подружку, в школе, других свидетелей...

В комнате вновь воцарилась тишина. Судя по опыту, мальчик к тому времени, скорее всего, был уже мертв, а если нет, если его где-то держали в плену? Трое суток. Господи! Торкель склонился вперед и посмотрел на Харальдссона с неподдельным любопытством.

— Почему вы не сказали этого, когда мы спрашивали о том, что происходило в воскресенье?

— Признавать ошибки всегда не слишком приятно.

— Но ведь это была не ваша ошибка. Вы получили расследование только в понедельник. Единственная ваша ошибка заключается в том, что вы солгали нам. Мы представляем собой команду и не можем допускать нечестности по отношению друг к другу.

Харальдссон кивнул. Он внезапно почувствовал себя семилетним мальчиком, оказавшимся у директора за то, что натворил глупостей на школьном дворе.

В оставшейся части доклада он рассказал все (за исключением обеденного секса с Пенни и симуляции посещения больницы), и в результате они закончили обсуждение только в начале десятого вечера.

Торкель поблагодарил его, Билли вытянулся на стуле и зевнул, а Ванья начала укладывать в сумку свои бумаги, когда возникла вторая за вечер неожиданность.

— Еще одно. — Харальдссон выдержал маленькую эффектную паузу. — Мы не нашли куртки и часов мальчика.

Торкель, Ванья и Билли распрямили спины: это их заинтересовало. Харальдссон увидел, что Ванья начала поспешно вытаскивать из сумки папку.

— Я не включил этого в отчет — никогда не знаешь, кто его прочтет и куда попадут такие сведения.

Ванья мысленно кивнула. Умно, такие детали ни в коем случае не должны просачиваться в прессу. Они дорогого стоят при допросах. Возможно, Харальдссон не совсем безнадёжен, хоть многое на это и указывает.

— Значит, его ограбили? — поинтересовался Билли.

— Не думаю. При нем остался бумажник почти с тремя сотнями крон. И в кармане брюк мобильный телефон.

Все члены группы восприняли данный факт следующим образом: кто-то, вероятно убийца, взял у жертвы избранные предметы. Это что-то означало. Это и исчезнувшее сердце.

— Куртка была фирмы «Дизель», — продолжил Харальдссон. — Зеленая. У меня на письменном столе есть фотография этой модели. Часы были, — Харальдссон сверился с записями, — «Тонино Ламборджини Пилот». У меня опять-таки имеются снимки.

Потом Торкель остался сидеть в лишенной окон комнате в одиночестве, пытаясь придумать повод, чтобы не ехать в гостиницу. Может, начать выстраивать на белой доске временной график? Повесить карту? Фотографии? Снова просмотреть сведения Харальдссона? Впрочем, Билли сделает все это гораздо быстрее и лучше завтра рано утром, вероятно, еще до того, как в отделении появится кто-нибудь из сотрудников.

Конечно, можно пойти поесть. Но он не особенно голоден, не настолько, чтобы сидеть одному в ресторане. Разумеется, он мог попросить Ванью составить ему компанию, но она наверняка собирается посвятить вечер изучению дела у себя в номере. Очень амбициозная и дотошная Ванья. Она бы, вероятно, не отказалась, предложи он ей вместе поужинать, но хотелось-то ей совсем другого, и она бы весь вечер немного нервничала, поэтому Торкель отбросил эту мысль.

А Билли? Торкель считал Билли человеком разносторонним, благодаря знанию техники и компьютера являвшимся неоценимой частью команды, но Торкель не мог припомнить, чтобы они хоть раз ужинали вместе, только вдвоем. Беседа с Билли была лишена легкости.

Билли обожал ночевать в гостинице. Он не пропускал ни одной телевизионной передачи, которая шла по какому-нибудь каналу между 22:00 и 2:00, и с удовольствием их обсуждал. Телевидение, фильмы, музыку, игры, компьютеры, новые телефоны, прочитанные им в Сети иностранные журналы. С Билли Торкель ощущал себя старым, как динозавр.

Он вздохнул про себя. Придется ограничиться прогулкой и бутербродом с пивом в номере в обществе телевизора. Он утешался тем, что завтра придет Урсула. Тогда у него будет компания для ужина.

Торкель выключил свет и покинул конференц-зал. «Как всегда, последний», — думал он, проходя через пустое здание. Неудивительно, что у его жен кончалось терпение.

~ ~ ~

Когда Себастиан расплатился за такси и вылез из машины, было уже темно. Шофер тоже вышел, открыл багажник, вынул сумку Себастиана и пожелал ему приятного вечера. Приятный вечер в родительском доме? «Ну, все когда-то бывает впервые», — подумал Себастиан. А тот факт, что оба родителя уже умерли, несомненно, значительно увеличивал шансы.

Себастиан перешел улицу, развернувшееся на съезде к дому соседей такси проехало у него за спиной. Он остановился возле низкого белого деревянного забора, который нуждался в покраске, и отметил, что никто явно не отказался от почты и газет. Неужели после кончины человека как-то централизованно не рассылается извещение о смерти, которое бы приостанавливало все? Очевидно, нет. Почтовый ящик был переполнен.

Прибыв в Вестерос несколькими часами раньше, Себастиан поехал в похоронное бюро и забрал ключ от дома. Когда он отказался заниматься похоронами, все, очевидно, организовала одна из старых подруг матери. Верит Хольмберг. Себастиан не мог припомнить, чтобы раньше слышал ее имя. В похоронном бюро ему предложили посмотреть что-то вроде альбома с церемонии, которая явно прошла очень красиво и торжественно, с большим количеством народу. Себастиан отказался.

Потом он отправился в ресторан. Хорошо и обстоятельно поел. Еще посидел, почитал книгу. Выпил кофе. Повертел в руках визитную карточку, полученную в поезде от читавшей женщины, но решил подождать. Он позвонит ей завтра или послезавтра. Заинтересованно, но не слишком — эта модель всегда срабатывала лучше всего. Он прогулялся по городу. Обдумывал, не пойти ли в кино, но не пошел. В репертуаре его ничего не привлекло. Под конец он уже больше не мог откладывать свое истинное дело и взял такси.

И теперь он стоял на улице, глядя на дом, который покинул через день после своего девятнадцатилетия. По обе стороны от мощенной камнем дорожки располагались ухоженные клумбы. Сейчас их в основном заполняли низкие благоухающие хвойные растения, но скоро должны зацвести многолетние цветы. Мать очень любила свой сад и нежно о нем заботилась. Позади дома имелись фруктовые деревья и огород. Мощеная дорожка заканчивалась двухэтажной виллой. Они переехали сюда, когда Себастиану было десять лет. Дом тогда только что построили. Даже в слабом свете уличного фонаря Себастиан видел, что дом действительно нуждается в тщательном осмотре. От фасада отвалилась штукатурка, краска вокруг окон шелушилась, а крыша в двух местах выглядела чуть темнее, чем везде. По всей видимости, отвалились черепицы. Себастиан преодолел чисто физическое нежелание заходить в дом и сделал несколько оставшихся шагов к входной двери.

Он отпер дверь и вошел в холл. Духота. Спертый воздух. Себастиан бросил сумку на пол. Остановился в арке, ведущей в остальную часть дома. При входе стоял столовый гарнитур, а подальше направо простиралась гостиная. Себастиан отметил, что одну стену снесли и первый этаж имеет теперь так называемую открытую планировку. Он прошел дальше, узнавая лишь малую часть мебели. Дедушкин комод и несколько картин на стенах были ему знакомы, но обои за ними оказались для него совершенно новыми. Равно как и паркет. Сколько же времени он здесь не был? Себастиан отказывался думать о вилле как о «своем доме». Переезд состоялся в девятнадцать лет, но после этого он приезжал в гости.

Питал тщеславную иллюзию, что сможет снова общаться с родителями, раз уж теперь они все взрослые люди. Но не получилось. Он помнил, что приезжал к ним через неделю после того, как ему исполнилось двадцать пять. Это был последний раз? Скоро тридцать лет тому назад. Неудивительно, что он ничего не узнает.

В центре короткой стены гостиной имелась закрытая дверь. Когда Себастиан здесь жил, там находилась комната для гостей — редко используемая. У родителей, правда, было довольно много знакомых, но почти исключительно местных. Он открыл дверь. Одну из стен покрывали книжные полки, а на месте кровати теперь стоял письменный стол. С пишущей машинкой и калькулятором. Себастиан опять закрыл дверь. Весь дом, вероятно, заполнен аналогичным дерьмом. Что ему со всем этим делать?

Он вышел на кухню. Новое кухонное оборудование, новый стол, но тот же старый накладной пол из пластика. Себастиан открыл дверцу холодильника. Заполнен. Испорченными продуктами. Он взял с дверцы один из пакетов молока. Открыл. Лучше употребить до 8 марта. Международный женский день. Прекрасно понимая, что его ожидает, Себастиан сунул нос в надорванное отверстие. Скорчив гримасу, поставил пакет обратно на дверцу и взял банку легкого пива, лежавшую рядом с мешочком, вероятно, когда-то содержавшим сыр, но теперь походившим на успешный исследовательский проект в лаборатории плесени.

Открывая одной рукой пиво, Себастиан вернулся в гостиную. По пути зажег верхний свет. Лампы располагались под самым карнизом, были направлены вверх и шли вокруг всей комнаты, озаряя ее равномерным и приятным светом. Сделано со вкусом, почти в современном духе. Себастиан поймал себя на том, что, сам того не желая, восхитился.

Он опустился в одно из кресел и не снимая ботинок закинул ноги на низкий журнальный столик. Потом выпил глоток из банки и откинул голову на спинку кресла. Стал вслушиваться в тишину. Полная тишина. Не слышно даже транспорта. Дом располагался почти в самом конце тупика, и до ближайшей крупной дороги было много сотен метров. Взгляд Себастиана упал на пианино. Он выпил еще глоток, поставил банку на столик, встал и подошел к сверкающему черному инструменту.

Себастиан рассеянно нажал на одну из белых клавиш. Тишину нарушила глухая, немного фальшивая нота ля.

Играть на пианино он начал, когда ему было шесть лет. Закончил в девять, когда после урока, на котором Себастиан в принципе отказался притрагиваться к клавишам, учительница музыки отвела отца в сторону и сказала ему, что это пустая трата ее времени и его денег — приглашать ее раз в неделю к явно незаинтересованному и, в чем она совершенно уверена, абсолютно лишенному каких бы то ни было музыкальных способностей ученику. Последнее заявление не соответствовало действительности. Музыкальный слух у Себастиана присутствовал, и играть он отказывался не в знак протеста против распоряжений отца — это пришло на много лет позже. Просто занятия казались ему невероятно скучными. Бессмысленными. Он не мог заниматься чем-то, что его совершенно не интересовало. Ни тогда.

Ни потом.

Ни теперь. В свое время он мог тратить бесконечно много времени и энергии на то, что его интересовало и увлекало, а в противном случае...

Перетерпеть и выдержать — такие понятия были Себастиану Бергману незнакомы.

Он медленно наклонился вперед и стал разглядывать стоявшие на пианино фотографии.

Свадебная фотография родителей в центре, по бокам снимки родителей отца и матери. Снимок, сделанный, когда Себастиан окончил гимназию, и еще один, когда он в восемь или девять лет позировал перед футбольными воротами, одетый в форму команды. Нога на мяче. Серьезный, победный взгляд в камеру. Рядом фотография родителей на фоне туристского автобуса. Из какой-то поездки по Европе. Матери на этой фотографии на вид лет шестьдесят пять. Значит, двадцать лет назад. Хотя снимки были явно отобраны самым тщательным образом, Себастиана поразило то, как мало он знает о жизни родителей после того, как покинул их. Не знает даже, от чего умерла мать.

Тут взгляд Себастиана упал на фотографию, стоявшую позади остальных. Он поднял ее. Это оказалась третья фотография его самого. Он сидит на новом мопеде у въезда в гараж. 1973-й год. Мать очень любила этот снимок. У Себастиана имелась теория, согласно которой фотография так нравилась ей потому, что являлась одной из немногих, если не единственной, где он в подростковом возрасте выглядит абсолютно счастливым. Однако его внимание привлек не собственный снимок на мопеде, а засунутая под рамочку газетная вырезка. На ней оказалась фотография Лили в белой больничной одежде со спящим младенцем на руках. Под снимком было написано Eine Tochter^[4] и дата — и августа 2000 года. А чуть пониже — их с Лили имена. Себастиан вытащил вырезку из рамки и стал осторожно рассматривать.

Он вспомнил, как делал эту фотографию, и внезапно ему показалось, что он ощущает больничный запах и слышит издаваемые ими обеими звуки. Лили улыбалась ему. Сабина спала.

— Где, черт возьми, ты ее раздобыла?

Себастиан застыл с вырезкой в руке. К этому он оказался совершенно не готов. Он никак не ожидал обнаружить в этом доме что-либо напоминавшее о них. А теперь он держал в руках их фотографию. Им здесь не место. Они принадлежат к другому миру. Два его мира, два его ада. С ними достаточно трудно разбираться по отдельности, но вместе... Они не должны иметь ничего общего. Сам того не сознавая, он раз за разом крепко сжимал правую руку. Черт бы ее побрал! Мать достает его, даже будучи мертвой! Себастиан почувствовал, что задышал тяжелее. Черт бы ее побрал! Черт бы побрал весь этот дом! Что ему делать со всем этим ДЕРЬМОМ?!

Себастиан аккуратно сложил газетную вырезку, осторожно положил ее во внутренний карман и быстро пошел на кухню. Открыл дверь чулана — телефонный каталог действительно лежал на той же полке, что и всегда. Себастиан взял его с собой, сел в кресло и открыл в «Желтых страницах» агентства по продаже недвижимости. Начал с буквы А. Естественно, никто не ответил. В первых трех компаниях его проинформировали о времени работы офиса и пригласили перезвонить, но текст на автоответчике четвертой заканчивался словами: «Вы можете оставить сообщение после короткого сигнала, и мы вам перезвоним».

Себастиан дождался сигнала.

— Меня зовут Себастиан Бергман. Я хочу продать дом вместе с содержимым. Не знаю, как это делается, но хочу покончить с этим быстро, чтобы я мог покинуть этот проклятый город как можно скорее. На деньги мне наплевать, так что можете брать себе любой процент, главное, чтобы все было сделано быстро. Если вас это интересует, звоните.

Себастиан указал свой мобильный номер и положил трубку. Снова откинулся на кресле. Внезапно навалилась страшная усталость. Он закрыл глаза и в тишине мог слышать биение собственного сердца. По крайней мере, ему так казалось.

Слишком тихо.

Одиноко.

Он поднес руку к нагрудному карману рубашки, где лежала визитка женщины из поезда. Который час? Слишком поздно. Если позвонить сейчас, можно с таким же успехом начать разговор с вопроса: «Не потрахаться ли нам?» С ней это не пройдет — он знал. Он только потеряет наработанное, и придется начинать с минуса. Она его не настолько интересуется. Он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух. Снова. С каждым разом он чувствовал, как усталость все больше одолевает его. Никому звонить он не станет. И ничего делать не будет.

Ему хочется спать.

Он будет спать.

Пока сон не разбудит его.

Торкель завтракал в ресторане гостиницы. Билли уже уехал в отделение, чтобы оборудовать им помещение, а Ванью он еще не видел. Начинался серый, туманный, уже почти летний день, за окном жители Вестероса спешили на работу. Торкель стал просматривать утренние газеты. Центральные и местные. Все писали об убийстве. Центральные газеты писали немного, в основном дополняли сведения. Помимо прибытия Госкомиссии единственной новостью оказалось то, что, согласно близкому полиции источнику, речь может идти о ритуальном убийстве, поскольку у жертвы отсутствует сердце. Торкель вздохнул. Если утренние газеты обсуждают ритуальное убийство, до чего же дойдет вечерняя пресса? Сатанизм? Воровство органов? Канныбализм? Возможно, найдут какого-нибудь немецкого «эксперта», который расскажет читателям, что отнюдь не исключено, будто некий сумасшедший с определенными навязчивыми идеями мог съесть сердце другого человека с целью заполучить часть его силы. Затем сошлутся на индейцев-инков или какое-нибудь другое давно вымершее племя, которое вызывает у народа ассоциации с человеческими жертвами. И рядом интернет-опрос:

Можете ли вы представить, что съедаете другого человека?

Да, мы являемся животными, как и все остальные.

Да, но только если бы речь шла о собственном выживании.

Нет, лучше умереть самому.

Торкель покачал головой. Надо следить за собой. Он начинает превращаться в то, что Билли называет ЗС, — в Скучного Сварливого Старика. Хотя он целыми днями и вращался в обществе молодых людей, он чувствовал, что все чаще скатывается к мышлению, которое можно истолковать лишь так, будто он считает, что раньше было лучше. Ничего раньше лучше не было. За исключением его личной жизни, но она едва ли оказывала воздействие на остальной мир. Надо приноравливаться к ситуации. Торкелю совсем не хотелось превращаться в одного из тех усталых старых полицейских, что цинично жалуются на время, в котором живут, все глубже проваливаясь в свои кресла со стаканом виски в руке и музыкой Пуччини в стереонаушниках. Значит, надо брать себя в руки. В мобильном телефоне зажужжало — эсэмэс от Урсулы. Он нажал на «показать». Она прибыла и поехала прямо к месту обнаружения трупа. Не могут ли они встретиться там? Торкель допил кофе.

* * *

Урсула Андерссон стояла на краю маленького озерца. В вязаном шерстяном свитере, заправленном в темно-зеленые прорезиненные брюки, доходившие ей до груди, она больше походила на рыбака или человека, собиравшегося очищать берег от разлившейся нефти, чем на одного из самых прозорливых полицейских страны.

— Добро пожаловать в Вестерос.

Урсула обернулась и увидела, как Торкель кивнул Харальдссону и нырнул под заградительную ленту, шедшую вокруг большей части болота.

— Красивые брюки.

Урсула улыбнулась ему:

— Спасибо.

— Ты уже туда залезала? — Торкель многозначительно кивнул на озеро.

— Измерила глубину и взяла несколько проб воды. А где остальные?

— Билли готовит для нас помещение в отделении, а Ванья собиралась поехать поговорить с подругой парня. По нашим сведениям, она последней видела его в живых. — Торкель подошел и остановился на краю озера. — Как у тебя идут дела?

— О следах ног нечего и думать. Тут прошла целая куча народу. Ребята, которые нашли парня, полицейские, персонал скорой помощи и просто гулявшие прохожие.

Урсула присела на корточки и указала на бесформенную ямку в глинистой почве. Торкель присел рядом с ней.

— К тому же следы глубоко вдавлены. Слишком глинистая и сырая почва. — Урсула обвела рукой вокруг. — Неделью назад было наверняка еще более мокро. Большая часть низины находилась под водой. — Она поднялась, бросила через плечо взгляд в сторону Харальдссона и наклонилась поближе к Торкелю.

— Как зовут того парня? — Она кивнула в сторону Харальдссона, и Торкель обернулся через плечо, хотя прекрасно знал, кого Урсула имеет в виду.

— Харальдссон. Он руководил расследованием до нашего приезда.

— Знаю. По пути сюда он повторил это по меньшей мере три раза. Как он тебе?

— Ему необходимо поработать над первым впечатлением, но он, пожалуй... о'кей.

— Можешь подойти на минутку? — обратилась Урсула к Харальдссону.

Харальдссон подлез под заграждение и, хромя, подошел к Урсуле и Торкелю.

— Вы обследовали дно? — поинтересовалась Урсула. Харальдссон кивнул:

— Дважды. Ничего.

Урсула кивнула сама себе. Она и не ожидала, что здесь найдут орудие убийства. Урсула вновь окинула взглядом окрестности. Все верно.

— Расскажи, — попросил Торкель, по опыту знавший, что Урсула, вероятно, видит здесь гораздо больше, чем просто простиравшуюся перед ним мокрую лесную низину.

— Умер он не здесь. Согласно предварительному протоколу вскрытия, ножевые удары были настолько глубокими, что на коже остались следы от рукоятки ножа. Это указывает на то, что жертва лежала на чем-то твердом и жестком. — Урсула показала рукой себе на ноги. — Если мы предположим, что в прошлые выходные тут было еще более сыро и глинисто, то вогнать нож по рукоятку почти невозможно. Во всяком случае, в мягкие области.

Торкель посмотрел на нее с восхищением. Хоть они и проработали вместе уже много лет, ее знания и аналитические способности по-прежнему производили на него сильное впечатление. Он возблагодарил свою счастливую звезду за то, что Урсула сама нашла его всего через несколько дней после того, как его назначили начальником следственной группы Государственной комиссии по расследованию убийств. Урсула просто появилась в одно прекрасное утро семнадцать лет назад. Ждала его прямо перед кабинетом. Она не договаривалась о встрече заранее, но сказала, что ей потребуется не больше пяти минут. Он впустил ее.

Она работала в Государственной лаборатории судебной экспертизы, начинала свою карьеру в качестве полицейского, но вскоре стала все больше специализироваться на

обследовании мест преступления, а впоследствии — на технических доказательствах и судебной медицине. Таким образом она и попала в Линчепинг — в Государственную лабораторию судебной экспертизы. За свои пять минут она рассказала, что там ей вполне нравится, но не хватает охоты. Именно так она и выразилась — охоты. Одно дело стоять в белом халате в лаборатории, сверяя ДНК и испытывая оружие, и совсем другое — анализировать доказательства на месте и с остальными окружать добычу, которую затем поймают. Это дает стимул и удовлетворение, каких никогда не получишь от совпадения анализов ДНК. Способен ли Торкель ее понять? Торкель оказался способен. Урсула кивнула. Хорошо. Она посмотрела на часы: четыре минуты сорок восемь секунд. Последние двенадцать секунд она употребила на то, чтобы оставить свой номер телефона и выйти из кабинета.

Торкель навел справки: все отзывались об Урсуле только хорошо, но быстро принять решение ему под конец помогло то, что начальник лаборатории судебной экспертизы практически пригрозил ему физической расправой, если он хотя бы взглянет в сторону Урсулы. Торкель пошел дальше — он в тот же день принял ее на работу.

— Значит, это лишь место, куда его сбросили.

— Вероятно. Если исходить из того, что убийца выбрал это озерцо, значит, он хорошо ориентируется в здешних местах и наверняка припарковал машину максимально близко. Там, наверху.

Она указала на расположенный метрах в тридцати довольно крутой откос высотой около двух метров. Словно по команде они двинулись туда. Харальдссон похромал следом.

— Как Микаэль?

Урсула бросила на Торкеля удивленный взгляд.

— Нормально, почему ты спрашиваешь?

— Ты ведь вернулась домой всего несколько дней назад. Ему не удалось с тобой толком пообщаться.

— Это работа. Он понимает. Привык.

— Хорошо.

— Кроме того, ему надо на какую-то выставку в Мальмё.

Они подошли к откосу. Урсула оглянулась на озерцо. Преступник, вероятно, спускался где-то здесь. Они принялись втроем изучать склон. Буквально через минуту Урсула остановилась. Отступила на шаг назад. Для сравнения посмотрела по сторонам, присела, чтобы взглянуть сбоку. Впрочем, она не сомневалась. Растительность была слегка примята. Большая часть уже поднялась обратно, но все-таки остался такой след, будто здесь что-то тащили. Урсула присела на корточки. На слабеньком кустике сломано несколько веточек, и на беловато-желтом изломе присутствовал лишний цвет чего-то, что могло оказаться кровью. Урсула достала из сумки маленький мешочек на молнии, осторожно отщипнула кусочек ветки и положила в мешочек.

— Думаю, я нашла, где он спускался. Вы не займетесь дорогой?

Торкель рукой показал Харальдссону, чтобы тот продолжал идти наверх. Выбравшись на узкую гравиевую дорогу, Торкель огляделся. Чуть поодаль стояли их собственные машины.

— Куда ведет эта дорога?

— В город, мы ведь по ней приехали.

— А в другую сторону?

— Она немного плутает, но постепенно выходит на шоссе.

Торкель посмотрел вниз, под откос, где осторожно ползала на четвереньках Урсула, с интересом переворачивая каждый листок. Если тело спускали здесь, то можно предположить, что его вытащили из багажника или задней дверцы непосредственно над этим местом. Почему бы убийце не избрать, так сказать, кратчайший путь вниз? Гравиевая дорога плотно утрамбована — ни малейшего шанса найти следы от шин. Торкель посмотрел на машины, на которых они приехали. Их припарковали чуть в стороне, чтобы они не занимали слишком большую часть узкой дороги. А что если?..

Торкель встал точно над узким промежутком, который изучала Урсула. Багажник здесь. Торкель представил, что перед ним припаркована машина. Стало быть, если следы от шин имеются, то они должны находиться примерно на метр дальше. Он осторожно ступил на обочину. К своей радости, он обнаружил, что почва на ней значительно мягче, чем на дороге, но не такая глинистая, как в низине. Торкель принялся осторожно отклонять траву и кусты и почти сразу получил дивиденды.

Глубокие отпечатки шин.

Торкель улыбнулся.

Начало положено хорошее.

* * *

— Вы не передумали?

Спросившая женщина поставила на стол чашку дымящегося чая и выдвинула стул для Ваньи, которая отрицательно помотала головой.

— Нет, спасибо.

Женщина уселась и начала помешивать ложечкой в чашке. На кухонном столе был накрыт завтрак. Молоко и простокваша стояли рядом с пакетом мюсли и овсяных хлопьев. В корзиночке для хлеба, похоже сплетенной из коры, лежали несколько кусков свежего хлеба и два разных сорта хрустящих хлебцев. Картину дополняли масло, сыр, ветчина, нарезанные огурцы и коробочка печеночного паштета. Накрытый стол контрастировал с кухней в целом, которая казалась взятой из каталога мебели. Пусть и не самого нового, но порядок на кухне царил безупречный. Никакой посуды в мойке, никаких крошек на столах, пусто и чисто. На черной плите ни единого пятнышка, как и на всем кухонном оборудовании. Ванья могла поклясться, что если бы она встала и пощупала полку с приправами над плитой, то не обнаружила бы даже тонюсенькой пленки жира. Насколько Ванья успела заметить, патологическая любовь к порядку распространялась и на остальную часть дома. Однако один предмет немного выделялся. Ванья никак не могла оторвать взгляда от висевшего на стене позади пьющей чай женщины украшения. Это была вставленная в рамку мозаичная картина из пластиковых бусинок. Причем размером не с подставку под кастрюлю, а не менее чем 40 x 80 см. Она изображала распростершего руки Иисуса со свисающими вниз белыми одеждами. Вокруг головы у него светился золотисто-желтый нимб, а лицо с черной бородой и ярко-голубыми глазами было обращено чуть наискось и вверх. Над головой красными бусинками было выложено: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь». Женщина напротив проследила за взглядом Ваньи.

— Лиза сделала это, пока болела ветрянкой. Ей было шесть. Разумеется, ей немного

помогали.

— Очень красиво, — сказала Ванья, добавив про себя: «И чуть жутковато».

Женщина, которая, открывая Ванье дверь, представилась как Анн-Шарлотт, довольно кивнула в ответ на похвалу, отпила маленький глоток горячего чая и опустила чашку.

— Да, Лиза очень талантлива. Тут более пяти тысяч бусинок. На мой взгляд, потрясающе!

Анн-Шарлотт потянулась за хрустящим хлебцем и стала намазывать его маслом. Ванью не переставало занимать, откуда им известно, сколько здесь бусинок. Неужели они считали? Она чуть не спросила об этом Анн-Шарлотт, когда та вернула нож в коробочку с маслом и посмотрела на нее, озабоченно наморщив лоб.

— Как ужасно то, что случилось. С Рогером. Мы молились за него всю неделю, пока он считался пропавшим.

«И видите, насколько это помогло», — подумала Ванья, но лишь пробормотала в знак согласия что-то сочувственное, бросив одновременно, возможно, чуть слишком очевидный взгляд на часы. Анн-Шарлотт, похоже, уловила намек.

— Лиза освободится с минуты на минуту. Если бы мы знали, что вы придете... — сказала Анн-Шарлотт, разведя руками извиняющимся жестом.

— Ничего страшного. Я признательна за возможность поговорить с ней.

— А как же иначе? Если мы можем хоть чем-то помочь. Как себя чувствует его мама? Ее, кажется, зовут Лена? Она наверняка совсем убита.

— Я с ней не встречалась, — ответила Ванья, — но можно себе представить. Рогер был единственным ребенком?

Анн-Шарлотт кивнула, сразу приняв еще более озабоченный вид. Будто на ее плечи только что легла большая часть мировых проблем.

— Им жилось не слишком легко. Насколько я понимаю, одно время у них были финансовые затруднения, потом разные неприятности в старой школе Рогера. Правда, сейчас у него вроде все наладилось. И тут случилось это.

— Что за неприятности были у него в старой школе? — поинтересовалась Ванья.

— Его там травили, — донеслось из дверей.

Ванья с Анн-Шарлотт обернулись. В дверях стояла Лиза. Прямые влажные, но хорош расчесанные волосы до плеч. Челка убрана простой заколкой. На девочке была застегнутая почти до шеи белая рубашка, а поверх нее вязаный однотонный жилет. На шее висел золотой крестик, цепочка от которого зацепилась за один из уголков воротника рубашки. Юбка заканчивалась чуть выше колен, дальше — плотные колготки. Ванья сразу подумала о девочке из какого-нибудь телевизионного сериала семидесятых годов, который повторно показывали в ее детстве. Особенно из-за серьезного, почти угрюмого выражения лица. Ванья встала, протянула вошедшей на кухню девочке руку и пододвинула стул к короткому концу стола.

— Здравствуй, Лиза, меня зовут Ванья Литнер. Я из полиции.

— Я уже разговаривала с одним полицейским, — ответила Лиза, принимая протянутую Ваньей руку, быстро пожала ее и согнула колени, сделав книксен. Потом села. Анн-Шарлотт встала, подошла к кухонному шкафу и вынула оттуда чайную чашку.

— Я знаю, — продолжила Ванья, снова усаживаясь, — но я работаю в другом отделе, поэтому мне бы очень хотелось, чтобы ты согласилась поговорить со мной тоже, хотя меня, возможно, будут интересовать те же вопросы.

Лиза пожала плечами и потянулась к стоявшему на столе пакету с мюсли. Потом вытряхнула в стоявшую перед ней глубокую тарелку солидную порцию хлопьев.

— Когда ты говоришь, что Рогера в старой школе травили, — продолжила Ванья, — знаешь ли ты, кто именно его травил?

Лиза опять пожала плечами.

— Думаю, все. Приятелей у него там, во всяком случае, не было. Он не любил об этом рассказывать. Просто радовался тому, что оставил ту школу и перешел к нам.

Лиза потянулась за простоквашей и обильно полила ею хлопья. Анн-Шарлотт поставила перед дочерью чашку с чаем.

— Рогер был очень хорошим мальчиком. Спокойным. Чувствительным. Взрослым для своего возраста. Просто непостижимо, что кто-то... — не закончив фразу, Анн-Шарлотт села на прежнее место.

Ванья открыла блокнот и записала на одной странице: «Старая школа — травля». Потом обратилась к Лизе, как раз засунувшей в рот большую ложку простокваши с хлопьями.

— Давай вернемся к той пятнице, когда он исчез. Не можешь ли ты рассказать, чем вы занимались, не случилось ли чего-нибудь особенного, когда Рогер был здесь, — все, что сможешь вспомнить, каким бы обычным и несущественным оно ни казалось?

Прежде чем ответить, Лиза не торопясь дожевала и проглотила хлопья.

— Я уже все рассказала. Другому полицейскому, — заявила она, глядя на Ванью в упор.

— Да, но как я уже говорила, мне тоже необходимо это услышать. В котором часу он сюда пришел?

— Где-то после пяти. Возможно, в половине шестого. — Лиза взглянула на мать, прося о помощи.

— Ближе к половине шестого, — сказала Анн-Шарлотт. — Нам с Эриком надо было поспеть к шести часам, и мы как раз выходили, когда появился Рогер.

Ванья кивнула и записала.

— А чем вы с ним тут занимались?

— Мы сидели у меня в комнате. Немного поготовили уроки на понедельник, потом вскипятили чай и посмотрели *Let's Dance*^[5]. Он ушел чуть раньше десяти.

— Он говорил, куда направляется?

Лиза снова пожала плечами.

— Сказал, что домой. Ему хотелось узнать, кто вылетел, а это сообщают только после новостей и рекламы.

— И кто вылетел?

Ванья увидела, как ложка, уже направлявшаяся в рот Лизы с новой порцией хлопьев с простоквашей, остановилась. Ненадолго. Едва заметно, но все же. Возникло сомнение. Ванья просто вела легкую беседу, чтобы снять ощущение допроса, но вопрос Лизу удивил, это точно. Лиза продолжила есть.

— Я де зда...

— Не говори с набитым ртом, — вмешалась Анн-Шарлотт.

Лиза умолкла. Она тщательно жевала, не сводя глаз с Ваньи. Выигрывает время? Почему она не ответила перед тем, как сунуть ложку в рот? Ванья ждала. Лиза жевала. И глотала.

— Не знаю. Я не посмотрела после новостей.

— Какие они исполняли танцы? Ты помнишь? — Ванья была уверена в том, что взгляд Лизы помрачнел. Вопросы ее почему-то раздражали.

— Я не знаю, как они называются. Мы смотрели не очень внимательно. Болтали, читали, слушали музыку и тому подобное. Немного переключали каналы.

— Не понимаю, почему вам так важно знать содержание телепередачи, когда надо найти того или тех, кто погубил Рогера, — вмешалась Анн-Шарлотт, с некоторым раздражением поставив чашку на стол.

— Конечно, неважно. Просто к слову пришлось, — ответила Ванья с улыбкой.

— Рогер говорил в течение вечера о том, что его что-то беспокоит? — снова обратилась она к Лизе, продолжая улыбаться.

Девочка на улыбку не ответила, а посмотрела Ванье в глаза с вызовом:

— Нет.

— Ему никто не звонил? Не получал ли он эсэмэс, о которых не хотел говорить или которые бы его взволновали?

— Нет.

— Он не вел себя как-то по-особенному, тебе не казалось, что ему трудно сконцентрироваться или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— И он не говорил, что собирается пойти еще к кому-то, когда уходил от тебя около... десяти, ты сказала?

Лиза разглядывала Ванью. Кого она, собственно, пытается обмануть? Ей ведь прекрасно известно, что Лиза сказала: «Рогер ушел около десяти». Значит, проверяет ее. Чтобы посмотреть, не начнет ли та противоречить сама себе. Ничего у нее не выйдет. Лиза хорошо подготовилась.

— Да, он ушел около десяти, и нет, он сказал, что пойдет домой, чтобы узнать, кто вылетел. — Лиза потянулась к корзинке с хлебом и взяла мягкий кусок.

Тут снова вмешалась Анн-Шарлотт.

— Она ведь уже говорила. Я не понимаю, зачем заставлять ее снова и снова отвечать на те же вопросы? Вы что, ей не верите? — голос Анн-Шарлотт звучал почти оскорбленно. Будто одна мысль о том, что ее дочурка может солгать, казалась ей глубоко возмутительной.

Ванья посмотрела на Лизу. Возможно, для матери это и оскорбительно, но совершенно ясно: Лиза что-то скрывает. Что-то произошедшее тем вечером, о чем она не намерена рассказывать. По крайней мере в присутствии матери. Лиза отрезала немного сыра и раскладывала кусочки по бутерброду медленными, почти обстоятельными движениями, периодически поглядывая на Ванью. Надо проявлять осторожность. Эта женщина гораздо проницательнее того полицейского, с которым она разговаривала в школьном кафетерии. Главное — придерживаться заученной истории. Точно повторять время. Мелкие подробности вечера ей не вспомнить. Ничего особенного не произошло.

Рогер пришел.

Уроки.

Чай.

Телевизор.

Рогер ушел.

Не может же она помнить все детали обычного скучноватого вечера пятницы. К тому же она в шоке. Ее парня убили. Умей она лучше плакать, она бы сейчас выдавила

несколько слезинок, чтобы заставить маму прекратить разговор.

— Разумеется, я ей верю, — спокойно сказала Ванья, — но Лиза была последней из известных нам людей, видевших Рогера тем вечером. Важно, чтобы мы правильно установили все детали. — Ванья отодвинула свой стул. — Впрочем, я уйду. Вы можете отправляться в школу и на работу.

— Я работаю только несколько часов в неделю в приходе. Но это на общественных началах.

Домохозяйка. Это объясняет безупречность дома. По крайней мере в отношении уборки.

Ванья достала визитную карточку и протянула ее Лизе. При этом она так долго не отрывала пальца, что Лизе пришлось поднять глаза и встретиться с ней взглядом.

— Позвони, если вспомнишь что-нибудь, чего не рассказала о пятнице. — Ванья переключилась на Анн-Шарлотт: — Я найду дорогу. Продолжайте завтракать.

Покинув кухню, Ванья вышла из дома и поехала обратно в отделение. По пути она думала об убитом мальчике, и ей пришла в голову мысль, которая ее слегка огорчила и от которой ей стало не по себе.

Она пока не встретила никого, кто бы казался особенно опечаленным и расстроенным смертью Рогера.

Фредрик думал, что это займет десять минут. Максимум. Зайти, рассказать все полиции, выйти. Об исчезновении Рогера он, конечно, знал. Все в школе об этом только и говорили. В гимназии Рунеберга, пожалуй, еще никогда так много о Рогере не говорили. Никогда не уделяли ему столько внимания. А вчера, после того как его нашли, сразу организовали дежурство психологов, и люди, которые плевать хотели на Рогера в то недолгое время, что он с ними учился, со слезами на глазах отпрашивались с уроков, и сидели по группам взявшись за руки, и тихими голосами обменивались светлыми воспоминаниями.

Фредрик Рогера не знал и в общем-то его не оплакивал. Они встречались в коридорах — знакомое лицо, не более. Фредрик мог откровенно признаться, что с тех пор, как Рогер осенью ушел из их гимназии, ни разу о нем даже не вспомнил. Но сейчас прибыло местное телевидение, и несколько девчонок из их класса, которые не стали бы разговаривать с Рогером, даже будь он последним парнем на Земле, зажгли свечи и положили цветы возле ворот на футбольном поле перед школой.

Может, это благородно? Может, это знак того, что сочувствие и человечность все-таки существуют? Вероятно, Фредрик циничен, раз он видит только фальшь и способ использовать трагическое событие для привлечения внимания к самому себе и своим делам. Воспользоваться случаем и заполнить некую неопределенную пустоту.

Ощутить сопричастность.

Испытать какие-то чувства.

Он помнил, как они на уроке обществоведения рассматривали фотографии из универмага «НК» в Стокгольме, когда убили Анну Линд^[6]. Горы цветов. Фредрик заинтересовался уже тогда. Откуда она берется? Потребность оплакивать людей, которых ты не знаешь? С которыми даже не встречался? Таковая явно существует. Может, с ним что-то не так, раз он не способен проникнуться коллективной скорбью?

Но газеты Фредрик читал. Все-таки сердце вырезали у его ровесника, у знакомого. Полиция хотела пообщаться с людьми, видевшими Рогера после его исчезновения в пятницу вечером. Пока Рогер считался просто исчезнувшим, Фредрику казалось, что идти в полицию не имеет смысла, поскольку он видел Рогера до исчезновения, но теперь появилось сообщение о том, что интерес представляют все касающиеся пятницы сведения, как после, так и до. По пути в школу Фредрик подъехал на велосипеде к зданию полиции и открыл дверь, думая, что освободится довольно быстро.

Он объяснил сидевшей за стойкой женщине в форме, что хочет поговорить с кем-нибудь о Рогере Эрикссоне, но та даже не успела поднять трубку и позвонить, как к нему, прихрамывая, подошел одетый в штатское полицейский с чашкой кофе в руках и пригласил следовать за ним.

Это было — Фредрик бросил взгляд на часы на стене — двадцать минут назад. Он уже рассказал то, что собирался, хромому полицейскому, некоторые вещи по два раза, а о месте — три, в третий раз ему пришлось отметить место на карте. Зато теперь полицейский, похоже, удовлетворился. Он закрыл блокнот и посмотрел на Фредрика.

— Ну, спасибо, что зашел. Ты можешь минуточку подождать?

Фредрик кивнул, и полицейский куда-то захромал.

Фредрик сел и стал рассматривать офисное помещение с открытой планировкой, в котором за письменными столами сидели человек десять полицейских, отделенные друг от друга передвижными перегородками, кое-где украшенными детскими рисунками, семейными фотографиями и ресторанными меню, а также распечатками более профессионального свойства. Звуковой фон представлял собой приглушенную смесь клацанья клавиатур, разговоров, телефонных звонков и жужжания ксерокса. Хотя сам Фредрик всегда готовил уроки с наушниками айпода в ушах, он задумался над тем, как можно что-нибудь делать в таких условиях. Как можно сидеть напротив человека, разговаривающего по телефону, не слушая, что тот говорит?

Не успел хромой полицейский добраться до двери, как к нему подошла светловолосая женщина в костюме. Фредрику показалось, что при приближении женщины полицейский как-то устало поник.

— Кто это? — поинтересовалась Хансер, кивнув в сторону смотревшего на них мальчика. Харальдссон проследил за ее взглядом, хотя прекрасно понимал, кого она имеет в виду.

— Его зовут Фредрик Хаммар, он пришел сообщить кое-что о Рогере Эрикссоне.

Харальдссон приподнял блокнот, словно желая подчеркнуть, что все записал. Хансер изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Если речь идет о Рогере Эрикссоне, почему с ним беседует не Госкомиссия по расследованию убийств?

— Я проходил мимо, когда он вошел, и подумал, что могу сперва его выслушать. Посмотреть, насколько это существенно. Торкелю нет смысла тратить время на вещи, ничего не дающие для расследования.

Хансер сделала глубокий вдох. Она представляла себе, насколько тяжело должно быть, когда тебя отстраняют от расследования. Невзирая на смягчающие обстоятельства, это в конечном счете говорило о недостатке доверия. Решение к тому же принимала она, что только усугубляло дело. Она ведь знала, что Харальдссон подавал документы на ее должность. Не требовалось особых познаний в психологии, чтобы понять, что именно Харальдссон о ней думает. В любых его действиях все время сквозили неприязнь и враждебность. Возможно, ей следовало радоваться тому, что Харальдссон держится за это расследование с упорством безумца. Похвалить его за преданность работе. За истинную заинтересованность. Или же дело в том, что он просто не понял, что больше не является активным участником расследования. Хансер склонялась к последнему.

— В твои задачи больше не входит определять, что существенно для данного расследования, а что нет.

Харальдссон кивнул, всем своим видом показывая, что только и ждет, пока она закончит фразу, чтобы ее поправить. И действительно, не успела Хансер начать развивать свою мысль, как он ее перебил:

— Я знаю, что ответственность лежит на них, но в то же время они четко сказали, что хотят, чтобы я работал поблизости.

Хансер проклинала дипломатичность Торкеля. Теперь ей придется взять на себя роль злодейки. Не то чтобы это изменило что-либо в их отношениях, но все-таки.

— Тумас, Госкомиссия взяла расследование убийства на себя, и это означает, что ты больше никоим образом не являешься его частью. Если только тебя об этом специально не

попросят.

Ну вот, сказала. Еще раз.

Харальдссон посмотрел на нее холодно. Ему ведь ясно, чего она добивается. Раз уж она в силу отсутствия опыта и неумения руководить сочла необходимым незамедлительно призвать Государственную комиссию по расследованию убийств, ей, конечно, не хочется, чтобы кто-нибудь из ее подчиненных работал вместе с ними. Они должны раскрыть преступление совершенно самостоятельно. Доказать ее начальникам, что решение было принято правильно. Что полиция Вестероса просто оказалась недостаточно компетентной.

— Это мы можем выяснить у Торкеля. Он ясно сказал, что я буду работать поблизости от них. Кроме того, у мальчика оказалась очень интересная информация, которую я как раз шел им сообщить. Мне бы, конечно, больше хотелось, чтобы мы попытались раскрыть это убийство сами, но если ты предпочитаешь вместо этого заниматься обсуждением того, кто кому должен подчиняться, то, вероятно, нам придется смириться.

Значит, он намерен вести такую жесткую игру. Выставлять ее блюстителем параграфов, а сам он будет хорошим полицейским, интересующимся исключительно делом и стремящимся бескорыстно его раскрыть. Хансер внезапно поняла, что Харальдссон, возможно, является более опасным противником, чем она предполагала.

Она отступила на шаг в сторону. Харальдссон одарил ее улыбкой триумфатора и похромал дальше. Потом с максимальной фамильярностью прокричал в комнату Госкомиссии:

— Билли, у тебя найдется минутка?

Попросив прощения за то, что Фредрику придется повторить все, что он уже говорил, Ванья раскрыла блокнот. Она испытывала раздражение. Ей хотелось первой выслушивать свидетелей и подозреваемых. Существовал риск, что во второй раз они могут неосознанно проявить небрежность. Опустить какие-то сведения, полагая, что они их уже сообщили. Оценить информацию и счесть ее неинтересной. Ванья сообразила, что уже во второй раз за это расследование человек, с которым она беседует, немного утратил остроту восприятия из-за того, что все рассказал Харальдссону. Двое из двух возможных. Больше это не повторится, пообещала она себе. Она поднесла авторучку к бумаге.

— Ты видел Рогера Эрикссона?

— Да, в прошлую пятницу.

— И ты уверен в том, что это был он?

— Да, мы учились в одной гимназии. В прошлом семестре. Потом он перешел в другую.

— Вы учились в одном классе?

— Нет, я на год старше.

— Где ты видел Рогера?

— На улице Густавборгсгатан, возле парковки около института. Вы, возможно, не знаете, где она находится?..

— Мы разберемся.

Билли сделал себе заметку. Говоря «мы», Ванья в данной ситуации имела в виду его. Надо отметить на карте.

— В какую сторону он шел?

— В сторону города. Ну, я не знаю, в какую это получается сторону света.

— Это мы тоже узнаем.

Билли опять записал.

— Когда именно в пятницу ты его видел?

— Сразу после девяти.

Впервые за время разговора Ванья остановилась. Посмотрела на Фредрика чуть скептически. Может, она что-то неправильно поняла? Она снова посмотрела в свои записи.

— В девять часов вечера? В двадцать один час?

— Чуть позже.

— И мы говорим о прошлой пятнице? О двадцать третьем?

— Да.

— Ты в этом уверен? И в часе тоже?

— Да, я в половине девятого закончил тренировку и направлялся в город. Мы собирались в кино, и я знаю, что посмотрел на часы и у меня оставалось двадцать пять минут. Фильм начинался в половине десятого.

Ванья умолкла. Билли знал почему. Он только что закончил чертить на белой доске в их комнате временной график исчезновения Рогера. Тот вышел от своей подружки в двадцать два часа. По сведениям той же подружки, он не покидал ее комнаты и тем более ее дома в течение всего вечера. Что же он делал на этой неизвестной улице часом раньше? Ванья думала о том же самом. Значит, девочка-дюймовочка соврала, как она и думала. Сидевший перед ней юноша, похоже, заслуживал доверия. Солидный, несмотря на юный возраст. Ничто в его поведении не указывало на то, что он пришел сюда ради внимания окружающих, получения сильных ощущений или попросту из патологической склонности к выдумкам.

— Хорошо, значит, ты видел Рогера, а почему ты обратил на него внимание? В девять часов вечера в пятницу на улице ведь, вероятно, было довольно много народу?

— Потому что он шел один, а вокруг него кружил мопед, ну, знаете, чтобы вроде как поиздеваться.

Ванья с Билли оба подались вперед. Временной аспект был важен, но до сих пор сведения все-таки касались лишь передвижения жертвы в вечер исчезновения. А теперь внезапно возник кто-то другой. Некто издевавшийся. Это становилось интересным. Ванья еще раз мысленно ругнулась по поводу того, что слышит сведения второй.

— Мопед? — пришел на смену Ванье Билли, чему она только обрадовалась.

— Да.

— Ты про него что-нибудь запомнил? Скажем, какого он был цвета?

— Да, хотя я знаю...

— Какого он был цвета? — перебил его Билли. Это была его сфера.

— Красного, но я знаю...

— Ты знаешь какие-нибудь марки? — снова перебил Билли, стремясь поскорее собрать мозаику. — Знаешь, что это был за тип мопеда? У него имелся регистрационный номер, ты его запомнил?

— Да или нет, я не помню. Но я знаю, чей он, то есть знаю, кто на нем ездит, — обратился Фредрик к Ванье. — Лео Лундин.

Ванья с Билли посмотрели друг на друга. Ванья поспешно встала.

— Подожди здесь, я должна привести своего начальника.

Себастиан проснулся около четырех часов утра на одной из узких жестких односпальных кроватей на втором этаже. Судя по остальной обстановке комнаты, кровать принадлежала матери. Когда Себастиан покидал дом, у родителей не было отдельных спален, впрочем, новый порядок его не удивил. Ночь за ночью добровольно укладываться в постель рядом с его отцом — такое едва ли можно было считать здоровым поведением. Очевидно, это постепенно осознала даже мать.

Чаще всего Себастиан вставал сразу после того, как сон будил его, невзирая на время. Чаще всего, но не всегда. Иногда он оставался лежать. Дремал. Чувствовал, как судорога в правой руке потихоньку отпускает, и приглашал сон вернуться обратно.

Он даже тосковал по таким мгновениям. Тосковал и страшился их. Когда он позволял сну вновь обрести силу, выщезивая из него по капле чистое, неизвращенное чувство любви, возвращение к действительности оказывалось значительно более тяжелым и наполненным страхом, чем когда он просто отпускал сон и вставал. Чаще всего оно того не стоило. Поскольку за любовью накатывала боль.

Утрата.

Безошибочно и всегда.

Это напоминало злоупотребление. Он предвидел последствия. Знал, что сразу за этим будет чувствовать себя настолько плохо, что едва сможет функционировать.

Будет едва в силах дышать.

Едва в силах жить.

Но периодически ему требовалась сама суть. Более сильное, подлинное чувство, которое воспоминания больше не были способны ему давать. Воспоминания — это все же лишь воспоминания. По сравнению с чувствами во время сна они казались бледными, чуть ли не пресными. К тому же наверняка не все они отличались подлинностью... Он что-то убавлял и добавлял. Сознательно и неосознанно. Какие-то части улучшал и усиливал, другие приглушал и отбрасывал. Воспоминания субъективны, а его сон объективен. Неумолим.

Несентиментален.

Невыносимо болезненный.

Но живой.

В это утро в старом родительском доме Себастиан остался в постели и позволил себе вновь погрузиться в объятия сна. Ему так хотелось. Требовалось. Это было легко, сон уже присутствовал в нем, словно невидимое существо, и Себастиану требовалось лишь придать ему немного обновленной силы.

Сделав это, Себастиан смог почувствовать ее. Не вспомнить — почувствовать. Ощутить ее маленькую ручку в своей. Слышать ее голос. Он слышал и другие голоса, другие звуки, но больше всего ее голос. Мог даже почувствовать, как она пахнет. Детским мылом и солнцезащитным кремом. В полусонном состоянии он явственно ощущал ее присутствие. По-настоящему. Снова. Его большой палец непроизвольно коснулся маленького дешевого колечка на ее указательном пальце. Бабочка. Он купил его среди прочей копеечной ерунды на многолюдном рынке. Она сразу полюбила колечко. Не захотела его больше снимать.

Тот день начался словно в замедленной съемке. Из номера они выбрались поздно. Собирались просто остаться в гостинице и спокойно провести весь день возле бассейна. Лили отправилась на пробежку. Запоздалую, укороченную пробежку. Когда они наконец вышли на улицу, лежать у бассейна Сабина не захотела. Нет, ей не сиделось на месте, поэтому он решил, что они ненадолго сходят на пляж. Пляж Сабина обожала. Ей очень

нравилось, когда он держал ее за руки и играл с ней в волнах. Она вскрикивала от радости, когда он бросал ее маленькое тельце то в воздух, то в воду, то мокро, то сухо. По пути на пляж они проходили мимо других детей. Два дня назад был сочельник, и дети опробовали новые игрушки. Он нес ее на плечах. Одна девочка играла с надувным дельфином, голубым и красивым.

— Папа, я тоже хочу такого, — сказала Сабина, потянувшись к игрушке.

Это станет ее последним обращенным к нему предложением. Пляж находился чуть дальше, за большим песчаным холмом, и Себастиан быстро зашагал туда, чтобы ей было о чем думать, кроме голубого дельфина. Номер удался — Сабина засмеялась, когда он устремился вперед по горячему песку. Ее мягкие ручки у его щетинистой щеки. Ее смех, когда он чуть не упал.

Уехать на Рождество было идеей Лили. Он не стал возражать. Себастиан не слишком любил долгие праздники и к тому же довольно плохо переносил ее семью, поэтому, когда она предложила уехать, сразу согласился. Вообще-то загорать и купаться ему не особенно нравилось, но он понимал, что Лили, как всегда, старается облегчить ему жизнь. Кроме того, солнце и воду обожала Сабина, а все, что нравилось Сабине, нравилось и ему. Делать что-то ради других было относительно новым чувством для Себастиана. Оно возникло с появлением Сабины. «Приятное чувство», — думал он, стоя на берегу и глядя на Индийский океан. Он спустил Сабину на землю, и она, быстро перебирая маленькими ножками, сразу устремилась к воде. Было значительно мельче, чем в предыдущие дни, и край пляжа оказался дальше обычного. Себастиан предположил, что вода так далеко отступила из-за отлива. Он подхватил дочку и побежал с ней к воде. День выдался немного пасмурным, но температура воздуха и воды была идеальной. Без малейшего волнения он в последний раз поцеловал девочку, прежде чем опустить ее животом в теплую воду. Сабина вскрикнула, а потом засмеялась — вода казалась ей пугающей и чудесной одновременно, и Себастиан на секунду задумался над психологическим термином для их игр. Упражнения на доверие. Папа не отпускает рук. Ребенок становится смелее. Простое слово, содержание которого Себастиану еще не доводилось применять на практике: доверие. Сабина кричала от радости, смешанной со страхом, и Себастиан поначалу не слышал шума. Был полностью поглощен доверием между ним и дочкой. Когда же он наконец услышал звук, было уже поздно.

В тот день он выучил новое слово.

Слово, которого он, хоть и очень много читал, прежде никогда не слышал.

Слово, которое он теперь никогда не забудет.

Никогда в жизни.

Цунами.

В те разы, когда он по утрам приглашал сон, он вновь терял ее. И горе разрывало его с такой силой, что ему казалось — он никогда не сможет подняться с постели.

Но он поднимался.

Постепенно.

И то, что представляла собой его жизнь, продолжалось.

«Леонард!» — Клара Лундин поняла, что дело касается ее сына, сразу, как только увидела на ступеньках молодую пару. Она сообразила, что они не Свидетели Иеговы и не торговцы, еще до того, как они представились и предъявили удостоверения. Она знала, что этот день настанет. Знала, и от волнения у нее в желудке образовался ком. Или, возможно, просто более отчетливо дал о себе знать. Клара уже так давно ощущала это давление на диафрагму, что больше почти не обращала на него внимания. Когда по вечерам звонил телефон. Когда по выходным с дороги доносились звуки сирен. Когда она просыпалась от того, что Леонард приходил домой вместе с приятелями. Когда обнаруживала у себя в почте мейлы из школы. — Лео дома? — спросила Ванья, убирая удостоверение.

— Леонард, — машинально поправила ее Клара. — Да, дома... Зачем он вам понадобился?

— Он болен? — спросила Ванья, уклоняясь от вопроса о причине их визита.

— Нет, не думаю... Почему?

— Я так подумала, потому что он не в школе.

Клару сообразила, что даже не задумалась над этим.

Она работала в больнице по скользящему графику и все реже вникала в то, как ее сын посещает школу. Он приходил и уходил более или менее когда ему заблагорассудится. Почти всегда поступал по собственному усмотрению.

Вообще-то всегда.

Она утратила контроль. Только и всего. Оставалось лишь признать это. Утратила полностью. Меньше чем за год. В книгах и газетных колонках с советами специалистов писали, что это естественно. Как раз в таком возрасте мальчики начинают отдаляться от родителей и помаленьку изучать мир взрослых. Необходимо побольше ослабить поводья, но продолжать крепко держать их — главным образом для того, чтобы создавать мальчикам уверенность в том, что ты всегда у них есть. Однако Леонард никогда ничего не делал помаленьку. Он прыгал. Изо дня в день. Словно в черную дыру. Внезапно он скрылся из виду, и никакие поводья в мире так далеко не доставали. Она у него была, но он в ней больше не нуждался. Совсем.

— Он просто решил поспать немного подольше. Что вам от него надо?

— Не могли бы мы с ним встретиться? — поинтересовался Билли, заходя вместе с Ваньей в прихожую.

Внутри басовое пение, которое доносилось до них, еще когда они только приближались к одноэтажному дому в форме буквы *L*, слышалось еще более отчетливо. Хип-хоп. Билли узнал мелодию.

DMX. X Goin Give It To Ya.

2002.

Oldschool.

— Я его мать и хочу знать, что он натворил.

Ванья отметила, что мама не хочет знать, что, как они *думают* или *подозревают*, сын натворил. Нет, она исходит из того, что сын провинился.

— Мы хотим немного поговорить с ним о Рогере Эрикссоне.

Убитый мальчик. Почему полиция хочет говорить с Леонардом об убитом мальчике?

Теперь в желудке ощущался настоящий спазм. Клара только молча кивнула, отодвинулась в сторону, впуская Ваню и Билли, а затем удалилась налево, через гостиную, к закрытой двери. К двери, которую ей не разрешалось открывать без стука. Она постучалась.

— Леонард, пришли из полиции и хотят с тобой поговорить.

Билли с Ваньей остались ждать в прихожей, маленькой, но хорошо обустроенной. На стене справа крюки, на которых на плечиках висят три куртки, две из них, похоже, принадлежат Леонарду. На четвертом крюке висит одинокая женская сумочка. Под крюками — маленькая полочка, на ней четыре пары обуви. Две из них — кроссовки. *Reebok* и *Esko*, подметил Билли. У противоположной стены — маленький комод, над ним зеркало. Поверхность комода почти пуста, за исключением небольшой салфетки и вазочки с бессмертниками. После комода стена довольно быстро заканчивалась, и начиналась гостиная. Клара вновь постучала в закрытую дверь.

— Леонард, они хотят немного поговорить с тобой о Рогере. Выходи.

Она опять постучала. В прихожей Билли с Ваньей обменялись взглядами и молча приняли решение. Они вытерли ноги о коврик у двери и прошли через гостиную. Возле самой двери, ведущей на кухню, на ковре с двумя коричневыми четырехугольниками на желтом фоне стоял простой столовый гарнитур, а чуть дальше, спинкой к нему, — один из двух диванов. Второй диван стоял напротив, и между ними располагался низкий журнальный столик какого-то светлого дерева. Береза, наобум решила Ванья. На стене висел телевизор. Никаких фильмов, несмотря на наличие под ним *DVD*-проигрывателя. Никаких игровых консолей или игр. Комната хорошо обустроена и прибрана. На диванах, казалось, давно никто не сидел. Подушечки в порядке, плед свернут, два пульта дистанционного управления лежат рядом друг с другом. Всю стену за вторым диваном занимал стеллаж с аккуратными рядами книг в твердых и мягких обложках, кое-где прерывающимися тщательно обтертыми от пыли украшениями. Ванья с Билли подошли к Кларе, которая уже начала волноваться.

— Леонард, открывай!

Никакой реакции. Музыка играла с той же громкостью. «Возможно, еще громче, — подумала Ванья. — Или мы просто подошли ближе». Билли постучал. Решительно.

— Лео, мы можем с тобой немного поговорить?

Никакой реакции. Билли снова постучал.

— Очень странно, похоже, он заперся.

Ванья с Билли посмотрели на Клару. Билли нажал на ручку.

Совершенно верно.

Заперто.

Ванья бросила быстрый взгляд в окно гостиной, выходящее во двор. Внезапно она увидела, как на траву перед домом мягко приземлился высокий рыжеволосый парень, помчался через газон в одних носках и скрылся из ее поля зрения. Все произошло молниеносно.

— Лео! Остановись! — автоматически закричала Ванья, бросившись к закрытой двери на террасу.

Однако Лео и не думал останавливаться. Он только увеличил скорость. Ванья обернулась к изумленному Билли.

— Беги с главного входа! — прокричала она, уже пытаясь открыть дверь на террасу. Вдали еще был виден убегающий мальчик. Она открыла дверь и быстро преодолела клумбу.

Потом увеличила скорость и снова закричала вслед мальчику.

* * *

Около восьми часов Себастиан встал с кровати, принял душ и дошел до кафе при бензоколонке, располагавшейся в нескольких сотнях метров от дома. Он купил завтрак и латте и поел, наблюдая за постоянными посетителями, покупавшими сигареты, кофе и 95-октановый бензин. Вернувшись в свое временное жилище, Себастиан вынул из переполненного почтового ящика газеты, письма, счета и рекламу. Все, кроме сегодняшней газеты, он отправил в бумажный пакет, который нашел в чулане в сложенном виде. Он надеялся, что маклер скоро позвонит и ему не придется регулярно питаться на бензоколонке. От скуки он вышел на улицу и уселся позади дома, где солнце уже начало нагревать довольно новый деревянный настил. Когда Себастиан был маленьким, тут лежали каменные плиты с выступающими маленькими камешками. Насколько ему помнилось, тогда у всех были именно такие. Теперь, похоже, все заменили их на деревянные настилы.

Себастиан достал газету и уже собирался начать читать раздел, посвященный культуре, когда услышал настойчивый женский крик: «Лео! Остановись!» — и через несколько секунд из твоей изгороди соседей показался крупный рыжеволосый подросток, который перебежал через разделяющую участки узкую велосипедную дорожку и одним прыжком перемахнул через метровый белый забор на его участок. Следом появилась женщина лет тридцати. Быстрая. Ловкая. Она отставала не на много метров, уже когда продиралась сквозь тую, а теперь приближалась к юноше. Наблюдая за погоней, Себастиан молча заключил сам с собой пари, что парень не успеет добраться до забора следующего участка. И действительно. За несколько метров до забора женщина рванулась вперед и уложила парня точно направленным приемом. «Справедливости ради следует сказать, что наличие обуви создавало ей на мягкой почве известное преимущество», — подумал Себастиан, увидев, как они оба от скорости покатались по земле. Женщина быстро применила захват и заломила руку лежавшего парня за спину. Полицейский захват. Себастиан встал и прошел несколько шагов по газону. Не потому, что хотел вмешаться, — просто чтобы лучше видеть. Женщина, похоже, держала ситуацию под контролем, а если бы и нет, то ей на помощь с другой стороны прибежал мужчина примерно того же возраста. Вероятно, тоже полицейский, поскольку он быстро достал наручники и начал застегивать их на руках парня, заведя ему руки за спину.

— Блин, отпустите меня. Я ничего не сделал!

Рыжеволосый извивался на газоне, насколько ему позволял эффективный захват женщины.

— Чего ж ты тогда убегаешь? — спросила женщина и вместе с коллегой поставила парня на ноги.

Они двинулись к главному фасаду дома — и к ожидающей машине, предположил Себастиан. Во время короткого пути женщина заметила, что они на участке не одни. Она быстро посмотрела в сторону Себастиана, извлекла из кармана удостоверение и открыла его. С такого расстояния это с таким же успехом мог быть читательский билет. Себастиан не имел ни малейшего шанса прочесть, что там написано.

— Ванья Литнер, Государственная комиссия по расследованию убийств. Все под

контролем. Вы можете возвращаться в дом.

— Я был на улице. Ничего, если я тут и останусь?

Но женщину он явно больше не интересовал. Она убрала удостоверение и снова взялась за руку рыжеволосого. Тот выглядел как парень, которого жизнь рано направила по наклонной плоскости. Стало быть, к ожидающей полицейской машине его наверняка ведут не впервые. На тропинке появилась еще одна женщина. Она остановилась, прикрыла руками рот и подавила крик, увидев, что происходит на газоне участка Себастиана. Себастиан присмотрелся к ней. Мать, ясное дело. Мягкие рыжие вьющиеся волосы. На вид лет сорок пять. Не очень высокая, примерно метр шестьдесят пять. Довольно хорошо тренированная. Скорее всего, фитнес. Вероятно, соседка с другой стороны живой изгороди. Когда он здесь жил, там проживала немецкая пара с двумя шнауцерами. Уже тогда люди старые. Их наверняка нет в живых.

— Леонард, что ты натворил? Что происходит? Что он такого сделал?

Женщину, казалось, не волновало, что никто ей не отвечал. Она фонтанировала вопросами. Быстро и с ускорением, голосом, приближавшимся к фальцету. Точно предохранительный клапан скороварки. Оставь она их при себе, она бы взорвалась от волнения. Женщина двинулась дальше по газону.

— Что он сделал? Пожалуйста, расскажите мне. Почему ты всегда попадаешь в неприятности, Леонард?! Что он сделал? Куда вы его ведете?

Женщина-полицейский отпустила руку мальчика и сделала несколько шагов в сторону взволнованной матери. Мужчина-полицейский повел парня дальше.

— Мы только хотим с ним поговорить. Его имя всплыло в нашем расследовании, — объяснила она, и Себастиан отметил успокаивающую руку на плече взволнованной женщины. Контакт. Отлично. Профессионально.

— Что значит — всплыло? Каким образом?

— Сейчас ему придется отправиться с нами в отделение. Если вы подъедете попозже, мы сможем во всем спокойно разобраться. — Ванья умолкла и постаралась поймать взгляд женщины, перед тем как продолжить: — Клара, в настоящий момент я ничего не знаю. Приезжайте позднее, спросите меня или Билли Русэна. Меня зовут Ванья Литнер.

Ванья, конечно, представлялась, когда они пришли к Лундинам, но Клара совсем не обязательно запомнила или даже уловила ее имя. Поэтому Ванья на всякий случай достала и протянула ей визитную карточку. Клара с кивком взяла ее, из-за сильного шока ей было не до протестов. Ванья развернулась и покинула участок. Клара увидела, как та скрывается за углом возле кустов смородины. На мгновение она застыла на месте. Совершенно растерянная. Потом она обратилась к первому попавшемуся человеку, коим оказался Себастиан.

— Разве они имеют право так поступать? Увозить его без меня? Он ведь несовершеннолетний.

— Сколько ему?

— Шестнадцать.

— Тогда имеют.

Себастиан пошел обратно к деревянному настилу, утреннему солнцу и газете. Клара осталась стоять на месте, глядя на угол, за которым скрылась Ванья, и словно ожидая, что все трое выскочат оттуда с улыбками и смехом и объявят, что это была лишь шутка. Хорошо спланированный розыгрыш. Но они не выскочили. Клара обернулась к Себастиану, который

только что снова уселся поудобнее в белом плетеном кресле.

— А вы ничего не можете сделать? — умоляюще спросила она.

Себастиан посмотрел на нее вопросительно:

— Я? Что же я могу сделать?

— Вы ведь сын Бергманов? Себастиан? Вы же работаете с чем-то подобным.

— Работал. В прошедшем времени. Я больше ничем таким не занимаюсь. И даже когда занимался, я не опротестовывал задержаний. Я был специалистом по криминальной психологии, а не юристом.

На улице завелась машина и увезла ее единственного сына. Себастиан посмотрел на стоявшую на его газоне женщину. Растерянную. Брошенную.

— Что он натворил? Ваш сын? Раз им интересуется Государственная комиссия по расследованию убийств?

Клара подошла немного поближе.

— Это как-то связано с тем мальчиком, которого убили. Я не знаю. Леонард никогда бы ничего подобного не сделал. Никогда.

— М-да, а что же тогда Леонард делает?

Клара посмотрела на Себастиана непонимающим взглядом, а тот кивнул на забор.

— Когда вы перелезали через забор, вы ругали его за то, что он вечно попадает в неприятности.

Клара задумалась. Неужели она такое говорила? Она не знала. Было так много вопросов. Такая путаница в мыслях, но, возможно, и сказала. Леонард попадал в кое-какие неприятности, особенно в последнее время, но ведь это же совсем другое дело.

— Но он не убийца!

— Никто не является убийцей, пока кого-нибудь не убьет.

Клара посмотрела на Себастиана, которого явно не интересовали и не волновали разыгравшиеся на его участке события. Он постукивал пальцами по газете так, будто ничего необычного или важного не произошло.

— Значит, вы не собираетесь мне помогать?

— У меня дома есть «Желтые страницы», я могу открыть их на букве А, как в слове «адвокат».

Клара почувствовала, как к комку беспокойства и страха присоединилась злость. За те годы, что она жила по соседству с Эстер и Туре, ей доводилось кое-что слышать о сыне Бергманов. Но ничего хорошего. Ни разу.

— А я-то думала, что Эстер преувеличивала, рассказывая о вас.

— Меня бы это удивило: моя мать никогда не была склонна к широким жестам.

Клара коротко взглянула на Себастиана, потом развернулась и ушла, не сказав ни слова. Себастиан подобрал с настила первую половину газеты. Он уже видел эту статью, но тогда она его не слишком заинтересовала. Теперь он ее снова раскрыл.

«Государственная комиссия по расследованию убийств расследует убийство мальчика».

~ ~ ~

— Почему ты бросился бежать?

Ванья и Билли сидели напротив Леонарда Лундина в безлико обставленной комнате. Стол, три довольно удобных стула. На стенах обои неброской расцветки, кое-где плакаты в рамках, в одном из углов — торшер позади маленького кресла. Из окна проникает дневной свет, правда, сквозь матовые стекла, но все же дневной свет. Помещение больше напоминало номер на турбазе, чем комнату для допросов, минус кровать и плюс две камеры наблюдения, регистрирующие и записывающие все в соседней комнате.

Леонард сидел на самом краешке сиденья, ссутулившись и скрестив руки на груди, его ноги в носках торчали из-под стола. На полицейских он не смотрел, а уставился куда-то вниз и налево. Вся его фигура излучала отсутствие интереса и, возможно, некоторое высокомерие.

— Не знаю. Рефлекс.

— У тебя рефлекс бежать, когда с тобой хочет поговорить полицейский? Откуда? — Леонард пожал плечами. — Ты совершил что-нибудь противозаконное?

— Похоже, вы считаете, что да.

Ирония судьбы заключалась в том, что, поехав к Лундинам поговорить с ним, они ничего подобного не думали, но побег в одних носках через окно, несомненно, увеличил их интерес и степень подозрения. Ванья уже решила, что они обыщут комнату Леонарда. Через окно убегают в крайних случаях. Возможно, у него в комнате имеются вещи, которые он ни за что не хочет им показывать. Вещи, связывающие его с убийством. Пока они знают только, что он в пятницу вечером кружил вокруг жертвы на мопеде. Ванья направила разговор на это:

— Ты встречался с Рогером Эрикссоном в прошлую пятницу.

— Разве?

— У нас есть свидетель, который видел вас вместе. На улице Густавборгсгата.

— Вот как, значит, вероятно, встречался. Ну и что из этого?

— «Вот как, значит, вероятно, встречался» — это признание? — Билли оторвал взгляд от блокнота и пристально посмотрел на мальчика. — Ты встречался с Рогером Эрикссоном в прошлую пятницу?

Леонард встретился с ним взглядом и кивнул.

— На этот вопрос Леонард отвечает да, — перевел Билли кивок для стоящего на столе магнитофона.

Ванья продолжила.

— Вы с Рогером учились в одной школе, потом он перешел в другую. Ты знаешь почему?

— Об этом спросите у него.

Какая жуткая глупость. Какое... отсутствие уважения. Билли захотелось хорошенько встряхнуть парня. Ванья почувствовала это и незаметно накрыла его руку своей. Без намека на раздражение или малейшего признака того, что она поддалась на провокацию, Ванья раскрыла лежавшую перед ней на столе папку.

— Я бы с удовольствием. Но он, как тебе, возможно, известно, мертв. Его бросили в

болото, вырезав у него сердце. У меня тут есть несколько снимков...

Ванья начала выкладывать перед Леонардом сильно увеличенные глянцевые фотографии с места обнаружения трупа и из морга. Ванья и Билли знали, что совсем не важно, сколько смертей ты видел в кино или в играх. Никаким информационным средствам не под силу воздать смерти должное. Даже самые талантливые специалисты по созданию эффектов не способны вызвать чувство, возникающее при виде настоящего мертвого тела. Особенно если ты, как Леонард, неделю назад видел человека живым. Леонард бросил быстрый взгляд на фотографии. Постарался принять равнодушный вид, но Ванья и Билли видели, что ему трудно, чтобы не сказать невыносимо, смотреть на снимки. Впрочем, это ничего не значило. Причиной, по которой ему было не заставить себя смотреть, могли с равным успехом оказаться шок и вина. Подобные фотографии с одинаковой силой воздействуют на преступника и на невиновного. Почти без исключений. Поэтому его реакция являлась не столь важной. Главное — перевести допрос в серьезное русло. Пробить эту самоуверенную, уклончивую позицию. Ванья продолжала медленно и спокойно выкладывать снимок за снимком, и Билли осенило: он не перестает ею восхищаться. Хоть она на несколько лет младше него, он воспринимает ее как старшую сестру. Старшую сестру, которая имеет по всем предметам отличные оценки, крута, всегда готова помочь младшим братьям и сестрам, но тон которой не является нравоучительным. Сейчас она склонилась к Леонарду.

— Мы здесь для того, чтобы поймать сделавшего это. И обязательно поймаем. В настоящий момент у нас есть только один подозреваемый, и это ты. Поэтому, если ты хочешь отсюда выйти и начать хвастаться перед приятелями тем, как убежал от копов, тебе лучше отбросить позерство и отвечать на мои вопросы.

— Я же сказал, что встречался с ним в пятницу.

— Но я спросила не об этом. Меня интересует, почему он сменил школу.

Леонард вздохнул.

— Думаю, мы немного издевались над ним. Я не знаю, поэтому ли. Но издевался не только я. Его никто в школе не любил.

— Ты меня разочаровываешь, Леонард. Крутые парни не сваливают на других. Ты, вероятно, был одним из главных заводил, не так ли? Мне, во всяком случае, так говорили.

Лео посмотрел на нее и, похоже, как раз собирался ответить, когда Билли перебил его:

— Красивые часы. Это «Тонино Ламборджини Пилот»?

В комнате воцарилось молчание. Ванья смотрела на Билли с некоторым удивлением. Не из-за того, что он опознал часы, а из-за внезапности реплики. Леонард опустил руки, и его правый рукав скрыл часы. Однако он ничего не сказал. Да этого и не требовалось. Ванья наклонилась к нему:

— Если у тебя не найдется на них квитанции, то твои дела чертовски плохи.

Леонард поднял взгляд.

Посмотрел в их серьезные глаза.

Сглотнул.

И начал рассказывать. Все.

— Он признает, что украл часы. Он катался на мопеде и увидел Рогера, вот здесь. — Ваня поставила крестик на висящей на стене карте.

Все были в сборе. Урсула с Торкелем внимательно слушали Ваню и Билли, пересказывавших самое важное из допроса Лео.

— Говорит, что хотел подразнить Рогера и стал ездить вокруг него на мопеде. Тогда Рогер, по словам Леонарда, толкнул его. Они начали ссориться всерьез, подрались. У Рогера даже пошла носом кровь. Леонард несколькими ударами кулаков повалил Рогера на землю и забрал часы в качестве своего рода наказания.

Все молчали. Именно часы — единственное, что у них на данный момент имелось против Леонарда. Не было никаких свидетельств или технических доказательств, которые бы опровергали его рассказ.

— Но это лишь утверждения Леонарда. Вполне возможно, драка разгорелась всерьез, он вытащил нож и убил Рогера, — продолжила Ваня.

— Нанеся ему более двадцати ударов? На одной из центральных улиц? И никто ничего не видел? — в голосе Урсулы звучал справедливый скепсис.

— Мы не знаем, как там все выглядит вокруг. Он мог запаниковать. Удар, Рогер лежит и кричит. Лео соображает, что может угодить за решетку, тащит его в кусты, продолжая наносить удары. Только чтобы заставить его замолчать.

— А сердце? — Урсула по-прежнему говорила с явным недоверием.

Ваня отнеслась к этому с пониманием.

— Не знаю. Но, что бы там ни произошло, дело было в начале десятого. Лео подтвердил время. Он посмотрел на часы, когда снимал их с руки Рогера. Следовательно, Рогер не пробыл у Лизы до 22:00, как она утверждает.

Торкель кивнул.

— О'кей, вы хорошо поработали. Есть ли у нас что-нибудь с места обнаружения трупа? — обратился он к Урсуле.

— Немного. Отпечатки шин, которые мы обнаружили, оставлены шинами «Пирелли П7». Не самые стандартные шины, но довольно обычные. К тому же мы точно не знаем, принадлежат ли отпечатки именно машине, привезшей туда труп.

Урсула вынула из лежащей на столе папки бумагу и снимок с отпечатками шин и дала Билли. Тот подошел к доске, чтобы разместить новую информацию на соответствующем месте.

— Леонард Лундин имеет доступ к машине? — поинтересовался Торкель, пока Билли прикреплял булавками снимок и справку о шинах «Пирелли».

— Насколько нам известно, нет. Утром возле их дома машины не было.

— Как же он тогда довез тело до болота? На мопеде? В комнате воцарилось молчание. Конечно нет.

И так довольно слабая версия того, как произошло убийство, сразу стала еще слабее. Но ее все равно требовалось проверить, прежде чем отбросить окончательно.

— Мы с Урсулой возьмем с собой полицейских в форме, поедем к Лундинам и обобщем дом. Билли, ты отправляйся на Густавсборгсгатан и посмотри, могло ли убийство вообще произойти там. Ваня, ты...

— ...еще раз поговорю с Лизой Ханссон, — дополнила Ваня с почти не скрываемым удовольствием.

Клара стояла перед домом и курила. Около часа назад приехали несколько новых полицейских из Госкомиссии вместе с еще парой полицейских в форме. Когда Клара спросила, может ли она поехать в отделение и поговорить с Ваньей Литнер, оставившей ей визитку, ей коротко сообщили, что Леонард останется в следственном изоляторе, пока они не проверят его данные. И не обыщут ее дом. Так что, если она будет так любезна...

В результате она стояла, выгнанная из дома, курила, мерзла, несмотря на весеннее тепло, и пыталась собраться с мыслями. Или, вернее, вытеснить одну из них, упорно возвращавшуюся и пугавшую Клару больше чего-либо другого: Леонард может действительно иметь отношение к смерти Рогера. То, что они не были друзьями, Клара знала. Или... кого она на самом деле пытается обмануть? Леонард травил Рогера. Преследовал. Иногда очень агрессивно.

Когда мальчики учились в старших классах, Клару неоднократно вызывали к директору, в последний раз речь шла о том, чтобы исключить Леонарда из школы, но ведь существует обязательное школьное образование. Не могла бы Клара поговорить с Леонардом, разрешить ситуацию, так сказать, домашними средствами? Ей сообщили, что крайне важно решить эту проблему. Предъявляемых школам исков о возмещении вреда в связи с попустительством травле становится все больше и больше, и суммы все увеличиваются и увеличиваются. И их школа не хочет становиться частью растущей статистики.

Все как-то образовалось. После весенней четверти, когда Кларе казалось, что она только и делает, что угрожает и подкупает, средняя школа закончилась, и за летние каникулы Кларе удалось убедить себя в том, что в гимназии дело пойдет лучше. Они начнут с чистого листа. Но не получилось. Потому что они пошли в одну и ту же гимназию — Леонард и Рогер.

В гимназию Рунеберга. Леонард по-прежнему там учился, а Рогер буквально через месяц ушел. Клара знала, что Леонард, вероятно, во многом явился причиной того, что Рогер сменил гимназию. Или более того? Клара разозлилась на себя за то, что допускает такую мысль: что же она за мать? Однако полностью отделаться от этой мысли она не могла. Неужели ее сын — убийца?

Тут Клара услышала приближающиеся шаги и обернулась. К ней вперевалку направлялся Себастиан Бергман с двумя пакетами из кафе при бензоколонке в руках. Клара поджала губы.

— Стало быть, они снова здесь, — сказал он, кивая на дом и подходя поближе. — Если хотите, можете подождать у меня дома, это займет некоторое время.

— Значит, вы вдруг решили проявить участие?

— Не совсем, но я хорошо воспитан. Мы ведь соседи.

Клара фыркнула, бросив на него холодный взгляд.

— Спасибо, я уж как-нибудь обойдусь.

— Не сомневаюсь, но вы мерзнете, и весь квартал уже в курсе, что тут полиция. С минуты на минуту появятся журналисты. Они не останутся за пределами участка. Если вам кажется, что я назойлив, то по сравнению с ними я ничто.

Клара снова посмотрела на Себастиана. Вообще-то два журналиста уже звонили. Один из них даже четыре раза. Клара не имела желания встречаться с ними лично. Она кивнула и

сделала несколько шагов в его сторону. Они вместе направились к калитке.

— Себастиан?

Себастиан незамедлительно узнал голос и обернулся к мужчине, которого очень давно не видел. На лестнице возле двери в дом Клары стоял Торкель с, мягко говоря, вопросительным выражением лица. Себастиан поспешно повернулся обратно к Кларе.

— Идите вперед, там открыто. Вы можете прихватить их? — Он протянул ей пакеты с едой. — Если у вас есть желание начать готовить обед — пожалуйста.

Клара с некоторым удивлением взяла пакеты. На секунду показалось, что она собирается что-то спросить, но потом она передумала и пошла к дому Себастиана. Себастиан посмотрел на Торкеля, который спускался с последних ступенек с таким видом, будто не верит своим глазам.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Торкель протянул руку, Себастиан ответил тем же. Торкель крепко пожал ему руку.

— Рад тебя видеть. Мы не виделись целую вечность.

Он явно почувствовал себя обязанным обнять Себастиана. Короткое крепкое объятие, на которое Себастиан толком не ответил. После объятия Торкель отступил на шаг назад.

— Что ты делаешь в Вестеросе?

— Я там живу. — Себастиан показал на соседний дом. — В доме матери. Она умерла. Мне надо продать дом, поэтому я здесь.

— Как печально. Я имею в виду твою мать. Себастиан пожал плечами. Не так уж и печально, Торкелю следовало бы это знать, они все-таки какое-то время по-настоящему дружили. Правда, довольно много лет назад, двенадцать, если быть точным, но они многократно обсуждали родителей Себастиана и его отношение к ним. Просто Торкель вежливый. А чего же еще ждать? Двенадцать лет — слишком долгое время для того, чтобы продолжать там, где закончили. Слишком долгое даже для того, чтобы сказать, что они друга друга знают. Слишком долгое для того, чтобы разговор пошел как по маслу. Соответственно, возникла небольшая пауза.

— Я по-прежнему в Госкомиссии, — через несколько секунд сказал Торкель, нарушив молчание.

— Я понял. Я слышал про парня.

— Да...

Снова молчание. Торкель откашлялся и кивнул на дом, из которого вышел:

— Мне надо продолжать...

Себастиан понимающе кивнул. Торкель улыбнулся ему.

— Лучше уходи, пока тебя не увидела Урсула.

— Значит, вы по-прежнему работаете вместе?

— Она лучше всех.

— Лучше всех я.

Торкель посмотрел на мужчину, которого много лет назад описал бы как своего друга. Возможно, не как лучшего и даже не близкого, но определенно как друга. Он мог бы, естественно, оставить комментарий Себастиана без внимания, согласно кивнуть, улыбнуться, похлопать Себастиана по плечу и уйти в дом, но это казалось не совсем справедливым. По отношению к ним обоим. Поэтому он продолжил разговор.

— Ты *был* лучшим. Во многих отношениях. И совершенно безнадежным в других.

Себастиан, собственно, ничего не имел в виду, произнося свою реплику. Скорее,

поддался рефлексу. Инстинкту. В течение четырех лет, которые они с Урсулой проработали вместе, они постоянно соперничали. Разные области. Разные задания. Разные методы. Все разное. Но в одном они трогательно сходились. Лучшим в команде может быть только кто-то один. Так уж они оба были сконструированы. Но Торкель прав. Себастиан был непобедим во многих — или, во всяком случае, в нескольких — областях. А в других — совершенно безнадежен. Себастиан слабо улыбнулся Торкелю:

— К сожалению, я культивирую безнадежную сторону. Береги себя.

— Ты тоже.

Себастиан развернулся и пошел к калитке. К его огромному облегчению, от Торкеля не последовало «надо бы встретиться вечером» или «давай как-нибудь выпьем пивка». Очевидно, он испытывал столь же малую потребность в возобновлении отношений, как и Себастиан.

Когда Себастиан свернул налево, к своему дому, Торкель увидел, что на лестнице дома Клары появилась Урсула. Она смотрела вслед мужчине, скрывавшемуся за следующим домом. Если взгляд Торкеля при виде Себастиана был полон изумления, то ее взгляд излучал нечто совершенно иное.

— Это Себастиан?

Торкель кивнул.

— Какого черта он здесь делает?

— Его мать, очевидно, жила по соседству.

— Вот как, а чем он нынче занимается?

— Судя по всему, культивирует свою безнадежную сторону.

— Стало быть, ничего не изменилось, — многозначительно произнесла Урсула.

Торкель улыбнулся про себя, подумав о том, как Урсула с Себастианом вечно боролись по поводу каждой детали, каждого анализа, каждого шага в расследованиях. На самом деле они были очень похожи, поэтому, наверное, и не могли сотрудничать. Они пошли обратно к дому. По пути Урсула протянула Торкелю закрытый пластиковый пакет. Он взял его с явным интересом.

— Что это?

— Футболка. Мы нашли ее в корзине с грязным бельем в ванной комнате. Она в крови.

Торкель посмотрел на предмет одежды в пакете еще более заинтересованно. Леонарду Лундину это ничего хорошего не сулило.

Повторная беседа с Лизой Ханссон заняла больше времени, чем надеялась Ванья. Она отправилась в Пальмлёвскую гимназию, расположенную чуть в стороне от Вестероса. Эту школу, несомненно, отличали высокие амбиции. Посаженные аккуратными рядами деревья, желтые оштукатуренные каменные стены без всяких граффити и неизменное место в десятке лучших по итогам государственных экзаменов. Школа, которая ученикам типа Леонарда Лундина даже не снится. В ней учился Рогер. Перевелся из гимназии Рунеберга, расположенной в городе. Ванья почувствовала, что за этой сменой школы может стоять нечто такое, что ей следует проверить. Рогер поменял одну среду на другую. Может, при этом что-то произошло? Большие перемены могут приводить к конфликтам. Ванья решила лучше разобраться в личности Рогера. Это станет следующим шагом: сперва необходимо внести ясность в ситуацию с несколькими пропавшими часами, наличие которых Лиза Ханссон упорно отказывалась признавать.

Прежде чем Ванье наконец удалось узнать, в каком классе учится Лиза, найти нужный класс и прервать урок английского языка, прошло не менее получаса.

Класс с любопытством зашептался, когда Лиза встала и, как показалось Ванье, почти вызывающе медленно подошла к ней. Какая-то девочка с одной из первых парт подняла руку, но заговорила, не дожидаясь какого бы то ни было сигнала со стороны учителя или Ваньи.

— Вы уже знаете, кто это сделал?

Ванья покачала головой.

— Пока нет.

— Я слышала, что это парень из его бывшей школы.

— Да. Лео Лундин, — поддержал коротко стриженный парень с большими клипсами из фальшивых драгоценных камней в ушах. — Из его старой школы, — пояснил парень, когда Ванья не среагировала на имя.

Ванью это в принципе не удивило. Город довольно маленький, и молодежь постоянно пребывает на связи. Посредством эсэмэс, *MSN* и «Твиттера», естественно, уже распространились сведения о том, что их ровесника забрали для допроса. Причем при достаточно эффектных обстоятельствах. Но способствовать распространению слухов Ванья не собиралась. Напротив.

— Мы разговариваем со всеми, с кем можем, и по-прежнему исследуем любые гипотезы, — сказала она, перед тем как пропустить вперед Лизу и закрыть за собой дверь класса.

Когда они оказались в коридоре, Лиза скрестила руки на груди, заносчиво посмотрела Ванье в глаза и спросила, что ей надо. Ванья откровенно объяснила, что ей требуется перепроверить некоторые сведения.

— Разве вы имеете право допрашивать меня в отсутствие родителей?

Ванья почувствовала острый приступ раздражения, но сделала все, чтобы этого не показать.

— Я тебя не допрашиваю. Тебя ни в чем не обвиняют. Я просто хочу с тобой немного поговорить, — максимально спокойно пояснила она, улыбнувшись Лизе.

— Тем не менее я хочу, чтобы мама или папа присутствовали.

— Почему? Это дело нескольких минут.

Лиза пожала плечами.

— Просто хочу, и все.

Ванья не смогла сдержать раздраженный вздох, но предпочла не пытаться продолжать разговор против воли Лизы. Поэтому девочка позвонила отцу, который явно работал где-то поблизости, и после того, как Лиза отказалась от предложения Ваньи выпить кофе или лимонаду в кафетерии, они спустились на первый этаж, чтобы ждать отца.

Ванья воспользовалась случаем и позвонила Билли и Урсуле. Билли сообщил ей, что на Густавборгсгатан столь жестокое убийство не могло произойти в принципе. Из-за наличия поблизости школы, бассейна и стадиона там было довольно много народу и транспорта. Там же, где строения отсутствовали, находились парковки и открытые пространства. Исключать из расследования Лео Лундина, конечно, рано, но им требуется разрабатывать иной, реалистичный сценарий. Хорошей новостью стало то, что Билли обнаружил на улице камеры наружного наблюдения. В случае удачи события той пятницы где-нибудь сохранились. Он собирался это проверить.

Урсула могла в основном сообщить лишь, что футболку с кровью отправили на анализ. Урсула проверила гараж и мопед, не найдя на последнем следов крови, и собиралась заняться домом. Ванья напомнила ей о необходимости особенно тщательно осмотреть комнату Лео, но лишь услышала, что Урсула не может действовать более тщательно, чем действует в данный момент и всегда.

Лиза сидела на полу в коридоре, прислонившись спиной к стене, и наблюдала за Ваньей, разгуливавшей с прижатым к уху мобильным телефоном. Девочка сидела со скучающим видом, но ее мозг усиленно пытался сообразить, о чем же ее хочет спросить эта женщина-полицейский. И как ей следует отвечать. Под конец она решила просто твердо держаться своей стратегии. Никаких деталей она не помнит.

Рогер пришел.

Уроки.

Чай.

Телевизор.

Рогер ушел.

Обычный скучноватый вечер пятницы. Вопрос лишь в том, окажется ли этого достаточно.

Отец Лизы появился через двадцать минут. То ли потому, что у Ваньи была еще свежа в памяти выложенная из бусинок огромная картина с Иисусом (*более пяти тысяч бусинок, потрясающе!*), то ли из-за голубого, явно купленного по дешевке в магазине «Дрессманн» костюма и прилизанной прически в стиле куклы Кена, но устремившийся в коридор сильно возмущенный мужчина сразу навел ее на мысль о Свободной церкви. Он представился Ральфом и в последующие три минуты объяснял Ванье, что непременно пожалуется на то, что полиция пыталась допрашивать его несовершеннолетнюю дочь в отсутствие родителей и к тому же прямо в школе! Они могли бы с таким же успехом повесить ей на грудь табличку с надписью «подозреваемая». Неужели Ванья не знает, как молодежь любит сплетничать? Разве нельзя было обставить все более деликатно?

Ванья насколько могла спокойно объяснила, что с точки зрения закона Лиза уже не является несовершеннолетней и что она все-таки была последним человеком, видевшим Рогера живым, — кроме убийцы, добавила она на всякий случай, — и полиции требовалось

лишь проверить некоторые сведения. Кроме того, когда Лиза выразила желание, чтобы при беседе присутствовал отец, Ванья незамедлительно согласилась и пока не задала Лизе ни единого вопроса. Ральф посмотрел на Лизу, чтобы получить подтверждение, и та кивнула. Ванья предложила также проводить Лизу обратно в класс и объяснить, что ее ни в коей мере не подозревают в причастности к убийству Рогера Эрикссона.

Ральф, казалось, удовлетворился этим, немного успокоился, и затем они вместе прошли в тщательно убранную комнату для отдыха и уселись на мягкие диваны.

Ванья рассказала, что в процессе расследования они от двух не зависящих друг от друга источников получили сведения о том, что Рогер в начале десятого в пятницу вечером находился в городе, а не дома у Лизы, как та им сообщила. К изумлению Ваньи, Ральф даже не повернулся к Лизе, прежде чем прокомментировать услышанное.

— Значит, они ошибаются. Ваши источники.

— Оба? — Ванья не могла скрыть удивления.

— Да. Если Лиза говорит, что Рогер пробыл у нее до десяти, значит, так и есть. Моя дочь не лжет. — Ральф покровительственно приобнял дочь, словно в подтверждение своих слов.

— Но она, возможно, ошиблась со временем, такое случается, — попыталась Ванья, взглянув на Лизу, молча сидевшую рядом с отцом.

— Она ведь говорит, что Рогер ушел, когда на четвертом канале начинались новости. А они каждый вечер начинаются в десять часов, если я правильно информирован.

Ванья прекратила спор и обратилась напрямую к Лизе:

— Не могла ли ты ошибиться со временем ухода Рогера? Нам важно установить все с максимальной точностью, чтобы мы смогли найти того, кто его убил.

Лиза чуть крепче прижалась к руке отца и отрицательно помотала головой.

— Значит, мы все выяснили. Вас интересует что-то еще? А то мне надо возвращаться на работу.

Ванья ничего не сказала о том, что прождала полчаса, чтобы задать свой вопрос, и что ее тоже ждет работа. Вероятно, более важная, чем его. Она предприняла последнюю попытку.

— Оба человека, с которыми мы беседовали, абсолютно независимо друг от друга уверены во времени.

Ральф уставился на нее, и, когда он заговорил, в его голосе зазвучали более жесткие нотки. Ванья почувствовала, что он из людей, не привыкших, чтобы им возражали.

— Моя дочь тоже уверена. Получается, слово против слова, не так ли?

Продвинуться дальше Ванье не удалось. Лиза не издала ни звука, а Ральф ясно дал понять, что намерен и в дальнейшем присутствовать при возможных беседах. Ванья не стала разяснять ему, что вопрос о его присутствии будут решать она и ее коллеги, а не он. Она просто молчала, а Ральф тем временем поднялся, обнял дочь, поцеловал ее в щеку, с кивком протянул руку Ванье и покинул комнату отдыха и само здание школы.

Ванья осталась стоять, глядя ему вслед. В принципе замечательно, когда родитель на сто процентов стоит на стороне своего ребенка. В процессе работы Ванье слишком часто встречалась полная противоположность. Или во всяком случае семьи, где подростки казались более или менее чужеродными элементами и родители не имели ни малейшего понятия о том, чем и с кем занимаются их дети. Следовательно, отец, примчавшийся с работы, обнявший дочку, доверявший ей и защищавший ее, вроде бы должен был стать

приятным исключением в Ваньином мире. Вроде бы. Поскольку Ванья не могла отделаться от ощущения, что Ральф больше, чем Лизу, защищал образ идеальной семьи с хорошо воспитанной дочкой, которая никогда не лжет. Любой ценой избежать сплетен и разговоров было для него важнее, чем установить истинный ход событий той пятницы. Ванья повернулась к Лизе, которая стояла и грызла ноготь:

— Я провожу тебя в класс.

— В этом нет необходимости.

— Я знаю, но все-таки провожу.

Лиза пожала плечами. Они молча прошли мимо ученических шкафчиков и возле двери в столовую свернули направо вверх по широкой каменной лестнице, ведущей на второй этаж. Лиза шла, опустив голову, и из-за челки Ванья не могла видеть выражения ее лица.

— Какой у тебя сейчас урок?

— Испанский.

— *Que hay en el bolso?*

Лиза посмотрела на Ванью непонимающим взглядом.

— Это означает «что у тебя в сумке?».

— Я знаю.

— Я тоже изучала испанский в старших классах, и это в принципе единственное, что я помню.

— А-а.

Ванья умолкла. Своим коротким «а-а» Лиза сумела ясно показать, насколько мало ее волнуют скудные познания Ваньи в испанском языке. Они явно подошли к Лизиному классу, поскольку та замедлила шаг и потянулась к ручке двери. Ванья положила руку ей на плечо. Лиза замерла и снова подняла взгляд.

— Я знаю, что ты лжешь, — тихо сказала Ванья, глядя девочке в глаза. Та просто смотрела на нее с ничего не выражающим лицом. — Не знаю почему, но обязательно выясню. Тем или иным образом.

Ванья замолчала, ожидая от Лизы какой-либо реакции. Но таковой не последовало.

— Теперь, когда ты знаешь, что мне это известно, может, ты хочешь что-нибудь сказать?

Лиза помотала головой.

— Что же я могу сказать?

— Например, правду.

— У меня сейчас испанский. — Лиза посмотрела на Ваньину руку, по-прежнему лежавшую у нее на плече. Ванья убрала руку.

— Ладно, значит, мы, вероятно, еще встретимся.

Ванья пошла по коридору в обратном направлении, а Лиза смотрела ей вслед, пока она не скрылась за стеклянными дверьми в конце коридора. Потом осторожно отпустила ручку двери, отошла на несколько шагов в сторону, попутно доставая мобильный телефон, и быстро набрала номер. Ни имени, ни номера человека, которому она собиралась звонить, в ее телефонной книжке не значилось, и после каждого разговора она обычно чистила список звонков. Ведь никогда не знаешь, не проверит ли кто-нибудь твой мобильный. После нескольких сигналов ей ответили.

— Это я. — Лиза еще раз взглянула в конец коридора. Пусто. — Ко мне только что приходили из полиции.

Лиза слегка закатила глаза, выслушав реплику с другого конца провода.

— Нет, конечно, я ничего не сказала, но они докопаются. Я уверена. Одна женщина разговаривала со мной уже дважды. И еще вернется.

Лиза, сумевшая в течение всего допроса изображать полное безразличие, теперь заволновалась. Она так долго скрывала правду, запрятала ее в самый дальний уголок памяти и просто похоронила. Теперь же она осознавала, что существует множество сил, стремящихся вырвать у нее правду, и ее стойкость начала ослабевать. Человек на другом конце пытался поддержать ее. Подбодрить, снабдить аргументами. Она кивнула. Почувствовала себя немного сильнее. Наверное, все будет хорошо. Услышав позади шаги в коридоре, она быстро прервала разговор, высвободила пальцем застрявший в ресницах волос челки, подавила волнение и вошла на ожидавший ее урок испанского. Самой легкой походкой, на какую была способна.

* * *

Лена Эрикссон провела утро в том же кресле, что и накануне. Теперь же она начала бродить по квартире и непрерывно курить. От никотина и смолы по маленькой трехкомнатной квартирке на первом этаже распространился легкий голубоватый туман. Лена, казалось, не могла подолгу оставаться на одном месте. Она немного посидела на по-прежнему не застеленной кровати Рогера, но видеть джинсы, кипы учебников, его старые игровые приставки — сохранившиеся доказательства того, что в комнате жил шестнадцатилетний мальчик, — было невыносимо. Она пыталась обрести покой в ванной, на кухне, в собственной спальне. Но любое место слишком сильно напоминало о нем, поэтому Лена переходила к следующему и следующему. Круг за кругом по всей квартире, как настоящая безутешная мать.

Однако существовало и нечто другое, заставлявшее ее неугомонно бродить. Голос.

Тоненький голосок в глубине ее души.

Может, это ее вина? Неужели это ее вина? Черт возьми, зачем она только ввязалась в эти разговоры! Но она разозлилась. Хотела нанести ответный удар. С этого все началось. Деньги. Звонки, деньги, звонки. По кругу, в точности как ее хождение по квартире. Но неужели это могло привести к такому? Она не знала, действительно не знала. И не имела представления, как узнать. А узнать было необходимо. Ей требовалось знать наверняка, что она просто мать, лишившаяся сына, на которую безвинно обрушилось самое страшное. Лена закурила еще одну сигарету. Сегодня они пошли бы за покупками. И обязательно поругались бы — из-за денег, одежды, отношения, уважения, из-за всех тех слов, которые, она знала, так наскучили Рогеру. Лена заплакала. Ей так его не хватает. Она упала на колени и дала волю горю и боли. Это возымело благотворное действие, но сквозь слезы ей вновь слышался голос.

А что, если всему виной ты?

* * *

— Чувствуешь себя никуда не годной матерью. Думаешь, что делаешь все, а они просто

берут и ускользают от тебя.

Клара допила остатки кофе и снова поставила чашку на стол. Она посмотрела на сидящего напротив нее Себастиана. Тот согласно кивнул, даже особенно не вслушиваясь. После того как они зашли в дом, Клара говорила исключительно о своих плохих отношениях с сыном Леонардом. Вполне объяснимо, учитывая утренние события, но малоинтересно для кого-либо, кроме родных и близких. Себастиан обдумывал, не указать ли ей на то, что использование второго лица вместо первого, когда она говорит о самой себе, на самом деле является неким вербальным защитным механизмом, способом сделать собственную неудачу более общей, менее личной и таким образом отдалить от себя часть боли. Но он посчитал, что подобное утверждение будет воспринято как колкость и только усилит ее негативное отношение к нему. Этого он не хотел.

Во всяком случае пока.

Пока он еще не решил, стоит попытаться завлечь ее в постель или нет. Он предпочел продолжить мягкий стиль общения. Спокойно и достойно. Не с осуждением, а скорее с пониманием. Он покосился на ее грудь, смотревшуюся в бежевом пуловере весьма привлекательно.

— С детьми всегда так. Иногда получается, иногда нет. Кровная связь еще не является гарантией хороших отношений.

Себастиан внутренне содрогнулся. Черт возьми, как язвительно! Семь лет изучения психологии, двадцать лет в профессии, и вот он, его вывод, слова утешения женщине, жизнь которой за пару часов перевернулась с ног на голову.

«Иногда получается, иногда нет».

К своему изумлению, он увидел, как Клара серьезно кивнула, явно удовлетворившись столь глубоким анализом. Она даже благодарно улыбнулась ему. У него определенно получится с ней переспать, если он правильно разыграет свои карты. Себастиан встал и начал убирать со стола тарелки и стаканы. Когда он вернулся обратно, Клара уже принялась готовить обед — жарить мелкие кусочки мяса с овощами и яйцом. Ей удалось найти в холодильнике банку еще съедобной консервированной свеклы. И две банки легкого пива. Себастиан ел с хорошим аппетитом, а Клара в основном ковырялась в еде. Ком в желудке, казалось, с каждой минутой разрастался, и ее постоянно слегка подташнивало. Однако ей все равно нравилось сидеть за накрытым столом. И иметь собеседника, с которым можно разговаривать.

Пережевывать.

Собеседника, слушающего и столь умного.

Это приносило успокоение. Он все же оказался довольно приятным, этот хам.

Она обратилась к Себастиану, стоявшему спиной к ней и загружавшему тарелки в посудомоечную машину.

— Вы ведь не жили дома, да и в гости приезжали нечасто? Мы переехали сюда в девяносто девятом, и, думаю, я вас тут ни разу не видела.

Себастиан ответил не сразу. Раз Клара, как она утверждала в саду чуть раньше, разговаривала о нем с Эстер, то ей, вероятно, известна частота его визитов в родительский дом. Себастиан выпрямился.

— Я здесь вообще не бывал.

— Почему же?

— Они были идиотами. К сожалению.

Клара посмотрела на него и решила ни о чем не спрашивать. Конечно, его родители не казались самыми веселыми людьми на свете. Но ей представлялось, что после смерти отца мать начала оживать. С ней стало легче разговаривать. Они даже несколько раз вместе пили кофе, и она откровенно расстроилась в тот день, когда поняла, что жить Эстер осталось недолго.

Прозвенел дверной звонок, и секундой позже они услышали, как открывается входная дверь. Торкель покричал из холла и через мгновение появился в дверях.

— Мы закончили, вы можете возвращаться. Я сожалею, если мы причинили вам неудобства, — с ходу обратился он к Кларе.

В голосе Торкеля, однако, особого огорчения не слышалось. Как всегда, корректен. Себастиан едва заметно покачал головой. Неудобства. Эта фраза, вероятно, значилась в какой-нибудь выпущенной году в пятидесятом должностной инструкции, определявшей, как должен вести себя полицейский при контакте с общественностью. Ведь ясно, что кое-какие неудобства Кларе он причинил. Арестовал ее сына и перевернул вверх дном дом. Однако Клара, похоже, оставила это без внимания. Она встала и почти демонстративно обратилась к Себастиану.

— Спасибо за обед. И за компанию.

С этим она покинула кухню, не удостоив Торкеля даже взглядом.

Когда за Кларой захлопнулась входная дверь, Торкель шагнул в кухню. Себастиан все еще стоял, склонившись над мойкой.

— А ты, как я вижу, ничуть не меняешься. По-прежнему дамский угодник во всеоружии.

— Она стояла на улице и мерзла.

— Будь на ее месте папа Лундин, он бы так и остался стоять на улице. Можно?

Торкель показал на включенную кофеварку, где еще оставалось немного кофе.

— Конечно.

— А чашка?

Себастиан указал на кухонный шкаф, и Торкель достал оттуда полосатую финскую кружку.

— Приятно снова встретиться. Мы ведь чертовски давно не виделись.

Себастиан испугался, что это сможет стать прелюдией к тому, что Торкель все-таки предложит встретиться вечером или выпить пива. Себастиан занял выжидательную позицию.

— Да, давненько.

— Что ты сейчас поделываешь?

Торкель вылил себе в чашку остатки кофе и выключил кофеварку.

— Живу на доходы от авторских прав и страховку жизни жены. А теперь еще умерла мать, так что я могу продать дом и немного пожить за ее счет. Но ответом на твой вопрос будет — ничего. Я сейчас ничего не делаю.

Торкель застыл на месте. «Слишком много информации сразу, и, вероятно, не из числа общепринятых рассказов „о, все потихоньку-полегоньку“, как он того ожидал, — подумал Себастиан. — Впрочем, полное бездействие в сочетании со смертями в семье, возможно, отобьет у Торкеля желание воспользоваться случаем и „наверстать упущенное“». Себастиан посмотрел на коллегу и увидел в его глазах выражение искренней скорби. Сочувствие всегда было одной из прекрасных черт Торкеля. Корректен, но способен сопереживать. Несмотря

на все, что ему доводится видеть по работе.

— Страховка жены... — Торкель отпил глоток кофе. — Я не знал даже, что ты был женат.

— Да, женат и вдовец. За двенадцать лет кое-что успевает произойти.

— Какая трагедия. Сочувствую.

— Спасибо.

Воцарилось молчание. Торкель потягивал кофе, притворяясь, что тот горячее, чем на самом деле, что позволяло ему уклоняться от возобновления неклеящегося разговора. Себастиан пришел ему на выручку. Торкель почему-то явно искал его общества. После двенадцати лет Себастиан вполне мог подарить ему пять минут деланой заинтересованности.

— А ты? Как твои дела?

— Снова развелся. Чуть более трех лет назад.

— Печально.

— Да. А в остальном — ну, все потихоньку-полегоньку. Я по-прежнему в Госкомиссии по расследованию убийств.

— Да, ты говорил.

— Да...

Снова молчание.

Новый глоток кофе.

Опять спасение. Наименьший общий знаменатель. Работа.

— Вы что-нибудь нашли у Лундинов?

— Даже если и нашли, я не могу тебе этого сказать.

— Да, конечно. Меня это, в общем-то, не интересует. Просто хотел поддержать беседу.

Себастиану показалось, что на лице Торкеля мелькнуло разочарование. Что бы это ни было, но задержалось оно лишь на долю секунды, после чего Торкель бросил быстрый взгляд на часы и выпрямился.

— Мне надо идти. — Он поставил кружку с недопитым кофе в мойку. — Спасибо за кофе.

Себастиан вышел за ним в холл. Прислонился к стене, скрестил руки на груди и стал наблюдать за тем, как Торкель берет свисающий со шляпной полки рожок для обуви и надевает мягкие кожаные туфли, которые снял у входной двери. Внезапно Себастиан увидел поседевшего пожилого человека, старого друга, который хотел только добра и которого он принял с откровенной холодностью.

— Это моя вина. Я мог бы написать открытку или что-нибудь подобное, если бы стремился поддерживать контакт.

Торкель перестал надевать туфли и посмотрел на Себастиана чуть ли не вопросительно, словно плохо его расслышал.

— Что?

— Может, ты думаешь, что виноват в том, что прошло столько лет, что мы утратили контакт. Я сказал, что мог бы сам проявиться, если бы считал это важным.

Торкелю потребовалось несколько секунд, чтобы вникнуть в слова Себастиана; тем временем он повесил рожок на место.

— Я, пожалуй, не считаю, что это моя вина.

— Хорошо.

— Во всяком случае, не только моя.

Взявшись за ручку двери, Торкель на мгновение остановился. Следует ли ему что-нибудь сказать? Объяснить Себастиану, что, если один человек говорит другому, будто не считает их отношения важными, не стоящими того, чтобы их поддерживать, это едва ли воспринимается как некая форма утешения, даже если так было задумано? Как раз напротив. Стоит ли это сказать? Торкель отбросил эту мысль. В общем-то, ему не следовало даже удивляться. Они в свое время много шутили по данному поводу: для психолога Себастиан не слишком хорошо разбирался в чувствах других людей. Себастиан всегда возражал, говоря, что понимание чувств слишком переоценивают. Утверждал, что интерес представляют движущие силы, а не чувства, которые являются лишь шлакообразованиями. Торкель улыбнулся про себя, сообразив, что сейчас, вероятно, представляет собой шлакообразование в памяти Себастиана.

— Увидимся, — сказал Торкель, открывая дверь.

— Возможно.

Торкель закрыл за собой дверь и услышал, как повернулся засов. Он двинулся вперед в надежде, что Урсула подождала его с машиной.

Торкель выскочил у здания полиции, а Урсула поехала ставить машину. По дороге о Себастиане они не говорили. Торкель предпринял было попытку, но Урсула ясно выразила свое отношение, и остаток пути они обсуждали дело. Предварительный анализ окровавленной футболки был уже готов, и Урсула по мобильному телефону узнала, что там имеются следы крови только одного человека. Рогера Эрикссона. К сожалению, количество крови больше соответствовало объяснению Лео, что она попала на футболку во время их драки, чем тому, что она явилась результатом жестокого убийства ножом, совершенного в приступе ярости.

Кроме того, высокомерие парня превратилось во время последних допросов в рыдания, и Торкелю становилось все труднее представить себе, что этот жалкий персонаж был способен на нечто столь взвешенное и спланированное, как помещение тела в болото. При помощи машины, которой у него не имелось. Нет, слишком слабо. Несмотря на обнаруженную кровь, такое казалось нереальным.

Тем не менее они пока чувствовали себя неготовыми полностью списывать Лео со счетов. В этом расследовании уже было совершено достаточно ошибок. Они задержат Леонарда на ночь, но если не найдут еще чего-нибудь, то будет трудно убедить прокурора дать согласие на его арест. Торкель с Урсулой решили собрать всю команду, чтобы попробовать общими усилиями выработать план дальнейших действий.

С этими мыслями Торкель вошел в здание, и в холле ему призывно помахала рукой женщина из комнаты дежурного.

— К вам посетитель, — сообщила она, указывая на зеленый диван у окна.

Там сидела излишне полная, плохо одетая женщина. Она встала, увидев, что дежурная показывает на нее рукой.

— Кто это? — тихо спросил Торкель, не желая оказаться застигнутым врасплох.

— Лена Эрикссон. Мать Рогера Эрикссона.

«Мать, ничего хорошего», — успел подумать Торкель, прежде чем та постучала его по плечу.

— Это вы занимаетесь этим делом? Убийством моего сына. — Лена уже стояла рядом с

Торкелем. Он обернулся.

— Да. Торкель Хёглунд. Я сочувствую вашему горю.

Лена Эрикссон лишь кивнула.

— Значит, это совершил Лео Лундин?

Торкель посмотрел женщине в глаза, когда та требовательно уставилась на него. Она хочет знать. Разумеется, она хочет знать. То, что убийцу определили, нашли и осудили, много значит для психологической переработки скорби. К сожалению, Торкель не мог дать тот ответ, который ей хотелось услышать.

— Сожалею, но я не могу обсуждать детали расследования.

— Но ведь вы его арестовали?

— Как я уже сказал, я не могу это обсуждать.

Лена, похоже, вовсе не слушала его. Она подошла на шаг ближе к Торкелю. Слишком близко. Он поборол импульс отступить назад.

— Он вечно нападал на Рогера и колотил его. Вечно. Это из-за него Рогер перешел в эту проклятую снобистскую школу.

Да, всему виной он — Лео Лундин. Или Леонард — что за идиотское имя. Сколько времени это продолжалось, Лена не знала. Травля. Она началась в старших классах, это Лене было известно, но Рогер поначалу ничего дома не рассказывал. Ничего не говорил о прозвищах и толчках в коридоре, о разорванных учебниках и взломанных личных шкафчиках. Он находил отговорки для того, почему иногда приходил домой после школы голым до пояса или в мокрой обуви, не рассказывал о том, что ему порвали футболку и что после физкультуры он обнаружил свои ботинки в унитазе. Придумывал объяснения пропаже денег и вещей. Но Лена догадывалась, что Рогер в конце концов пошел на некоторые уступки.

Но это в порядке вещей.

Под контролем.

Он способен справиться сам. Если она вмешается, станет только хуже. А потом началось насилие. Избиения. Синяки. Треснутая губа и опухший глаз. Удары ногами по голове. Тогда Лена обратилась в школу. Встретилась с Лео и его матерью и после длившегося сорок пять минут разговора в кабинете директора поняла, что здесь помощи ждать не приходится. Было совершенно ясно, кто командует у Лундинов дома.

Лена знала, что не блещет академическими знаниями, но в вопросах власти она разбирается. Хорошо умеет определять соотношение сил и видеть структуры. Шеф совсем не обязательно является решающим звеном. Родитель не всегда оказывается авторитетом, а директор — лидером коллектива учителей. Лена с легкостью вычисляла, кто обладает реальной властью, как ее использует и как ей самой лучше выстраивать свои отношения с властью, чтобы извлекать максимум преимуществ. Или хотя бы избегать вреда. Некоторые, вероятно, называли ее интриганкой, другие говорили, что она держит нос по ветру, а кое-кто наверняка считал, что она просто-напросто лижет начальству задницу. Однако только так и можно выживать, если тебя окружает власть, а ты сам ею не наделен.

Но это неправда, — произнес у нее в голове голосок, сопровождавший ее весь день. — *У тебя была власть.*

Лена вытеснила голосок, не желая к нему прислушиваться. Ей хотелось услышать, что это совершил Лео. Точно он! Она знает. Непременно он. Требуется лишь заставить стоящего перед ней хорошо одетого пожилого мужчину это понять.

— Я уверена, что это он. Он уже раньше избивал Рогера. Жестоко избивал. Мы никогда

не заявляли в полицию, но поговорите в школе. Это он. Я знаю, что это он.

Торкель понимал ее настойчивость, ее убежденность. Он наблюдал то, что уже многократно видел раньше. Жажду, причем не только раскрытия преступления, но и понимания. Мучитель сына переходит грань. Это понятно. Постигаемо. Это снова сделало бы реальность чуть более реальной. Он знал, что их разговор дальше не продвинется, и, положив руку Лене на плечо, стал бережно, едва заметно направлять женщину к выходу.

— Посмотрим, к чему приведет расследование. Я буду держать вас в курсе всего происходящего.

Лена кивнула и уже начала самостоятельно машинально двигаться к стеклянным дверям, но вдруг остановилась.

— Еще одно.

Торкель снова шагнул к ней.

— Да?

— Мне звонят из газет.

Торкель вздохнул. Естественно, звонят. В самый трудный для нее момент. Когда ей тяжелее всего. И неважно, сколько раз газетчикам приходилось проводить внутренние служебные расследования после того, как они публиковали интервью с людьми, явно выбитыми из колеи, явно не отдающими себе отчет в том, что они делают. С людьми, пребывавшими в шоке и глубочайшем горе.

Это прямо как закон природы.

Убили ребенка.

Газетчики звонят.

— По моему опыту, большинство людей, общающихся с прессой, находясь в вашей ситуации, потом об этом сожалеют, — честно сказал Торкель. — Вы можете не отвечать или направлять газетчиков к нам.

— Но они хотят получить эксклюзивное интервью и заплатить мне. Я только хотела спросить: не знаете ли вы, сколько с них можно получить?

Торкель посмотрел на нее с выражением лица, которое Лена истолковала как то, что он ее плохо понял. Он действительно плохо понимал ее, хоть и в другом отношении.

— Я подумала, что вам уже доводилось с таким сталкиваться. Какая сумма кажется вам приемлемой?

— Не знаю.

— Я никогда не имела с ними дела. О чем может идти речь? О тысяче? О пяти тысячах? О пятнадцати тысячах?

— Честно говоря, не знаю. Советую вам вообще не разговаривать с ними.

По лицу Лены было ясно видно, что такой вариант ей как раз не подходит.

— Я и не разговаривала. Но теперь они готовы заплатить.

Торкель понимал ее. Она, очевидно, нуждается в деньгах. Ей ни к чему его моральные сомнения или основанная на опыте забота. Она добивается от него ценника. Имеет ли он право осуждать ее? Как давно он сам действительно нуждался в деньгах? И нуждался ли вообще?

— Поступайте как знаете. Только будьте осторожны.

Лена кивнула, и, к своему изумлению, Торкель услышал, как произнес: «Продавайте себя дорого».

Лена кивнула ему с улыбкой, развернулась и пошла. Торкель несколько секунд постоял,

глядя, как она удаляется вдоль по улице, в лучах светящего за окном солнца. Он постарался выбросить ее визит из головы и развернулся, чтобы вернуться к работе и коллегам.

Но испытания на этом не закончились.

К нему, прихрамывая, подошел Харальдссон. По его серьезному взгляду Торкель понял, что Харальдссон хочет поговорить. О том, что Торкель до последнего откладывал и о чем его уже трижды просила Ванья.

— Когда кто-нибудь говорит, что мы будем работать поблизости друг от друга, как тебе кажется, что это означает?

Харальдссон лежал на своей половине двуспальной кровати, сцепив руки на затылке и глядя прямо перед собой. Рядом с ним лежала Йенни, подсунув две подушки под попу и упершись ступнями в матрас. Она периодически выпячивала низ живота в сторону потолка, в который бесцельно уставился ее муж. Часы показывали 22:30.

Они только что занимались любовью.

Или трахались.

Или даже нет, если не кривить душой. Харальдссон, повинувшись чувству долга, слил в жену сперму, а его мысли между тем пребывали совсем в другом месте.

На работе.

На встрече с Торкелем, во время которой Харальдссон сообщил ему, что Хансер — вопреки высказанному Торкелем пожеланию — попыталась отстранить его от расследования.

— Это, скорее всего, означает, что люди будут работать вместе, — ответила на его вопрос Йенни, одновременно вновь отрывая бедра от матраса, чтобы сделать спуск к пребывающей в ожидании матке еще круче. — Над одним делом. Ради одной же цели, разве нет?

— Хм.

По правде говоря, Йенни слушала вполуха. Ситуация была для нее далеко не нова. С тех пор как у Тумаса появилась новая начальница, он в основном говорил о работе, а разговоры о работе выливались в обсуждение его недовольства. То, что мишенью его раздражения на этот раз являлась Госкомиссия, а не Керстин Хансер, мало что меняло.

Новые слова, старая мелодия.

— Ты знаешь, что имеет в виду Торкель Хёглунд из Госкомиссии, говоря «работать поблизости друг от друга»?

— Да, ты же сказал.

— Все нет! Когда я стал выпрашивать у него, как он представляет себе наше сотрудничество, то выплыло, что мы вообще не будем работать вместе. Разве это не чертовски странно?

— Да, совершенно непонятно.

Йенни воспользовалась его собственными словами, сказанными за ужином, — хороший способ изображать, что ты в теме, на самом деле в нее не вникая. Работа мужа не была ей безразлична. Напротив. Она очень любила слушать обо всем, от безмозглых фальшивомонетчиков до деталей ограбления транспорта с ценностями, произошедшего позапрошлым летом. Но вот появилась Хансер, и рассказы о полицейской работе уступили место долгим лекциям о несправедливости.

Горечь.

Жалобы.

Ему надо подумать кое о чем другом.

— А знаешь, к кому ты можешь быть действительно очень, очень близко?

Йенни повернулась к нему и запустила руку под одеяло, нащупывая его безжизненный пенис. Харальдссон повернулся к ней с таким видом, будто ему уже залечили три зуба и только что сообщили о наличии дырки в четвертом.

— Опять?

— У меня овуляция.

Рука достигла цели и ухватилась. Стала сжимать. Мягко, но требовательно.

— Опять?

— Думаю, да. У меня утром на полградуса поднялась температура. Лучше не рисковать.

К своему удивлению, Харальдссон почувствовал новый прилив крови. Йенни полностью перебралась на его половину кровати и улеглась спиной к нему.

— Давай сзади, тогда ты проникаешь глубже.

Харальдссон лег на бок, занял нужную позицию и легко скользнул в нее. Йенни повернулась к нему вполоборота.

— Мне завтра рано вставать, поэтому не стоит растягивать на всю ночь.

Она погладила Харальдссона по щеке и опять отвернулась. Взавшись за бедра жены, Тумас Харальдссон дал волю мыслям. Он еще им покажет.

Всем.

Раз и навсегда.

Он дал себе слово раскрыть убийство Рогера Эрикссона.

Пока Харальдссон пытался оплодотворить жену, не покушаясь на ее ночной сон, человек, который не был убийцей, сидел в халате примерно в километре от него, в спорадически освещенном районе с частными домами, и следил за ходом расследования. По интернету. Он сидел в темноте, освещенный лишь холодным светом экрана, в помещении, которое гордо именовал рабочим кабинетом. Местная газета по-прежнему много писала о происшествии — он не мог заставить себя называть это убийством, — хотя теперь уже не столь часто сообщала новые подробности. Сегодня основное внимание уделялось «школе в шоке» с четырехстраничным репортажем из Пальмлёвской гимназии. Высказаться, похоже, дали всем, от персонала столовой до учеников и учителей. «Большинство из них вполне могли бы помолчать», — заключил человек, который не был убийцей, вчитываясь в каждую шаблонную строчку, в каждую полную клише цитату. У всех вроде бы имелось собственное мнение, но сказать им было нечего. Местная газета смогла также рассказать, что прокурор принял решение о задержании мальчика того же возраста при минимальной степени подозрения в причастности. Вечерние газеты сообщали больше. Знали больше. Освещали подробнее. На сайте «Афтонбладет» говорилось, что мальчик ранее терроризировал и избивал жертву и, очевидно, явился непосредственной причиной того, что убитый сменил школу. Автор статьи с фотографией в полный рост сделал и так трагическую историю еще более душераздирающей, написав о том, как затравленный мальчик, отделавшись от своих мучителей, поднялся и начал новую жизнь, обрел в новой школе новых друзей и уже начал смотреть в будущее с надеждой, когда подвергся бессмысленной жестокости. Все рыдают.

Человек, который не был убийцей, прочитал трогательный текст и предался воспоминаниям. Хотел бы он, чтобы этого не случилось? Определенно. Но так думать нельзя. Уже случилось. Значит, ничего не изменить. Раскаивается ли он? В общем-то нет. Раскаяние означало для него, что он поступил бы иначе, возникни та же ситуация снова.

А он не поступил бы иначе.

Просто не мог.

Слишком многое было поставлено на карту.

Он перешел на сайт газеты «Экспрессен». Там под рубрикой «В настоящий момент» имелась заметка с заголовком «Подозрения в отношении задержанного убийцы из Вестероса ослабли». Плохо. Если полиция отпустит этого юношу, она начнет новые поиски. Он откинулся на спинку офисного кресла, как делал всегда, когда ему требовалось подумать.

Он думал о куртке.

О зеленой куртке «Дизель», запихнутой в коробку у него за спиной. О куртке Рогера. Допустим, ее нашли бы у арестованного молодого человека дома.

Мысль на первый взгляд эгоистичная, равно как и действие. Лжесвидетельство с целью переложить вину на ближнего. Аморальный прием с целью эгоистично избежать последствий собственных действий.

Но так ли это на самом деле?

Человек, который не был убийцей, мог бы помочь родным и друзьям Рогера. Они смогли бы перестать размышлять над тем, кто же погубил жизнь парня, и на сто процентов посвятить себя столь важной психологической переработке скорби. Он мог бы закрыть вопрос. Помочь всем жить дальше. Это дорогого стоит. В качестве бонуса он еще повысил

бы процент раскрываемости дел у полиции Вестероса. Чем больше он думал, тем больше это представлялось ему неэгоистичным поступком. Просто благим деянием.

Ему не потребовалось долго стучать по клавишам, чтобы узнать, кого задержала полиция. Леонарда Лундина. Его имя широко обсуждалось в чатах, на форумах и в блогах. Интернет — это фантастика.

Вскоре он уже имел и адрес.

Теперь он может помочь всерьез.

~ ~ ~

Себастиан посмотрел на часы — в который уже раз? Он не знал. 23:11. В прошлый раз было 23:08. Неужели время может так тянуться? Ему не сиделось на месте. Он не хотел оставаться в этом городе, в этом доме. Что же делать? Расположиться в кресле, читать книгу и чувствовать себя как дома. Невозможно. Это жилище он не воспринимал как дом, даже когда действительно жил в нем. Себастиан уже прошелся по всем ТВ-каналам, не найдя ничего интересного. Поскольку он не пил, бар его не интересовал. Не увлекала его и мысль покопаться среди оставшихся от матери флаконов и шариков с ароматическими маслами и скользнуть в расслабляющую/освежающую/гармоничную/энергетическую ванну в просторной и почти роскошной ванной комнате, служившей матери убежищем и являвшейся единственной комнатой, которую она (если Себастиану не изменяла память) заставила мужа дать ей обставить и оборудовать самостоятельно. Ее комната в Его доме.

Себастиан некоторое время побродил по вилле, открывая шкафы и ящики. Отчасти им двигало чистое любопытство — он всегда открывал шкаф в ванной у людей, у которых гостил, — но он был вынужден признать, что двигало им еще и желание посмотреть, что произошло в доме после того, как он его покинул. Складывалось определенное впечатление, что, по сути, ничего. Изысканный фарфор из Рёрстранда^[7] стоял на своем месте в белой угловой горке, декоративные тканые украшения и скатерти для каждого торжества и времени года лежали в гардеробах отглаженными. Правда, имелась масса новых бессмысленных украшений из стекла и фарфора и разных сувениров, привезенных из поездок и отпусков, которые соседствовали на полках за закрытыми дверцами шкафов с подарками из совсем другой жизни: с подсвечниками, вазами — из другой эпохи — и пепельницами. Предметы, редко или никогда не использовавшиеся, сберегаемые лишь по той причине, что их принес в дом кто-то другой, — считалось, что невозможно избавиться от них, не показавшись неблагодарным или (упаси Господи!) не создав впечатления, будто ты обладаешь лучшим вкусом, чем даритель. Конечно, имелись вещи, которых он прежде не видел, но дух в доме оставался тем же. Несмотря на новую мебель, снесенные стены и современные элементы в освещении, в глазах Себастиана дом представлял собой море бессмысленности, которая создавала лишь впечатление, что жизнь у Бергманов текла так же спокойно, размеренно и с оглядкой, типично для среднего класса, как ему помнилось. Один вид оставленных вещей приводил его в еще большее уныние и вызывал ощущение невероятной усталости при мысли о том, что ему придется заниматься всем этим дерьмом. Отделяться от него.

Маклер позвонил около трех часов дня. Он казался немного озадаченным отношением Себастиана — ведь в настоящее время все рассматривают свои дома как инвестиции и обычно распоряжаются такими инвестициями с современным капиталистическим подходом. А Себастиан совсем не торговался. Он хотел продать в принципе за любую цену. Желательно сегодня же. Маклер пообещал заехать как можно скорее. Себастиан надеялся, что это произойдет уже завтра.

Он подумал о женщине из поезда. Записка с ее телефоном лежала у него возле кровати. Почему он не спланировал все получше? Не позвонил ей раньше, предложив поужинать в каком-нибудь приятном ресторане по ее выбору. Мог бы обстоятельно и хорошо поесть и выпить. Поболтать, посмеяться и послушать. Узнать ее за вечер. Сейчас они уже сидели бы в

вестибюле отеля, опустившись в удобные кресла под звуки приятной фоновой музыки, каждый со своим бокалом в руке, и он смог бы осторожно, как бы ненароком, коснуться пальцами ее голых коленей, выступающих из-под края платья.

Соблазнение.

Игра.

Которую он непременно выиграет.

Победа.

Наслаждение.

Все это теперь оказалось недостижимым, потому что он не действовал как обычно. Он винил дом. Мать. Внезапное появление Торкеля из прошлого. Причины имелись, но Себастиана это все равно ужасно злило. Внешние обстоятельства обычно на него не влияли.

Жизнь подстраивалась под Себастиана Бергмана, а не наоборот.

Во всяком случае, так было раньше.

До Лили и Сабины.

Нет, по этому пути он не пойдет. По крайней мере сегодня вечером. Неважно, что произошло, кто под кого или подо что подстраивается или что некоторые, пожалуй, назвали бы его способ проведения дней существованием, а не жизнью. Не имеет значения, что он, казалось бы, утратил контроль. Он по-прежнему в силах извлекать из ситуации пользу.

Он из тех, кто выживает.

Во всех смыслах этого слова.

Себастиан пошел на кухню и снял бутылку с примитивной подставки для хранения вин, стоящей на кухонном шкафу. Посмотрел на этикетку. Сорт не играет никакой роли. Вино, красное, и оно выполнит свою функцию. Открывая дверь на террасу, он задумался над тем, как лучше подступиться.

С сочувствием.

(Мне подумалось, что вы, возможно, не хотите сидеть в одиночестве...)

С беспокойством.

(Я увидел, что у вас горит свет, вы в порядке?..)

Или решительно, но заботливо.

(В такой вечер вам никак нельзя оставаться одной...)

В любом случае результат будет тем же.

Он займется с Кларой Лундин сексом.

* * *

Краска на потолке над кроватью уже начала немного шелушиться, увидел Торкель, лежа на спине в постели в очередной безликой гостинице. За последние годы ночей, проведенных в гостиницах, было так много, что безликость стала нормой. Здесь простоту предпочитают оригинальности, а функциональность ставят превыше уюта. Впрочем, по правде говоря, особой разницы между двухкомнатной квартирой в южном пригороде Стокгольма, куда он переехал после развода с Ивонн, и обычным номером в гостиницах «Скандик» тоже не было. Торкель вытянулся и подsunул руки под подушку за головой. Душ по-прежнему работал. Она явно не торопится выйти из ванной комнаты.

Расследование. Что же у них имеется на настоящий момент?

У них есть место, где утопили тело, но нет места убийства. Есть отпечаток шины, который, возможно, оставил автомобиль убийцы, а возможно, и нет. Призыв к общественности сообщить, если кто-нибудь вспомнит что-либо необычное в вечер исчезновения Рогера Эрикссона или в последующие дни, результатов не дал. Они задержали юношу, но все больше аргументов утверждают, что уже завтра им придется его отпустить. К плюсам относится то, что Билли после бесконечных телефонных переговоров сумел выйти в интересующем их охранном предприятии на женщину, которая знала, с кем ему следует поговорить, чтобы получить доступ к видеозаписям с камер наружного наблюдения, установленных на Густавборгсгатан. Этот мужчина пребывает на праздновании пятидесятилетия в Линчёпинге, но по возвращении обещал заняться их вопросом — завтра до обеда, при первой же возможности. Правда, он не уверен в том, что записи с той пятницы сохранились. Некоторые пленки хранятся только сорок восемь часов. Так распорядилась местная администрация. Он проверит, когда вернется. Завтра в первой половине дня. Билли дал ему время до одиннадцати часов.

Ванья убеждена в том, что подружка Рогера лжет относительно временных параметров в вечер его исчезновения, но, как справедливо указал отец Лизы, тут получается слово против слова. Заказанные записи могли бы помочь им и здесь. Торкель мысленно вздохнул. Его несколько удручало, что успех расследования в настоящий момент, похоже, зависит от того, как долго служба безопасности Вестероса хранит записи, сделанные в общественных местах. Что произошло со старой доброй полицейской работой? Торкель незамедлительно отогнал эту мысль. Так рассуждают обожающие оперу, потягивающие виски старые комиссары в детективных фильмах. Использование техники и является новой доброй полицейской работой. ДНК, камеры наружного наблюдения, самые современные компьютерные технологии, сверки, прослушивания, отслеживание мобильных телефонов, восстановление стертых эсэмэс. Теперь преступления раскрывают так. Пытаться противостоять этому или не применять этого не просто бессмысленно — это все равно что встать и начать превозносить лупу как важнейший элемент полицейского оборудования. Глупо и ретроградно. А сейчас не время предаваться подобному. Убит юноша. Они находятся под неусыпным вниманием. Торкель только что посмотрел новости по четвертому каналу, а затем дебаты, посвященные увеличению насилия в молодежной среде: причина — следствие — выход из положения. И это несмотря на то, что все больше фактов указывало на невиновность Лео Лундина и Торкель с командой пытались ясно дать понять это, чтобы общественность и пресса не выносили Леонарду приговор. Впрочем, программа, возможно, имела в виду, что если жертвой становится молодой человек, то надо говорить о насилии в молодежной среде независимо от возраста преступника? Торкель не знал. Он знал лишь, что дискуссия не принесла ничего нового. Обвиняли отсутствующих отцов, отсутствующих родителей вообще, насилие в кино и прежде всего в играх, и под конец женщина с пирсингом лет тридцати высказала то, чего Торкель только и ждал, чтобы поставить галочку.

— Но не следует забывать о том, что общество стало гораздо более жестоким.

Вот и причины: родители, ТВ, игры, общество.

Выходы, как всегда, блистали своим отсутствием, если не считать решениями проблемы законодательно закрепленное разделение между родителями отпуска по уходу за ребенком, усиление цензуры и совет чаще обнимать детей. С обществом, очевидно, ничего сделать нельзя. Торкель выключил телевизор еще до окончания программы и заговорил о

Себастиане. За последние годы он вспоминал старого коллегу нечасто, но тем не менее полагал, что встреча с ним произойдет по-другому.

Сердечнее.

Он испытал разочарование.

Тут-то она и ушла в душ. Теперь она появилась из ванной — обнаженной, не считая полотенца на голове. Торкель продолжил разговор так, будто пятнадцатиминутного перерыва и не было.

— Ты бы его видела. Он был довольно своеобразен, уже когда мы вместе работали, но сейчас... Кажется, он стремится со мной поссориться.

Урсула не ответила. Торкель проследил за ней взглядом — она подошла к ночному столику, взяла баночку с кремом для кожи и принялась его втирать. *LdB Aloe Vera*, Торкель знал. Ему уже несколько раз доводилось наблюдать за тем, как она это проделывает.

Несколько лет.

Когда же это началось? Он толком не знал. До развода, но после того, как его семейные отношения начали портиться. Все равно получался многолетний промежуток. Какая разница? Он ведь развелся. Урсула продолжала оставаться замужем и вовсе не собиралась оставлять Микаэля, это Торкель знал. Он плохо представлял себе отношения Урсулы с Микаэлем. У Микаэля бывали тяжелые периоды злоупотребления алкоголем. Запой. Однако, если Торкель правильно понимал ситуацию, в настоящее время подобные периоды возникали все реже и делались все короче. Может, у них свободный брак и они спят с кем хотят, когда хотят и как угодно часто? Возможно, Урсула изменяет Микаэлю с Торкелем. Торкелю казалось, что они с Урсулой близки, но о ее личной жизни, вне работы, он по большому счету ничего не знал. Поначалу он задавал вопросы, но Урсула явно считала, что его это не касается. Работая вместе, они искали общества друг друга — так вполне может продолжаться и дальше. К чему требовать большего? Большого ему знать незачем. Торкель предпочел оставить все как есть и не копать глубже из опасения, что потеряет ее окончательно. А этого ему не хотелось. Он толком не знал, чего хочет от их отношений, но явно большего, чем была готова дать ему Урсула. Поэтому он довольствовался тем, что имеет. Когда у нее возникало желание, они проводили ночи вместе. Как теперь, когда она отогнула одеяло и улеглась в постель рядом с ним.

— Я тебя предупреждаю. Если ты снова заговоришь о Себастиане, я уйду.

— Просто мне казалось, что я его знаю, и...

Урсула приложила к его губам палец и склонилась над ним, опершись на локоть. Она смотрела на него с решительным видом.

— Я серьезно. У меня есть свой номер. Я уйду туда, а тебе этого не хочется.

Она права.

Этого ему не хочется.

Он умолк и погасил лампу.

Себастиан очнулся от сна. Распрямляя пальцы правой руки, он быстро сориентировался. Соседний дом.

Клара Лундин.

Неожиданно хороший секс.

Тем не менее проснулся он с чувством разочарования. Все получилось так просто. Слишком просто для того, чтобы он проснулся с ощущением кратковременного

удовлетворения.

Себастиан Бергман умел соблазнять женщин. Всегда. За прошедшие годы другие мужчины не раз удивлялись его успехам у противоположного пола. Красавцем в классическом смысле слова он не был. Всегда балансировал между излишним и почти избыточным весом, а в последние годы остановился где-то в промежутке; черты лица у него не были правильными или резкими, скорее бульдог, чем доберман, если проводить сравнение с собаками, волосы начали отступать назад, выбор одежды всегда больше определялся образом профессора психологии, чем модными журналами. Конечно, имелись женщины, падкие до денег, внешности и власти. Но такими были только некоторые. Для успеха у *всех* женщин требовалось нечто иное. То, чем обладал Себастиан. Шарм — интуиция и некий регистр. Понимание того, что все женщины разные, и, как следствие, способность варьировать тактику. Пробовать одну, менять посередине, вникать и при необходимости снова менять.

Тактичность.

Внимательность.

Когда удавалось лучше всего, соблазнительницей чувствовала себя женщина. Ощущение, которого богатым мужчинам, щеголяющим в баре платиновыми карточками *American Express*, понять не дано.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Оно приносило Себастиану ментальное удовлетворение — управлять процессом, парировать, регулировать и под конец, если он правильно разыгрывал свои карты, дополнять физическим удовлетворением. Но с Кларой Лундин все вышло слишком просто. Словно шеф-повара пятизвездочного ресторана попросили поджарить яичницу. Ему не удалось показать своих умений. Получилось скучно. Только секс.

По пути к соседнему дому Себастиан избрал вариант с сочувствием и, когда она открыла дверь, протянул ей бутылку вина.

— Мне подумалось, что вы, возможно, не хотите сидеть в одиночестве...

Она впустила его, они уселись на диван, открыли вино, и он выслушал то же, что слышал за обедом, только в чуть более длинной, переработанной версии, где больше внимания уделялось ее неудаче как родителя. Он в нужных местах поддакивал и кивал, снова наполнял бокалы, слушал дальше, иногда отвечал на вопросы чисто полицейского свойства: о способах задержания, о том, чего следует ждать дальше, что означает степень подозрения и так далее. Когда она уже больше не могла сдерживать слезы, он утешающе положил ей руку на колено и с сочувствием прислонился к ней. Он прямо физически ощутил, как ее тело словно ударило током. Молчаливые всхлипывания прекратились, и дыхание изменилось, стало тяжелее. Она повернулась к Себастиану и посмотрела ему в глаза. Он даже не успел толком среагировать, а они уже целовались.

В спальне Клара приняла его в объятия с полным самоотречением. Потом она снова поплакала, поцеловала его и захотела снова. Заснула она, прижавшись к нему всем телом.

Когда Себастиан проснулся, она по-прежнему лежала, положив руку ему на грудь и уткнувшись головой в углубление между его головой и плечом. Он осторожно высвободился из ее объятий и встал. Клара не проснулась. Тихонько одеваясь, он смотрел на нее. Настолько же, насколько Себастиана увлекала фаза обольщения, его не интересовало продолжение общения после секса. Что оно могло ему дать? Только повтор. Чуть больше того же, но без напряжения. Совершенно бессмысленно. Он покинул достаточно много

женщин после подобного приключения на одну ночь, чтобы знать, что такой взгляд на вещи лишь в исключительных случаях является обоюдным, а в отношении Клары Лундин он не сомневался, что она ожидает продолжения в какой-либо форме. Не просто завтрака и болтовни, а кое-чего большего.

Чего-то настоящего.

Поэтому он ушел.

Муки совести обычно не входили в регистр чувств Себастиана, но даже он понимал, что пробуждение станет для Клары Лундин тяжелым ударом. Собственно говоря, он понял, как она одинока, еще утром в саду и позже получил подтверждение этому на диване. По тому, как ее губы прикоснулись к его губам, как судорожно ее руки обхватили его голову и как она прижималась к нему телом. Ей просто до отчаяния хотелось близости. Во всех отношениях, не только в физическом. После лет, когда кто-нибудь в лучшем случае только отмахивался от нее или полностью игнорировал ее мысли и чувства, а в худшем — ругался и угрожал ей, она изголодалась по нежности и заботе. Она напоминала песок в пустыне — впитывала в себя все, что походило на обычное сочувствие. Его рука на колене. Контакт. Отчетливый сигнал, что она желанна. Он словно бы открыл шлюзные ворота потребности.

В коже.

В близости.

В ком-то.

«Здесь-то и заключалась ошибка», — думал Себастиан, преодолевая короткий путь к родительскому дому. Все произошло слишком быстро, и она была благодарна. Он легко переносил большинство эмоций своих «завоеваний», но благодарность всегда вызывала у него некоторое отвращение. Ненависть, презрение, печаль — все было лучше. Благодарность наглядно проявляла то, что все происходило на его условиях. Разумеется, он это знал и так, но куда приятнее было уговаривать себя, что существует некое равенство. Тешить себя иллюзией. Благодарность ее разрушала. Превращала его в мерзавца, каковым он и являлся.

Когда Себастиан пришел домой, было всего без четверти четыре утра, но ему совершенно не хотелось снова ложиться спать. Чем же заняться? Хотя он не испытывал ни малейшего желания заниматься шкапами и ящиками и надеялся, что все как-нибудь образуется само, он сознавал, что рано или поздно ему придется за них взяться. Если откладывать, лучше не станет.

Себастиан пошел в гараж и нашел несколько сложенных коробок, прислоненных к стене перед старым «опелем». Взяв три из них и вернувшись в дом, он снова остановился. С чего начать? Решил — с бывшей гостевой комнаты, а теперь кабинета. Письменный стол со старыми пишущими машинками он оставил на потом, развернул одну из коробок и принялся сгребать в нее книги с покрывавших стену полок. Тут оказалась смесь художественной литературы, справочников, энциклопедий и учебников. Все уехало вниз. С книгами, наверное, так же, как со стоящим в гараже «опелем», — стоимость при перепродаже равна нулю. Когда коробка наполнилась, Себастиан попытался ее закрыть. Не получилось. «Пусть это будет проблемой какого-нибудь грузчика», — подумал он, с трудом подтаскивая коробку к дверям. Затем он развернул новую коробку и продолжил очистку. К пяти часам Себастиан принес из гаража еще четыре коробки и опустошил почти весь стеллаж. Оставались только две полки с правого края. С фотоальбомами, аккуратно датированными годами и снабженными кратким комментарием. Себастиан поколебался. На этих полках все же стоит

так называемая жизнь родителей. Сбросить ее в коробку и отправить на переработку мусора? Может ли он так поступить? Себастиан отложил решение: с полки их надо снимать в любом случае, а куда их потом девать, он подумает позже.

Себастиан снял больше половины, взялся за верхнюю полку и дошел до альбома «Зима/весна 1992 года — Инсбрук», когда его рука наткнулась на что-то, стоявшее позади толстого альбома. Коробка. Он добрался до нее, ухватился и спустил вниз. Это оказалась небольшая коробка для обуви, голубая, с солнцем посередине крышки. Для детской обуви, предположил Себастиан. Странное место для хранения туфель. Он уселся на кровать и с известным любопытством открыл крышку. Коробка оказалась заполненной меньше чем наполовину. Игрушка для занятий сексом времен «детства» подобных шуток, аккуратно убранный в коробочку с карандашным рисунком из чего-то вроде «Камасутры». Ключ от банковского сейфа и несколько писем. Себастиан достал письма. Три штуки. Два из них были адресованы его матери. Женский почерк. Третье — от матери какой-то Анне Эрикссон из Хегерстена. Письмо вернулось обратно, «адресат неизвестен», значилось на имеющемся на конверте штампе. Судя по почтовому штемпелю, корреспонденция тридцатилетней давности. Из Хегерстена и Вестероса. Коробка, похоже, содержала тайны, которые его мать скрывала от остального мира. Она явно считала важным их сохранить, но в тайнике. Что же она такое натворила? От кого они? Любовница? Маленькое амурное приключение помимо дома и его отца? Себастиан открыл первое письмо.

Здравствуйте.

Я не знаю, по адресу ли обращаюсь. Меня зовут Анна Эрикссон, и мне необходимо связаться с вашим сыном Себастианом Бергманом. Он преподавал психологию в Стокгольмском университете, там я с ним и познакомилась. Я пыталась найти его через университет, но он там больше не преподает, и у них нет его нового адреса. Его коллеги, с которыми я разговаривала, говорят, что он переехал в США, но я не нашла никого, кто бы знал, где он там живет. Под конец, кто-то рассказал, что он родом из Вестероса и что его мать зовут Эстер. Я отыскала вас по телефонному справочнику и надеюсь, что пишу той, кому надо, и что вы поможете мне связаться с Себастианом. Если вы не приходитесь матерью Себастиану Бергману, то я прошу прощения за беспокойство. Но вы это или нет, будьте так добры, ответьте, мне действительно очень нужно связаться с Себастианом и важно знать, по адресу ли я послала это письмо.

С уважением,

Анна Эрикссон.

И адрес. Себастиан задумался. Анна Эрикссон. Осень после переезда в США. Ее им никаких ассоциаций не вызывало, но, может, это и не удивительно. Дело было тридцать лет назад, а за университетский период через его жизнь прошло много женщин. Сразу после блестящего окончания университета ему на год предложили временную ставку на кафедре психологии. Он был минимум на двадцать лет моложе коллег и чувствовал себя щенком в комнате со скелетами динозавров. Если как следует напрячься, он, возможно, вспомнит хоть чье-нибудь имя из тех, с кем тогда переспал, но скорее всего нет. Во всяком случае, не

вспомнит никакой Анны. Может быть, что-нибудь прояснит следующее письмо.

Здравствуйте.

Спасибо за ваш быстрый и любезный ответ и извините, что я снова вас беспокою. Я понимаю, что вам должно казаться странным давать адрес сына совершенно чужому человеку, но мне действительно НЕОБХОДИМО найти Себастиана, и побыстрее. Наверное, неправильно писать об этом вам, но я чувствую, что вынуждена, чтобы вы поняли, что дело действительно важное.

Я жду ребенка от Себастиана, и мне необходимо с ним связаться. Поэтому, пожалуйста, если вам известно, где он, сообщите мне. Как вы понимаете, для меня это безумно важно.

Там было еще что-то — о переезде и обещании написать, — но Себастиан дальше не продвинулся. Он снова и снова перечитывал то же предложение. У него есть ребенок. Или по крайней мере мог быть. Сын или дочь. Возможно, он опять отец. Возможно. Возможно. От внезапного осознания того, что его жизнь могла бы быть совершенно иной, он чуть не лишился чувств. Он наклонился вперед, зажал голову между коленей и постарался дышать глубже. Мысли путались. Ребенок. Она его ликвидировала? Или он жив?

Себастиан судорожно пытался сообразить, кто такая Анна. Подставить к имени какое-нибудь лицо. Но никаких воспоминаний не всплывало. Может, ему трудно сконцентрироваться? Он сделал глубокий вдох, чтобы мобилизовать память на лица. По-прежнему ничего. Противоречивые ощущения счастья и шока на мгновение заслонила внезапная злость. У него, возможно, есть ребенок, а мать ничего ему об этом не сказала. На него накатило знакомое чувство, что мать предала его. В животе все перевернулось. А ведь ему уже захотелось было простить ее. Или по крайней мере утихомирить ту борьбу, которую он в глубине души неизменно вел с ней. Это желание исчезло. Теперь противостояние сохранится навсегда, осознал он в эту минуту, до конца его жизни.

Он должен узнать больше. Должен вспомнить, кто такая Анна Эрикссон. Себастиан встал. Прошелся по кругу. Вспомнил про последнее письмо — ведь в коробке лежало три письма. Возможно, в нем содержатся еще фрагменты мозаики. Себастиан достал письмо со дна коробки. Круглый почерк матери — на секунду ему захотелось выбросить конверт. Исчезнуть, так и не оглянувшись. Оставить эту тайну, навсегда похоронить там, где она уже так долго хранилась. Однако сомнения вскоре сменились действием, иначе и быть не могло, и дрожащими руками Себастиан осторожно извлек из конверта письмо. Почерк матери, ее построение фраз, ее слова. Поначалу он не понимал, что там написано, его мозг был слишком перегружен.

Здравствуйте, Анна.

Я не сообщила вам адрес Себастиана в США не потому, что вы чужой человек, а поскольку, как я уже написала в первом письме, мы не знаем, где Себастиан живет. Мы не поддерживаем с сыном никаких контактов. Уже много лет. Вы должны поверить, что я говорю правду. Я немного расстроилась, узнав, что вы беременны. Это полностью противоречит моим убеждениям, но я все-таки чувствую, что обязана дать вам совет, а именно — если это еще возможно, прервите беременность. Постарайтесь забыть Себастиана. Он никогда не возьмет

на себя никакой ответственности ни за вас, ни за ребенка. Мне больно об этом писать, и вас, вероятно, заинтересует, что же я за мать, но большинству людей лучше не впускать Себастиана в свою жизнь. Я надеюсь, что все постепенно устроится к лучшему для вас.

Себастиан прочел письмо еще раз. Мать в точности следовала сценарию их отношений. Даже после смерти она умудрилась ранить его. Себастиан снова попытался успокоить мысли. Сконцентрироваться на фактах, а не на мыслях. Абстрагироваться. Действовать профессионально. Что же ему известно? Тридцать лет назад, когда он работал в Стокгольмском университете, от него забеременела некая Анна Эрикссон. Возможно, она сделала аборт, возможно, нет. В любом случае она переехала с (он посмотрел на адрес Анны) улицы Васалоппсвеген, 17 примерно тридцать лет назад. Он спал с ней. Она была одной из его бывших учениц? Вполне вероятно. С несколькими из них у него был секс.

В телефонном справочнике ему удалось найти хотя бы номер вышедшего на пенсию заведующего кафедрой Артура Линдгрена. После трех попыток и более двадцати пяти сигналов Артур все-таки ответил. Он по-прежнему жил на Сюрбруннгатан и, немного проснувшись и поняв, кто ему звонит в половине шестого утра, проявил на удивление откровенную готовность помочь. Он обещал поискать Анну Эрикссон в имеющихся у него дома бумагах и папках. Себастиан поблагодарил его. Артур всегда относился к числу немногих людей, кого он уважал, и уважение носило обоюдный характер — Себастиан знал, что Артур даже защищал его, когда руководство университета впервые попыталось его выгнать. Под конец, правда, ситуация сделалась невыносимой даже для Артура. Истории Себастиана с женщинами перестали быть незаметными мелкими приключениями, и о нем ходило столько слухов, что руководству с третьей попытки удалось-таки его уволить. Тогда-то он и уехал в США, в Университет Северной Каролины. Он стал понимать, что время уходит, и подал документы на стипендию Фулбрайта.

Себастиан начал выстраивать временной график — он отметил дату первого письма: 9 декабря 1979 года. Второе письмо было датировано 18 декабря. Он отсчитал девять месяцев назад от декабря. Это привело его к марту 1979 года.

Он прибыл в Чейпл-Хилл в Северной Каролине в самом начале ноября 1979-го. Значит, период приходился на март — октябрь, восемь возможных месяцев. Скорее всего, она написала первое письмо, как только обнаружила беременность. Сентябрь — октябрь казались самыми вероятными месяцами. Себастиан попытался восстановить в памяти максимум своих сексуальных контактов осенью 1979 года. Это оказалось непросто — именно в тот период пребывания в университете он особенно широко злоупотреблял сексом. Отчасти стресс от бесконечных проверок на кафедре только усугубил его потребность в самоутверждении, отчасти после нескольких лет экспериментов он достиг почти совершенства в роли соблазнителя. Неуклюжесть, боязнь и неловкость исчезли. За несколько лихорадочных лет он преодолел все барьеры и просто наслаждался своими навыками. Позже, оглядываясь на это время, он лишь поражался собственному поведению. Когда в начале 1980-х всех стал охватывать страх перед ВИЧ и СПИДом, Себастиан с испугом осознал опасность злоупотребления сексом. Он принялся искать пути противостояния, черпал большую часть сил в углубленном изучении серийных убийц в США. Ему помнился миг, когда он, сидя в Куантико — учебном центре ФБР, сотрудничавшем с Университетом Северной Каролины, — сообразил, что мотивы его поведения очень напоминали силы,

движущие серийным убийцей. Конечно, их действия имели совершенно разные последствия, как если бы он играл в покер на спички, а серийные убийцы — на золотые слитки. Но основа была одинаковой. Трудное детство с нехваткой сочувствия и любви, низкая самооценка, надежно прикрытая потребностью продемонстрировать силу. И вечный, непрерывно крутящийся цикл: фантазия — осуществление — страх. Индивидуум нуждается в самоутверждении и фантазиях, связанных с контролем, в его случае — с сексуальным, в случае же серийного убийцы речь идет о жизни и смерти других людей. Фантазия разрастается с такой силой, что под конец человек не может противостоять желанию ее осуществить. Потом приходит страх по поводу содеянного. Самоутверждение, оказывается, того не стоило. Ты плохой. Плохой человек. Сомнение возвращает фантазии, те уменьшают страх и довольно быстро настолько разрастаются, что вновь возникает потребность их осуществить. И так далее, по кругу. Осознание этого напугало Себастиана, но и вооружило его для оказания помощи полиции в поимке серийных убийц. Он немного глубже анализировал. Обладал несколько большими знаниями в своей области. У него словно бы присутствовало нечто дополнительное, позволявшее ему необычайно точно разбираться в психологии преступника. Все правильно: в глубине души, за налетом академичности, обширными знаниями и умными высказываниями, он был, по сути, таким же, как те, кого он ловил.

Артур перезвонил ему часом позже. К этому времени Себастиан успел позвонить в справочную службу компании «Эниро» и узнать, что в Швеции так много женщин по имени Анна Эрикссон, что компьютеры выдают: «Слишком много ответов». Он попробовал ограничить поиск Стокгольмом и получил цифру 463, а он ведь даже не знал, по-прежнему ли она проживает в Стокгольме. Или не вышла ли она замуж и не сменила ли фамилию.

У Артура были две новости: хорошая и плохая. Плохая заключалась в том, что, согласно сохранившимся у него записям, в 1979 году никакая Анна Эрикссон на кафедре психологии не училась. Одна, правда, поступила в 1980 году, но это явно не могла быть она.

Хорошая новость состояла в том, что ему удалось получить доступ к компьютерной базе данных «Ладок».

Ну конечно, как Себастиан не подумал об этом сам? Когда он уходил из университета, эта система документирования оценок студентов существовала еще всего несколько лет, но он помнил, что одним из ее многочисленных плюсов являлось то, что адреса, смены фамилий и тому подобное автоматически сопоставлялось с регистрацией по месту жительства и обновлялось. И главное, сведения считались открытыми. Тем не менее по телефону они обычно не выдавались, но один из сотрудников университетского отдела кадров сделал в это раннее утро для бывшего заведующего исключение. В результате тот смог узнать адреса и телефоны трех женщин по имени Анна Эрикссон, которые числились в университете в интересующий Себастиана период.

Себастиан просто не знал, как ему отблагодарить Артура. Он положил трубку, пообещав пригласить того на ужин в один из лучших ресторанов Стокгольма, как только вернется в город. Сердце колотилось. Три Анны Эрикссон.

Неужели одна из них та самая?

Первой Анне из короткого списка в актуальное время был сорок один год, и ее Себастиан быстро отмел. Не потому, что она не смогла бы забеременеть, просто секс с «мамашами» его не интересовал. Во всяком случае тогда. Позднее, сейчас, возраст имел для него меньшее значение.

Значит, оставались двое. Две возможных Анны Эрикссон. Давно уже Себастиан не ощущал подобной смеси энергии, страха и надежды, как когда поднял трубку и позвонил первой. Сейчас она жила в Хесслехольме, а в то время изучала теорию кино. Себастиан застал ее, когда она собиралась идти на работу. Он решил действовать в открытую и рассказал ей всю историю о письмах, найденных чуть раньше утром. Столь неожиданный и личный разговор с утра пораньше явно застал ее врасплох, но она тем не менее любезно объяснила, что представления не имеет, кто он такой, и уж точно не рожала от него детей. Дети у нее есть, но они родились в 1984 и 1987 годах. Себастиан поблагодарил ее и вычеркнул из списка.

Осталась одна.

Себастиан позвонил ей. Разбудил ее. Наверное, поэтому она соображала куда более медленно. Сказала, что не знает его. Признала, что училась в университете на социального работника и окончила его в 1980 году, но не спала ни с кем из аспирантов кафедры психологии. Она бы это помнила. Если бы она к тому же забеременела, то уж точно бы запомнила. Нет, детей у нее нет. Если ему через столько лет удалось разыскать ее и раздобыть ее номер телефона, то он наверняка мог бы проверить и это. И положила трубку.

Себастиан вычеркнул из списка последнюю Анну Эрикссон.

Он выдохнул так, будто последние часы задерживал дыхание. Поддерживавшая его энергия исчезла. Он тяжело опустился на стул на кухне. Мысли путались. Требовалось навести в них порядок.

Значит, Анна Эрикссон, которую он разыскивает, не училась тогда в университете. Это усложняло дело. Однако какое-то отношение к университету она имела. Она ведь написала, что они познакомились там. Но какое? Она преподавала или просто дружила с кем-то, кто учился в университете, и они познакомились на какой-нибудь вечеринке?

Масса возможностей.

Никаких ответов.

Имя, адрес, год и привязка ко времени его работы в Стокгольмском университете — все. Он не знал даже ее возраста — это могло бы немного помочь. Но ему необходимо узнать. Больше. Все. Впервые за очень долгое время Себастиан чувствовал нечто иное, чем вечную усталость, так давно сопровождавшую его. Не надежду, но что-то подобное. Маленькую связь с жизнью. Это чувство было ему знакомо. Его в свое время дала ему Лили — чувство сопричастности. Принадлежности к чему-то. До того Себастиан всегда чувствовал себя одиноким. Будто он жил в стороне от жизни и других людей, ходил с ними рядом, бок о бок, но не вместе. Лили все изменила. Она достучалась до него, проникла сквозь стену его позиции и рационализма и прикоснулась к нему так, как не прикасался никто другой. Она видела его насквозь. Прощала его любовные связи, но предъявляла требования. Ему это было в новинку.

Любовь.

Он прекратил трахаться направо и налево. Это давалось тяжело, но она всегда умела каким-то магическим образом подыскать слова и утешить его в минуты сомнений. Внезапно он понял, что борется за них не только она. Он тоже. Если раньше он всегда искал дорогу назад, то теперь стремился найти дорогу вперед. Это было замечательное чувство. Он перестал быть одиноким солдатом, их стало двое. В тот августовский день, когда родилась Сабина, жизнь окружила его. Он почувствовал себя полноценным. Стал частью чего-то. Перестал быть одиноким.

Цунами изменило все. Разорвало все связи, каждую тонко спряденную ниточку между ним и всем остальным. Он вновь оказался в одиночестве.

Более одиноким, чем когда-либо.

Потому что теперь он знал, как может ощущаться жизнь.

Как она должна ощущаться.

Себастиан вышел на деревянную террасу. Он испытывал удивительный восторг. Словно ему внезапно бросили спасательный круг. Принять ли его? Это наверняка плохо кончится. Наверняка. Но в это утро он впервые за очень долгое время чувствовал, что в нем что-то кипит, энергия, желание не секса, не завоевания — нет, желание жить. Ему надо принять круг. Ведь на нем уже лежит проклятие. Значит, терять ему нечего. Можно только что-то выиграть. Ему необходимо узнать. Неужели у него есть еще один ребенок? Он должен отыскать эту Анну Эрикссон. Но как? Внезапно его осенило. Есть люди, способные ему помочь. Правда, это будет нелегко.

Торкель с Урсулой спустились на завтрак в ресторан гостиницы одновременно, но вместе они шли не всю дорогу. Когда Урсула проводила ночи в номере у Торкеля, она ставила будильник на половину пятого, вставала по его звонку, одевалась и уходила к себе в номер. Торкель тоже просыпался и прощался с ней в дверях уже полностью и тщательно одетым. Случись кому-нибудь проходить в этот безбожно ранний час по гостиничному коридору, все выглядело бы так, будто двое коллег проработали всю ночь и теперь одна из них возвращается к себе в комнату, чтобы вполне заслуженно несколько часов поспать. То, что этим утром они встретились на лестнице и поэтому одновременно вошли в ресторан, было случайностью. Они также одновременно услышали пронзительный свист и оба посмотрели в сторону одного из столиков у окна. Там сидел Себастиан. Тот поднял в знак приветствия руку. Торкель услышал, как стоявшая рядом с ним Урсула вздохнула, потом она отошла от него и, почти демонстративно повернувшись к Себастиану спиной, стала интересоваться выбором на шведском столе.

— Будь добр, подойди на минутку. Я взял тебе кофе. Голос Себастина прозвучал на весь зал. Те посетители, которые не заинтересовались ими при свисте, теперь обратили свои взгляды к ним. Торкель решительным шагом подошел к его столику.

— Что тебе надо?

— Я хочу снова работать. С вами. Над делом мальчика.

Торкель поискал в лице Себастиана признаки того, что тот шутит. Ничего подобного не обнаружив, он покачал головой.

— Не выйдет.

— Почему? Потому что не захочет Урсула? Послушай, удели мне две минуты.

Торкель посмотрел в сторону Урсулы, по-прежнему стоявшей к ним спиной. Потом выдвинул стул и сел. Себастиан пододвинул ему чашку с кофе. Торкель быстро взглянул на часы и подпер голову руками.

— Две минуты.

На несколько секунд возникла пауза — Себастиан ожидал, что Торкель продолжит. Спросит о чем-нибудь. Но тот молчал.

— Я хочу снова работать. С вами. Над делом мальчика. Что тебе непонятно?

— Почему ты вдруг снова захотел работать? С нами. Над делом мальчика.

Себастиан пожал плечами и отпил глоток кофе из стоявшей перед ним чашки.

— Личные причины. В настоящий момент я веду немного... хаотичную жизнь. Мой терапевт говорит, что размеренность пошла бы мне на пользу. Я нуждаюсь в дисциплине. В концентрации. Кроме того, вы нуждаетесь во мне.

— Неужели?

— Да. Вы ведь занимаетесь ерундой.

Торкелю следовало бы привыкнуть. Сколько раз он или его сослуживцы излагали какую-нибудь теорию или пробовали какую-нибудь версию, а Себастиан жестоко разносил их в пух и прах. Тем не менее Торкель поймал себя на том, что рассердился на слова бывшего коллеги, хладнокровно отвергшего всю их работу. Работу, с которой он даже не знаком.

— Разве?

— Соседский парень этого не совершал. Тело утопили в отдаленном и довольно искусно выбранном месте. Покушение на сердце кажется чуть ли не ритуальным.

Себастиан слегка наклонился вперед и понизил голос, создавая немного драматический эффект.

— Убийца чуть более утончен и куда более зрел, чем тот, кто носит часы жертвы на руке.

Явно довольный собой, Себастиан отклонился обратно с чашкой кофе в руке и посмотрел поверх нее в глаза Торкелю. Тот отодвинулся от стола.

— Мы знаем и поэтому собираемся его сегодня отпустить. А на твой вопрос я по-прежнему отвечаю — нет. Спасибо за кофе.

Торкель встал и задвинул за собой стул. Он увидел, что Урсула уселась за столик у окна в другом конце зала, и уже собрался идти туда, когда Себастиан поставил чашку и повысил голос:

— Помнишь, когда Моника тебе изменяла? всю эту историю с твоим разводом? С первым разводом.

Торкель остановился и обернулся к Себастиану, который спокойно посмотрел ему в глаза. Торкель стоял молча, ожидая продолжения, которое, он знал, непременно последует.

— Тогда ты впал в настоящую депрессию. Не так ли?

Торкель не ответил, но взглядом показал Себастиану: «Лучше не начинай». Себастиан проигнорировал его взгляд.

— Бьюсь об заклад, что ты не был бы сегодня начальником, не подменяй тебя кое-кто в ту мрачную осень. Черт возьми, да весь тот год.

— Себастиан...

— Как ты думаешь, что произошло бы, если бы кое-кто не подавал своевременно отчеты? Не исправлял ошибки? Не сводил ущерб к минимуму?

Торкель шагнул обратно и оперся руками о стол.

— Я не знаю, к чему ты клонишь, но это, вероятно, некая форма самой крупной человеческой низости. Даже для тебя.

— Ты не понимаешь.

— Угроза? Шантаж? Чего именно я не понимаю?

Себастиан секунду помолчал. Неужели он зашел слишком далеко? Ему действительно необходимо подключиться к расследованию. Кроме того, он ведь любил Торкеля, во всяком случае, когда-то давно, в другой жизни. Воспоминание о той жизни заставило Себастиана хотя бы попытаться, теперь уже более дружелюбным тоном.

— Я не угрожаю. Я прошу тебя. Об одолжении.

Себастиан поднял взгляд и чистосердечно посмотрел Торкелю в глаза. В его взгляде читалась такая откровенная мольба, какую Торкель не мог припомнить, чтобы когда-либо видел у Себастиана прежде. Тем не менее Торкель попытался отрицательно помотать головой, но Себастиан его опередил:

— Как друга. Если ты знаешь меня хоть наполовину так хорошо, как думаешь, то ты понимаешь, что я никогда бы не стал тебя так упрашивать, не будь это мне действительно необходимо.

Все собрались в конференц-зале здания полиции. Когда Урсула вошла в комнату и увидела сидящего на одном из стульев Себастиана, она бросила на Торкеля явно неодобрительный взгляд. Ванья посмотрела на незнакомого ей человека скорее вопросительно, когда вошла и представилась, но Себастиану показалось, что едва он назвал свое имя, как ее вопросительный взгляд сменился откровенно неприязненным. Неужели Урсула о нем рассказывала?

Ну конечно.

Так естественно поболтать о трудностях работы.

Единственным, кто внешне никак не отреагировал на его присутствие, был Билли, сидевший за столом с купленным в мини-маркете завтраком. Торкель понимал, что хорошего варианта для того, что ему предстояло сказать, не существует в принципе. Самый простой чаще всего бывает наилучшим. Поэтому он высказался максимально просто:

— Себастиан немного поработает вместе с нами.

Недолгое молчание. Обмен взглядами. Удивление. Злость.

— Поработает с нами?

Торкель увидел, как напряглись челюсти Урсулы, когда она стиснула зубы. Ей хватило профессионализма, чтобы не назвать Торкеля идиотом и не выругать его перед всей группой, хотя он не сомневался в том, что именно этого ей хотелось больше всего. Он предал ее. Дважды. С одной стороны, снова ввел Себастиана в ее профессиональную жизнь, а с другой — что, возможно, было еще хуже — ни словом не обмолвился о своих планах ни за завтраком, ни во время совместной прогулки до здания полиции. Да, она разозлилась. Справедливо. Остаток этого расследования ему придется спать в одиночестве. Возможно, дольше.

— Да, поработает.

— Зачем же? Что такого особенного в данном деле, что нам требуется участие могучего Себастиана Бергмана?

— Дело пока не раскрыто, а Себастиан оказался доступен.

Торкель сам слышал, как неубедительно это прозвучало. Еще не прошло и двух суток с тех пор, как обнаружили тело, и сегодня они могли ждать прорыва на нескольких фронтах, если записи с камер наружного наблюдения предоставят им то, на что они надеялись. И — доступен? Разве это достаточный повод, чтобы подключать его к расследованию? Разумеется, нет. Им доступно много психологов. Многие из них лучше Себастиана в его нынешней форме — в этом Торкель был уверен. Так почему же Себастиан сидит в его штабе? Торкель ему ничем не обязан. Напротив. Его жизнь, наверное, была бы намного проще, держись он от бывшего коллеги подальше. Однако в желании Себастиана присутствовала какая-то обнаженная откровенность. Какое-то отчаяние. Себастиан мог сколько угодно изображать равнодушие и отстраненность, но Торкель прочел в его глазах пустоту. Горе. Это звучало преувеличением, но у Торкеля возникло ощущение, что жизнь Себастиана или по крайней мере его ментальное здоровье зависели от возможности включиться в расследование. У Торкеля попросту не было никакой другой причины, кроме того, что ему это показалось правильным.

Тогда. В ресторане гостиницы.

Теперь же он чувствовал, как в нем разрастается зародыш сомнения.

— Я вообще-то немного похудел.

Все четверо одновременно вопросительно посмотрели на Себастиана, который

распрямил спину.

— Прости?

— Урсула назвала меня «могучим Себастианом Бергманом». Я немного похудел. Если ты, конечно, не имела в виду кое-что другое могучее. — Себастиан многозначительно улыбнулся Урсуле.

— Черт побери, прекрати! Прошло каких-нибудь тридцать проклятых секунд, а ты уже начал. — Урсула обратилась к Торкелю. — Ты серьезно считаешь, что мы должны хотя бы попытаться работать вместе?

Себастиан с извиняющимся видом всплеснул руками:

— Извините. Прошу прощения. Я не подозревал, что намек на могучий интеллект вызовет в группе возмущение.

Урсула лишь фыркнула, покачала головой и скрестила руки на груди. Она посмотрела на Торкеля взглядом, явно показывающим, что она ожидает разрешения ситуации, которое будет заключаться в том, что Себастиан исчезнет. Ванья, не имевшая опыта общения с Себастианом, смотрела на него со смесью недоверия и восхищения. Словно он был крупным насекомым под микроскопом.

— Ты серьезно?

Себастиан снова всплеснул руками:

— Всем своим прекрасным телом.

Торкель почувствовал, как зародыш сомнения увеличился. Обычно внутреннее чувство его не подводило. А сейчас? Сколько прошло времени? Три минуты? А такого плохого настроения в команде не было уже много лет. Если вообще такое бывало. Торкель повисил голос.

— Ладно, хватит. Себастиан, ты сейчас пойдешь куда-нибудь, сядешь и познакомишься с делом.

Торкель протянул Себастиану папку. Себастиан взялся за нее, но Торкель папки не отпустил, что вынудило Себастиана встретиться с ним взглядом.

Себастиан посмотрел на него вопросительно.

— В дальнейшем ты будешь обходиться со мной и моими сотрудниками уважительно. Я тебя взял. Я могу тебя и выгнать. Ясно?

— Да, конечно, отвратительно, что я не проявляю уважения, когда все приложили максимум усилий к тому, чтобы я почувствовал, как мне рады.

Торкель пропустил иронию мимо ушей.

— Я не шучу. Если ты не возьмешь себя в руки, я тебя выгоню. Понятно?

Себастиан сообразил, что сейчас неподходящий случай, чтобы возражать Торкелю, и покорно кивнул.

— Я искренне прошу всех меня простить. За все. С этой минуты вы почти не будете замечать моего присутствия.

Торкель выпустил папку из рук. Себастиан взял ее, сунул под мышку и слегка помахал рукой присутствующим.

— Тогда увидимся позже.

Себастиан открыл дверь и скрылся. Урсула повернулась к Торкелю, но не успела начать свою тираду, как о дверной косяк постучал Харальдссон и вошел в комнату.

— Мы получили мейл.

Он протянул распечатку Торкелю, тот взял лист и взглянул на него. Ванья

переместилась поближе, чтобы прочесть текст через его плечо, но в этом не оказалось необходимости, поскольку Харальдссон озвучил содержание мейла:

— Кто-то утверждает, будто куртка Рогера находится в гараже Лео Лундина.

Торкелю даже не потребовалось ничего говорить. Урсула и Билли протиснулись в дверь мимо Харальдссона и исчезли.

Себастиан шел через офисное помещение с открытой планировкой, держа под мышкой папку, которую даже не собирался открывать. Пока все в порядке. К расследованию его подключили, теперь оставалось только заполучить то, ради чего он пришел. Если хочешь кого-то найти, искать надо в компьютерах полиции. База данных досье преступников — это одно, там присутствуют не все и Анны Эрикссон, как надеялся Себастиан, там нет, но обилие информации, не связанной с преступной деятельностью, которое мог узнать через полицию соответствующий человек, было весьма внушительным. Именно эта сила ему и требовалась.

Надо только найти того, кто сможет ему помочь.

Подходящего для такого задания человека.

Себастиан обвел взглядом рабочие места и остановился на сидевшей возле окна женщине лет сорока. Короткая, практичная прическа. Деликатный макияж. В ушах клипсы. Карие глаза. Обручальное кольцо. Подходя к ней, Себастиан включил улыбку.

— Здравствуйте. Меня зовут Себастиан Бергман, я с сегодняшнего дня работаю с Госкомиссией.

Когда женщина оторвалась от работы и взглянула на него, он кивнул головой на конференц-зал.

— Вот как. Здравствуйте. Мартина.

— Здравствуйте, Мартина. Не могли бы вы помочь мне с одним делом?

— Конечно. С чем именно?

— Мне нужно найти некую Анну Эрикссон. В 1979 году она проживала в Стокгольме по этому адресу.

Себастиан положил на стол перед женщиной конверт, вернувшийся обратно к его матери. Женщина быстро взглянула на конверт, а потом снова посмотрела на Себастиана с некоторой подозрительностью.

— Она связана с вашим расследованием?

— Да. Безусловно. В высшей степени.

— Тогда почему вы не поищите ее сами?

Действительно, почему бы ему не сделать этого самому? К счастью, в виде исключения можно было воспользоваться правдой:

— Я только сегодня приступил и еще не получил логин, пароль и тому подобное.

Себастиан улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, но увидел по глазам Мартины, что желаемого эффекта не достиг. Она повертела конверт в руках и покачала головой.

— Почему вы не попросите кого-нибудь из членов своей группы? У них есть доступ ко всей системе.

«Почему ты просто не обрадуешься возможности помочь в расследовании первостепенной важности, не посмотришь то, что я прошу, и не прекратишь задавать эти идиотские вопросы?» — думал Себастиан, наклоняясь к ней поближе и переходя на доверительный тон.

— Если честно, то это только моя догадка, а вы ведь понимаете, первый день, очень не хочется опозориться.

— Я с удовольствием помогу вам, но мне надо сперва согласовать это с вашим начальником. Мы не имеем права смотреть личные данные просто так.

— Но это не просто так...

Себастиан замолчал, увидев, что из конференц-зала вышел Торкель и что-то высматривает. Он явно нашел того, кого искал, — Себастиана — и решительным шагом направился к нему. Себастиан схватил конверт и поспешно выпрямился.

— Но знаете что, давайте наплюем на это. Забудьте. Я лучше обсужу это с группой, так будет проще. В любом случае спасибо.

Себастиан двинулся с места, еще не договорив. Ему хотелось сделать расстояние между собой, Торкелем и Мартиной достаточно большим, чтобы та не посчитала, что имеет смысл между делом спросить Торкеля, можно ли ей помочь Себастиану посмотреть данные Анны Эрикссон на 1979 год. Тогда бы Торкель заинтересовался зачем, поставил бы под сомнение его мотив для участия в расследовании и стал проявлять излишнюю бдительность. Поэтому Себастиан продолжал отдаляться от Мартины. Шаг за шагом. И тут:

— Себастиан.

Себастиан быстро посовещался сам с собой. Надо ли ему разьяснить повод своего разговора с женщиной — сотрудником полиции Вестероса? Может, лучше объяснить. Он решил избрать тот, о котором Торкель, наверное, все равно подумал.

— Я шел читать, но мне помешал облегающий, хорошо наполненный топ.

Торкель быстро взвесил, стоит ли ему прямо здесь и сейчас сообщить Себастиану, что он с этого утра является частью Государственной комиссии и любые его действия отражаются на всей группе. Следовательно, пытаться заманивать в постель местных замужних коллег — не лучшая идея. Однако Торкель понимал, что Себастиан и так все знает. Знает и не придает этому значения.

— Мы получили анонимный сигнал, снова указывающий на Лундина. Урсула с Билли отправились проверять, но мне подумалось — не поехать ли тебе туда, чтобы немного побеседовать с матерью?

— С Кларой?

— Да, у вас, похоже, сложились хорошие отношения.

Да, можно и так сказать. Близкие отношения. Еще одна женщина, которая заставит Торкеля не просто насторожиться, а молниеносно выгнать Себастиана. С матерями подозреваемых мальчиков спать не полагается. Себастиан не сомневался в твердой позиции Торкеля по данному вопросу.

— Не думаю. Лучше я почитаю, посмотрю, не появятся ли у меня какие-нибудь новые идеи.

На мгновение показалось, что Торкель собирается запротестовать, но тот лишь кивнул.

— Ладно, давай.

— Еще одно. Ты не можешь организовать мне доступ к здешним компьютерам? К базе данных и прочему.

Торкель посмотрел на него с откровенным удивлением.

— Зачем?

— Почему бы и нет?

— Потому что ты известен тем, что всегда действуешь в собственных интересах.

Торкель подошел поближе. Себастиан понимал почему. Любопытным ушам незачем улавливать, что в группе существуют потенциальные противоречия. Для посторонних они одно целое. Это важно. Значит, Торкель собирается сказать что-то не самое приятное. Так и оказалось.

— Ты не являешься полноценным членом команды. Ты консультант. Все исследования, которые ты захочешь проводить, все версии, которые тебе захочется проверить, должны идти через кого-нибудь из нас. Желательно через Билли.

Себастиан попытался не показать своего разочарования. Очевидно, ему это удалось не полностью.

— Тебя что-нибудь смущает?

— Нет. Отнюдь. Тебе решать.

Чертов Торкель. Теперь это займет больше времени, чем он предполагал. Он вовсе не намеревался оставаться частью расследования надолго. И уж тем более активной частью. Он не собирался ни с кем беседовать, кого-нибудь допрашивать или что-нибудь анализировать. А также предлагать возможные сценарии или устанавливать особенности преступника. Он получит то, за чем пришел, — нынешний адрес Анны Эрикссон или как ее там теперь зовут, — а потом быстро и эффективно отделается от группы, покинет город и никогда больше не вернется ни туда ни туда.

Себастиан приподнял папку:

— Тогда я сажусь читать.

— Себастиан, еще одно.

Себастиан вздохнул про себя — неужели нельзя его просто отпустить, чтобы он смог сесть где-нибудь с чашкой кофе и притвориться, будто читает?

— Ты находишься тут в порядке дружеской услуги. Потому что я поверил тебе, когда ты сказал, что тебе это действительно необходимо. Я не жду благодарности, но смотри, чтобы я не раскаялся в своем решении.

Прежде чем Себастиан успел ответить, Торкель развернулся и покинул его. Себастиан смотрел вслед его удаляющейся спине.

Благодарности он не испытывал.

Раскаяться Торкелю, естественно, предстоит.

Так бывало со всеми, кто впускал его в свою жизнь.

* * *

Билли открыл гараж. Там имелось место для одной машины, но в данный момент оно пустовало. Исключение. За прошедшие годы Билли с Урсулой побывали во многих гаражах. Большинство из них помимо транспортного средства были заполнены всем чем угодно. А в гараже Лундинов пол зиял пустотой, грязный и в пятнах от масла, с утопленным сливным трапом в центре. Билли распахнул дверь целиком, а Урсула нащупала выключатель.

Они вошли в гараж. Две трубки дневного света под потолком сразу замигали, но Билли с Урсулой все-таки достали фонарики. Они без лишних слов принялись осматривать каждый свою сторону гаража. Урсула взяла правую, Билли — левую. На Урсулиной стороне пола было почти пусто. Стояли старые принадлежности для крокета, лежал пластмассовый набор для игры «бочка», в углу которого не хватало одного шара. Еще была электрическая

газонокосилка. Урсула подняла ее — пусто. В точности как в прошлый раз. А полки на стене просто ломились. Однако ничто из их содержимого не указывало на то, что гараж когда-то использовали для машины. Никаких масел, свечей зажигания, спреев-смазок или ламп. Зато множество предметов для садоводства. Тесьма, полупустые, мешочки с семенами, рабочие перчатки и аэрозоли для борьбы с сорняками. Спрятать куртку здесь было просто невозможно. Урсулу бы очень удивило, если бы сведения из мейла соответствовали действительности. Будь здесь куртка, она бы ее нашла.

— Ты проверила сток в полу?

— А ты как думаешь?

Билли не ответил. Он принялся поднимать три мешка с землей для посадок, кучей лежащих возле стены рядом с белой садовой мебелью из пластика. Глупо задавать такие вопросы. Урсуле не нравится, когда в ней сомневаются. Почти ничего не зная об их прежних отношениях, Билли полагал, что Себастиана Бергмана она так не любит именно поэтому. О Себастиане Билли слышал лишь, что тот последовательно ставил под сомнения всё и вся. Ставил под сомнение и всегда знал лучше, чтобы не сказать лучше всех. Билли это не смущало, главное, чтобы у него было достаточно аргументов. Билли ежедневно работал с полицейскими, куда более сильными, чем он сам. Никаких проблем. Собственного мнения о Себастиане у него пока не сложилось. Сексуальная шутка с душком с таким же успехом могла объясняться нервозностью, как и чем-то другим. Хотя Урсуле он не нравится. Ванье тоже, значит, довольно много шансов, что Билли тоже примкнет к их лагерю.

Он добрался до угла на своей стороне. На полу в подставке стояли садовые орудия труда, а на стене на гвоздиках аккуратно висели инструменты.

— Урсула...

Билли остановился возле садовых орудий труда. Рядом с деревянной подставкой с разными граблями и чем-то напоминающим мотыгу, названия чему Билли не знал, стояло белое десятилитровое пластмассовое ведро с керамзитовым гравием. Урсула подошла к Билли — тот светил фонариком прямо в ведро. Среди обожженного гравия явно просматривалось что-то зеленое.

Урсула молча начала фотографировать. Сделав несколько снимков, она опустила аппарат и обернулась к Билли. Выражение лица, которое сам он считал нейтральным, она явно истолковала как скептическое.

— Да будет тебе известно, я не пропускаю в гараже подозреваемого припрятанных в ведре с керамзитом курток.

— Я ничего не говорил.

— С меня достаточно твоего взгляда.

Урсула достала из сумки большой мешок с молнией и щипцами осторожно извлекла куртку из ведра. Оба рассматривали куртку, изрядно посерьезнев. В большинстве мест она была полностью покрыта теперь уже засохшей кровью. На спине ткань почти совсем расплзлась из-за многочисленных ударов. Оба живо представили, как это должно было выглядеть, когда в куртке находилось живое тело. При полном молчании Урсула положила куртку в мешок и застегнула его.

В отделении полиции на Вестгётегатан за своим компьютером сидел Харальдссон и ждал электронного письма. Он был по-прежнему в игре.

Вне всякого сомнения.

Все прилагали максимум усилий, чтобы его удалить, но он держался. Благодаря тактике упреждения, способности понимать, кто в этом здании обладает наибольшим количеством информации. Люди, с которыми большинство его коллег лишь ежедневно рассеянно здоровались, — сотрудники помещения для дежурных. Харальдссон рано понял, что люди, сидящие при входе, узнают почти обо всем. Как изнутри, так и снаружи. Поэтому он в течение нескольких лет периодически пил с ними кофе, расспрашивал о семьях, проявлял интерес, а при необходимости иногда выручал их. Поэтому сейчас им представлялось само собой разумеющимся сообщать ему, как только возникало что-нибудь связанное с Рогером Эрикссоном. Если наводка поступала по телефону или на их общую электронную почту с адресом «Полицейское управление Вестманланда^[8]», то поступала она и к Харальдссону. Когда пришел анонимный мейл о куртке в гараже Лундинов, Харальдссону сразу позвонили от дежурного и секундой позже перекинули мейл в его почтовый ящик. Оставалось только распечатать и доставить. Хорошо, но недостаточно. Принести распечатку мог кто угодно.

Это работа для стажера.

Неквалифицированная.

А вот отследить отправителя — это работа для полицейского. Ничто в мейле не указывало на то, что информатор к чему-либо причастен. Однако если его информация подтвердится, значит, он обладает некими сведениями о преступлении, которые наверняка заинтересуют Госкомиссию, и Харальдссон сможет направить ее по нужному адресу.

Компьютерный отдел полицейского управления представлял собой одно название. Он состоял из Курре Далина — мужчины лет пятидесяти, чьи главные навыки заключались в том, чтобы нажимать *Ctrl-Alt-Delete*, качать головой и отдавать барахлящие компьютеры в мастерскую. Курре Далину, наверное, потребовалось бы меньше времени, чтобы научиться летать, чем чтобы начать отслеживать входящие электронные сообщения.

Мейл отправили с адреса *sanningen@hotmail.com*. Сам по себе его отследить невозможно, но у компьютера, с которого послали мейл, есть *IP*-адрес, а у Харальдссона имеется семнадцатилетний племянник. Получив это электронное письмо, Харальдссон, в свою очередь переслал его племяннику и одновременно отправил ему эсэмэс, где предлагал 500 крон, если тот сумеет добыть физический адрес отправителя. Да, он знает, что племянник в школе, но просит действовать как можно быстрее.

Племянник прочел эсэмэс, поднял руку и отпросился с урока. Двумя минутами позже он на школьном компьютере извлек мейл из своего почтового ящика. Увидев адрес отправителя исходного мейла, парень озадаченно откинулся на спинку стула. Харальдссон считал племянника своего рода вундеркиндом в области компьютеров и чаще всего просил о примитивно-простых вещах, но на этот раз ему, пожалуй, придется дядю разочаровать. Адрес на *hotmail*. Добыть *IP*-адрес можно без проблем, но он ведет не к самому компьютеру, откуда послали мейл, а к серверу, с которого он отправлен. А сервер может находиться где угодно. Ну, стоит все же попытаться. Если он найдет сервер, возможно, все-таки получит часть денег.

Через две минуты он снова откинулся на спинку стула. На этот раз с широкой улыбкой. Ему повезло. Мейл отправили с компьютера, подсоединенного к персональному серверу. Пять сотен у него в кармане. Он нажал «отправить».

В отделении полиции у Харальдссона звякнуло в компьютере. Он быстро открыл входящую почту и удовлетворенно кивнул. Сервер, с которого отправили мейл, находился в непосредственной близости от города.

А точнее, в Пальмлёвской гимназии.

— По следующей сворачивай налево.

Себастиан сидел на пассажирском месте в одной из принадлежавших полиции машин без опознавательных знаков. В «тойоте». Вела машину Ванья. Она поспешно взглянула на маленький экран над приборным щитком.

— *GPS* говорит прямо.

— Но если свернешь налево, получится быстрее.

— Ты уверен?

— Да.

Ванья все-таки поехала прямо. Себастиан развалился на сиденье и смотрел сквозь забрызганное боковое стекло на город, нагонявший на него лишь тоску.

Чуть раньше Торкель, Ванья, Билли и он сам собрались в конференц-зале. Себастиан не сумел достаточно быстро придумать подходящую причину, чтобы уклониться от совещания, когда Торкель разыскал его и сообщил, что в деле появились новые данные. Затем он узнал, что они нашли куртку жертвы. Конечно, кровь еще не проанализировали, но никому из них не верилось в то, что куртка и кровь могут принадлежать кому-либо другому. Следовательно, интерес к Лео Лундину в контексте расследования опять возрастал. Ванья собиралась после совещания его снова допросить.

— Конечно, можешь допросить, но это пустая трата времени.

Все обернулись к Себастиану, который сидел у короткого конца стола, раскачиваясь на стуле. Вообще-то он мог бы посидеть молча, предоставив другим совершать любые ошибки, пока не найдет способ получить доступ к компьютерам и необходимым ему сведениям. Или, вернее, найдет в том отделе другую женщину, более восприимчивую к его шарму, чем Мартина. Это, вероятно, не составит особого труда. С другой стороны, его все уже и так недолюбливают. Можно с таким же успехом изображать из себя всезнайку, каковым он в глубине души и является.

— Тут что-то не сходится.

Себастиан снова опустил передние ножки стула на ковер. В комнату вошла Урсула и молча села на один из ближайших к двери стульев.

— Лео ни за что не спрятал бы куртку жертвы у себя в гараже, — продолжил Себастиан.

— Почему же? — Билли, похоже, проявил откровенный интерес без всякого стремления отстаивать свою позицию. Возможно, его стоит попытаться немного приблизить.

— Потому что он не стал бы даже снимать ее с тела.

— Но часы-то он взял. — Ванья тоже не оборонялась. Даже скорее, нападала. Ей хотелось его поправить. Уничтожить его аргументы. Она как Урсула. Или даже как он сам, каким он был в те времена, когда его действительно все волновало.

Настроена на борьбу.

Рвется к победе.

К сожалению, этого матча ей не выиграть. Себастиан спокойно посмотрел ей в глаза.

— Тут есть разница. Часы — вещь ценная. Мы имеем дело с парнем шестнадцати лет, которого мать воспитывает в одиночестве. Он пытается поспевать за непрерывно происходящей вокруг него погоней за материальными ценностями. Зачем ему стаскивать изрезанную, пропитанную кровью куртку и забирать ее с собой, если он оставляет бумажник

и мобильный телефон? Тут что-то не сходится.

— Себастиан прав.

Все повернулись к Урсуле. Себастиан даже вздрогнул, будто с трудом верил в то, что правильно расслышал. Эти два слова Урсула за свою жизнь произносила нечасто. Себастиан с ходу не мог припомнить, чтобы такое вообще случилось.

— Мне неприятно говорить это, но так и есть.

Урсула быстро встала и вынула из большого конверта две фотографии.

— Я знаю, что вы думаете, будто я в первый раз пропустила куртку. Но взгляните сюда.

Она положила на стол один из снимков. Все наклонились вперед.

— Когда я обследовала гараж вчера, меня особенно интересовали три вещи: мопед — по естественным причинам, сток в полу — чтобы посмотреть, не осталось ли там следов крови после того, как кто-нибудь мыл в гараже мопед или оружие, и садовые принадлежности — поскольку у нас отсутствует орудие убийства. Эту фотографию я сделала вчера.

Она поставила палец на снимок, запечатлевший деревянную подставку с садовыми орудиями. Снимок был сделан сверху, немного наискосок, и в одном из углов гаража отчетливо просматривалось белое ведро с керамзитовым гравием.

— А это я сняла сегодня. Найдите ошибку.

Урсула выложила вторую фотографию. Почти идентичную первой. Но здесь сквозь тонкий слой керамзита в нескольких местах четко виднелась зеленая ткань. На мгновение в комнате воцарилось молчание.

— Кто-то подбросил туда куртку ночью. — Билли первым произнес то, о чем подумали все. — Кто-то хочет засадить Лео Лундина в тюрьму.

— Это не главная причина.

Себастиан поймал себя на том, что рассматривает снимки с некоторым интересом. Только что произошедшее каким-то образом придало ему энергии. Убийца забрал с собой вещи жертвы и теперь воспользовался ими, чтобы подбросить доказательство. И не к кому-нибудь, а к главному подозреваемому. Это указывало на то, что убийца тщательно следит за работой полиции, а потом действует — спланированно и взвешенно. Он твердо намерен выпутаться. Наверное, даже не раскаивается. Человек как раз во вкусе Себастиана.

— Главная причина в другом: подбрасывая куртку в гараж, убийца пытается отвести подозрения от себя. Здесь нет ничего личного против Лео, он просто удачно подвернулся, поскольку мы уже на нем сосредоточились.

Торкель посмотрел на Себастиана с некоторым удовлетворением. Его прежние сомнения немного развеялись. Он знает Себастиана лучше, чем тому хочется думать. Знает неспособность коллеги активно участвовать в том, что его не интересует, но знает и то, с какой самоотдачей Себастиан может работать, если дело его по-настоящему увлекает, и какую пользу он тогда способен принести расследованию. Торкель чувствовал, что они на пути к успеху. Он молча возблагодарил присланный мейл и найденную куртку.

— Значит, человек, пославший мейл, вероятно, и является убийцей, — быстро сделала правильный вывод Ванья. — Надо попробовать узнать, откуда отправили мейл.

Далее все произошло как в театральном спектакле. В дверь деликатно постучали. Будто Харальдссон просто стоял снаружи и ждал нужной реплики, чтобы войти.

Себастиан отстегнул ремень безопасности и вышел из машины. Он взглянул на фасад здания, перед которым они остановились, и на него навалилась невероятная усталость.

— Значит, здесь он учился?

— Да.

— Несчастный бедолага. А самоубийство мы полностью исключаем?

Над двустворчатými дверями, ведущими в Пальмлёвскую гимназию, находилась большая картина, изображавшая мужчину, который мог быть только Иисусом. Он распростер руки жестом, который художник наверняка задумывал как пригласительный, а Себастиан истолковал как угрожающий. Откровенно лишающий свободы.

Под картиной было написано: Иоанн «12:46».

— Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме, — изрек Себастиан.

— Ты знаешь Библию?

— Это я знаю.

Себастиан преодолел оставшиеся ступеньки и распахнул одну створку двери. Ванья бросила последний взгляд на огромную картину и последовала за ним.

Директор Рагнар Грот указал рукой на небольшой диван и кресло в углу своего кабинета. Ванья с Себастианом уселись. Сам же Рагнар Грот расстегнул пиджак и сел за грубоватый старомодный письменный стол. Он автоматически передвинул лежавшую перед ним ручку, поместив ее абсолютно параллельно краю стола. Себастиан обратил на это внимание и окинул взглядом сперва письменный стол, затем остальную часть комнаты. Рабочее место директора оказалось почти пустым. С левой стороны стопкой лежало несколько папок. Край к краю. Ни одна из папок не торчала. Они лежали на дальнем левом углу письменного стола, отступая на два сантиметра от каждого из краев. С правой стороны лежали две ручки и карандаш — параллельно друг другу и концами в одном направлении. Чуть выше под прямым углом располагалась линейка и резинка, казавшаяся ни разу не использованной. Телефон, компьютер и лампа стояли точно выверенно по отношению к краям стола и друг к другу.

Остальная часть комнаты в том же стиле. Все картины висят ровно. Никаких приклеенных как попало листочков, все на доске объявлений и аккуратно прикреплено булавками на одинаковом расстоянии. Папки стоят край в край с книжной полкой. На столе ни малейших следов от кофейных чашек или бокалов. Мебель расставлена с сантиметровой точностью по отношению к стене и лежащему под ней ковру. Себастиан быстро поставил директору Гроту диагноз: педант с признаками вынужденных действий.

Директор встретил Ванью с Себастианом перед дверью кабинета с удрученным видом, поздоровался, до нелепости прямо протянув руку, и долго распространялся о том, как ужасно, что одного из учеников школы обнаружили убитым. Каждый, естественно, сделает все возможное, чтобы помочь раскрыть это гнусное преступление. Они не будут чинить никаких препятствий. Полное сотрудничество. Ванья не могла избавиться от мысли, что все слова директора были словно взяты из инструкции по поведению в кризисной ситуации какой-нибудь пиар-фирмы. Директор предложил кофе. Ванья с Себастианом поблагодарили, но отказались.

— Насколько много вы знаете о школе?

— Вполне достаточно, — ответил Себастиан.

— Довольно мало, — сказала Ванья.

Грот обратился к Ванье со слегка извиняющейся улыбкой в адрес Себастиана.

— Мы начинали в 1950-е как интернат, теперь же у нас независимая гимназия, обучающая по программе «обществоведение и естественные науки» с различными направлениями — язык, экономика и подготовка руководящих работников. У нас двести восемнадцать учеников, здесь обучается молодежь со всего региона озера Меларен, даже из Стокгольма. Поэтому мы сохранили у себя интернат.

— Чтобы отпрыскам богачей не приходилось общаться с простолюдинами.

Грот обратился к Себастиану, и, хотя голос его оставался негромким и ровным, он не сумел скрыть отразившегося на лице раздражения.

— Наша репутация школы для высших слоев общества уже сходит на нет. В настоящее время наша целевая группа — родители, которые хотят, чтобы их дети действительно чему-нибудь научились. По оценкам мы среди лучших школ страны.

— Естественно, среди лучших, ведь благодаря этому вы конкурентоспособны и оправдываете свою до нелепости высокую плату за обучение.

— Мы больше не берем плату за обучение.

— Конечно берете, только теперь вам приходится называть ее «посильным взносом».

Грот бросил на Себастиана мрачный взгляд и откинулся на спинку по-настоящему эргономичного офисного кресла. Ванья почувствовала, что все начинает уплывать у них из рук. Несмотря на свой чуть преувеличенно корректный тон, директор все-таки, похоже, хотел помочь расследованию. Наглое поведение Себастиана могло за три минуты изменить его отношение. Тогда им придется бороться за получение любых сведений об учениках и учителях. Если Рагнар Грот не даст согласия, они не смогут даже посмотреть на какую-нибудь школьную фотографию, не запрашивая специального разрешения. Ванья не была уверена в том, что директор Грот сознает, насколько он может осложнить им работу, но рисковать ей сейчас не хотелось. Она наклонилась вперед и заинтересованно улыбнулась ему:

— Расскажите побольше о Рогере. Как он оказался в вашей школе?

— У него были проблемы, над ним издевались в старой школе и в гимназии, в которую он поступил сначала. Одна из моих учительниц его хорошо знала, он дружил с ее сыном, поэтому она замолвила за него словечко, и мы организовали для него место.

— А тут ему нравилось? Он не участвовал в драках или чем-то подобном?

— Мы очень активно работаем над профилактикой травли.

— У вас есть для этого другое слово, не так ли? Дружеское воспитание?

Грот полностью игнорировал выпад Себастиана. Ванья бросила на Себастиана взгляд, который, как она надеялась, заставит коллегу заткнуться.

— Вы не знаете, не вел ли себя Рогер в последнее время как-то странно? — снова обратилась она к директору. — Не волновался ли из-за чего-нибудь, не занимался ли посторонними делами?

Директор задумался, покачивая головой.

— Нет, мне ни о чем подобном не известно. Но вы можете поговорить с его классным руководителем Беатрис Странд, она встречалась с ним гораздо чаще, чем я.

Теперь он обращался исключительно к Ванье.

— Это Беатрис помогла Рогеру попасть сюда.

— Как же он справился с посильным взносом? — немедленно встрял Себастиан. Он не собирался допускать, чтобы его игнорировали. Это бы слишком упростило ситуацию для господина Грота.

У ректора сделался слегка удивленный вид, будто ему на некоторое время действительно удалось забыть о существовании в комнате этого чуть излишне полного, небрежно одетого мужчины.

— Рогер был освобожден от взноса.

— Значит, он являлся вашим маленьким социальным проектом? Заполнял квоту на благотворительность. Наверное, ему было приятно?

Грот сдержанным жестом отодвинул кресло и поднялся. Он остался стоять за письменным столом, выпрямив спину и упершись кончиками пальцев в идеально чистую поверхность стола. «Точно Калигула в старом фильме „Травля“», — подумал Себастиан, отметив, что директор, вставая, машинально застегнул пиджак.

— Должен сказать, что меня возмущает ваше отношение к нашей школе.

— Ну надо же. Но, понимаете ли, я провел здесь три худших года в жизни, поэтому требуется несколько большее, чем ваша рекламная болтовня, чтобы я влился в хор восхищающихся.

Грот посмотрел на Себастиана с некоторым скепсисом.

— Вы наш бывший ученик?

— Да, к сожалению, моему отцу взбрело в голову организовать этот храм знаний.

Грот переварил информацию и, когда до него дошло то, что он услышал, снова сел. Расстегнул пиджак. Возмущенное выражение лица сменилось откровенным недоверием.

— Вы сын Туре Бергмана?

— Да.

— Вы с отцом не особенно похожи.

— Спасибо, это самое приятное из услышанного мною с тех пор, как я сюда приехал.

Себастиан встал и повел рукой, объединяя Ванью и Рагнара вместе.

— Вы тут можете продолжать вдвоем. Где я могу найти Беатрис Странд?

— У нее сейчас урок.

— Но она ведь, наверное, проводит его где-то в школе?

— Я предпочел бы, чтобы вы отложили разговор с ней до перемены.

— Ладно, я найду ее сам.

Себастиан вышел в коридор. Закрывая за собой дверь, он услышал, как Ванья просит за него прощения. Эти слова ему слышать уже доводилось. Не от нее, а от других коллег, обращенные к другим людям и при других обстоятельствах. Себастиан начинал все больше осваиваться в расследовании. Он быстрым шагом двинулся к лестнице. Раньше большинство классов располагались этажом ниже. Едва ли что-нибудь изменилось. Вообще почти все выглядело так, как сорок лет назад, немного изменился цвет стен, а в остальном Пальмлёвская гимназия была верна себе.

Ад ведь обычно не меняется.

Это, вероятно, заложено в самом определении ада.

Неизменная боль.

* * *

Материалы находились на двух внешних жестких дисках *LaCie*. Их час назад доставил курьер охранного предприятия. Билли быстро подсоединил первую стальную коробочку к

своему компьютеру и принялся за дело. На диске значилось: пятница, 22 апреля 06:00–00:00, камеры 1:02-1:16. Билли ничего не понимал в этой нумерации, но, согласно приложенному регистру, камеры 1:14-1:15 покрывали улицу Густавсборгсгатан или ее части. Последнее из известных им мест пребывания Рогера в тот роковой вечер.

Билли отыскал среди разных папок камеру 1:14 и, дважды кликнув, запустил запись. Качество воспроизведения было лучше обычного, эту систему камер установили не более шести месяцев назад, и компания явно не поскупилась. Билли очень обрадовался — в большинстве случаев материал с камер наружного наблюдения оказывался столь нечетким, что мало помогал расследованию. Но тут совсем другое дело. «Самая крутая оптика фирмы „Цейсс“», — подумал Билли, прокручивая запись вперед до 21:00. Уже через полчаса он позвонил Торкелю.

* * *

На то, чтобы отыскать нужный класс, Себастиану потребовалось больше времени, чем он предполагал. Довольно долго он бродил по знакомым коридорам и стучался в разные двери, прежде чем наконец нашел класс, в котором находились 9 «Б» и Беатрис Странд. По пути Себастиан решил отключить эмоции. Школа — это всего лишь здание. Здание, в котором он, внутренне протестуя, провел три года. Когда пришло время идти в гимназию, отец заставил его поступить в Пальмлёвскую, и Себастиан с первого дня решил, что ему там не понравится, что он не впишется. Он нарушал все мыслимые правила и, будучи сыном основателя, бросал вызов всем учителям и авторитетам. Его поведение, вероятно, могло бы снискать ему славу среди остальных учеников, но Себастиан решил: *ничего* хорошего за годы, проведенные в школе, у него не будет, поэтому сплетничал и настраивал учеников друг против друга и против учителей. Это сделало его ненавистным для всех и создало отчужденность, к которой он и стремился. Ему почему-то казалось, что, отдаляясь от всех и вся, он наказывает отца, и нельзя не признать, что полная отчужденность создавала ему своего рода свободу. От него заранее ожидали, что он во всех случаях будет поступать как ему заблагорассудится. А это у него получалось прекрасно.

По протоптанной в подростковом возрасте дорожке Себастиан продолжал идти всю дальнейшую жизнь.

My way or the highway^[9]

Всю жизнь. Нет, не всю жизнь. С Лили он таким не был, отнюдь. Как это возможно, чтобы один человек, а позднее два оказали на его жизнь такое влияние? В корне изменили его?

Он не знал.

Знал только, что так было.

Было, а потом его этого лишили.

Себастиан постучал в светло-коричневую дверь и сразу вошел. На учительском месте сидела женщина лет сорока. Густые рыжие волосы завязаны на затылке в хвост. Ненакрашенное открытое лицо, полное веснушек. Темно-зеленая блузка с бахромой, идущей по довольно внушительному бюсту. Длинная коричневая юбка. Женщина вопросительно посмотрела на Себастиана, который, представившись, отпустил учеников с конца урока. Беатрис Странд не возражала.

Когда они остались в классе одни, Себастиан выдвинул стул и уселся за первую парту. Он попросил Беатрис рассказать о Рогере, ожидая, что сейчас последует всплеск эмоций, и не ошибся. При учениках Беатрис приходилось быть сильной, знающей ответы на все вопросы, являться им опорой в условиях, когда в их нормальную жизнь вторглось непостижимое. Теперь же она оказалась с глазу на глаз с человеком взрослым, занимавшимся расследованием и тем самым бравшим роль защитника стабильности и контроль за ситуацией на себя. Ей больше не нужно было оставаться сильной, и она дала волю чувствам. Себастиан терпеливо ждал.

— У меня просто в голове не укладывается, — бормотала она, всхлипывая. — В пятницу мы, как обычно, попрощались, а теперь он... больше никогда не придет. Мы до последнего надеялись, но когда его нашли...

Себастиан промолчал. Тут в дверь постучали, и в класс заглянула Ванья. Пока Себастиан представлял их друг другу, Беатрис сморкалась и вытирала слезы. Потом она приложила носовой платок к заплаканному лицу, извинилась, встала и вышла из класса. Ванья села на край одной из парт.

— Школа не следит за компьютерными операциями, и нигде нет камер. Директор говорит, что им важно взаимное уважение.

— Значит, мейл мог отправить кто угодно?

— Даже не обязательно кто-то из учеников. Можно просто зайти прямо с улицы.

— Но тут необходимо определенное знание школы.

— Разумеется, правда, это означает двести восемнадцать учеников, плюс родители, плюс приятели, плюс весь персонал.

— Он это знал.

— Кто?

— Тот, кто посылал мейл. Он знал, что проследить дальше невозможно. Однако он бывал здесь раньше. Он каким-то образом связан со школой. Из этого можно смело исходить.

— Вероятно. Если это, конечно, «он».

— Я бы очень удивился, если бы это оказался не «он». Метод и особенно эта история с сердцем указывают на то, что преступник мужчина.

Себастиан уже собирался начать рассказывать о свойственной преступникам-мужчинам потребности в трофеях, об их стремлении сохранять власть над жертвой путем сохранения чего-либо ей принадлежащего, что в принципе совершенно не характерно для преступников женского пола. Но его прервало возвращение Беатрис. Еще раз извинившись, она села за стол и повернулась к ним лицом. Теперь она выглядела более собранной.

— Это вы помогли Рогеру перейти сюда? — начала Ванья.

Беатрис согласно кивнула.

— Да, они с моим сыном Юханом друзья. — Беатрис сообразила, что говорит не в том времени, и поправилась: — Были друзьями. Он часто бывал у нас дома, и я знала, что ему трудно приходилось в старших классах школы, но постепенно выяснилось, что в гимназии началось то же самое, если не хуже.

— А здесь ему нравилось?

— Более или менее. Поначалу, конечно, было трудно.

— Почему?

— Ему многое было в новинку. Здесь ученики очень нацелены на учебу. Он не привык к

такому темпу и к уровню, на котором мы работаем. Но потом стало лучше. Он оставался после уроков на дополнительные занятия. Действительно серьезно взялся за дело.

Себастиан молчал. Внимание Беатрис было целиком направлено на Ванью, а Себастиан сидел, разглядывая ее профиль, и поймал себя на том, что размышляет, каково это — запускать пальцы в ее густые рыжие волосы. Целовать веснушчатое лицо. Смотреть, как закрываются от наслаждения большие голубые глаза. Что-то в ней подавало сигналы, Себастиан толком не понимал, что именно, возможно, одиночество. Но не такое, как у Клары Лундин. Не столь беззащитное. Беатрис была... увереннее. Более зрелой. Себастиану подумалось, что ее было бы труднее уложить в постель, но усилия, наверное, стоили бы того. Он отбросил эту мысль. Одной женщины, связанной с расследованием, вполне достаточно. Он снова сконцентрировался на разговоре.

— У Рогера были здесь друзья?

— Мало. Он общался с Юханом и иногда со Свеном Хеверином, но тот уехал на этот семестр учиться в США. Ну и конечно, Лиза, его девушка. Нельзя сказать, чтобы с ним никто не общался или к нему плохо относились. Просто он был немного волком-одиночкой.

— Но никаких драк?

— Здесь нет. Правда, иногда он сталкивался с людьми из старой школы.

— Как вам кажется, его ничто не беспокоило?

— Нет. Когда он уходил, он выглядел как обычно. Радовался тому, что настала пятница, как и все остальные. У них была контрольная по шведскому, он заглянул ко мне и сказал, что думает, что написал хорошо.

Беатрис умолкла и покачала головой, будто внезапно задумалась над невероятностью ситуации. У нее из глаз опять хлынули слезы.

— Он был очень хорошим мальчиком. Нежным. Зрелым. Это совершенно необъяснимо.

— А Юхан, ваш сын, здесь?

— Нет, он дома. На него это ужасно подействовало.

— Мы бы очень хотели с ним поговорить.

Беатрис подавленно кивнула:

— Я вас понимаю. Я буду дома около четырех.

— Ваше присутствие совсем не обязательно.

Беатрис снова кивнула. Еще более подавленно. Это ей знакомо. Никто в ней не нуждается. Себастиан с Ваньей встали.

— Возможно, мы еще придем, если нам попозже потребуется снова поговорить с вами.

— Пожалуйста. Я так надеюсь, что вы разберетесь в этом. Это так... так тяжело. Для всех.

Себастиан кивнул ей с видимым сочувствием. Беатрис остановила их.

— Еще одно, не знаю, важно ли это, но Рогер звонил. Нам домой. В ту пятницу вечером.

— Во сколько?

Информация оказалась совершенно новой, что было заметно по Ванье. Она автоматически придвинулась поближе к Беатрис.

— Приблизительно в четверть девятого. Он хотел поговорить с Юханом, но тот ушел с Ульфом, с отцом. Я сказала, что он может позвонить Юхану на мобильный, но, по словам Юхана, он так и не перезвонил.

— Что он хотел? Он что-нибудь сказал?

Беатрис покачала головой:

— Он хотел поговорить с Юханом.

— В четверть девятого в прошлую пятницу?

— Примерно так.

Ванья поблагодарила и вышла. Четверть девятого.

В это время Рогер находился у своей подружки Лизы.

Ванья все больше утверждалась в мысли, что он у нее вообще не был.

* * *

Торкель уселся рядом с Билли. Под потолком жужжал проектор, подключенный к компьютеру. На стене прокручивались кадры с камеры наружного наблюдения 1:15. По углу съемки можно было быстро заключить, что камера установлена в нескольких десятках метров от земли. Она смотрела на открытую площадку, по центру которой проходила улица, исчезающая между двумя высокими домами и продолжавшаяся дальше. В одном из зданий, в левом, помещался институт, в другом — школа. Пустая площадка перед камерой казалась холодной и продуваемой ветром. В углу картинке бежали цифры таймера. Тишину внезапно нарушил въехавший в кадр мопед, и Билли нажал на паузу.

— Вот. В 21:02 проезжает Лео Лундин. Почти сразу за этим слева появится Рогер.

Билли снова нажал на клавишу и продолжил показ записи. Не прошло и минуты, как в кадре возник новый персонаж. На нем была зеленая куртка, и он шел быстрым, целеустремленным шагом. Билли задержал кадр, и они с Торкелем принялись разглядывать этого человека. Несмотря на то что козырек кепки скрывал лицо, перед ними, вне всякого сомнения, был Рогер Эрикссон. Рост, довольно длинные волосы — и куртка, которая теперь висела в полиции, в сейфе для доказательств, коричневая от засохшей крови, была здесь целой и безо всяких пятен.

— Он появляется ровно в 21:02:48, — сказал Билли, снова запуская запись.

Рогер ожил и продолжил путь. Движущиеся кадры с человеком, которому осталось жить всего несколько часов, обладали некоей особенностью. Известность катастрофы словно бы заставляла вглядываться в каждый шаг с большей тщательностью и вниманием. Смерть уже притаилась за углом, но на обычной прогулке это на самом деле никоим образом не отражалось. Знанием судьбы обладает наблюдатель, а не шестнадцатилетний парень, спокойно идущий мимо камеры 1:15. Он ничего не знает о том, что его ждет.

Торкель увидел, как Рогер остановился и поднял взгляд. Секундой позже в кадре снова возник мопед. По жестам Рогера они определили, что тот узнал водителя и понял, что появление мопеда сулит ему неприятности. Он застыл на месте и огляделся, словно в поисках выхода из положения. Потом быстро решил попытаться игнорировать мопед, который теперь уже задиристо кружил вокруг него. Рогер попробовал отойти на несколько шагов, но кружащий мопед мешал ему, сужая круги. Рогер остановился. После нескольких кругов остановился и мопед. Лео слез на землю. Рогер смотрел на парня, который, словно желая прибавить себе роста, снял шлем и распрямил спину. Он знал, что сейчас начнется драка, и приготовился дать отпор. Торкель впервые получил возможность по-настоящему познакомиться с убитым мальчиком и составить себе о нем некоторое представление. Он не бросился бежать. Возможно, он был не только жертвой. Казалось, он тоже пытается вытянуться. Лео что-то сказал. Рогер ответил, и тут же получил первый толчок, и,

споткнувшись, отпрянул назад, Лео бросился следом. Не успел Рогер вновь обрести равновесие, как Лео ухватился за его левую руку и отогнул рукав куртки, обнажив часы. Наверное, Лео что-то сказал, поскольку Рогер предпринял попытку вырвать руку. Лео ответил ударом кулака в лицо.

Быстро и сильно.

Без предупреждения.

Торкель увидел, как по правой ладони Рогера потекла кровь, когда тот поднес ее к лицу. Лео снова нанес удар. Рогер пошатнулся и, падая на колени, ухватился за футболку Леонарда.

— Тут кровь попадает на футболку Лео, — коротко констатировал Билли.

Торкель мысленно кивнул: это объясняет обнаруженную ими кровь. Окровавленная футболка, похоже, стала стартовым сигналом. Лео только того и требовалось, чтобы оправдать дальнейшее избиение. Он яростно набросился на Рогера. Прошло немного времени, прежде чем Лео повалил Рогера на землю и стал его пинать. Таймер на записи механически отсчитывал время, которое Рогер пролежал, скрючившись и принимая заслуженное, по представлениям Лео, наказание. Только в 21:05 Лео прекратил орудовать ногами, наклонился над лежащим Рогером и сорвал с него часы. Потом в последний раз посмотрел на лежащего на земле мальчика, нарочито медленно надел шлем, словно желая усилить свое превосходство, уселся на мопед и выехал из кадра. Рогер еще некоторое время не вставал. Билли посмотрел на Торкеля.

— Он не смотрел с подружкой «Давайте потанцуем».

Торкель кивнул. Лиза лжет. Однако сведения, полученные при допросе Леонарда, тоже не подтверждаются. Рогер не сталкивал Леонарда с мопеда.

Они не дрались.

Драка, по мнению Торкеля, подразумевала двух активных участников.

Торкель откинулся на спинку стула и заложил руки за голову. Они всяко могут привлечь Лео Лундина за побои и ограбление.

Но не за убийство. По крайней мере не там и не тогда. Да и позднее тоже, в этом Торкель был почти уверен. Лео — хулиган. Но чтобы вырезать сердце — нет, на такое он не способен. Во всяком случае, сейчас, быть может, через несколько лет, если его жизнь действительно пойдет под откос.

— Куда Рогер отправляется потом?

— Не знаю. Вот смотри. — Билли встал и подошел к приколотой к стене карте. — Он продолжает идти вперед и попадает на Васагатан. Здесь он может свернуть направо или налево. Если пойдет налево, то выйдет к Северной кольцевой дороге. На этом перекрестке имеется камера, но там он не появился.

— Значит, он, вероятно, пошел направо?

— Тогда бы он постепенно появился на записи с камеры, расположенной здесь. — Билли указал на карте место перед стадионом, примерно на дециметр к северу. — На самом деле там метров двести. Но там его тоже не было.

— Значит, он свернул раньше.

Билли кивнул, указывая на небольшую дорогу, отходящую от Васагатан чуть под углом.

— Судя по всему, здесь. Апалбюеген. Ведет прямо в жилой квартал. Там нет никаких камер. Мы не знаем даже, в каком направлении он пошел.

— Тогда проверь все направления. Возможно, он потом снова появляется на какой-

нибудь более крупной дороге. Отправь людей походить по домам. Кто-нибудь его наверняка видел. Я хочу знать, куда он пошел.

Билли кивнул, и оба мужчины достали телефоны.

Билли позвонил не до конца отошедшему от праздника юбиляру из охранной фирмы, чтобы получить еще записи.

Торкель позвонил Ванье. Та, как всегда, ответила с первого сигнала.

Когда Торкель позвонил, Ванья с Себастианом как раз выходили из Пальмлёвской гимназии. Уже прозвенел звонок на перемену, и в школьном дворе толпилось много учеников. Торкель быстро ввел Ванью в курс дела; говорить по телефону он любил эффективно, и разговор продолжался меньше минуты. Ванья положила трубку и повернулась к Себастиану.

— Они нашли запись с Густавсборгсгатан. В начале десятого Рогер был там.

Себастиан стал вникать в новую информацию. Ванья упорно утверждала, что Лиза Ханссон, шестнадцатилетняя девушка, подруга Рогера, раз за разом лгала относительно его местонахождения в ночь убийства. Теперь они получили доказательство. Следовательно, ей важнее утаить правду, чем раскрыть убийство ее парня. Такие загадочные тайны Себастиана интересовали. Черт, это дело в целом начинало интересовать его все больше и больше. Приходилось признать, что небольшое отвлечение от его собственных терзаний подвернулось как нельзя кстати. Ему, пожалуй, надо продержаться в расследовании сколько потребуется, извлекая максимум пользы из ситуации, а когда представится такая возможность, заново решать вопрос о своем участии и будущем.

— А не побеседовать ли нам немного с Лизой?

— Я уж думала, что ты никогда об этом не спросишь.

Они снова направились в сторону школы. Лиза ушла домой после английского. У нее оказался сегодня короткий день. Можно надеяться, что сейчас она дома. Ванья не чувствовала в себе сил звонить и проверять — это бы лишь дало родителям возможность подготовиться и выстроить линию обороны. Они сели в машину, и Ванья нажала на газ, сильно превысив предел допустимой скорости.

~ ~ ~

Ехали они молча. Ваню это устраивало. Она не испытывала ни малейшей потребности в том, чтобы поближе узнать просто-напросто навязанного ей и, как она надеялась, исключительно временного напарника. Она уже знала, что болтать ради того, чтобы просто убить время, Себастиан не станет. Урсула называла его социальной катастрофой. Она говорила также, что значительно лучше, когда он молчит. Стоит ему открыть рот, как он делается грубым, сексуально озабоченным, язвительным или попросту озлобленным. Пока он молчит, на него по крайней мере не приходится злиться.

Ванья, в точности как и Урсула, здорово рассердилась, когда Торкель представил им Себастиана и сказал, что тот будет участвовать в расследовании. Не столько из-за самого Себастиана. Конечно, она слышала о нем больше гадостей, чем обо всех полицейских вместе взятых, однако сильнее всего ее задело то, что Торкель принял решение о включении его в группу, не спросив ее. Ванья понимала, что Торкель вовсе не обязан советоваться с ней в таких вопросах, но тем не менее. Она знала: они так тесно взаимодействуют и так много значат друг для друга в работе, что ей полагалось бы дать высказаться по поводу решения, которое влияло на группу в целом, еще до его принятия. Торкель был лучшим начальником из тех, с кем ей доводилось работать, поэтому она удивилась, когда он произвел столь значительное изменение через ее голову. Через головы всех. Удивилась и, честно говоря, огорчилась.

— Как зовут ее родителей?

Ванья оторвалась от своих размышлений. Она повернулась к Себастиану, который сидел неподвижно, по-прежнему глядя в боковое окно.

— Ральф и Анн-Шарлотт. А что?

— Ничего.

— Это есть в материале, который ты получил.

— Я его не читал.

Ванья не поверила своим ушам.

— Не читал?

— Да.

— Зачем ты вообще участвуешь в расследовании?

Ванья задавалась этим вопросом с тех самых пор, как Торкель, мягко говоря, туманно объяснил присутствие Себастиана. Он что, каким-то образом держит Торкеля на крючке? Нет, такое немислимо. Торкель никогда не стал бы подвергать расследование риску по личным причинам, какими бы они ни были. Ответ последовал скорее, чем она предполагала:

— Вы нуждаетесь во мне. Без меня вам этого никогда не раскрыть.

Урсула оказалась права. Разозлиться на Себастиана Бергмана легко.

Ванья припарковалась и заглушила мотор. Перед тем как выйти из машины, она повернулась к Себастиану:

— Еще одно.

— Что?

— Нам известно, что она лжет. У нас есть доказательства. Но мне хочется, чтобы она заговорила. Поэтому мы не станем вваливаться и обрушивать на нее доказательства, чтобы она просто замолчала. О'кей?

— Конечно.

— Я ее знаю. Я руковожу. Ты молчишь.

— Я уже сказал, что ты почти не заметишь моего присутствия.

Бросив на него взгляд, ясно показывающий, что она не шутит, Ванья вышла из машины и двинулась к дому. Себастиан последовал за ней.

Как Ванья и надеялась, Лиза оказалась дома одна. Увидев перед входной дверью Ванью в сопровождении незнакомого мужчины, она явно пришла в шоковое состояние. Потом попыталась привести какие-то неудачные отговорки, но Ванья вошла в холл без приглашения — она уже приняла решение, особенно когда услышала, что Лиза дома одна.

— Это займет всего минуту. Мы можем поговорить там.

Ванья более или менее заставила их пройти в аккуратно прибранную кухню. Себастиан держался на заднем плане. Он вежливо поздоровался с девушкой и умолк. К радости Ваньи, он пока придерживался их договоренности. На самом же деле Себастиан был не в силах говорить. Увидев выложенного бусинками Иисуса, он просто онемел. Ничего подобного ему еще видеть не доводилось. Потрясающе.

— Садись.

Ванье показалось, что во взгляде девушки что-то изменилось. Она выглядела более усталой. Без оборонительного огня в глазах, будто ее защитная стена дала трещину. Ванья старалась говорить максимально душевно. Ей не хотелось, чтобы ее слова воспринимались как слишком агрессивные.

— Лиза, дело обстоит следующим образом. У нас возникла проблема. Большая проблема. Мы знаем, что в ту пятницу в девять часов Рогера здесь не было. Нам известно, где он находился, и мы можем это доказать.

Ей только почудилось или плечи Лизы немного обмякли и опустились?

Но она ничего не сказала.

Пока.

Ванья склонилась вперед и коснулась ее руки. На этот раз мягче.

— Лиза, теперь ты должна сказать правду. Я не знаю, почему ты лжешь. Но тебе больше нельзя лгать. Не ради нас, а ради себя самой.

— Я хочу, чтобы пришли мои родители, — выдавила из себя Лиза.

Ванья не отрывала руки от кожи девушки.

— Ты уверена? Тебе действительно хочется, чтобы они узнали, что ты лжешь?

Ванья впервые увидела промелькнувшую секундную слабость, каковая обычно предвещает правду.

— В пять минут десятого Рогер был на Густавсборгсгатан. У меня есть пленка, где он заснят. Густавсборгсгатан находится на некотором расстоянии отсюда, — продолжила Ванья. — Я предполагаю, что твой парень ушел в четверть девятого. Самое позднее — в половину девятого. Если он вообще здесь был.

Продолжать дальше она не стала. Посмотрела на Лизу, в глазах которой теперь читались усталость и отчаяние. Все следы строптивости и подросткового высокомерия исчезли. Она казалась просто испуганной. Испуганным ребенком.

— Они страшно рассердятся, — произнесла она наконец. — Мама с папой.

— Если они об этом узнают.

Теперь Ванья уже мягко сжимала руку девочки, становившуюся по ходу разговора все теплее и теплее.

— Блин, блин, блин, — внезапно проговорила Лиза, и запретные слова стали началом конца. Стена рухнула. Девушка освободилась от руки Ваньи и уткнулась лицом в ладони. Оба услышали долгий выдох, сделанный почти с облегчением. Носить в себе тайны тяжело.

— Он не был моим парнем.

— Что ты сказала?

Лиза подняла голову и чуть-чуть повысила голос.

— Он не был моим парнем.

— Не был?

Лиза замотала головой и отвернулась от Ваньи. Устремила невидящий взгляд куда-то вдаль, в окно, словно рвалась туда. Прочь.

— Кем же он тогда был? Чем вы занимались?

Лиза пожала плечами.

— Мы ничем не занимались. Его одобряли.

— Одобряли?

Лиза повернула голову и бросила на Ванью усталый взгляд. Неужели та не понимает?

— Ты хочешь сказать, его одобряли родители?

Лиза опустила руки и кивнула.

— Мне разрешалось с ним гулять. Или оставаться дома одной. Правда, мы всегда куда-нибудь уходили.

— Но не вместе.

Лиза покачала головой.

— У тебя есть другой парень, ведь так?

Лиза снова кивнула и впервые посмотрела на Ванью умоляюще. Девочка, жизнь которой, вероятно, сводилась к тому, чтобы быть идеальной дочкой — маска, уже начавшая спадать.

— Который не нравится родителям?

— Они бы убили меня, если б узнали.

Ванья снова посмотрела на картину из бусинок. Теперь она означала нечто иное. «Я есмь Путь». Только не когда тебе шестнадцать лет и ты влюблена в неправильного парня.

— Ты понимаешь, что нам придется встретиться с этим парнем? Поговорить с ним. Но твоим родителям вовсе не обязательно об этом знать, мы тебе обещаем.

Лиза кивнула. Она была больше не в силах сопротивляться. «Правда делает тебя свободной», — при первой возможности говорил руководитель молодежи в церкви. Лиза уже давно отнесла эти слова к постоянно разрастающейся категории обманов, с которыми ей много лет приходилось жить. Но сейчас, в этот миг, она поняла, что данную категорию необходимо пересмотреть. Правда делает тебя свободной, но страшно разозлит твоих родителей. Вот как оно на самом деле. Но это по крайней мере правда, и она действительно приносит освобождение.

— Что с ним не так? Слишком взрослый? Связан с криминалом? Наркотики? Мусульманин?

Вопросы задал Себастиан. Ванья посмотрела на него, и он принял слегка извиняющийся вид. Она кивнула — все в порядке.

— Он совершенно нормальный, — ответила Лиза, пожав плечами. — Просто он не... все это. — Лиза повела рукой жестом, включавшим не только дом, но и весь квартал, ухоженные садики перед небольшими виллами на тихой улице.

Себастиан понял, что она имеет в виду. В возрасте Лизы он сам тоже не мог проанализировать свою ситуацию и сформулировать словами, но ощущение он узнал. Защищенность, превратившаяся в тюрьму. Забота, ставшая удушающей. Условности, кажущиеся кандалами.

Ванья склонилась к девушке и снова взяла ее за руку. Лиза не сопротивлялась, или, вернее, ей даже хотелось контакта.

— Рогер вообще сюда приходил?

Лиза кивнула:

— Но пробыл только до четверти девятого, когда мы убедились, что мама с папой ушли.

— Куда же он отправился потом?

Лиза покачала головой.

— Не знаю.

— Он собирался с кем-то встретиться?

— Думаю, да, как всегда.

— С кем?

— Я не знаю. Рогер никогда ничего не рассказывал. Он любил тайны.

Себастиан смотрел на Лизу с Ваньей, которые сидели близко друг к другу за противоестественно чистым столом и разговаривали о вечере, включавшем в себя все, кроме Рогера. Порядок на кухне напоминал Себастиану дом его детства и дома соседей, с таким удовольствием общавшихся с его успешными родителями. По правде говоря, у него было такое чувство, будто он забрел в копию своего проклятого детства и отрочества. Он всегда боролся против этого. Наблюдал внешнее поддержание формы и порядка при полном отсутствии любви или смелости. Сидящая за столом девушка нравилась Себастиану все больше и больше. Из нее может получиться что-нибудь стоящее. Тайный любовник в шестнадцать лет. Ее родителям придется изрядно повоевать с ней, когда она станет постарше. Это его радовало.

Они услышали, как открывается входная дверь.

— Лиза, мы уже дома, — приветливо донеслось из холла.

Лиза рефлекторно отдернула руку и застыла на стуле. Ванья с молниеносной скоростью протянула ей свою визитку.

— Пошли мне эсэмэс, как я могу связаться с твоим парнем, и больше мы сейчас об этом говорить не будем.

Лиза кивнула, быстро схватила визитку и как раз успела сунуть ее в карман. Первым вошел папа Ральф.

— Что вы здесь делаете?! — Приветливый тон из холла как рукой сняло.

Ванья встала и встретила его с чуть слишком веселой улыбкой. С улыбкой, давшей ему понять, что он опоздал. Ванья была довольна. Ральф принялся восстанавливать свой авторитет.

— Я полагал, что мы договорились, что вы не станете разговаривать с дочерью без меня. Это совершенно неприемлемо!

— Вы не имеете права этого требовать, а кроме того, нам надо было всего лишь уточнить у Лизы кое-какие детали. Мы сейчас уйдем.

Ванья обернулась и улыбнулась Лизе, которая не увидела этого, поскольку сидела, уткнувшись взглядом в стол. Себастиан поднялся. Ванья двинулась к двери и прошла мимо родителей.

— Думаю, мы больше вас не потревожим.

Папа переводил взгляд с Ваньи на дочь и обратно. Несколько секунд он не находил что ответить, но потом избрал единственный известный ему путь.

— Я поговорю с вашим начальником, так и знайте. Вы еще об этом пожалеете!

Ванья почувствовала, что не в силах даже отвечать, и просто пошла дальше к двери. Она получила то, зачем приходила. Тут за ее спиной вдруг раздался голос Себастиана, прозвучавший с особой силой, словно тот давно ждал этого момента.

— Но вы должны кое-что знать, — сказал Себастиан, придвигая стул к кухонному столу почти изысканным движением. — Ваша дочь вам солгала.

Что он, черт возьми, делает!!! Ванья потрясенно обернулась и уставилась на Себастиана грозным взглядом. Поступать как свинья по отношению к коллегам и другим взрослым — это одно, но продавать ребенка... Без всякой необходимости. Лиза, казалось, хотела нырнуть под стол. Родители умолкли. Все видели только мужчину, внезапно сделавшегося центром кухни.

Именно таких моментов Себастиану Бергману не хватало больше всего во время его добровольного отказа от работы. Сейчас же он не спешил, требовалось сохранить магию. Она теперь приходила не так часто.

— В ту пятницу Рогер ушел намного раньше, чем поначалу утверждала Лиза.

Родители посмотрели друг на друга, и на этот раз молчание прервала мама.

— Наша дочь не лжет.

Себастиан подошел поближе к родителям.

— Нет, лжет. — Он не собирался щадить истинных лжецов, раз уж они попались к нему на крючок. — Но вам следует задаться вопросом, почему она лжет. Возможно, существует причина, почему она не решается рассказывать вам правду.

Себастиан замолчал и пристально посмотрел на родителей. От волнения в преддверии продолжения атмосфера в аккуратно прибранной кухне накалилась до предела. В преддверии его продолжения. Мозг Ваньи работал на полную мощность, пытаясь понять, как ей обрести почву под ногами в том болоте, где она внезапно оказалась. Но ей удалось выдать из себя лишь слабую мольбу:

— Себастиан...

Себастиан даже не обратил на нее внимания. Он доминировал в комнате и единолично держал в руках жизнь шестнадцатилетней девушки. Зачем ему кого-то слушать?

— В тот вечер Лиза с Рогером поругались. Он ушел уже около восьми. Они поругались, а он умер, как вы думаете, каково ей? Не поругайся они, он остался бы в живых. В том, что он ушел раньше, виновата она. Это невероятный груз вины для маленькой девочки.

— Лиза, это правда? — Голос матери звучал умоляюще, а в ее глазах показались слезы.

Лиза посмотрела на родителей так, будто очнулась ото сна и уже толком не понимала, что является правдой, а что ложью. Себастиан незаметно подмигнул ей. Он чувствовал себя прекрасно.

— Лизин поступок, собственно, нельзя назвать ложью. Тут скорее сработал защитный механизм. Чтобы иметь силы жить дальше. Чтобы справиться с чувством вины. Поэтому я вам это и рассказываю, — продолжил Себастиан, серьезно глядя на Лизиних родителей. Потом он еще больше понизил голос, чтобы подчеркнуть серьезность. — Лиза должна знать, что она не совершила никакой ошибки.

— Ну конечно, малышка, ты поступила правильно, — вступил на этот раз в разговор

папа Ральф.

Он подошел к дочери и обнял ее одной рукой. Лиза стояла с откровенно удивленным видом. Переход от разоблачения к любви и заботе произошел слишком быстро.

— Дитя мое, почему же ты ничего не сказала? — робко начала мама, но больше ничего не успела сказать, потому что ее снова перебил Себастиан:

— Потому что она не хотела вас разочаровывать. Неужели вы не понимаете? Она испытывает огромную вину. Вину и горе. А вы говорили только о том, лжет она или нет. Неужели вы не понимаете, как одиноко она себя чувствовала?

— Но мы же не знали... мы верили.

— Вы предпочитали верить в то, что вас устраивало. Только и всего. Это по-человечески понятно. Но сейчас ваша дочь нуждается в заботе, в любви, она должна чувствовать, что вы ей доверяете.

— Но ведь мы доверяем.

— Недостаточно. Дайте ей любовь, но дайте и свободу. Ей это сейчас необходимо. Много доверия и свободы.

— Само собой разумеется. Спасибо. Мы не знали. Простите, если мы вспылили, но я надеюсь, вы понимаете... — начала мама.

— Конечно. Мы все хотим защитить своих детей. От всего. Иначе мы не были бы родителями.

Себастиан расплылся в теплой улыбке, обращенной к маме. Она благодарно ответила на нее небольшим кивком: вы правы, вы правы.

— Поехали? — обратился Себастиан к Ванье, перешедшей от злости к растерянности.

Ванья изо всех сил постаралась кивнуть естественно:

— Конечно. Мы не станем больше отнимать у вас время.

Они с Себастианом в последний раз улыбнулись родителям.

— Помните, у вас очень хорошая девочка. Дайте ей любовь и свободу. Она должна знать, что вы ей доверяете.

С этими словами они вышли. Себастиан испытывал бурную радость от того, что ему представился шанс заложить в жизнь семейства Ханссонов маленькую бомбочку с часовым механизмом. Свобода как раз и необходима Лизе для того, чтобы побыстрее взорвать все это дерьмо. Чем быстрее, тем лучше.

— Неужели все это было так уж необходимо? — поинтересовалась Ванья, когда они открывали калитку.

— Мне это доставило удовольствие, достаточно? — Себастиан повернулся к Ванье, чей вид явно говорил о том, что желание развлечься не оправдывает его действий. Себастиан вздохнул. Все надо объяснять.

— Да, это было необходимо. Рано или поздно в прессу просочится, что Рогер был не там, где сказала Лиза. Сейчас мы были у них и могли объяснить почему. Помочь ей.

Себастиан двинулся дальше. Когда он подходил к машине, ему даже захотелось посвистеть. Давненько он не свистел.

Очень давно.

Ванья шла на несколько шагов позади него, пытаясь не отставать. Ну конечно. Просто отпустить Лизу было бы самой большой глупостью с их стороны. Ей следовало об этом подумать. Давненько она не чувствовала, что ее обскакали.

Очень давно.

Торкель и Хансер сидели в ее кабинете на третьем этаже. Совещание инициировал Торкель. Им требовалось обсудить ситуацию с доказательствами. Данные с камер наружного наблюдения, конечно, стали прорывом — теперь они точно установили, что в роковую пятницу Рогер в девять с минутами находился на Густавсборгсгатан. Вместе с тем эти сведения привели к тому, что подозрения в отношении Лео еще более ослабли — достаточно многое в его признаниях соответствовало действительности, и Торкель, посоветовавшись с прокурором, решил его отпустить, чтобы не терять времени и сконцентрировать усилия в столь сложном расследовании на главном. В прессе, естественно, поднимется шум. Они ведь уже осудили Лео Лундина. Любитель поиздеваться, зашедший слишком далеко. Журналисты начнут ссылаться на некоторые находки, указывающие на Лео. Про кровь на футболке уже известно всем. Зеленая куртка в прессе пока не фигурировала, но несколько газет уже сообщили, что полиция обнаружила еще кое-что в гараже задержанного. О том, что «еще кое-что» было подкинута в гараж, в прессе не упоминалось и упоминаться не будет. Этими сведениями располагала только группа Торкеля, и за ее пределы они не выйдут. Торкель хотел лично сообщить о своем решении Хансер, прежде чем звонить прокурору. Она все-таки формально отвечает за расследование и больше всех нуждается в результативности. Торкель знал, что всегда трудно отпускать подозреваемого, не предъявив вместо него другого. Хансер поняла ситуацию и согласилась с его выводом. Правда, она настаивала на том, чтобы предстоящую пресс-конференцию вел Торкель. Он знал почему. Для карьеры всегда лучше, если даже Госкомиссия пока блуждает в потемках. Торкель пообещал взять журналистов на себя и отправился звонить прокурору.

Их машина остановилась на другой улице, перед другой виллой, в другом районе с частными домами. «Сколько же таких в Вестеросе? В лене. В стране», — думал Себастиан, пока они с Ваньей шли по мощенной камнями дорожке к желтому двухэтажному дому. Себастиан исходил из того, что в подобном районе можно быть и счастливым. Собственного опыта у него не было, но это ведь не означает, что такое невозможно. Хотя для него — нет. Над всем районом витало ощущение «спокойствия и достоинства», которое он презирал.

— Убирайтесь отсюда!

Себастиан с Ваньей обернулись и увидели сорокапятилетнего мужчину, направлявшегося к ним из открытых ворот гаража. Под мышкой он держал цилиндрической формы предмет из синей ткани — палатку. Мужчина быстрым и решительным шагом подошел к ним.

— Меня зовут Ванья Литнер, а это Себастиан Бергман. — Ванья предъявил удостоверение. Себастиан приветственно помахал рукой. — Мы из Государственной комиссии по расследованию убийств и занимаемся делом Рогера Эрикссона. Мы уже разговаривали с Беатрис в школе.

— Извините. Я думал, вы журналисты. Сегодня я уже парочку выставил. Ульф Старк,

отец Юхана.

Ульф протянул руку. Себастиан сообразил, что это уже второй родитель Юхана, представившийся именно таким образом — «родитель». Ульф, отец Юхана, не муж Беатрис. Беатрис говорила об Ульфе точно так же. Как об отце сына, а не о своем муже. «Он ушел с Ульфом, с отцом». Не с «моим мужем».

— Вы с Беатрис не женаты?

Вопрос явно удивил Ульфа.

— Женаты, а что?

— Просто любопытно, мне показалось, что... впрочем, неважно. Юхан дома?

Ульф бросил взгляд на дом, и у него на лбу появилась озабоченная морщина.

— Да, но вам обязательно разговаривать с ним именно сегодня? Произошедшее на него очень сильно подействовало. Поэтому мы собираемся отправиться в небольшой поход. Ненадолго вырваться из всего этого.

— Сожалею, но в силу разных обстоятельств мы уже и так в этом расследовании со многим запаздываем, нам необходимо поговорить с Юханом как можно скорее.

Ульф посчитал, что ему нечего возразить, пожал плечами, отложил походное снаряжение и пригласил их зайти в дом.

Они сняли обувь в прихожей, где уже и так вперемежку стояли несколько пар ботинок, туфель и тапочек. На полу — клочки пыли. По меньшей мере три предмета верхней одежды лежали брошенными на черный плетеный диван, стоящий возле одной из стен прихожей. Пройдя дальше, Ванья почувствовала, что дом является полной противоположностью хорошо обставленному жилищу Анн-Шарлотт с Ральфом. В одном углу гостиной стояла гладильная доска, на которой лежало белье, а также находились кое-какая недельная корреспонденция, сегодняшняя газета и кружка с кофе. На столике перед телевизором посреди крошек и пятен стояли еще две кружки. На креслах и спинке дивана валялась одежда — чистая или грязная, было не разобрать. Они прошли на второй этаж. Худенький мальчик в очках, выглядевший младше своих шестнадцати лет, сидел у себя в комнате и играл на компьютере.

— Юхан, тут пришли из полиции, чтобы немного поговорить с тобой о Рогере.

— Сейчас.

Юхан не отрывался от экрана. Похоже, это была активная игра. Мужчина с невероятно длинной и уродливой рукой носился и дрался, вроде бы с военными. В качестве оружия он использовал руку. Билли, наверное, знал бы название игры. Странный персонаж забрался в стоящий на углу улицы танк, и на экране появилось слово «загрузка». Когда снова возникло изображение, мы оказались внутри танка и, очевидно, получили возможность им управлять. Юхан нажал на клавишу. Картинка застыла. Он повернулся к Ванье. Взгляд усталый.

— Приношу свои соболезнования. Насколько мы поняли, вы с Рогером были близкими друзьями.

Юхан кивнул.

— Значит, можно предположить, что Рогер рассказывал тебе вещи, о которых не рассказывал никому другому.

— Что вы имеете в виду?

Они не услышали ничего нового. Юхан не думал, чтобы Рогера что-то беспокоило и что тот кого-то особенно боялся, хоть периодически и сталкивался с парнями из старой школы. В Пальмлёвской гимназии ему нравилось, он никому не задолжал денег и не проявлял интереса к ничьей девушке. Ведь у него была своя. Юхан полагал, что у нее Рогер и

находился в ту пятницу вечером. Он проводил у Лизы много времени. Себастиан и Ванья почувствовали, что, на взгляд Юхана, слишком много. Нет, он тоже не знал, с кем Рогер собирался встретиться, если он не был у Лизы. Не знал он и почему Рогер звонил ему тем вечером домой. Во всяком случае, на мобильный Юхана он так и не перезвонил. Сплошные «нет».

Ванья начала впадать в уныние. Они топчутся на месте. Все говорят одно и то же: Рогер был спокойным и уравновешенным парнем, держался особняком и ни с кем не ссорился. А что, если это один из тех редких случаев, когда убийца не знал жертву? Вдруг кому-то просто взбрело в голову пойти в пятницу вечером и кого-нибудь убить, и он остановил выбор на Рогере.

Случайно.

Просто потому, что ему представилась возможность.

Конечно, так убивают очень редко. Во всяком случае, таким образом, как здесь. Чтобы вынуть сердце, переместить и спрятать тело, подкинуть доказательства.

Необычно, но не исключено.

Вместе с тем Ванья все сильнее чувствовала, что в идентичных рассказах о Рогере что-то не сходится. Ей запали в голову слова Лизы о том, что Рогер любил тайны. Ванье казалось, что эти несколько слов ближе к истине, чем все остальные. Складывалось впечатление, будто существовало два Рогера Эрикссона: один, едва заметный и никогда не высывавшийся, и другой — с множеством тайн.

— Значит, ты не можешь припомнить, чтобы у кого-либо имелась причина злиться на Рогера?

Ванья уже собралась уходить, уверенная в том, что ответом будет еще одно покачивание головой.

— Могу. На него, конечно, изрядно разозлился Аксель. Но не *настолько*.

Ванья остановилась. Она прямо почувствовала прилив адреналина. Имя. Человека, который питал злобу к Рогеру. Соломинка. Возможно, начало еще одной тайны.

— Кто такой Аксель?

— Он был у нас в школе завхозом.

Взрослый мужчина. Доступ к машине. Соломинка стала более осязаемой.

— Почему же Аксель злился на Рогера?

— Его из-за Рогера несколько недель назад выгнали из школы.

— А, этот прискорбный инцидент.

Директор Грот расстегнул пиджак и уселся за письменный стол с таким выражением лица, будто подумал о чем-то неприятном, что он съел. Ванья стояла у двери, скрестив руки на груди. Ей стоило немалых усилий, чтобы голос не выдавал ее гнева.

— Когда мы здесь были, я говорила, что кто-нибудь из вашей школы может оказаться причастным к убийству Рогера Эрикссона. А вы даже не подумали о сотруднике, которого уволили из-за Рогера?

Директор развел руками, с одной стороны, вроде бы извиняясь, а с другой — показывая, что не придавал этому значения.

— К сожалению, да, прошу прощения. Я никак не связывал эти обстоятельства вместе.

— Не могли бы вы немного рассказать о «прискорбном инциденте»?

Грот с откровенной неприязнью взглянул на Себастиана, который сидел в одном из мягких кресел и разглядывал информационную брошюру о школе, снятую им с полки возле директорского кабинета, пока они ждали.

«Пальмлёвская Гимназия: здесь начинаются возможности».

— Тут особенно нечего рассказывать. Оказалось, что наш завхоз Аксель Юханссон потихоньку продает учащимся спиртное. Его, разумеется, незамедлительно уволили и забыли о нем и думать.

— А как вы узнали о том, чем он занимается? — поинтересовалась Ванья.

Рагнар Грот, наклоняясь вперед и смахивая со стола несколько пылинок, одарил ее чуть усталым взглядом.

— Вероятно, поэтому вы здесь, не так ли? Рогер Эрикссон со свойственным ему чувством ответственности пришел ко мне и рассказал о том, что происходит. Я попросил одну из учениц позвонить Акселю и сделать заказ. Когда он явился с товаром в условленное место, мы взяли его с полочным.

— Аксель знал, что на него наябедничал Рогер?

— Не знаю. Наверное. Я слышал, что об этом знали многие ученики.

— Но в полицию вы не заявили?

— Нет, я не видел в этом особого смысла.

— Не в том ли дело, что это могло бы подмочить вашу репутацию как «оптимальной среды для получения образования, означающей уверенность, вдохновение и полноценные возможности развития для каждого индивида в духе христианских ценностей и взглядов на человека»? — Себастиан оторвал взгляд от брошюры, которую только что процитировал, не сумев сдержать злорадной усмешки.

Отвечая, Рагнар Грот изо всех сил старался не выдать голосом неприязни.

— Отнюдь не тайна, что высокая репутация является нашим главным преимуществом.

Ванья лишь непонимающе покачала головой.

— И поэтому вы не заявляете о совершаемых в школе преступлениях?

— Речь шла о незаконной продаже спиртного. В небольших количествах. Правда, несовершеннолетним, но тем не менее. Акселю в худшем случае пришлось бы заплатить штраф, не так ли?

— Вероятно, но дело не в этом.

— Да! — перебил Грот резким голосом. — Дело в том, что потеря доверия родителей стоила бы мне гораздо больше. Это вопрос приоритетов. — Он встал, застегнул пиджак и направился к двери. — Если вы закончили, то у меня есть другие дела. Но если вы хотите поговорить с Акселем Юханссоном, то можете получить его адрес в канцелярии.

Себастиан стоял в коридоре перед канцелярией и ждал Ванью. На стенах висело множество фотопортретов предыдущих директоров и других учителей, заслуживших того, чтобы их помнили последующие поколения. В центре этого парада фотографий висела единственная картина маслом — портрет отца Себастиана. В полный рост. Он стоял возле кафедры, заполненной атрибутами и символами, которые должны были наводить на мысль о классическом обучении. Картина была написана немного с нижнего ракурса, так что Туре Бергман постоянно смотрел на зрителя сверху вниз. «Пожалуй, отлично ему подходит», — подумал Себастиан.

Смотреть на всех и вся сверху вниз.

Осуждающе.

С центральной позиции.

Себастиан дал волю мыслям. Каким отцом он сам был в течение тех четырех лет, что ему выпало воспитывать дочку? Ответом, вероятно, будет — неважным.

Или, вернее, он изо всех сил старался быть хорошим отцом, но этого хватило только на «неважным». В мрачные моменты, когда Себастиан сомневался в своих родительских способностях, ему думалось, что существовала некая параллель с тем, как Сабина смотрела телевизор: качество показываемого не играло никакой роли, пока на экране двигалось нечто красочное, она была довольна. Может, так же обстояло и с ним? И Сабина радовалась ему просто потому, что он находился ближе всего? Не предъявляя требований к качеству. Он действительно проводил с дочкой много времени. Больше, чем Лили. Не сознательно следуя принципам равноправия, просто так складывался их быт. Себастиан часто работал дома, у него случались краткие интенсивные командировки в другие регионы, а затем наступали долгие перерывы, опять-таки выливающиеся в домашнюю работу. Присутствовать-то он присутствовал. Тем не менее, если что-то случалось, Сабина кидалась к Лили. Всегда сперва к Лили. Наверное, это что-нибудь означало. В генетические причины Себастиан верить отказывался. Некоторые женщины в их окружении решительно утверждали, что мать просто-напросто не заменить, но он считал это нонсенсом. Поэтому он стал разбираться в самом себе. Что он, собственно, давал дочери, кроме уверенности в том, что рядом всегда кто-то есть? Себастиан не считал, что первые годы с Сабиной были какими-то особенными или, по совести говоря, особо веселыми. Хотя, конечно, особенными они были. Обескураживающими. Ему часто доводилось слышать, как люди убеждали себя в том, что появление ребенка ничего не изменит. Они будут продолжать жить как раньше — с той маленькой разницей, что они станут родителями. Настолько голубоглазым Себастиан не был. Он знал, что ему придется изменить всю свою жизнь. Себя самого. И он был к этому готов. Поэтому первые годы, конечно, были особенными, но не слишком плодотворными. Чисто корыстно: в первые годы Сабина давала ему слишком мало.

Так ему тогда казалось.

Сейчас он отдал бы все что угодно, лишь бы их вернуть.

Потом, надо признать, стало лучше. Чем заметнее она выросла, тем лучше становилось, и ему казалось, что, по мере того как дочка делается все более способной что-

то давать ему, их отношения укрепляются и становятся ближе. Но говорило ли это о чем-нибудь еще, кроме того, что он эгоист? Себастиан едва осмеливался думать о том, что будет, когда она вырастет.

Начнет предъявлять требования.

Когда она станет скорее личностью, чем ребенком. Когда он перестанет быть для нее главным авторитетом. Когда она начнет видеть его насквозь. Он любил ее больше всего на свете. Но знала ли она об этом? Умел ли он это показать? Он не был уверен.

Лили он тоже любил. Он ей об этом говорил.

Иногда.

Слишком редко.

Такие слова вызывали у него чувство неловкости. Во всяком случае, когда он говорил их всерьез. Он исходил из того, что она знает, что он ее любит и показывает это другими способами. Пока они жили вместе, он ей не изменял. Можно ли демонстрировать любовь поступками, которые не совершаешь? Умел ли он вообще ее показывать?

А теперь оказалось, что у него, возможно, где-то есть взрослый сын или взрослая дочь. Письмо Анны Эрикссон лишило его самообладания, и с тех пор он действовал на автопилоте. Он с ходу решил, что должен отыскать ее. Просто обязан найти своего ребенка. Но так ли это, если вдуматься? Действительно ли ему следует разыскивать человека, которому уже около тридцати лет и который всю жизнь провел без него? Что он сможет ему сказать? Возможно, Анна солгала, возможно, выдала за отца кого-то другого. Может, сказала, что отец умер, и он только создаст проблемы.

Всем.

Но главным образом самому себе.

На самом деле Себастиана ничуть не волновало, правильно или нет вторгаться в жизнь взрослого человека и переворачивать ее вверх дном, но что он сам получит от этого? Неужели он полагает, что его где-то ждет новая Сабина? Разумеется, не ждет. Никто не сунет ему в руку пальчики с колечком-бабочкой и, пригревшись на солнце, не уснет, прильнув к его плечу. Никто не будет сонно-теплым подкатываться к нему и едва слышно посапывать у него на плече по утрам. Зато существовал колоссальный риск, что его резко отвергнут. Или в лучшем случае его неловко обнимет совершенно чужой человек, который никогда не станет для него больше чем просто знакомым. В лучшем случае другом. А что, если его вообще не допустят в жизнь его ребенка? Справится ли он с этим? Если уж совершать еще одно эгоистическое деяние, надо по крайней мере быть уверенным, что выйдешь победителем. А уверенности больше нет. Может, все-таки лучше просто плюнуть. Продать дом, бросить расследование, покинуть Вестерос и уехать обратно в Стокгольм.

Его размышления прервала Ванья, которая немного резко закрыла за собой дверь канцелярии в другом конце коридора и направилась к нему быстрым сердитым шагом.

— Адрес есть, — на ходу бросила она Себастиану, не снижая скорости.

Он последовал за ней.

— Сколько же тут всякого может происходить, если они не обращаются в полицию? — спросила Ванья, распахивая дверь и выходя на школьный двор.

Себастиан счел вопрос чисто риторическим и не ответил. Да этого и не требовалось.

— Нет, серьезно, — продолжила она, — как далеко они готовы пойти, чтобы сохранить добрую репутацию школы? За десять дней до смерти Рогер способствовал увольнению сотрудника, а они об этом умалчивают. Если какая-нибудь девочка подвергнется в туалете

групповому изнасилованию, он тоже попытается это заметить?

Себастиан вновь предположил, что Ванья не ждет от него ответа, но стоило показать ей, что он хотя бы слушает. Кроме того, постановка вопроса его заинтересовала.

— Если он будет думать, что выиграет от этого больше, чем потеряет, то наверняка. Он ведь примитивно прост. Всегда ставит во главу угла школу и ее репутацию. Где-то его можно понять: это их главный козырь в конкурентной борьбе.

— Значит, разговоры о том, что у них полностью отсутствует травля, просто брехня?

— Разумеется. Стремление к созданию иерархии заложено в человеческой натуре. Как только мы оказываемся в группе, нам необходимо знать свое место, и мы совершаем действия, необходимые для того, чтобы там удержаться или подняться выше. Более или менее откровенно. Более или менее изощренно.

Они подошли к машине. Ванья остановилась возле водительского места и скептически посмотрела на Себастиана.

— Я работаю в группе уже несколько лет. Мы подобными вещами не занимаемся.

— Это потому, что ваша иерархия статична, и потому, что Билли, находящийся в самом низу, лишен амбиций подняться выше.

Ванья бросила на него заинтересованно-вопросительный взгляд:

— Билли в самом низу?

Себастиан кивнул. Конечно. Ему потребовалось менее трех секунд, чтобы понять, что Билли ниже всех по рангу.

— А где, по-твоему, в группе нахожусь я?

— Непосредственно под Торкелем. Урсула позволяет тебе занимать эту позицию, поскольку вы не занимаетесь одними вещами. Она знает, что в своей области она лучшая, поэтому у вас отсутствует конкуренция. Существой таковая, Урсула бы спихнула тебя вниз.

— Или я ее.

Себастиан улыбнулся ей так, будто она маленькая девочка, только что невольно сболтнувшая нечто очень забавное.

— Ну, думай так, если тебе хочется.

Себастиан открыл дверцу с пассажирской стороны и сел в машину. Ванья немного постояла, пытаясь избавиться от возрастающего раздражения. Она не доставит ему удовольствия, не даст себя разозлить. Ванья проклинала себя. Его ведь нельзя вызывать на разговор. Пока он не открывает рта, ты хотя бы не выходишь из себя. Еще два глубоких вдоха, потом она открыла дверцу и села. Бегло взглянула на Себастиана. Вопреки здравому смыслу Ванья опять заговорила с ним. Она по крайней мере не доставит ему удовольствия оставить последнее слово за собой.

— Ты нас не знаешь. Просто мелешь языком.

— Неужели? Торкель взял меня. Билли отнесся равнодушно. Вы с Урсулой толком не знаете, чего от меня ждать, вам известно лишь, что я чертовски силен, и вы обе относитесь ко мне откровенно недоброжелательно.

— Ты хочешь сказать, это потому, что мы почувствовали угрозу?

— А почему же еще?

— Потому что ты засранец.

Ванья рванула с места. Ха! Победа! Последнее слово осталось за ней. Теперь, если решать предоставят ей, они поедут домой к Акселю Юханссону в полном молчании. Но ей решать не предоставили.

— Тебе ведь это важно, правда?

Черт побери, неужели он не может заткнуться? Ванья громко вздохнула.

— Что мне важно?

— Оставить последнее слово за собой.

Ванья сжала зубы, неотрывно глядя прямо перед собой. По крайней мере она избежит созерцания самодовольной усмешки, появившейся у него на губах, когда он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Ванья держала палец на кнопке звонка. Монотонный звук просачивался сквозь дверь и эхом разносился по лестнице, на площадке которой они с Себастианом стояли. Однако больше ничего из квартиры не доносилось. Прежде чем позвонить в первый раз, Ванья приоткрыла отверстие для почты и прислушалась.

Ни единого движения.

Ни единого звука.

Теперь же Ванья не отрывала пальца от звонка. Себастиан обдумывал, не указать ли ей на то, что, находишь Аксель Юханссон в квартире, он, наверное, открыл бы на один из первых восьми звонков. Даже если бы он спал, к этому моменту он бы уже подошел к двери. Черт, даже лежи он там в гробу в преддверии церемонии прощания, он бы уже оттуда вылез.

— Чем это вы тут занимаетесь?

Ванья отпустила звонок и обернулась. Из приоткрытой двери с любопытством выглядывала серенькая старушка. При первом взгляде Себастиану действительно показалось, что она серая. И не только из-за прямых жидких волос. Женщина была в серой вязаной кофте, серых велюровых брюках и серых носках из грубой шерсти. Середину морщинистого лица закрывали очки в бесцветной оправе, усиливая впечатление серости и прозрачности. Она с вызовом щурилась на стоящих на лестнице непрошенных гостей. «Готов поклясться, что глаза у нее тоже серые», — подумал Себастиан.

Ванья представилась сама и представила Себастиана, объяснила, что они ищут Акселя Юханссона, и спросила, не известно ли ей случайно, где он находится.

В ответ они вместо «да» или «нет» совершенно неожиданно услышали вопрос:

— Что он натворил?

Серенькой соседке выдали стандартную уклончивую формулировку:

— Нам просто надо с ним немного побеседовать.

— Чистая рутина, — встрял Себастиан. В основном ради шутки. В действительности никто не говорил «чистая рутина», но в данной ситуации это выражение почему-то казалось подходящим. Будто серенькая старушка ожидала его услышать.

Ванья бросила на Себастиана взгляд, показывавший, что ее тот не повеселил. Но он этого и не ожидал.

— Фру Хольмин, вы случайно не знаете, где он? — снова обратилась Ванья к соседке, предварительно взглянув на имя над отверстием для почты.

Фру Хольмин не знала. Она знала только, что его нет дома. И не было уже более двух суток. Это ей известно. Не потому, что она следит за тем, что происходит в доме, кто куда ходит, но ведь некоторые вещи узнаешь неизбежно. Например, что Акселя Юханссона недавно выгнали с работы. Или что его слишком юная подружка съехала от него еще несколькими днями раньше. И правильно сделала, фру Хольмин никак не могла понять, что она нашла в этом Акселе. Не потому, что Аксель какой-нибудь неприятный человек, но он

очень своеобразный. Замкнутый, необщительный. Едва здороваётся на лестнице. Девушка, напротив, поговорить любила. Очень приятная. Она всем в доме нравилась. Фру Хольмин ни за кем не шпионит, просто в доме хорошая слышимость, а она чутко спит, поэтому так много и знает. Только и всего.

— У Аксея часто бывали гости?

— Да, кое-кто заходил. Много молодежи. Ему очень часто звонили по телефону и в дверь. В чем его подозревают?

Ванья покачала головой и повторила прежний ответ:

— Нам просто надо с ним немного побеседовать. Ванья улыбнулась и протянула визитку, попросив соседку позвонить ей, если Юханссон объявится.

Седая старушка, прищурившись, посмотрела на визитку с логотипом Госкомиссии, и, похоже, это помогло ей сложить два и два вместе.

— Это связано с убитым мальчиком? — Серые глаза засверкали, когда она стала переводить взгляд с Ваньи на Себастиана, желая получить подтверждение. — Он работал в той школе, где учился мальчик, но вам это, наверное, уже известно?

Ванья принялась искать что-то во внутреннем кармане.

— Вы не знаете, он здесь бывал? — Ванья достала фотографию Рогера, сделанную во время последней съемки в школе, которой пользовались все полицейские, и протянула ее серенькой старушке. Та быстро посмотрела на снимок и покачала головой.

— Не знаю, мне они все кажутся на одно лицо в этих кепках, капюшонах и слишком больших куртках. Так что не знаю.

Они поблагодарили ее за помощь и напомнили, чтобы она обязательно позвонила, если появится Аксель.

Спускаясь по лестнице, Ванья достала мобильный телефон и позвонила Торкелю. Кратко объяснила ситуацию и предложила объявить Аксея Юханссона в розыск. Торкель пообещал немедленно это организовать. В парадной они почти столкнулись с входившим им навстречу человеком. Знакомое лицо. Харальдссон. Ванья заметно помрачнела.

— Что ты здесь делаешь?

Харальдссон объяснил, что обходит жителей района. Рогера Эрикссона зафиксировала только одна камера наружного наблюдения на Густавсборгвгатан, а остальные нет, что непременно произошло бы, продолжи он путь по большой дороге. Значит, он где-то свернул, а этот район входит в радиус возможного поиска. Теперь они пытаются найти кого-нибудь, кто бы видел Рогера в пятницу вечером.

Обходит жителей. У Ваньи возникло ощущение, что Харальдссону наконец нашли подходящее место. Значит, дом Аксея Юханссона находится в районе поиска. Соломинка еще немного окрепла.

* * *

За светлым березовым столом конференц-зала здания полиции собралась вся усталая компания. Подведя итоги, они с прискорбием осознали, что продвинулись не слишком далеко. Им стало известно, что мейл отправили из Пальмлёвской гимназии, но это едва ли ограничило круг возможных подозреваемых. Они смогли доказать, что Лиза им лгала, подтвердив подозрения Ваньи, но это ни к чему не привело. Самое важное, что выяснилось

при допросе Лизы, — это что Рогер, по всей видимости, кое-что скрывал от своего окружения. Все согласились с тем, что надо подробнее изучить его жизнь за пределами школы. Особенно интересной представлялась версия о том, что Рогер, возможно, общался с кем-то, кого никто не знал. С человеком, с которым он встречался, когда все думали, что он у Лизы. Было решено, что часть бригады сконцентрируется на дальнейшем изучении Рогера. Кем же он был на самом деле?

— А в его компьютер заглядывали? — поинтересовался Билли.

— У него не было компьютера.

Билли посмотрел на Ваню так, будто ослышался:

— Не было компьютера?

— Да, согласно перечню, который составили местные сотрудники, побывав у него дома.

— Но ведь ему было шестнадцать лет. Может, компьютер украли? Как часы?

— На записи с камер наружного наблюдения компьютера у него нет, — вставил Торкель.

Билли покачал головой, пытаясь представить себе страдания, которые, вероятно, испытывал бедный парень. Не быть подключенным к Сети. Пребывать в изоляции. В одиночестве.

— Но он все же мог активно пользоваться интернетом, — продолжил Торкель. — С компьютера Лизы или в каком-нибудь клубе, в интернет-кафе. Проверь, не найдешь ли ты его где-нибудь.

Билли кивнул.

— И еще у нас есть Аксель Юханссон. — Торкель оглядел собравшихся.

Первым слово взял Билли.

— Сегодняшний обход жителей ничего не дал. Никто не смог припомнить, чтобы видел Рогера у себя в районе в пятницу вечером.

— Это не означает, что его там не было, — вставила Ваня.

— Это не означает и того, что он там был, — парировал Билли.

— Что у нас есть на Аксея, кроме того, что он живет в районе, где Рогер то ли был, то ли нет в вечер исчезновения? — поинтересовался Себастиан.

— Рогер способствовал его увольнению из школы, — ответила Ваня, — это у нас пока единственное, похожее на мотив.

— Он двое суток отсутствует, — дополнил Билли.

На долю секунды Себастиан почувствовал, что его охватывает нетерпение. Он ведь провел с Ваньей целый день. Слышал то же, что и она. Прекрасно знал о наличии того, что можно толковать как мотив, и что Аксель Юханссон отсутствовал дома.

— Я имею в виду, помимо этого.

За столом воцарилось молчание. Билли полистал свои бумаги и нашел то, что искал:

— Аксель Мальте Юханссон. Сорок два года. Не женат. Родился в Эребру. Много переезжал в пределах Швеции. За последние двенадцать лет проживал в Умео, Соллефтео, Иевле, Хельсинборге и Вестеросе. Сюда приехал два года назад. Поступил на работу в Пальмлёвскую гимназию. Неоднократно запаздывал с платежами. Никаких приговоров в регистре преступлений не значится, но он фигурирует в ряде расследований, связанных с подделкой чеков и фальсификацией документов. Все закрыты из-за недостатка доказательств.

Ваня все-таки почувствовала некоторую поддержку своей позиции. Он, во всяком

случае, присутствует в регистре. Это, несомненно, делало Акселя Юханссона более интересным для расследования. Одна из непреложных истин при расследовании убийств — их редко совершают личности, ранее не замеченные в каких-либо правонарушениях. Чаще всего подобные особо тяжкие преступления являются лишь пиком возрастающей степени тяжести преступлений или жестокости. На пути к самому страшному чаще всего присутствуют другие преступления, и почти всегда убийца и жертва каким-то образом связаны.

Почти всегда.

Ванья раздумывала, не упомянуть ли о том, что уже приходило ей в голову раньше: что убийца, возможно, вообще не знал Рогера и они просто теряют время, пытаясь выяснить все о мальчике. Возможно, им следует братья за дело совсем с других позиций. Но она промолчала. Ей пока довелось участвовать в раскрытии четырнадцати убийств. Во всех случаях преступник был знаком с жертвой. Хотя в некоторых случаях и поверхностно. Казалось не слишком правдоподобным, чтобы Рогера убил совершенно не знакомый ему человек. Если же это действительно так, то дело, скорее всего, останется нераскрытым, сидевшие за столом четыре человека это прекрасно понимали. У полиции слишком мало возможностей для того, чтобы отыскать неизвестного убийцу, никак не связанного с жертвой, особенно при отсутствии технических доказательств, как в данном случае. Переворот, совершенный в 1990-х применением анализов ДНК, стал основной причиной раскрытия таких дел. Но у долго пролежавшего в воде трупа следы ДНК преступника обычно отсутствуют. Им предстояла задача не из простых.

Себастиан, похоже, отнюдь не старался ее облегчить:

— А нам известно, что Аксель Юханссон скрывается? Он ведь мог просто уехать, отправиться навестить престарелого отца или кого-нибудь еще?

Билли быстро взглянул в свои бумаги, ища подтверждения.

— Обоих его родителей нет в живых.

— Хорошо, но он ведь может навещать кого-нибудь, кто еще не умер?

— Не исключено, — подтвердил Торкель, — мы не знаем, где он.

— Может, попросить Урсулу немного покопаться в его квартире?

Торкель встал и начал расхаживать по комнате. Он подавил зевок. Воздух в комнате быстро становился спертым. Вентиляция, очевидно, не была столь же новой, как все остальное.

— У нас слишком мало оснований для того, чтобы запрашивать разрешение на обыск. Если бы мы смогли привязать Рогера к этому району, тогда возможно, но пока нет.

В комнате воцарилось немного подавленное молчание. Мрачноватое настроение нарушил Билли. Одной из его поистине сильных сторон было умение постоянно смотреть вперед, даже когда начинали накапливаться сомнения.

— Я связался с криминалистами. Они извлекут из мобильного телефона Рогера имеющиеся там эсэмэс и восстановят уничтоженные. Кроме того, мы скоро получим распечатки его разговоров. Наверное, сегодня вечером.

У Ваньи зазвонил телефон, и Билли умолк. Она посмотрела на дисплей, извинилась и вышла. Торкель и Билли посмотрели ей вслед. Они не могли припомнить, чтобы Ванья когда-либо ставила личный разговор выше работы. Значит, что-то действительно важное.

Телефонный разговор с отцом всколыхнул множество чувств, и Ванья вышла из здания полиции, чтобы попытаться навести порядок в мыслях. Ей в основном удавалось держать работу и личную жизнь на большом расстоянии друг от друга — две параллельные жизни, которые редко пересекались. Однако в последние полгода ей стало значительно труднее. Коллеги ничего не замечали, для этого она была слишком дисциплинированной, но сама она совершенно измучилась.

От мыслей.

От тревоги.

Ее мысли неустанно крутились вокруг мужчины, которого она любила больше всех на свете, — вокруг папы Вальдемара. Тревога, которую ты отодвигаешь, всегда возвращается обратно. Чем сильнее ты пытаешься ее подавить, тем мучительнее она при возврате. В последнее время становилось все тяжелее, и Ванья начала все раньше просыпаться по утрам, обнаруживая, что не в силах снова заснуть.

Она свернула налево, к небольшому дворцовому парку. С озера Меларен слегка поддувало, свежие зеленые побеги и только что распустившиеся листочки раскачивались и шелестели на ветру. Пахло весной. Ванья пошла напрямик по мягкой земле, сама не зная, куда направляется.

Значит, первый результат химиотерапии положительный, но требуются еще анализы.

Нахлынули воспоминания. Больница. Восемь месяцев назад, когда им все сообщили. Мама плакала. Врач стоял рядом с папой и держался исключительно профессионально. Это навело Ванью на мысль о всех тех разгах, когда ей самой приходилось выступать в подобной роли. Спокойно и сконцентрированно стоять перед жертвой и ближайшими родственниками. Теперь роли поменялись. Она просто дала волю нахлынувшим чувствам. Понять диагноз было легко.

Изменения в клетках легких.

Рак легких.

Ванья опустилась на стул рядом с отцом. Губы подрагивали, голосу никак не удавалось найти ровный тон. Папа смотрел на нее с больничной койки и старался, как всегда, казаться спокойным. Из всей семьи он единственный был по-прежнему в силах играть свою обычную роль.

В тот день, пять месяцев назад, Ванья вернулась на работу, выслушав обнадеживающие слова врача о возможностях современной науки. Цитотоксические сыворотки и лучевая терапия. Очень велик шанс, что папа полностью поправится. Победит рак. Ванья села на свое место напротив Билли и слушала его впечатления о вчерашнем концерте какой-то группы, которой она не знала и, начни та выступать по радио, наверняка выключила бы приемник. На секунду Билли посмотрел на нее и умолк, словно увидев, что что-то произошло. Его добрые глаза озабоченно поймали ее взгляд. Это продолжалось лишь секунду. Потом она услышала, как с некоторым сарказмом говорит что-то о его музыкальном вкусе и напоминает ему о том, что в следующем месяце ему исполняется тридцать два, а не двадцать два. Затем они немного попикировались на эту тему. Как обычно. Ванья тут же приняла решение, что так будет и в дальнейшем. Не потому, что она ему не доверяла. Билли был для нее не просто коллегой, а лучшим другом. Просто в тот

момент ей требовалось, чтобы он вел себя самым обычным образом. От этого становилось чуть менее больно. Одна часть жизни могла закончиться.

Но другая продолжалась.

Как обычно.

Ванье требовалось ощущать это.

В тот день она пикировалась с Билли особенно усиленно.

Ванья прошла вдоль реки к берегу, вечернее солнце освещало воду. Несколько отважных лодок боролись с холодным ветром. Ванья достала мобильный телефон, отбросила мысль о том, что ей следовало бы вернуться к коллегам, и набрала номер родительского дома. Мама восприняла болезнь Вальдемара на удивление тяжело. При мысли о том, что Вальдемар может исчезнуть из ее жизни, Ванье самой хотелось плакать, кричать и чувствовать себя совсем маленькой. Но эта роль была уже занята. Обычно Ванью это устраивало. Так и повелось: мама эмоциональная, дочка более сдержанная и рассудочная, как папа. В последний год Ванья впервые осознала, что существуют моменты, когда ей хотелось бы поменяться с мамой ролями. Хотя бы на секунду. Ванья внезапно ощутила, что балансирует на грани пропасти, глубины которой не знает. А человек, всегда оказывавшийся на месте и успевавший проследить за тем, чтобы она не упала, вдруг собрался покинуть ее.

Навсегда.

Но, может, все-таки нет.

Медицина подбросила в уравнение надежду. Велика вероятность того, что он поправится. Ванья улыбнулась про себя. Посмотрела на сверкающую воду и поддалась чувству радости.

— Привет, мама.

— Ты уже слышала? — Эмоции не давали ей даже поздороваться.

— Да, он мне только что звонил. Потрясающе.

— Да, мне просто не верится, что это правда. Он едет домой.

Ванья слышала, что мама едва сдерживает слезы. Слезы радости. Такого давно не было.

— Поцелуй его от меня как следует. Крепко-крепко, и скажи, что я приеду при первой возможности.

— Когда это будет?

— Надеюсь, что самое позднее в выходные.

Они решили устроить на следующей неделе семейный ужин. Маму было трудно заставить положить трубку. Ванья, обычно не любившая долгих прощаний, сейчас испытывала лишь удовольствие. Они с мамой щебетали, выплескивали во множестве слов тревогу, которую обе носили в себе. Словно обе нуждались в подтверждении того, что все опять встало на свои места.

Мобильный телефон запищал.

Эсэмэс.

— Я люблю тебя, Ванья.

— Я тебя тоже. Но мне надо бежать.

— Действительно надо?

— Да, мама, ты же знаешь, но мы скоро увидимся.

Ванья закончила разговор и открыла пришедшее сообщение. От Торкеля. Ее второй мир требовал внимания: «Куда ты подевалась? К нам едет Урсула».

Быстрый ответ: «Уже иду».

Она подумала, не вставить ли смайлик, но решила, что не стоит.

~ ~ ~

Беатрис Странд, как всегда, поехала домой на автобусе. Она вышла на остановку раньше. Ей требовалось немного перевести дух. В школе это было невозможно. Дома тоже. Смерть Рогера проникла везде — казалось, будто она прорвала какую-то плотину и увлекла за собой всех. Ее учеников, в которых она так много вложила. Друг Юхана, с которым тот столько вместе играл. Такого просто не бывает.

Друзья не умирают.

Учеников не находят в лесу убитыми.

Обычно ей требовалось восемь минут, чтобы дойти от автобусной остановки до гравиевой дорожки, ведущей к бледно-желтому двухэтажному дому. Сегодня путь занял у нее тридцать пять минут. Ульф, конечно, не беспокоится. Его уже давно не волнует, в котором часу она приходит домой.

Когда Беатрис вошла, в доме стояла тишина.

— Ау?

Ответа не последовало.

— Юхан?

— Мы наверху, — донеслось в ответ.

И все. Никакого «иду» или «как у тебя дела?». Только тишина.

Мы наверху.

Мы.

Ульф и Юхан.

Всегда. Все реже втроем.

Кого она, собственно, пытается обмануть?

Втроем — никогда.

— Я поставлю чайник, — прокричала она, снова не получив ответа.

Беатрис включила электрический чайник и застыла на месте, не спуская глаз с красной лампочки. Погрузилась в мысли. В первые дни она боролась за то, чтобы семья общалась, разговаривала, поддерживала друг друга. Ведь семьи всегда так поступают. В тяжелые минуты. Поддерживают друг друга. Но Юхан не хотел. Он избегал ее. В их семье все делалось только с отцом, даже в скорбные дни. Ее исключали. Но сдаваться она не собиралась. Беатрис достала три большие чайные чашки с французским узором из фруктов и поставила их вместе с медом и кусковым сахаром на поднос. Посмотрела в окно на спокойную улицу с виллами. Скоро появятся ее любимые розово-белые краски. На их вишне как раз начали появляться почки. Как рано в этом году. Семья сажала дерево вместе, казалось, целую вечность назад. Юхан, которому тогда было только пять лет, настаивал на том, чтобы лично копать, и они со смехом разрешили ему. Она помнила, что тогда сказала.

У настоящей семьи обязательно есть фруктовые деревья.

У настоящей семьи. Чайник выключился, и Беатрис наполнила чашки кипятком. Три мешочка с чаем. Потом она пошла вверх по лестнице. К тому, что осталось от ее настоящей семьи.

Юхан сидел за компьютером и играл в какую-то жестокую игру, где требовалось убить как можно больше народу. Беатрис выучила ее название: *First Person Shooter*. Ульф, удобно устроившись на краю кровати сына, наблюдал за ним. Когда Беатрис открыла дверь и вошла,

по крайней мере Ульф посмотрел на нее. Все-таки что-то.

— Вы проголодались?

— Нет. Мы только что поели.

Беатрис поставила поднос на шкафчик, где хранились японские комиксы сына.

— Полиция приходила?

— Да.

Снова тишина. Беатрис подошла к сыну, положила руку ему на плечо и сквозь футболку ощутила тепло его кожи. Секунду она надеялась, что он позволит ей оставить руку на плече.

— Мама... — Дернувшееся плечо явно сигнализировало — убери!

Беатрис нехотя убрала руку, но сдаваться она не собиралась. Пока. Она села на кровать чуть поодаль от Ульфа.

— Мы должны об этом разговаривать. Если просто замыкаться в себе, будет только хуже, — начала она.

— Я разговариваю с папой, — донеслось от письменного стола, причем Юхан даже не обернулся.

— Но мне тоже требуется разговаривать, — сказала она чуть дрогнувшим голосом. Ей требуется не только разговаривать. Ей нужна ее семья. Прежде всего сын. Она надеялась, что с возвращением Ульфа Юхан тоже вернется к ней.

Erase & Rewind^[10].

Забывать, простить и идти дальше.

Она надеялась, что все будет как обычно. Как прежде. До всего. Когда по вечерам Юхан шел к ней со своими заботами, когда они в долгих душевных разговорах делились горестями и радостями жизни и она имела возможность быть тем, кем ей требовалось, — мамой, женщиной, частью чего-то. Но сейчас эти мгновения казались столь же далекими, как тот давний день, когда они сажали вишню.

— Поговорим потом, — прервал ее мысли Ульф. — С полицией все прошло нормально. Юхан рассказал то, что ему известно.

— Замечательно.

— Послушай-ка, мы собираемся уехать, Юхан и я. Побродим где-нибудь с палаткой. Надо немного отвлечься.

«Отвлечься от меня», — невольно подумала Беатрис, но лишь кивнула.

— Это наверняка пойдет на пользу.

Снова тишина. Что же еще сказать?

Компьютерная игра Юхана продолжала грохотать.

* * *

Урсула вошла в комнату с улыбкой.

— Ради бога, скажи, что улыбка означает, что у тебя хорошие новости, — взмолился Торкель.

— Я получила отчет о вскрытии. Он полон сюрпризов, как чертов киндер-сюрприз.

Ванья, Себастиан и Торкель машинально выпрямились на стульях. Урсула открыла принесенную папку и начала развешивать на стенке фотографии. Снимки показывали туловище и руки Рогера под разными углами и с разного расстояния.

— Двадцать два ножевых удара на туловище, руках и ногах. Их можно подсчитать. Кроме того, имеются раны, нанесенные, когда извлекали сердце. — Урсула указала на один из снимков, где было видно асимметричное глубокое отверстие в спине между лопаток.

Себастиан слегка отвел взгляд. Ножевые ранения всегда вызывали у него неприязнь. Это было как-то связано с гротескной комбинацией ровной бледной кожи с глубокими резкими ударами, демонстрировавшей то, что коже надлежало скрывать.

— Никаких ран, полученных при защите, ни на ладонях, ни под мышками, — продолжала Урсула. — И знаете почему? — Она не ждала, что кому-нибудь вздумается ей отвечать. — Потому что все ножевые и колотые раны нанесены *post mortem*^[11].

Торкель оторвался от своего блокнота и снял очки.

— Что ты хочешь сказать?

— Удары ножом наносились, когда он был уже мертв. — Урсула серьезно посмотрела на коллег, словно желая подчеркнуть важность своего открытия.

— От чего же он тогда умер?

Урсула вновь указала на укрупненный снимок открытой раны в спине Рогера, в самом широком месте достигавшей приблизительно восьми сантиметров. Кое-где виднелись фрагменты сломанных ребер. Чтобы наносить подобные раны, требовалась изрядная сила. Сила и целеустремленность.

— Основная часть сердца отсутствует, но это не связано с каким-либо ритуалом или странным жертвоприношением. Вырезали пулю. Только и всего.

Урсула повесила на доску новый снимок. Никто из сидящих за столом не произнес ни слова.

— Его застрелили в спину. Пули нет, но мы обнаружили на одном ребре ее следы. — Урсула показала на только что повешенную фотографию с максимальным увеличением раны. На одном из ребер можно было различить маленькую вмятину в форме полумесяца, оставленную пулей.

— Речь идет об оружии относительно малого калибра. Судя по ране, 22-го.

При этой информации все оживились и сразу начали обсуждать, какие виды оружия такого калибра они знают. Торкель принялся искать список в компьютерной базе данных. Себастиан ничего не мог привнести в подобную дискуссию, поэтому он встал и подошел к стене. Заставил себя присмотреться к снимкам. Разговор у него за спиной стих. Зажужжал принтер, выплевывая список Торкеля. Торкель посмотрел на давнего коллегу:

— Что-нибудь нашел?

Себастиан продолжал рассматривать фотографию с зияющей в спине раной.

— Я не думаю, чтобы Рогера Эрикссона хотели убить.

— Если в человека стреляют и двадцать два раза ударяют его ножом, то, пожалуй, исключить такую возможность нельзя, — сухо заметила Ванья.

— О'кей, я неудачно выразился. Я не думаю, чтобы кто-то планировал убийство Рогера Эрикссона.

— Почему?

— Вырезать пулю было нелегко. Слишком много крови. Требовалось время. Это увеличивало риск быть застигнутым. Но убийца не мог поступить иначе, поскольку знал, что пуля его выдаст.

Ванья сразу поняла, что он имеет в виду. Какое-то мгновение она проклинала себя за то, что не додумалась до этого первой. Должна была.

— И если бы он планировал убийство, то воспользовался бы другим оружием, — поспешно добавила она, чтобы не дать Себастиану оказаться единоличным автором вывода. — Таким, которое не отследить.

Себастиан согласно кивнул. Она быстро соображает.

— Так что же произошло? — спросил Торкель. — Рогер разгуливал по благопристойному центру Вестероса, встретил кого-то с оружием 22-го калибра, прошел мимо и получил пулю в спину. Стрелок соображает — ой, пуля может меня выдать, и решает забрать ее, а кроме того, поехать и утопить тело в болоте. — Торкель посмотрел на остальных, молча следивших за его рассуждением. — Вам это кажется правдоподобным?

— Нам неизвестно, что произошло. — Себастиан бросил на шефа немного усталый и сердитый взгляд. Он ведь выдал только маленький кусочек мозаики, а не сложил весь пазл. — Мы не знаем даже, где он умер. Я сказал только, что это едва ли было спланировано.

— Значит, убийство может оказаться непредумышленным, но это ни черта не приближает нас к ответу на вопрос, кто убил парня, так?

Все молчали. Себастиан по опыту знал, что, когда Торкель начинает цинично занудствовать, отвечать не имеет смысла. Остальные явно придерживались того же мнения.

— Эти следы на ребре — их можно сопоставить с пулей, если мы найдем оружие? — обратился Торкель к Урсуле.

— К сожалению, нет.

Торкель снова ссутулился и развел руками.

— Значит, у нас есть новая причина смерти, и на этом, черт побери, все.

— Не совсем. — Себастиан указал на другую фотографию на стене. — У нас есть часы.

— И что толку?

— Они дорогие.

Он продолжал водить рукой по глянцевым снимкам одежды Рогера.

— Джинсы фирмы *Acne jeans*. Куртка *Quiksilver*. Кроссовки *Nike*. Все фирменное.

— Он же был подростком.

— Да, но откуда он брал деньги? Непохоже, чтобы он был из состоятельной семьи. Он ведь даже являлся маленьким благотворительным экспериментом Пальмлёвской гимназии.

* * *

Лена Эрикссон сидела в своем кресле в гостиной, стряхивая пепел сигареты в пепельницу на подлокотнике. Утром она открыла новую пачку, а около часа назад — еще одну. Это была третья сигарета из второй пачки. Следовательно, двадцать третья за день. Слишком много. Особенно учитывая то, что Лена весь день почти ничего не ела. У нее немного кружилась голова, когда она откашлялась и посмотрела на полицейских, сидевших на диване по другую сторону четырехугольного журнального столика. Новые. Оба. Все трое, если считать женщину, находившуюся в комнате Рогера. Ту, с которой Лена встречалась в морге, они с собой не взяли. Равно как и тех, что уже приходили к ней с расспросами. Эти полицейские были в штатском и представляли нечто, называвшееся Госкомиссией. Их интересовало, откуда Рогер брал деньги.

— Он получал пособие на учебу.

Лена снова затянулась. Движение стало столь привычным, столь обыденным, почти

рефлекторным. Что же она еще сегодня делала помимо того, что сидела в кресле и курила? Ничего. Она не могла собраться с силами. Утром она проснулась, проспав какой-нибудь час, и собиралась пойти немного пройтись. Подышать воздухом. Купить еды. Может быть, чуть-чуть прибраться в квартире. Сделать первый шаг к возвращению к некоей форме обыденной жизни. Без Рогера.

Ей надо было по крайней мере пойти купить газету «Афтонбладет». В конечном итоге они заплатили больше всех. За двухчасовую беседу с молодой женщиной Лена получила 15 тысяч крон. Наличными. Первые полчаса присутствовал еще фотограф, но потом он ушел. Молодая женщина, имя которой Лена забыла, поставила на стол магнитофон и принялась расспрашивать о Рогере: каким он был, как проходило его детство, чем ему нравилось заниматься, каково ей приходится без него. Во время интервью Лена, к своему удивлению, не плакала. Она думала, что не сможет сдержаться, ведь с момента исчезновения Рогера она впервые разговаривала о нем с кем-то, кроме полиции. То есть действительно разговаривала. Правда, звонила Маарит — коллега по работе, сбивчиво и неловко выражала соболезнования, но постаралась закончить разговор как можно скорее. Звонил Ленин начальник, но в основном для того, чтобы сказать, что поймет, если Лена не выйдет на работу по графику, и попытается выйти из положения, разделив ее смену между остальными сотрудниками, но просил где-нибудь за день дать ему знать, когда она надумает вернуться. Приходивших полицейских интересовало только исчезновение Рогера: убежал ли он из дома раньше, имелись ли у него проблемы, угрожали ли ему. Их не интересовало, каким он был человеком. Сыном.

Как много он значил.

А журналистку интересовало. Они смотрели альбомы, и она позволила Лене просто рассказывать и только иногда вставляла вопросы или просила что-нибудь уточнить. Когда Лена выплеснула все, что могла и хотела рассказать о сыне, женщина начала задавать прямые вопросы. Обращались ли друзья к Рогеру за помощью? Участвовал ли он в какой-нибудь общественной деятельности? Тренировал ли какую-нибудь молодежную команду, шефствовал ли над каким-нибудь ребенком? Что-нибудь в этом роде? Лена на все вопросы правдиво ответила нет. Из друзей к ним домой заходил только Юхан Странд, мальчик из новой школы. Однажды еще Свен. Лене показалось, что на лице журналистки появилось разочарование. Не могла бы Лена тогда побольше рассказать о травле? Что она почувствовала, узнав, что прежний мучитель сына арестован за убийство? Хотя эти новости и были уже старыми, журналистка, которую звали Катарина, решила, что их можно прокрутить еще раз. С фотографией кровати Рогера с лежащими на ней двумя мягкими игрушками это, пожалуй, пойдет. И Лена рассказала. О травле. О побоях. О смене школы. Но в основном о том, насколько она уверена в том, что ее сына убил Лео Лундин и она его никогда не простит. Катарина выключила магнитофон, спросила, может ли она взять с собой несколько снимков из семейного альбома, расплатилась и ушла. Это было вчера. Лена сунула деньги в карман. Так много денег. Она обдумывала, не пойти ли ей куда-нибудь поесть. Ей действительно необходимо выйти из квартиры. Необходимо поесть. Но она осталась. В кресле. С сигаретами и деньгами в кармане. Она чувствовала их ногой всякий раз, когда меняла позу. Каждый раз при этом просыпался тот голосок.

Эти деньги, во всяком случае, его не убивали.

В конце концов Лена встала и положила пачку купюр в ящик комода. На улицу она не пошла. Не поела. Сидела в кресле и курила. В точности как и весь сегодняшний день. А

теперь пришли двое новых полицейских и хотят говорить о деньгах.

— Пока он не перешел в эту проклятую снобистскую школу, детского пособия и пособия на учебу ему хватало. А там ему все время требовалось что-то новое.

Ванья вздрогнула от изумления. Она предполагала, что Лена будет говорить только хорошее о Пальмлёвской гимназии, которая вырвала ее сына у его учителей и предложила ему бесплатное место в школе, казавшейся Ванье, невзирая на ее мнение о тамошнем руководстве, несомненно хорошей и привлекательной.

— Вы были недовольны тем, что он поменял школу?

Лена не посмотрела ей в глаза. Она устремила взгляд в сторону большого окна. На его подоконнике стояла лампа с синим абажуром и два цветочных горшка с диффенбахией пятнистой. Растения увяли. Когда же она их в последний раз поливала? Давно. Спатифиллумы выглядели получше, но тоже поникли. В тускнеющем свете солнца Лена видела, что квартиру можно смело назвать задымленной.

— Она отобрала его у меня, — сказала Лена, загасив сигарету, вставая с кресла и направляясь к балконной двери.

— Кто отобрал его у вас?

— Беатрис. Вся эта школа для богачей.

— В каком смысле они отобрали у вас Рогера?

Лена ответила не сразу. Она закрыла глаза и вдохнула богатого кислородом воздуха. Себастиан с Ваньей почувствовали, как от открытой балконной двери по ногам приятно потянуло свежим прохладным воздухом. В тишине стало слышно, как Урсула обследует комнату мальчика. Урсула настояла на том, чтобы ехать с ними. С одной стороны, потому что не хотела оставаться вдвоем с ноющим Торкелем, на которого она к тому же по-прежнему злилась, а с другой — потому что комнату пока обыскивали только местные полицейские. Открыто Урсула никогда бы в этом не призналась, но она мало доверяла местным полицейским. Господи, они в течение двух суток не обращали внимания на заявление об исчезновении мальчика. Если ей хотелось быть уверенной в том, что все сделано как следует, требовалось осмотреть комнату самой. Чем она сейчас и занималась.

Не отрывая невидящего взгляда от дерева на парковке, Лена слушала, как открываются дверцы шкафа, выдвигаются ящики, снимаются со стен картины и плакаты. Никакой другой зелени из окна видно не было. В ее поле зрения находился еще только фасад соседнего дома со множеством окон.

В каком смысле они отобрали у нее Рогера? Как же ей попытаться это объяснить?

— На рождественских каникулах ему требовалось ехать на Мальдивы, на спортивных каникулах — в Альпы, а летом — на Ривьеру. Он не хотел оставаться дома. Квартира его больше не устраивала. Ничего из того, что мы делали или имели, уже не подходило. У меня не было никаких шансов.

— Но Рогеру ведь больше нравилось в новой школе? Да, конечно. Его больше не травили. Не били.

Однако в мрачные минуты Лене думалось, что раньше, пожалуй, было все-таки лучше. Тогда он находился дома. Если не тренировался или не сидел у Юхана, то был дома. У нее. Он нуждался в ней так же сильно, как и она в нем. Теперь же суровая правда заключалась в том, что в ней не нуждался никто.

В последний год она была не просто одна.

Она чувствовала себя брошенной.

Это хуже.

Лена осознала, что в комнате тишина. Они ждут ответа.

— Думаю, да. — Лена кивнула сама себе. — Думаю, что ему нравилось больше.

— А вы работаете? — спросила Ванья, поняв, что не дожидается более исчерпывающего ответа о новой школе Рогера.

— Сдельно. В магазине *Lidl*. А что?

— Я подумала, не воровал ли он деньги. Потихоньку от вас.

— Может, и воровал бы, будь у нас что воровать.

— Он когда-нибудь говорил об этом? О том, что ему нужны деньги? Казался очень расстроенным? Не мог ли он взять деньги в долг?

Лена прикрыла балконную дверь, но не до конца. Вернулась к креслу. Поборола желание закурить еще одну сигарету. Она чувствовала себя смертельно усталой. Голова кружилась. Неужели они не могут оставить ее в покое?

— Не знаю. Почему вам так важно знать, откуда он брал деньги?

— Если он одалживал или воровал их у человека сомнительного, это может являться мотивом.

Лена пожала плечами. Она не знала, откуда Рогер брал деньги. Не знала даже, что у него таковые водились. В те редкие разы, когда он бывал дома, она не обращала внимания на то, в каких он джинсах или какие кроссовки стоят в прихожей. Надо было обращать?

— Он ничего не говорил об Акселе Юханссоне? — Ванья попыталась прощупать новую линию. Мама мальчика, безусловно, не отличалась особым стремлением к сотрудничеству. Черт возьми, им приходится буквально вытаскивать из нее каждый ответ.

— Нет, а кто это?

— Завхоз из Пальмлёвской гимназии. Бывший завхоз.

Лена покачала головой.

— Когда сюда приходила полиция, вы сказали, что... — Ванья пролистнула несколько страниц назад в своем блокноте и прочла: — «Рогер не чувствовал угрозы и ни с кем не ссорился». Вы это подтверждаете?

Лена кивнула.

— Если бы ему угрожали или он бы с кем-то поссорился, вы уверены, что знали бы об этом?

Вопрос задал мужчина. До этого момента он ничего не говорил. Представился, когда они пришли, а потом сидел молча, или, пожалуй, даже не так. Женщина представила их обоим, показав удостоверение. Мужчина ничего не показывал. Лене помнилось, что его зовут Себастианом. Себастиан и Ванья. Лена посмотрела в спокойные глаза Себастиана и поняла, что он уже знает ответ. Видит ее насквозь.

Он знает, что дело не только в съемной «трешке» в унылом районе, не только в том, что *DVD*-проигрыватель должен быть формата *Blu-Ray*, а мобильный телефон надо менять раз в полгода. Знает, что она недотягивала. Со своей внешностью, с излишней полнотой и плохооплачиваемой работой. Он знает, что Рогер ее стыдился. Что сын не хотел больше считать ее частью своей жизни, что он выбросил ее. Но ему неизвестно, что ей удалось найти щелочку. Путь обратно к нему, к новому обретению друг друга.

Но тут он умер, — произнес голосок, — *вот она, цена этого пути обратно.*

Прежде чем дать уже известный Себастиану ответ, Лена чуть дрожащими руками открыла пачку сигарет и закурила двадцать четвертую.

— Вероятно, нет.

Лена умолкла и покачала про себя головой, будто только что осознала, насколько плохие у них с сыном были отношения. Взгляд она устремила вдаль.

Разговор прервала Урсула, вышедшая из комнаты Рогера со своими двумя сумками и фотоаппаратом на шее.

— Я готова. Увидимся позже в отделении.

— Еще раз выражаю сочувствие вашему горю, — обратилась она к Лене.

Лена отсутствующе кивнула. Урсула бросила на Ваню несколько многозначительный взгляд, проигнорировала Себастиана и покинула квартиру. Ванья подождала, пока за ней закроется входная дверь.

— Могли бы мы связаться с отцом Рогера? — снова попыталась Ванья. Новая линия. Желание посмотреть, удастся ли выудить из матери более трех слов подряд хоть о чем-нибудь.

— Никакого отца не существует.

— Ой, тысячу лет подобного не слышала.

Лена спокойно посмотрела на Ваню сквозь дым.

— Вы меня осуждаете? Вы бы прекрасно подошли новой школе Рогера.

— Никто вас не осуждает, но ведь какой-то отец у него должен быть, — снова вступил в разговор Себастиан. Ванье это только показалось или в его голосе действительно послышались другие нотки?

Заинтересованность?

Участие?

Лена стряхнула пепел и пожала плечами.

— Мне неизвестно, где он. Мы никогда не жили вместе. Один раз пообщались, и все. Он даже не знает о существовании Рогера.

Себастиан склонился вперед. Явно с большим интересом. Он открытым взглядом посмотрел Лене в глаза.

— Как же вы вышли из положения? Я имею в виду, Рогер ведь наверняка когда-нибудь спрашивал об отце?

— Когда был маленьким.

— И что вы ему сказали?

— Сказала, что он умер.

Себастиан кивнул сам себе. Может, Анна Эрикссон тоже сказала сыну или дочери, что отец умер? Что же в таком случае произойдет, если отец вдруг объявится? Через тридцать лет? Разумеется, недоверие. Это, наверное, придется каким-то образом доказывать. Что он тот, за кого себя выдает. Вполне вероятно, что тот мужчина или женщина разозлится на мать или разочаруется в ней. Она солгала. Лишила ребенка отца. Возможно, появление Себастиана совсем разрушит их отношения. Принесет больше вреда, чем пользы. Как ни крути, получалось, что лучше всего, пожалуй, было бы просто жить дальше так, будто он вовсе не находил письма. Так и не узнал.

— Почему вы сказали, что он умер? Знай Рогер правду, он смог бы его разыскать.

— Я об этом думала. Но мне показалось — лучше сказать, что он умер, чем что он не хотел Рогера. Ну, ради чувства собственного достоинства.

— Но этого вы знать не можете! Вы не знаете, чего он хотел. Вы ведь не дали ему шанса!

Ванья покосилась на Себастиана. До чего же он распалился. Его голос стал громче и сильнее. Он сдвинулся на край дивана и, казалось, готов в любую секунду вскочить.

— А что, если он бы захотел Рогера, знай он о его существовании?

Лену энергичный выпад Себастиана явно не тронул. Она загасила сигарету, выпустив из легких последний дым.

— Он был уже женат. Воспитывал других детей. Собственных детей.

— Как его звали?

— Отца Рогера?

— Да.

— Джерри.

— А если бы Джерри отыскал Рогера, когда тот стал старше? Как, вы думаете, Рогер бы отреагировал?

Ванья наклонилась вперед. Чем Себастиан занимается? Это ведь абсолютно ни к чему не ведет.

— Как бы он смог его отыскать? Он ведь даже не знал о существовании сына.

— Ну а вдруг?

Ванья мягко накрыла руку Себастиана своей, чтобы привлечь его внимание:

— Эти гипотетические рассуждения ведь не совсем относятся к делу?

Себастиан остановился. Почувствовал, что Ванья бросает на него сбоку удивленные взгляды.

— Верно. Я... — Впервые за очень долгое время Себастиан не знал, что сказать, поэтому он просто повторил: — Верно.

Наступила тишина. Они встали, посчитав, что закончили. Себастиан пошел в прихожую, Ванья за ним. Лена не предпринимала попыток встать или проводить их до двери. Они уже выходили в прихожую, когда она остановила их.

— Часы Рогера.

Себастиан с Ваньей обернулись к Лене. Ванью не покидало ощущение, что с этой женщиной в просиженном кресле что-то не так, но не могла понять, что именно.

— Что с часами?

— Журналистка, с которой я разговаривала, сказала, что Лундин, перед тем как убить Рогера, забрал его часы. Дорогие часы. Теперь ведь они мои?

Ванья шагнула обратно в комнату, слегка удивившись тому, что Лена не в курсе. Торкель обычно тщательно следил за тем, чтобы родственников информировали.

— На настоящий момент все указывает на то, что Леонард Лундин не причастен к убийству вашего сына.

Лена восприняла информацию не более взволнованно, чем если бы Ванья рассказала, что ела на обед.

— О'кей, но часы-то, наверное, все равно принадлежат мне?

— Думаю, да.

— Я хочу их получить.

Себастиан и Ванья поехали обратно в отделение полиции, чтобы подвести итоги дня. Ванья вела машину быстро. Слишком быстро. Она чувствовала в груди ком раздражения. Лене удалось ее спровоцировать. Ванья очень редко позволяла себе поддаваться на провокации. В этом заключалась сила. Способность сохранять хладнокровие и дистанцию.

Лена же проникла к ней в душу. Себастиан держал возле уха мобильный телефон. Он разговаривал с Лизой. Ванья слушала его реплики. После заключительного вопроса о ситуации дома и явно краткого ответа Себастиан завершил разговор и сунул телефон в карман.

— Лиза платила Рогеру за то, чтобы тот изображал ее парня.

— Я поняла это из разговора.

— Не столь крупные суммы, чтобы это покрывало покупки, но кое-что тут, возможно, и есть. Он был предприимчивым.

— Или жадным. Похоже, у них это в роду — думать только о деньгах. Я хочу сказать, у нее убили сына, а она думает только о том, чтобы загрести побольше денег.

— Извлечение пользы из ситуации, в которой ты оказался, является одним из способов справляться с болью.

— Диким способом.

— Возможно, у нее нет другого.

Типично для психологов. Проявлять понимание. Все реакции естественны. Все поддается объяснению. Но Ванья не собиралась позволять Себастиану отделаться так легко. Она была зла, и ничто не мешало ей выплеснуть злость на него.

— Если серьезно. Глаза у нее покраснели от этого чертова дыма. Бьюсь об заклад, что она не проронила ни единой слезы. Я видела людей в шоке, но это не тот случай. Ей просто все безразлично.

— У меня возникло впечатление, что она абстрагируется от тех чувств, которых мы ожидаем. От скорби, отчаяния, даже сопереживания.

— Почему же?

— Откуда мне, черт возьми, знать? Я общался с ней сорок пять минут. Вероятно, она их отключила.

— Просто отключить свои чувства нельзя.

— Нельзя?

— Да.

— А ты никогда не слышала о людях, которых кто-то настолько больно ранил, что они предпочитают больше ни к кому другому не привязываться?

— Это другое дело. У нее умер ребенок. Зачем же добровольно отказываться от реакции на происшедшее?

— Чтобы иметь силы жить дальше.

Ванья на некоторое время замолчала. Тут что-то не так.

С Себастианом.

Что-то новое.

Сперва он подобно терьеру уцепился за вопрос об отце Рогера. За тему, после двух вопросов оказавшуюся совершенно не интересной для расследования, а сейчас Ванье показалось, что она услышала в его голосе новые нотки. Более приглушенные. Он не возражает. Не стремится проявить быстроту, остроумие или снисходительность. Нет, тут что-то другое. Возможно, печаль.

— Не могу с этим согласиться. Не оплакивать сына дико.

— Она оплакивает как может.

— Ни черта она не оплакивает.

— Откуда тебе, черт подери, знать? — Ванья вздрогнула от внезапной резкости в голосе

Себастиана. — Что ты вообще знаешь о горе?! Доводилось ли тебе терять кого-нибудь, кто значил бы для тебя все?

— Нет.

— Тогда откуда тебе знать, что является нормальной реакцией?

— Конечно, но...

— Вот именно, — перебил ее Себастиан. — Ты не имеешь ни малейшего представления о том, о чем говоришь, поэтому тебе бы лучше просто заткнуться.

Ванья покосилась на Себастиана, удивленная его вспышкой, но он просто смотрел прямо перед собой, не отрывая взгляда от дороги. Они продолжили путь в полном молчании. «Как же мало мы друг о друге знаем, — думала Ванья. — Ты что-то скрываешь. Я знаю, каково это. Лучше, чем ты думаешь».

В офисном помещении здания полиции было более или менее темно. Кое-где ограниченные участки зала освещали включенные экраны компьютеров или забытые настольные лампы, но в целом царили темнота, пустота и тишина. Торкель медленно шел между письменными столами к освещенной столовой. Что деятельность в отделении полиции Вестероса не будет кипеть круглосуточно, он, пожалуй, себе представлял, но то, что большая часть здания после 17:00 полностью вымирала, все-таки стало для него сюрпризом.

Торкель добрался до откровенно безликой столовой. Три круглых стола с восемью стульями возле каждого. Холодильник с морозильной камерой, три микроволновых печи, кофейный автомат, раковина и посудомоечная машина вдоль одной из длинных стен. В центре каждого стола искусственные цветы на круглой бордовой салфетке. На полу практичный линолеум в царапинах. Три окна без занавесок. На подоконнике одинокий телефон. За самым дальним от двери столом сидел Себастиан, перед ним стояла одноразовая чашка с кофе. Он читал газету «Афтонбладет». Торкель ее уже просмотрел. Лене Эрикссон отвели четыре страницы.

Написано хорошо.

Откровенно.

Согласно статье, Лена по-прежнему считала, что ее сына убил Леонард Лундин. Торкеля интересовало, как она восприняла новость о том, что они его сегодняпустили. Он неоднократно пытался дозвониться ей, чтобы сообщить, но она так и не ответила. Возможно, она до сих пор оставалась в неведении.

Себастиан не отрывался от газеты, хоть и должен был слышать, как приближается Торкель. Только когда Торкель выдвинул стул напротив него, он бросил на коллегу беглый взгляд и снова вернулся к газете. Торкель сел, сцепил руки в замок и наклонился вперед:

— Как сегодня прошло?

Себастиан перелистнул страницу газеты:

— С чем?

— Со всем. С работой. Ты довольно много ездил с Ваньей.

— Да.

Торкель вздохнул про себя. Просто так он явно ничего не добьется. Наверное, вообще ничего не добьется.

— Так как все прошло?

— Нормально.

Торкель увидел, как Себастиан снова перевернул страницу и дошел до розового приложения. Спорт. Торкель знал, что Себастиан не интересовался никакими видами спорта, не любил ни заниматься спортом, ни смотреть соревнования, ни читать о них. Тем не менее он, казалось, просматривал страницы с большим интересом. Говорящий сигнал. Торкель откинулся на спинку стула, несколько секунд молча понаблюдал за Себастианом, а потом встал, подошел к кофейному автомату и нажал на кнопку «капучино».

— Не хочешь пойти вместе поужинать?

Себастиан немного напрягся. Вот оно. Как и ожидалось. Не «хорошо бы как-нибудь вечером встретиться» или «давай как-нибудь выпьем пивка», а прямо ужин.

Same shit. Different name ^[12].

— Нет, спасибо.

— Почему нет?

— У меня другие планы.

Ложь. В точности как интерес к разделу «Спорт». Торкель это знал, но решил не продолжать расспросы. Ответом будет новое вранье. На сегодня с него хватит. Торкель взял из автомата чашку, но вместо того, чтобы уйти, как предполагал Себастиан, вернулся к столу и снова сел. Себастиан бросил на него удивленный взгляд, а затем полностью переключил внимание на газету.

— Расскажи о своей жене.

Такого поворота он никак не ожидал. Себастиан с откровенным удивлением посмотрел на Торкеля, который поднес полную до краев одноразовую чашку ко рту с таким спокойным выражением лица, будто спросил, который час.

— Зачем?

— Почему бы и нет?

Торкель снова поставил чашку на стол, вытер большим и указательным пальцами правой руки уголки рта и пристально посмотрел Себастиану в глаза. Тот стал быстро взвешивать варианты.

Встать и уйти.

Вернуться к притворному чтению.

Послать Торкеля к черту.

Или.

Действительно рассказать о Лили.

Инстинктивно ему хотелось выбрать один из первых трех вариантов, но, если вдуматься, что такого, если Торкель узнает чуть больше? Он спрашивает, наверное, стремясь проявить какую-то заботу, а не из любопытства. Еще одна протянутая рука. Попытка воскресить если не умершую, то спящую глубоким сном дружбу. Надо отдать должное его упорству. Не пора ли Себастиану дать что-то взамен? Сколько — он сможет решить сам. Лучше так, а то вдруг Торкель решит поискать в интернете и узнает больше, чем того хочется Себастиану.

Себастиан отложил газету.

— Ее звали Лили. Она была немкой, мы встретились в Германии, когда я там работал, поженились в 1998-м. К сожалению, я не из тех, кто носит фотографию в бумажнике.

— Чем она занималась?

— Она была социологом. В университете в Кёльне. Мы там жили.

— Старше тебя? Моложе? Ровесница?

— На пять лет моложе.

Торкель кивнул. Три быстрых вопроса, три, похоже, правдивых ответа. Дальше пойдет сложнее.

— Когда она умерла?

Себастиан замер. Ну хватит. Вечер вопросов и ответов закончен. Всему есть предел.

— Несколько лет назад. Я не хочу об этом говорить.

— Почему?

— Потому что это личное, а ты не мой психотерапевт.

Торкель кивнул. Верно, но все-таки было время, когда они знали друг о друге почти все. Сказать, что Торкель скучал по тому времени, было бы, пожалуй, преувеличением — в течение нескольких лет он лишь мимоходом вспоминал о Себастиане, но сейчас, когда тот вернулся, когда Торкель увидел его в деле, он осознал, что в годы отсутствия Себастиана его работа, а возможно, и жизнь протекали немного скучнее. Обусловлено это, естественно, было другими причинами, а не отсутствием Себастиана, но тем не менее Торкель не мог отделаться от ощущения, что ему не хватало старого коллеги. Старого друга. Сильнее, чем он думал. Торкель не питал надежд, что ощущение окажется обоюдным, но предпринять попытку ему все же хотелось.

— Мы были друзьями. Сколько раз тебе приходилось выслушивать мои проблемы с Моникой и детьми и прочее дерьмо. — Торкель чистосердечно посмотрел на сидевшего напротив коллегу. — Я с удовольствием выслушаю.

— Что?

— Что хочешь. Если есть что-то, о чем тебе хочется рассказать.

— Ничего такого нет.

Торкель кивнул. Он и не предполагал, что будет просто. Ведь он разговаривает с Себастианом Бергманом.

— Поэтому ты и приглашал меня ужинать? Чтобы я смог чуть-чуть исповедаться?

Торкель снова поднял чашку, немного оттягивая ответ.

— У меня сложилось впечатление, что ты себя неважно чувствуешь. — Себастиан не ответил. Вероятно, следовало ждать продолжения. — Я спросил Ванью, как у вас прошел день. Помимо того что она считает тебя трудным в общении мерзавцем, она сказала, что, похоже, тебя... даже не знаю... У нее возникло ощущение, что тебя что-то тяготит.

— Ванье следовало бы концентрироваться на работе, — Себастиан поднялся, газету со стола он брать не стал, а свою бумажную чашку взял и смял. — А тебе не следовало бы прислушиваться ко всему дерьму, которое долетает до твоих ушей.

Себастиан ушел, выбросив по пути чашку в мусорную корзину у двери. Торкель остался сидеть в одиночестве. Он глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух. Чего он, собственно, ожидал? Ему бы следовало знать: Себастиан Бергман не позволяет себя анализировать. Теперь он лишился еще и компании на ужин. Билли и Ванья собирались работать, а об Урсуле нечего было и думать. Но ему ни за что не хотелось еще раз ужинать в одиночестве. Он достал мобильный телефон.

Выйдя из столовой, Себастиан быстрым шагом направился через погруженный в темноту общий зал. Он был зол. На Торкеля, на Ванью, но больше всего на себя. Никогда прежде Себастиан не давал коллеге почувствовать, что его «что-то тяготит». Никто не мог даже догадаться, о чем он думает. Они знали лишь то, что Себастиан позволял им знать. Именно так он добился той позиции, которую занимал.

На вершине.

Им восхищались.

Его боялись.

Но в машине он обнажил себя. Утратил контроль. Дома у Лены Эрикссон тоже, если вдуматься. Недопустимо. Всему виной мать. Ее письма. Необходимо решить, что с этим делать. В данный момент это влияло на него больше, чем он мог допустить.

В конференц-зале горел свет. Через стекло Себастиан увидел сидящего за своим ноутбуком Билли. Себастиан замедлил шаг. Остановился. Каждый раз, в течение дня мысленно возвращаясь к Анне Эрикссон, он приходил к мысли, что надо на все это наплевать. Выигрыш может оказаться слишком мал, а потери — слишком велики. Но в силах ли он? Сможет ли он просто забыть о том, что знает, и продолжать жить дальше так, будто ничего не случилось? Наверное, нет. Кроме того, адрес ему, пожалуй, не повредит, если кто-нибудь сумеет его добыть. А уже потом он сможет решить, как ему поступить. Воспользоваться адресом или выбросить его. Разыскивать или остаться в стороне. Можно даже поехать туда и немного позондировать почву. Посмотреть, что за люди там живут. Составить себе представление о том, как его примут, если он вдруг объявится. Себастиан решил. Глупо лишать себя возможности выбора.

Себастиан распахнул дверь. Билли оторвался от компьютера.

— Привет.

Себастиан кивнул, выдвинул стул, уселся на самый край и вытянул ноги. Пододвинул к себе стоящую на столе миску с фруктами и взял грушу. Билли снова переключил внимание на компьютер.

— Чем ты занимаешься?

— Проверяю *Facebook* и некоторые другие социальные сайты.

— Неужели Торкель позволяет тебе заниматься этим в рабочее время?

Билли посмотрел на него поверх экрана, улыбнулся и покачал головой:

— Ни в жизнь. Я проверяю Рогера.

— Что-нибудь нашел?

Билли пожал плечами. Это как посмотреть. Рогера-то он нашел, но ничего интересного не обнаружил.

— Он не отличался активностью. Конечно, своего компьютера у него не было, но все равно в последний раз он что-либо писал в *Facebook* больше трех недель назад. В принципе неудивительно, что он не заходил туда чаще. У него зарегистрировано шесть друзей.

— А это мало?

Себастиан, разумеется, знал, что такое *Facebook*, он ведь провел последние годы не на том свете, но у него никогда не возникало желания узнать, как этот сайт работает, или стать членом — или кем ты там становишься — самому. Ему совершенно не хотелось поддерживать контакт с одноклассниками или бывшими коллегами. Одна мысль о том, что они станут «присоединяться» к нему и терроризировать его приставаниями и дурацкими банальностями, вгоняла его в полное уныние. Он, напротив, изо всех сил старался избегать общения, будь оно реальным или виртуальным.

— Шесть друзей — это ничто, — ответил Билли. — Стоит только зарегистрироваться, и у тебя их будет больше. То же самое на *MSN*. Туда он не заходил четыре месяца, а общался только с Лизой и Юханом Страндом.

— Значит, у него не было даже киберприятелей.

— Похоже на то. Правда, и врагов тоже, я не нашел в Сети о нем никакого дерьма.

Себастиан счел, что уже достаточно долго изображал заинтересованность, чтобы выложить то, за чем на самом деле пришел. Почему бы не проторить дорожку легкой лестью?

— Насколько я понял, ты настоящий ас в компьютерах.

Билли не смог сдержать улыбки, показывающей, что так и есть.

— Лучше среднего. Мне это дело нравится, — чуть смущенно сказал он.

— Как ты думаешь, ты мог бы мне кое с чем помочь?

Себастиан достал из внутреннего кармана письмо и бросил его Билли.

— Мне надо найти некую Анну Эрикссон. В 1979 году она проживала по этому адресу.

Билли взял письмо и посмотрел на него.

— Она как-то связана с расследованием?

— Возможно, да.

— Каким образом?

Черт побери, насколько все здесь соблюдают инструкции. Себастиан слишком устал и слишком медленно соображал, чтобы выдумывать хорошую ложь, поэтому он ограничился примитивной отмазкой, надеясь, что этого будет достаточно.

— Я тут параллельно кое-что отслеживаю, пока это просто догадка. Другим я ничего не говорил, но в случае удачи она нам кое-что даст.

Билли кивнул, и Себастиан немного расслабился. Он уже собрался встать, когда Билли остановил его.

— А как эта Анна связана с Рогером Эрикссоном?

Значит, отмазки не хватило. Почему люди делают только то, что им велено? Ведь, если их застукают, Билли всегда сможет обвинить Себастиана, который в свою очередь станет утверждать, что Билли его неправильно понял. Торкель немного поворчит. Они поговорят о необходимости соблюдения инструкций. Все пойдет по-прежнему. Себастиан дал Билли еще один шанс заглотнуть крючок с той же наживкой.

— Это долгая история, но было бы хорошо и для тебя тоже, если бы ты смог мне помочь. Я действительно думаю, что мы тут сможем кое-что получить.

Билли перевернул конверт и стал его изучать. На случай если Билли не клюнет, Себастиан начал быстро придумывать ложь. Он собирался сказать, что не исключено, что Анна Эрикссон может оказаться биологической матерью Рогера. Нет, ни в каком регистре усыновлений сведений нет, это внутренняя информация. Нет, источник он назвать не может. Пожалуй, подойдет. Если это возможно биологически. Себастиан начал считать. Сколько же лет в таком случае было Анне Эрикссон, когда она родила Рогера? Около сорока? Подходит.

— О'кей.

Себастиан вернулся к действительности, не веря своим ушам:

— О'кей?

— Конечно, только чуть погодя, мне еще до завтра надо просмотреть кучу файлов с камер наружного наблюдения.

— Да, разумеется, никакой спешки нет. Спасибо.

Себастиан встал и направился к двери.

— Еще одно.

Билли опять оторвал взгляд от компьютера.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это осталось между нами. Как я уже сказал, это только догадка, а злорадство, сам знаешь, себя ждать не заставит.

— Конечно, никаких проблем.

Себастиан благодарно улыбнулся и вышел из комнаты.

* * *

Ресторан «Лимоне Ристоранте Италияно». Столик заказывала она, но Торкель пришел первым, и его провели к стоявшему в углу зала между двух окон столику, над которым на проволочках свисала с потолка металлическая сфера размером с шар для боулинга. Столик на четверых. Вместо стульев — два дивана с жесткими прямыми спинками, обитые темно-лиловой тканью. Торкель потягивал пиво прямо из бутылки. Может, это была плохая идея? Пригласить на ужин Хансер. Хотя он ведь не приглашал ее в ресторан в полном смысле слова. Ему просто хотелось подробнее обсудить с ней расследование — их краткая встреча днем носила поверхностный характер, а беседовать за едой можно было с таким же успехом, как в ее кабинете. Конечно, Хансер добровольно отошла на задний план, позволив им вести расследование исключительно по собственному разумению, но нельзя забывать о том, что она по-прежнему несет основную ответственность, а Торкель чувствовал, что в последний раз разговаривал с ней немного недовольным тоном.

Хансер пришла, извинилась за опоздание, села и заказала бокал вина. К ней заходил комиссар полиции лена и хотел, чтобы она проинформировала его о ситуации. Он был озабочен тем, что им пришлось отпустить Леонарда Лундина, и выражал надежду на то, что вскоре последует другой, обоснованный арест. Ей, естественно, пришлось его разочаровать. Комиссар тоже испытывал большое давление. Интерес со стороны газет, особенно вечерних, не утихал. Минимум четыре страницы ежедневно. Интервью с Леной Эрикссон в «Афтонбладет» перерабатывалось и печаталось заново. Особое внимание уделялось одиночеству Рогера, высказывались догадки, что преступником является незнакомый Рогеру человек. В таком случае история может повториться. Некий «эксперт» рассуждал о том, что если человек убивает впервые — что вполне вероятно в данном случае, — то преодолевается некий барьер и пути назад уже нет. Такой человек наверняка убьет снова. Видимо, довольно скоро. Стандартные классические журналистские приемы нагнетания страха типа последней истерии по поводу эпидемических заболеваний или сенсаций из серии «Ваша головная боль может оказаться опухолью мозга». Газета «Экспрессен» сумела разнюхать о промахах в первые выходные после исчезновения мальчика и поставила под сомнение эффективность деятельности полиции. К этой статье уже приложили перечень других нераскрытых убийств, начиная с убийства Пальме^[13]. Хансер объяснила, что собирается встретиться с Торкелем и надеется завтра же снабдить комиссара более подробной информацией. Комиссар полиции лена удовлетворился, но перед уходом дал ей ясно понять, что: а) он надеется, что вызов Госкомиссии не был ошибкой, и б) в противном случае ответственность за эту ошибку несет только она, и никто другой.

Когда официант принес ей вино и поинтересовался, готовы ли они сделать заказ, они ненадолго углубились в меню. Торкель уже знал, что хочет лосося по-калабрийски (*Salmonella alla Calabrese*), — жареное филе лосося с томатами черри, луком-пореем, каперсами, оливками и запеченным картофельным пюре. Закусок он не любил. Хансер быстро выбрала ягненка на гриле (*Agnello alla Griglia*) — каре ягненка с картошкой с пармезаном и соусом из красного вина. Дороже, чем у него. Впрочем, какая разница. Ведь это он позвонил ей и

попросил ее составить ему компанию. Он рассматривал это как рабочий ужин, и платить, естественно, будет он. Платить будет Управление.

В ожидании еды они обсуждали расследование. Да, газеты Торкель читал. Ванья одно время склонялась к той же версии — неизвестный преступник. Но сообщение о том, что Рогера застрелили, по мнению Себастиана, противоречило такому сценарию. Человек, собравшийся убивать, независимо от того, кто он, не выбирает оружие, пулю от которого ему придется вырезать из жертвы, чтобы себя не выдать. К сожалению, передавать эти сведения прессе нельзя. То, что им известно, что Рогера застрелили, не должно стать достоянием общественности и тем самым преступника. Помимо этого Торкелю было особенно нечего рассказывать. За исключением Акселя Юханссона, они никаких впечатляющих успехов не достигли, многое зависит от завтрашнего дня и отчетов криминалистов. У Торкеля во внутреннем кармане завибрировал мобильный телефон. Он достал его и посмотрел на дисплей: Вильма.

— Я должен ответить.

Хансер кивнула и отпила глоток вина. Торкель ответил на звонок:

— Здравствуй, малышка.

Еще до того, как он услышал ее голос, его лицо расплылось в улыбке — так на него действовала младшая дочка.

— Привет, папа, что ты делаешь?

— Ужинаю с коллегой. А ты?

— Я собираюсь на вечеринку в школу. Ты в городе?

— Нет, я еще в Вестеросе, у тебя какое-то дело?

— Хотела узнать, не сможешь ли ты забрать меня сегодня после вечеринки. Мы не знали, вернулся ли ты домой, и мама сказала, чтобы я позвонила и узнала.

— Если бы я был дома, я бы с удовольствием заехал за тобой.

— Не волнуйся. Раз тебя нет, меня заберет мама.

— Что у тебя за вечеринка?

— Маскарад.

— Кем же ты будешь одета?

— Малолеткой.

Торкель представления не имел, что кроется за этим понятием. Ему не слишком понравилась идея костюма, выбранная его двенадцатилетней дочкой, но, с другой стороны, он сейчас далеко и не может отговорить ее или предложить более удачный вариант. Кроме того, он не сомневался, что Ивонн проследит за тем, чтобы все было прилично. В отличие от развода с Моникой развод с Ивонн прошел хорошо. Насколько хорошо вообще может пройти развод. Их совместная жизнь не удалась. Они оба так считали. Он ей изменял. Она ему тоже — в этом он был уверен. Оба хотели развестись, полагая, что для Вильмы и Эллин так будет лучше. На самом деле сейчас их отношения стали гораздо лучше, чем были в годы семейной жизни.

— О'кей. Передавай маме привет и повеселись от души.

— Ладно. Она тоже передает привет. Увидимся, когда ты вернешься домой.

— Обязательно. Я по тебе соскучился.

— Я по тебе тоже. Пока.

Торкель закончил разговор.

— Звонила дочка, — объяснил он.

— Я поняла.

Торкель убрал телефон обратно во внутренний карман.

— У вас ведь тоже был сын, я не путаю?

— Да, Никлас.

— Сколько ему сейчас лет?

Сомнение. Хотя за последние шесть лет Хансер много раз доводилось оказываться в подобной ситуации, когда речь заходила о сыне, она всегда сомневалась по поводу продолжения. Поначалу она честно отвечала как есть, но на людей это производило тягостное впечатление, и после мучительного молчания или судорожных попыток поддерживать разговор они поспешно находили повод покинуть ее общество. Поэтому теперь на вопрос, есть ли у нее дети, она обычно просто отвечала — нет. Так проще, и к тому же это правда.

Детей у нее нет.

Больше нет.

Но Торкель знал, что она была матерью.

— Он умер. Шесть лет назад. Когда ему было четырнадцать.

— О, извините. Я не знал, я вам очень сочувствую.

— Ну откуда вы могли знать?

Хансер по опыту знала, о чем думает Торкель. Его интересовало то же, что и всех узнававших о смерти Никласа. Четырнадцатилетние мальчики не так часто умирают естественной смертью. Вероятно, что-то случилось? Что же? Всем хотелось знать, что именно. Хансер была уверена, что Торкель не является исключением. Исключением стало то, что он прямо об этом спросил.

— От чего он умер?

— Он решил пройти напрямик. Через локомотив. Оказался слишком близко к высокому напряжению.

— Даже не могу себе представить, что вы с мужем пережили. Как вам удалось с этим справиться.

— А мы и не справились. Говорят, восемьдесят процентов людей, потерявших ребенка, разводятся. Мне бы очень хотелось сказать, что мы принадлежим к оставшимся двадцати, но, к сожалению, не могу.

Хансер отпила еще глоток вина. Она почувствовала, что ей легко рассказывать Торкелю. Легче, чем она думала.

— Я так злилась на него. На Никласа. Ему было четырнадцать. Не знаю, сколько раз мы читали о ребятах, погибавших на крышах поездов. И каждый раз говорили, что им следовало иметь голову на плечах. Это были подростки. Некоторые из них почти взрослые. Никлас всегда соглашался. Он знал, что это опасно. Смертельно опасно. И тем не менее... Я так разозлилась на него.

— Это можно понять.

— Я чувствовала себя худшей матерью на свете. Во всех отношениях.

— Тоже можно понять.

К их столику подошел официант, держа в каждой руке по тарелке. Это могло стать поводом к тому, чтобы закончить разговор. Молча заняться едой. Однако они начали есть, не прерывая разговора, и через несколько минут Торкель понял, что к концу ужина оба будут знать друг о друге гораздо больше, чем раньше. Он улыбнулся про себя — приятно, когда

такое случается.

Харальдссон сидел в собственной зеленой «тойоте» перед домом, где жил Аксель Юханссон, и мерз, несмотря на то что догадался поддеть под брюки кальсоны, а под пуховик — флисовую куртку. В руках он сжимал кружку с кофе. Днем уже чувствовалось настоящее весеннее тепло, но вечера и ночи оставались по-прежнему холодными.

Харальдссон ощущал себя в высшей степени причастным к тому, что Юханссона объявили в розыск. Более чем причастным. Его вклад имел просто решающее значение. Ведь благодаря его усилиям по поиску отправителя мейла Госкомиссия вышла на Пальмлёвскую гимназию, а затем на уволенного завхоза. Правда, Торкель Хёглунд, проходя вечером мимо Харальдссона, кивнул ему и слегка улыбнулся, но больше ничего не последовало. Никто не похвалил его за то, что он добыл информацию, приведшую к прорыву в расследовании. Он не был удивлен. Разочарован — да, но не удивлен. Харальдссон понимал, что не дождет похвалы за свою работу. Во всяком случае, от Торкеля и его коллег. Как бы это выглядело, если бы кто-то из местных сотрудников раскрыл дело перед носом у Госкомиссии? Перед уходом домой Харальдссон справился у Хансер, включало ли объявление в розыск круглосуточное наблюдение за домом подозреваемого. Оказалось, что нет. На первой стадии о розыске просто оповестили весь персонал, с тем чтобы все проявляли особую бдительность во время обычных патрулирований и выездов по вызовам. Кроме того, сообщили соседям, друзьям и родственникам Акселя, что полиция разыскивает его для беседы. При этом тщательно подчеркивалось, что в настоящий момент его ни в чем не подозревают. Решение о том, следует ли устанавливать наблюдение за его домом, Госкомиссия примет позже.

Харальдссон же принял свое решение сразу. Человек явно скрывается. Невинные не скрываются, а что Харальдссон делает в свободное время и где проводит ночи, никого не должно касаться.

Поэтому сейчас он сидел здесь.

В своей «тойоте».

И мерз.

Он подумывал было завести машину и немного проехаться, чтобы согреть салон, но тогда существовал риск пропустить появление Акселя Юханссона дома. О том, чтобы на несколько минут запустить мотор вхолостую, не могло быть и речи. С одной стороны, подозреваемый может среагировать на стоящую и тарахтящую перед его домом машину, а с другой — в центре города холостой ход разрешен только в течение минуты. Проступок, конечно, небольшой, но все-таки. Законы и правила созданы для того, чтобы их соблюдали. Кроме того, это совершенно неприемлемо с экологической точки зрения. Чтобы согреться, Харальдссон долил в кружку еще кофе. Обхватил ее руками. Надо было взять варежки. Он подышал теплым воздухом на руки и посмотрел на компресс на тыльной стороне ладони. Когда он переливал кофе в термос, к нему сзади подкралась Йенни, и он вздрогнул от неожиданности, когда она положила руки ему на живот, а затем быстро продвинула их ниже. Харальдссон отправился в туалет, смазал маленький ожог ксилокаиновой мазью и наложил компресс. Йенни последовала за ним и, когда он выбросил пустую обертку от компресса в стоявшее у них в ванной нержавеющее мусорное ведро с крышкой, снова подошла сзади и спросила, очень ли он торопится.

Они занялись этим в душе. Потом ему пришлось менять промокший компресс и снова наносить мазь. Несмотря на секс под душем, Йенни выглядела разочарованной, когда Харальдссон уходил, и спросила, когда он вернется. Может, он окажется дома где-нибудь за полчаса до того, как ей надо будет утром уходить на работу? В лучшем случае. Харальдссон не был уверен. Потом он планировал поехать прямо в отделение. Тогда они просто-напросто увидятся завтра вечером. Целую, пока.

Отпивая поток все быстрее остывающего кофе, Харальдссон задумался над этим. Йенни он оставил в расстроенных чувствах. И теперь он расстраивается из-за того, что она расстроилась. Ему действительно хочется... Нет. Ему *надо* раскрыть убийство Рогера Эрикссона, но она, похоже, совершенно не понимает, насколько это для него важно. Ее желание забеременеть заслонило в их жизни все. В каком-то смысле Харальдссон ее понимал. Ему тоже хотелось ребенка. Он мечтал стать отцом и огорчался из-за того, что у них пока ничего не получается. Но у Йенни это носило характер одержимости. В их жизни теперь над всем доминировал секс. Харальдссон пытался сводить ее в кино или в ресторан, но она считала, что можно посмотреть *DVD* и поесть дома, тогда они смогут позаниматься еще и «этим». В те немногие разы, когда они выбирались в гости, они всегда уходили рано и ничего не пили. О приглашении гостей к себе нечего было и думать. Вдруг гости уйдут так поздно, что у них не останется времени. Харальдссон пытался разговаривать о своей работе, о проблемах, возникших у него сперва с Хансер, потом с Госкомиссией, но ему все чаще казалось, что жена его не слушает. Она кивала, поддакивала, отвечала, чаще всего его же собственными словами, а потом снова стремилась заняться сексом. У немногих коллег-мужчин, которые иногда заговаривали о своих отношениях с женщинами или о семье, проблема заключалась в обратном. Им не хватало секса.

Слишком редко.

Слишком скучно.

Харальдссон даже не решался рассказывать о своей домашней ситуации. Но задумывался над ней все чаще. А что, если у них получится? Если Пенни забеременеет. Неужели он станет одним из тех, кто читает все до единой тревожные новости обо всех продуктах подряд и разыскивает круглосуточно работающие бензоколонки в десятках километров от дома, чтобы раздобыть соленый огурец или мороженое с лакрицей? Харальдссон выбросил эти мысли из головы. У него есть важная работа. Поэтому он здесь и находится. Ведь не пытается же он просто скрываться от жены?

Харальдссон решил немного размяться, чтобы согреться. Можно ведь походить, не теряя дверь Акселя Юханссона из виду.

* * *

Ванья сидела, склонившись над письменным столом, и смотрела в окно. Большую часть вида заслонял дом напротив — современное чудо из стекла и бетона, но ей все-таки были видны вечернее небо и полоска деревьев в сторону озера Меларен. Перед ней лежало несколько блокнотов, кое-какие отдельные листы бумаги и черные ежедневники. Все они были изъяты из письменного стола Рогера и являлись частью того, что унесла из его комнаты Урсула. Часом раньше Ванья с Билли съели по греческому салату в греческом ресторанчике, который им рекомендовала девушка с рецепции. Еда оказалась прекрасной, и

они оба поняли, что обязательно придут сюда снова. В провинциальных шведских городах глупо действовать наугад. Если они находили хорошее место, то обычно сразу становились завсегдатаями. На обратном пути Ванья заскочила в гостиницу, чтобы позвонить отцу. Его голос звучал радостно, но устало — в эмоциональном плане день прошел для Вольдемара как катание с американских горок, а от процедур его клонило в сон. Но Ванье этот разговор показался чудесным. Впервые за долгое время она положила трубку, не думая о том, что может лишиться отца. Она испытывала бурную радость и решила, что способна употребить свою энергию на что-нибудь полезное. Она вернулась в отделение. На самом деле, когда они работали на выезде, Ванья всегда занималась расследованием сколько могла, но на этот раз мысль о дополнительных вечерних часах радовала ее больше, чем последнее время. Урсула ушла около шести. Ванья с Билли оба посчитали это несколько странным. Обычно Урсула работала так же долго, как и остальные, и, обсуждая это за едой, оба пришли к выводу, что истинной причиной является Торкель. Хотя эта парочка и соблюдала величайшую осторожность, Ванья с Билли давно подозревали, что они больше, чем коллеги.

Ванья начала с отдельных листов. В основном старые контрольные, домашние задания и разные школьные записи. Ванья принялась сортировать их — контрольные в одну стопку, записи в другую, остальное в третью. Получилось три основные стопки, которые она потом распределила по датам и темам. Под конец перед ней оказалось двенадцать пачек, и она начала изучать их более сконцентрированно. Методу сортировать материал несколько раз Ванья научилась у Урсулы. Большим преимуществом являлось то, что ты быстро получаешь полный обзор материала и к тому же просматривал один и тот же документ несколько раз с возрастающей концентрацией. В результате было легче находить бросившиеся в глаза стереотипы или события, что увеличивало точность попадания. Урсула знала толк в подобных вещах, в выстраивании системы. Внезапно Ванье вспомнились слова Себастиана об иерархии в их группе. Он был прав — у них с Урсулой существовало молчаливое соглашение: не внедряться в сферы деятельности друг друга. Это было проявлением не только уважения, но и обоюдного понимания того, что в противном случае они могут с легкостью вступить в соревнование и тем самым начать подрывать позиции друг друга. Ведь на самом деле они обе, конечно, соперничали за право первенства в принятии решений.

За результат.

За то, чтобы считаться лучшей.

Ванья обратилась к оставшемуся материалу. Из разрозненных листков следовало лишь то, что математика давалась Рогеру хуже, чем шведский язык, и что ему явно требовалось всерьез поработать над английским. Она взялась за черные ежедневники. Они охватывали период начиная с 2007 года и далее и казались почти нетронутыми. Ванья взяла наиболее актуальный, этого года, и начала просматривать его прямо с января. Записей было довольно мало. Складывалось впечатление, что Рогер получил ежедневник в подарок на Рождество и постепенно перестал его использовать. Несколько дней рождений, несколько домашних заданий, какая-то контрольная, но по мере удаления от января записей становилось все меньше.

Сокращение ПВ впервые возникло в начале февраля, затем снова появилось в конце февраля и на первой неделе марта, а дальше присутствовало каждую вторую среду в 10:00. Ванья отметила, что это, похоже, единственная регулярно встречающаяся запись, и пролистала ежедневник вперед до роковой пятницы в апреле. Каждую вторую среду значилось: ПВ. Всегда в 10:00. Кто или что скрывается за ПВ? Поскольку речь идет с

времени занятий, это, вероятно, как-то связано со школой. Ванья пролистала дальше роковой пятницы и обнаружила, что смерть помешала Рогеру встретиться с ПВ неделей позже. Она быстро схватила ежедневник предыдущего года, чтобы посмотреть, встречается ли ПВ там тоже. Оказалось, да. В первый раз в конце октября, а потом регулярно до самого конца ноября, правда, здесь каждый второй вторник в 15:00.

Круг друзей Рогера был весьма ограничен и пока мало что дал расследованию. Тут же имелся человек, с которым он регулярно встречался, если, конечно, за сокращением скрывается человек, а не какое-то мероприятие. Ванья посмотрела на часы — только без четверти девять. Звонить еще совсем не поздно. Первым делом она набрала номер матери Рогера, Лены. Никто не ответил. Да Ванья и не особенно надеялась — пока они с Себастианом были у Лены, телефон несколько раз звонил, но та даже не предпринимала попыток ответить. Она решила позвонить Беатрис Странд. Как классный руководитель, та должна была бы лучше всех знать, чем занимался Рогер в десять часов каждую вторую среду.

— У него было «окно», — голос Беатрис звучал несколько устало, но она, естественно, изъявила готовность попытаться помочь.

— А вы знаете, чем он в это время занимался?

— К сожалению, нет. Следующий урок начинается в четверть двенадцатого, и Рогер обычно не опаздывал.

Ванья кивнула и взяла ежедневник предыдущего года.

— А прошлой осенью? В три часа по вторникам?

В трубке немного помолчали.

— Мне кажется, мы к тому времени уже заканчивали. Да, именно так, по вторникам занятия заканчивались без четверти три.

— А вы не знаете, что может означать сокращение ПВ?

— ПВ? Нет, с ходу ничего в голову не приходит.

Ванья кивнула, чувствуя, что это становится все интереснее. Значит, Рогер скрывал встречи с ПВ от Беатрис. Это показалось ей важным. Ведь Беатрис была не просто его учительницей, они общались и вне школы.

— Это с ПВ он планировал встречаться по средам? — немного помолчав, спросила Беатрис, явно продолжая размышлять над сокращением.

— Именно.

— Тогда это может быть Петер Вестин.

— Кто он такой?

— Психолог, у которого есть договор со школой. Я знаю, что Рогер несколько раз ходил к нему, когда только начал у нас учиться. Я сама посоветовала Рогеру обратиться к Петеру, но я не знала, что он продолжал его посещать.

Ванья поблагодарила за помощь, взяла у Беатрис контактный телефон Петера Вестина и сразу позвонила ему. Никто не ответил, но из сообщения на автоответчике она узнала, что прием ведется с девяти утра. Быстрая прикидка по карте показала, что кабинет психолога располагается всего в десяти минутах ходьбы от школы. За «окно» Рогер спокойно успевал обернуться, не ставя никого в известность о том, что он туда ходит, если ему не хотелось, чтобы об этом знали. Ведь с психологом обычно разговаривают как раз о тайнах, в которые не желают посвящать остальных.

У Ваньи запищал мобильный телефон. Пришла эсэмэс: «Нашел бывшую подружку»

Акселя Юханссона. Хочешь, поедем к ней вместе? Билли».

Быстрый ответ: «ДА».

На этот раз она добавила смайлик.

* * *

Бывшую подружку Акселя Юханссона, Линду Бекман, Билли поймал на работе. Она несколько раз подчеркнула, что больше не живет с Акселем и не знает, где тот находится и чем в настоящее время занимается, и Билли потребовалось приложить много усилий, чтобы договориться с ней о встрече. Когда она наконец согласилась, то категорически отказалась приходить в полицию. Если они обязательно хотят поговорить с ней сегодня вечером, то им придется подъехать к ней на работу, и она сможет взять небольшой перерыв. В результате Ванья с Билли оказались за столиком в пиццерии на площади Стурторгет. Еду никто из них заказывать не стал, оба удовольствовались чашкой кофе.

Линда вошла и села напротив них. Она оказалась довольно заурядной блондинкой лет тридцати. Волосы до плеч и густая челка, достигающая зеленовато-голубых глаз. Одета Линда была в черный свитер в белую полосу и короткую черную юбку. Свитер очень удачно подчеркивал ее фигуру. На шее на тонкой цепочке висело золотое сердечко.

— У меня есть пятнадцать минут.

— Значит, постараемся уложиться в пятнадцать минут, — согласился Билли, протягивая руку к сахару. Он всегда клал в кофе сахар, причем в больших количествах.

— Как я уже говорил по телефону, нам бы хотелось услышать немного об Акселе Юханссоне.

— Вы не сказали почему.

Тут в разговор вмешалась Ванья. Было бы глупо рассказывать, что им известно о дополнительных доходах Акселя, во всяком случае, пока они не почувствовали, как Линда относится к своему бывшему. Поэтому Ванья начала с некоторой осторожностью.

— Вам известно, почему его выгнали из гимназии?

Линда улыбнулась полицейским. Она смекнула, о чем речь.

— Да. Алкоголь.

— Алкоголь?

— Он продавал его ребятам. Идиот!

Ванья посмотрела на Линду и кивнула. Похоже, она не принадлежит к числу союзников Акселя.

— Именно.

Линда недовольно покачала головой, словно желая подтвердить свое негативное отношение к «бизнесу» Акселя.

— Я говорила ему, что это глупо. Думаете, он меня послушал? Вот его и выставили, в точности как я предсказывала. Идиот.

— Он никогда не упоминал некоего Рогера Эрикссона? — с надеждой спросила Ванья.

— Рогера Эрикссона? — Линда, казалось, задумалась, но никаких признаков узнавания на ее лице не отразилось.

— Шестнадцатилетнего парня, — продолжил Билли, протягивая ей фотографию Рогера. Линда взяла фотографию и принялась ее разглядывать. Она узнала Рогера.

— Убитый парень?

Ванья кивнула в ответ. Линда посмотрела на нее:

— Да, думаю, он как-то заглядывал к Акселю.

— Вам известно, зачем они встречались? Он покупал у Акселя спиртное?

— Нет, едва ли. Он приходил скорее поболтать. Насколько мне известно, ушел он с пустыми руками.

— Когда это было? — Ванья наклонилась вперед. Это становилось интересным. Рогер, убитый парень, о котором им так мало известно, появлялся в неожиданном месте и при непонятных обстоятельствах. Следовало выяснить все, что только можно.

— Наверное, месяца два назад, я почти сразу после этого съехала.

— А еще вы Рогера когда-нибудь видели? Подумайте. Это важно.

Посидев с минуту неподвижно, Линда помотала головой. Ванья сменила тему:

— Как Аксель воспринял ваш переезд?

Линда снова покачала головой — похоже, это было ее привычной реакцией при мысли об Акселе.

— Просто здорово удивился. Не разозлился, не расстроился, ничего подобного. Никак не пробовал меня удержать. Просто... продолжил жить дальше. Будто для него не играло никакой роли, там я или нет. Он мне гнусным образом изменял.

Когда двадцатью минутами позже, поблагодарив Линду Бекман, Ванья с Билли двинулись обратно в отделение, образ Акселя Юханссона не только обрел контуры, но предстал в мельчайших подробностях. Поначалу Аксель был настоящим джентльменом, внимательным, щедрым, веселым. Линда переехала к нему буквально через несколько недель. Они прекрасно понимали друг друга — поначалу. Потом стали всплывать кое-какие вещи. Не столь серьезные — поначалу. Такие, над которыми почти не задумываешься. Например, в ее кошельке вдруг оказалось чуть меньше денег, чем она предполагала. А потом пропало золотое украшение, унаследованное Линдой от бабушки, и она начала понимать, что для Акселя их отношения в основном являются способом покрытия расходов. Линда прижала его, и он безумно испугался. У него имелись карточные долги, и он боялся, что она бросит его, если он ей расскажет, поэтому он шел на все, чтобы рассчитаться. Ради того чтобы начать жизнь с Линдой с чистого листа. Безо всякого дерьма в багаже. Она согласилась. Но вскоре у нее опять начали пропадать деньги. Последней каплей стало то, что она нашла припрятанный счет и обнаружила, что вносит плату за квартиру практически целиком, хотя полагала, что оплачивает половину. Линда еще больше сгустила краски. Их сексуальная жизнь была никудышной. Он редко проявлял интерес, а если все-таки проявлял, то действовал властно, на грани жестокости, и всегда стремился брать ее сзади, прижимая лицом к подушке. «Лишняя информация», — подумала Ванья, но лишь кивнула, призывая Линду продолжать. Аксель всегда уходил в странное время, иногда на всю ночь, и возвращался домой утром или ближе к обеду. Остававшееся от работы в гимназии время уходило у него на поиски разных способов добывания денег. Все в его мире вертелось вокруг того, как бы обойти систему.

Его девизом было: «Только идиоты поступают так, как говорят». В Пальмлёвскую гимназию он устроился исключительно потому, что там у учеников богатые родители и строгое воспитание — для Акселя это означало облегчение задачи. Семьи учеников имели тенденцию решать проблемы, не поднимая шума. В точности как под конец поступил и директор.

Он всегда говорил: «Продавай тому, кто может побольше заплатить и кто больше всех потеряет, если дело раскроется». Но денег Линда никогда не видела. Этого она никак не могла понять. Несмотря на «бизнес», Аксель вечно сидел без гроша. Куда девались деньги, представляло для нее главную загадку. Друзей у него, похоже, водилось мало, а тех, что имелись, он постоянно ругал за то, что они не дают ему в долг. А если они в виде исключения давали, то он ругался, потому что они хотят получить деньги обратно.

Он вечно бывал недоволен.

Всем и вся.

Главным вопросом для Ваньи и Билли было: что связывало Рогера с Акселем? Рогер заходил к нему домой — это они теперь знали. Связано ли это с тем, что несколько недель спустя Рогер позаботился о том, чтобы Акселя уволили? Сценарий, во всяком случае, вполне возможный. Расставаясь вечером, Ванья и Билли испытывали удовлетворение от проделанной в последние часы работы. Аксель Юханссон сделался еще более интересной фигурой. А следующим утром им предстояло посетить психолога с инициалами ПВ.

* * *

По пути к лифту Торкель кивнул женщине за стойкой рецепции. Уже в лифте, вставив карточку-ключ в считывающее устройство, он поколебался, а потом нажал на кнопку с четверкой. У него самого был номер 302, на четвертом этаже жила Урсула. Из закомуфлированных колонок доносилось пение *Rolling Stones*. Торкель помнил эту группу как самое крутое из того, что слушал в молодости. Теперь их музыку играют в лифте. Дверцы раскрылись, но Торкель не двинулся с места. Может, не стоит? Он ведь не знал, продолжает ли она на него злиться, правда, предполагал, что да. Поступи она с ним так, как он с ней, он бы непременно продолжал злиться. Впрочем, лучше прояснить ситуацию. Торкель дошел по коридору до номера 410 и постучал. Прошло несколько секунд, прежде чем Урсула открыла. Ее совершенно нейтральное выражение лица ясно показало Торкелю, как она относится к его визиту.

— Извини, если помешал. — Торкель приложил максимум усилий к тому, чтобы по голосу было незаметно, как он нервничает. Оказавшись с ней лицом к лицу, он осознал, насколько ему не хочется с ней ссориться. — Я просто хотел проверить, как у тебя настроение.

— А ты как думаешь?

Как он и опасался. По-прежнему злится. Впрочем, для Торкеля никогда не представляло трудности попросить прощения, если он совершил ошибку.

— Прости, я должен был рассказать тебе, что собираюсь взять Себастиана в группу.

— Нет, ты вообще не должен был его брать.

На мгновение Торкель почувствовал раздражение. Теперь она проявляет излишнее упрямство — он ведь попросил прощения. Признал, что плохо разрулил ситуацию, но он все-таки начальник. Ему приходится принимать подобные решения и брать в группу тех людей, которых он считает наиболее полезными для расследования. Даже если это одобряется не всеми. Надо подходить к этому профессионально. Однако Торкель быстро решил не облекать такие мысли в слова. Ему не хотелось еще больше усложнять отношения с Урсулой, кроме того, он был по-прежнему не уверен, что присутствие Себастиана действительно

пойдет на пользу расследованию. Торкель чувствовал, что ему требуется не только объяснить свои действия Урсуле, но и определиться самому. Почему он утром в ресторане не ответил Себастиану отказом? Он посмотрел на Урсулу почти умоляющим взглядом:

— Послушай, мне действительно надо с тобой поговорить. Можно я войду?

— Нет.

Урсула не открыла дверь пошире. Напротив, она еще больше прикрыла ее, словно ожидала, что он попытается вломиться к ней. Из комнаты донеслись три коротких, три длинных, три коротких сигнала. СОС — звонок мобильного телефона Урсулы.

— Это Микаэль. Я жду его звонка.

— О'кей. — Торкель понял, что разговор окончен. — Передавай привет.

— Ты сможешь сделать это сам, он завтра приедет.

Урсула закрыла дверь. Торкель постоял несколько секунд, пытаясь переварить услышанное. Микаэль не приезжал во время расследования с... да Торкель вообще не мог такого припомнить. Он был не в силах толком обдумывать, что это означает. Тяжелым шагом он направился обратно к лестнице, чтобы спуститься к собственному номеру. За последние сутки его жизнь значительно усложнилась.

А чего он, собственно, ожидал?

Он ведь снова впустил в нее Себастиана Бергмана.

* * *

Себастиан проснулся на диване лежа на спине. Должно быть, он задремал. Телевизор работал, правда, негромко. Шли новости. Правая рука была так сильно сжата в кулак, что болела до самого локтя. Снова прикрыв глаза, Себастиан стал осторожно распрямлять затекшие пальцы. За это время поднялся ветер. Стал все сильнее завывать в трубе вплоть до самого камина, но для едва пробудившегося Себастиана этот звук сливался со сном, от которого он только что очнулся.

Гул.

Мощь.

Нечеловеческая сила стены воды.

Он держал дочку. Держал крепко. Посреди всех криков, всех кричащих. Вода. Вздымающийся песок. Сила. Единственное, что он действительно помнил посреди этого безумия, — он крепко держал ее. Даже видел их руки вместе. Такое, естественно, невозможно, но нет, он действительно видел руки — ее и его. Был по-прежнему способен их видеть. Ее маленькую, с колечком, обхваченную его правой рукой. Он держал ее крепче, чем когда-либо вообще что-нибудь держал. Не было времени думать ни о чем, но он все же знает, что думал. Об одном, самом важном на свете — ему ни за что нельзя выпускать ее из рук.

Так он думал.

Одна-единственная мысль.

Ни за что, ни за что нельзя выпускать.

Но выпустил.

Дочка выскользнула.

Внезапно ее руки в его руке не оказалось. Вероятно, что-то поднялось с водными

массами и ударило ее. Ударило его? Или ее маленькое тельце в чем-то застряло? Или застряло его тело? Он не знал. Знал только, что, когда весь в синяках, обессиленный, в шоковом состоянии очнулся в нескольких сотнях метров от того, что раньше представляло собой пляж, ее там не было.

Ни поблизости.

Нигде.

Его правая рука оказалась пуста.

Сабина исчезла.

Он ее так и не нашел.

Лили покинула их еще утром. Чтобы пробежаться вдоль берега. Она каждое утро совершала пробежки. Всегда приставала к нему. Читала нотации о пользе моциона. Тыкала мизинцем в мягкие складки на том месте, где когда-то была талия. Он обещал начать бегать. Когда-нибудь, во время отпуска. Обещал в принципе, не уточняя когда. Только не в этот второй день Рождества. Его он намеревался провести вместе с дочкой. Лили вышла на пробежку поздно. Обычно она бегала до наступления жары, но на этот раз они вместе позавтракали в номере, в широкой двуспальной кровати, а потом еще задержались и просто веселились. Всей семьей. Под конец Лили встала, поцеловала его, в последний раз чмокнула в щечку Сабину и, весело помахав им на прощанье рукой, вышла из номера. Бежать далеко она не собиралась.

Слишком жарко.

Вернусь через полчаса.

Ее он тоже так и не нашел.

Себастиан поднялся с дивана. Задрожал. В долго пустовавшей комнате было прохладно. Который час? Начало одиннадцатого. Себастиан взял посуду с журнального столика и направился на кухню. Придя домой, он разогрел в микроволновке какую-то принесенную из ресторана замороженную еду и уселся перед телевизором с тарелкой и слабым пивом. Ему сразу пришло в голову, что ресторан, сервирующий такую еду, как он поглощал, по-хорошему, следовало бы немедленно закрыть. Скучная — это самое мягкое, что можно сказать. Но ужин прекрасно подходил к тому, что показывали по телевизору. Сухо, неизобретательно и вяло. Казалось, на каждом канале какой-нибудь молоденький ведущий смотрел прямо в камеру, пытаясь заставить тебя позвонить и проголосовать. Себастиан съел половину порции, откинулся на спинку и, очевидно, уснул.

Уснул и увидел сон.

Теперь он снова стоял на кухне, не зная, чем бы ему заняться. Он поставил тарелку и бутылку на стол возле мойки. Остановился в нерешительности. К такому он оказался не готов. Обычно он не позволял себе дремать — ни прикорнуть после еды, ни проспать поезд или самолет. Это всегда портило остаток дня. А тут он почему-то расслабился. День прошел по-иному.

Он работал.

Включился в действие, чего с ним не случалось с 2004 года. Ему не хотелось заходить так далеко, чтобы утверждать, что день прошел хорошо, но все-таки по-другому. Очевидно, ему думалось, что день продолжится так и дальше и что сон его не настигнет. Как же он ошибался. И вот теперь он стоял посреди родительской кухни.

Неугомонный.

Раздосадованный.

Машинально сжимая и разжимая правую руку. Если он не хочет бодрствовать остаток ночи, есть только одно средство.

Сперва надо быстренько принять душ.

А потом идти трахаться.

* * *

Дом действительно выглядел кошмарно. Повсюду. Неглаженое белье. Нестираная одежда. Пыль. Грязная посуда. Постельное белье следовало сменить, шкафы проветрить, а днем весеннее солнце с болезненной очевидностью показывало, что окна необходимо помыть. Беатрис просто не знала, с чего начать, поэтому ничего не делала, в точности как в последнее время во все вечера и выходные. Какой промежуток именовался «последним временем», она даже боялась думать. Год? Два? Она не знала. Знала только, что у нее нет сил. Ни на что. Вся ее энергия уходила на поддержание образа любимого талантливого педагога и коллеги по школе. Надо было держать лицо, чтобы никто не заметил, насколько она устала.

Как она одинока.

Как несчастна.

Беатрис отодвинула гору чистого нижнего белья, до которого так и не дошли руки, и уселась на диван со вторым за вечер бокалом вина. Если бы кто-нибудь заглянул в окно и не обратил внимания на беспорядок в комнате, воображение бы с легкостью нарисовало ему образ работающей женщины, супруги и матери, которая отдыхает на диване после тяжелого дня. Ноги поджаты, на столике бокал вина и хорошая книга, а из скрытых усилителей фоном доносится расслабляющая музыка. Не хватало только потрескивающего в камине огня. Женщина средних лет, наслаждающаяся одиночеством. Личным временем. Больше ошибки себе просто не представить. Беатрис была одинока. В этом-то и заключалась проблема. Она ощущала одиночество, даже когда Ульф с Юханом находились дома. Юхан — шестнадцать лет, самый расцвет борьбы за эмансипацию, да еще и папин сын. И всегда был таким. Это проявилось еще сильнее, когда Юхан поступил в Пальмлёвскую гимназию. В какой-то степени Беатрис могла его понять — наверняка не очень весело постоянно видеть маму в качестве классного руководителя, — но она чувствовала себя более отстраненной, чем, как ей казалось, того заслуживала. Она разговаривала или пыталась разговаривать об этом с Ульфом. Естественно, безрезультатно.

Ульф.

Ее муж, который уходит утром и возвращается вечером. Муж, с которым она вместе ест, смотрит телевизор и спит. Муж, с которым она чувствует себя одинокой. Он присутствует в доме, но не «у нее». С тех самых пор, как вернулся обратно. Да и до того тоже.

Раздался звонок в дверь. Беатрис взглянула на часы. Кто бы это мог быть? В такое время? Она вышла в прихожую, машинально отпихнула в сторону пару кроссовок и открыла дверь. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, откуда ей смутно знакомо это лицо. Полицейский, приходивший в школу. Себастиан с чем-то.

— Добрый вечер, извините, что беспокою в такой поздний час, но я оказался возле вашего дома.

Беатрис кивнула, машинально взглянув за спину гостя. Машины ни на улице, ни возле

гаража видно не было. Себастиан уловил это в ту же секунду, как Беатрис снова перевела взгляд на него.

— Я просто прогуливался и подумал, что вам, возможно, требуется с кем-нибудь поговорить.

— Это почему же?

Сейчас все решится. По пути Себастиан разработал стратегию исходя из сложившегося у него впечатления о ней и ее муже. То, что оба представились родителями сына, а не второй половиной другого, показало ему, что их отношения далеки от идеальных. Видеть и слышать подобное ему уже доводилось. У супружеских пар это являлось подсознательным способом наказать второго. «Я не мыслю себя в первую очередь твоей половиной». Далее, чтобы справиться с событиями последних дней, отец с сыном уехали одни, а не отправились в поход всей семьей, что явно свидетельствовало о не самых лучших отношениях отца с матерью в данный момент. Поэтому Себастиан решил взять на себя роль хорошего слушателя. Что ему предстояло выслушать, не имело значения. Будь то смерть Рогера, неудачный брак Беатрис или лекция по квантовой физике. Он был убежден, что сейчас Беатрис помимо уборщицы больше всего нуждалась в слушателе.

— Когда мы сегодня встретились в школе, у меня возникло ощущение, что вы сейчас вынуждены быть сильной ради своих учеников. И дома с сыном, который был лучшим другом Рогера, я полагаю, тоже. Вынуждены сдерживать свои чувства.

Беатрис машинально кивнула в знак согласия. Себастиан продолжил:

— Но Рогер был вашим учеником. Еще совсем мальчиком. Человек должен иметь возможность выговориться. И надо, чтобы кто-нибудь выслушал, — заканчивая, Себастиан слегка склонил голову на бок и включил свою самую сочувственную улыбку. Сочетание, благодаря которому он представал человеком, действовавшим исключительно во благо другого без всяких задних мыслей. Он увидел, что его слова до Беатрис дошли, но она еще никак не могла связать все воедино.

— Но я не понимаю, вы ведь полицейский, ведущий расследование.

— Я психолог. Я иногда работаю вместе с полицией, помогаю с психологическими портретами и тому подобным, но здесь я не поэтому. Я знал, что вы сегодня вечером остались в одиночестве, и мне подумалось, что мысли, вероятно, посещают именно в такие моменты.

Себастиан обдумывал, не подкрепить ли ему слова легким прикосновением. Накрыть ее руку своей. Но удержался. Беатрис кивнула. Ее глаза слегка заблестели или ему это только показалось? Он задел нужные струны. Черт возьми, какой он молодец! Он с трудом сдержал волчью усмешку, когда Беатрис отступила в сторону и впустила его.

~ ~ ~

Человек, который не был убийцей, взбил подушку.

Он очень устал. День был длинным и во многих отношениях напряженным. Человек ловил себя на том, что все время думает о необходимости держаться естественно, а в результате боялся, что слишком сильно напрягается и поэтому ведет себя неестественно. Он попытался не думать о естественности поведения, но через некоторое время это привело к тому, что ему опять стало казаться, будто он держится неестественно, и он снова начал об этом думать. Утомительно. Кроме того, полиция отпустила Леонарда Лундина, а значит, опять начала более активные поиски. Кого-то другого.

Его.

Человек, который не был убийцей, улегся на спину и сцепил руки в замок. Короткая вечерняя молитва. Затем сон. Благодарность за то, что ему дали сил продержаться еще один день. Пожелание, чтобы жизнь как можно скорее вернулась к нормальному состоянию. К обычному. Он где-то читал, что первые двадцать четыре часа после убийства являются важнейшими для поимки преступника. А тут мальчика вообще начали искать только через трое суток. Промедление могло означать лишь то, что его деяние было праведным. Под конец — пожелание спокойно проспать всю ночь, без снов. Не так, как прошлую ночь.

Тогда ему приснился очень странный сон.

Он стоял за насыпью, возле футбольного поля. Освещенный автомобильными фарами. Перед ним на земле лежал тот парень. Повсюду кровь. Человек, который не был убийцей, держал в руках поврежденное сердце. По-прежнему теплое. Оно билось? Во сне — да. Медленными ударами.

Затихающими.

Умирающими.

Как бы то ни было, во сне он повернулся направо, внезапно осознав, что там кто-то стоит, всего в нескольких метрах. Он почти не сомневался в том, кто это. Кто это должен был быть. Но он ошибся. К своему удивлению, он увидел отца, который стоял и молча наблюдал за ним. Несмотря на то что это происходило во сне, возникло ощущение нереальности. Его отец умер много лет назад. Человек, который не был убийцей, указал рукой на кровавую сцену:

— Не стой без дела. Разве ты не хочешь мне помочь?

Когда он заговорил, голос оказался тонким и срывающимся, как у маленького расстроенного ребенка. Отец, не двигаясь с места, продолжал разглядывать сцену пораженными глаукомой глазами.

— Если у тебя неприятности, иногда наилучшим выходом бывает о них поговорить.

— Поговорить о чем? О чем тут разговаривать?! — детским голосом закричал человек, который не был убийцей. — Парень мертв! Я держу в руках его сердце. Помоги мне!

— Правда, иногда в разговоре рассказываешь слишком много.

С этим отец исчез. Человек, который не был убийцей, стал озираться. Растерянный.

Напуганный.

Преданный.

Отец не мог просто исчезнуть. Во всяком случае сейчас. Отец должен помочь ему. Как помогал всегда. Должен. Это его проклятый долг. Но отец больше не показался, а человек,

который не был убийцей, осознал, что по-прежнему находящееся у него в руках сердце стало холодным. Холодным и неподвижным.

Тут он проснулся. Проснулся и не смог снова заснуть. Днем он несколько раз возвращался мыслями к сну, пытаясь понять, что тот мог означать, если вообще что-то означал, но по мере того, как проходили часы и его внимание переключалось на будничные заботы, воспоминание о сне стало стираться. Но сейчас ему нужно было поспать. Просто необходимо. Ему надо держаться на шаг впереди. Посланный им из школы мейл не принес желаемого результата. Полиция, очевидно, каким-то образом вычислила, что Леонард не прятал куртку в гараже, что ее подкинули. Что же ему теперь делать? Он прочел все, что нашел, где говорилось об убитом мальчике, но почти ничего нового не обнаружил. Потом стал прикидывать, не знает ли он кого-нибудь из работающих в здании полиции, кто мог бы снабдить его кое-какой внутренней информацией, но никого не вспомнил. Расследующая убийство группа явно увеличилась. Газета «Экспрессен» писала, что полиция получила подкрепление. Пригласила Себастиана Бергмана — по всей видимости, известного в своей области специалиста. Он сыграл выдающуюся и решающую роль в поимке серийного убийцы Эдварда Хинде в 1996 году. Психолог. Человек, который не был убийцей, почувствовал, что начинает терять концентрацию и засыпать, но вдруг очнулся и сел. Он все понял.

«Если у тебя неприятности, поговори о них».

Отец так *пытался* помочь ему.

Как обычно.

Как всегда.

Ему просто не хватило ума, чтобы понять это. С кем обычно разговаривают при возникновении проблем? С психологом. С терапевтом.

«Правда, иногда рассказывают слишком много».

Он же знает. Все время знал, только никогда не связывал воедино. Не думал, что у него может возникнуть такая потребность. В городе есть человек, способный свести на нет все его усилия. Все результаты его борьбы. Человек, представляющий для него угрозу.

Профессиональный слушатель.

Петер Вестин.

На часах было двадцать минут третьего, и стоял просто собачий холод. Может, и не минусовая температура, но около того. Во всяком случае, изо рта Харальдссона, который не отрывал взгляда от дома на противоположной стороне улицы, шел белый пар. Харальдссон где-то слышал, что смерть от холода является безболезненной и считается чуть ли не приятным способом умирать. По всей видимости, перед самой кончиной человек согревается и расслабляется всем телом. Значит, пока его жизни ничего не угрожает. Сидя на водительском месте со скрещенными на груди руками, Харальдссон мерз как собака. При малейшем движении он непроизвольно вздрагивал, и ему казалось, что температура тела опускается еще на десятую часть градуса. В доме, за которым он наблюдал, отдельные окна по-прежнему светились, но в большинстве окон свет уже погас. Там мирно спят. Под одеялом. В тепле. Харальдссон не мог не испытывать зависти. В течение вечера он не раз и не два уже был готов сдаться и поехать домой, но каждый раз, чувствуя искушение повернуть ключ зажигания, он мысленно представлял себе, как приходит завтра на работу человеком, раскрывшим убийство Рогера Эрикссона. Человеком, поймавшим убийцу, раскрывшим дело. Он прямо видел реакцию.

Поздравления.

Зависть.

Ему казалось, он прямо слышит, как комиссар полиции лена благодарит его и превозносит его умение проявить инициативу и преданность работе, с помощью которых он пошел на шаг дальше, чем того требовали служебные обязанности, на шаг дальше, чем считала нужным даже сама Госкомиссия. Такой шаг мог предпринять только настоящий полицейский. Последнее комиссар произнесет, бросив многозначительный взгляд в сторону Хансер, которая несколько стыдливо опустит глаза. Своими блестящими действиями Харальдссон, возможно, даже предотвратил угрозу для других жизней.

Стоило Харальдссону подумать об этом, как по всему телу распространилось тепло. Как же он будет себя чувствовать, когда это действительно произойдет! Все переменится. Ведущая вниз спираль, куда угодила его жизнь, оборвется, и он снова поднимется. Во всех отношениях.

Харальдссон очнулся от своих полусонных промерзших мечтаний. К дверям дома кто-то приближался. Высокая худощавая фигура. Мужчина. Шел быстрым шагом, глубоко засунув руки в карманы куртки и подняв плечи. В эту ночь мерз явно не только Харальдссон. Мужчина прошел мимо висевшей на фасаде лампы, и Харальдссон на мгновение отчетливо увидел его лицо. Он бросил взгляд на фотографию, прикрепленную к приборной панели. Никаких сомнений. Мужчина, направляющийся к дому, — это Аксель Юханссон.

«Добро пожаловать домой», — подумал Харальдссон, чувствуя, что леденящую усталость как рукой сняло. Аксель Юханссон подошел к парадной и набрал четырехзначный код. Замок щелкнул, он распахнул дверь и уже собирался войти в темноту и тепло, как услышал еще один щелчок — металлический звук, явно указывавший на то, что где-то рядом открылась дверца машины. Аксель остановился, не закрывая входной двери, и оглянулся. Харальдссон секунду просидел неподвижно. Он слишком поторопился. Надо было дать подозреваемому войти в дом, а уже потом открывать дверцу машины. Что же теперь делать? Он видел, что Аксель Юханссон стоит перед открытой дверью и неотрывно смотрит на

«тойоту». Сидеть в машине с приоткрытой дверцей казалось еще более подозрительным, поэтому Харальдссон вылез наружу. Метрах в двадцати от него Аксель Юханссон отпустил дверную ручку и отступил назад. Харальдссон решительным шагом пересек улицу.

— Аксель Юханссон! — Харальдссон приложил максимум усилий к тому, чтобы это прозвучало так, будто он совершенно неожиданно увидел старого друга. С радостным удивлением, без малейшей угрозы. Будто он вовсе не полицейский.

У него явно ничего не получилось.

Аксель Юханссон развернулся и побежал.

Харальдссон пустился следом, проклиная то, что так долго сидел и мерз в машине. Слишком медленно. Завернув за угол дома, он увидел, что расстояние до Акселя Юханссона увеличилось. Харальдссон прибавил скорости, наплевав на то, что бедра и ноги застыли и отказывались подчиняться. Он двигался на силе воли. Юханссон быстрым легким шагом бежал между домами. Перепрыгивал через низкие деревянные ограждения с табличками «место занято» возле прилегающих к домам парковок, пересекая асфальт, выскакивал на следующий газон и мчался дальше. Но Харальдссон не отставал. Он чувствовал, как шаги становятся длиннее и как все тело откликается на его усилия. Он постоянно наращивал скорость. Расстояние до Юханссона больше не увеличивалось. Оно даже не оставалось неизменным. Харальдссон его сократил. Не намного, но он был в хорошей форме и едва ли мог устать и сбавить ход. Если он не потеряет подозреваемого из виду или не поскользнется на покрытой ночной росой траве, то постепенно его догонит — в этом Харальдссон не сомневался.

Недурно для парня с тяжелым вывихом правой ноги.

Откуда взялась эта мысль?

Харальдссон инстинктивно притормозил, выругался про себя и снова прибавил скорости. Побежал. Услышал, как отдается в висках пульс. Почувствовал второе дыхание. Ноги стучали ритмично. Мощно. Аксель Юханссон не делал попыток сбавить ход. Он пересек Скультунавеген и направился к мосту через речку Свартон. Харальдссон — следом, но его не покидала мысль: официально он травмирован. У него тяжелый вывих ноги. Он ловко поддерживал эту иллюзию. По-прежнему едва мог дойти до кофейного автомата и обратно к письменному столу, не скривившись от боли. Иногда ему приходилось отдыхать на полпути у кого-нибудь из коллег только потому, что так сильно болела нога. Чуть ли не разрывалась от боли. Если он теперь поймает подозреваемого после погони длиной в несколько километров, все узнают, что он симулировал. Лгал. Они получат доказательство того, что он покинул свой пост при прочесывании леса. Уклонился от работы. Будет ли это иметь какое-то значение? Если он поймает убийцу ребенка, никто, пожалуй, не станет раздувать историю из того, что он слегка подкорректировал правду относительно некоторых обстоятельств, имевших место несколько дней назад. Нет, Хансер станет. В этом он не сомневался. Она наверняка позаботится о том, чтобы никаких речей и поздравлений не было. Окажется ли он объектом внутреннего расследования? Может, и нет, но что скажут коллеги? Не последует никакого шага наверх, в котором он так отчаянно нуждался. Мысли вертелись в голове. Харальдссон увидел, как Аксель Юханссон пересек речку и свернул налево, на велосипедную дорожку. Большое преимущество. Скоро он достигнет зеленого района возле горы, и тогда найти его в темноте станет невозможно. Харальдссон сбавил ход. Остановился. Потерял Юханссона из виду. Стоял запыхавшись и громко ругался. Зачем он придумал эту вывихнутую ногу? Почему просто не сказал, что Пенни заболела, или что он

чем-то отравился, или, черт возьми, что угодно другое, что быстро проходит. Харальдссон повернул обратно к машине.

Он решил поехать домой к Пенни.

Разбудить ее и заняться с ней сексом.

Чтобы не чувствовать себя совершенно бесполезным.

* * *

Одно из окон было приоткрыто, и от свежего ночного воздуха в неприбранную спальню веяло прохладой. Себастиан потянулся и осторожно выпрямил сжатые в кулак пальцы правой руки. Кожа по-прежнему хранила ощущение Сабины, и он погладил ладонь, чтобы немного побыть рядом с дочкой. Под одеялом было тепло, и какой-то части Себастиана хотелось полежать еще, чтобы отдалить встречу с холодом. Он повернулся к Беатрис. Та неподвижно лежала рядом и смотрела на него.

— Тебе приснился кошмар?

Он ненавидел, когда они просыпались. В таких случаях прощание всегда оказывалось куда более тягостным.

— Нет.

Она подползла поближе, тепло ее обнаженного тела обволокло его. Он не сопротивлялся, хотя чувствовал, что ему следовало бы предпочесть холод. Она погладила его по шее и спине.

— Тебе не нравится?

— Нравится, но мне, пожалуй, надо идти.

— Я знаю.

Она поцеловала его. Не слишком крепко, без отчаяния. Ему пришлось ответить на поцелуй. Ее рыжие волосы упали ему на щеки. Потом она отодвинулась от него, поправила подушку и улеглась поудобнее.

— Обожаю раннее утро. Возникает ощущение, будто ты один на всем белом свете.

Себастиан сел в постели, спустил ноги на холодный деревянный пол. Посмотрел на Беатрис. Он был вынужден признать, что она его удивила. Раньше он с подобным не сталкивался. Она была потенциальным «наростом» — этот термин Себастиан использовал для женщин, которых считал по-настоящему опасными. Тех, что к тебе прирастали. Они что-то давали, большее, чем секс. К таким можно прикипеть и чувствовать, что должен вернуться. Особенно когда ты немного не в форме. Он встал, чтобы создать между ними дистанцию. Сразу стало лучше. Для Себастиана большинство женщин были красивее, когда он укладывал их в постель, нежели когда просыпался вместе с ними. С некоторыми выходило наоборот — «наростами» он называл тех, кто казался ему красивее всего перед самым расставанием, скорее, оставлял обещание в конце, чем обещал что-то в начале. Она улыбнулась ему:

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

— Нет, спасибо, я прогуляюсь.

— Я тебя отвезу.

Он кивнул — она ведь «нарост», ничего не поделаешь.

Они поехали. Утро было спокойным, солнце отдыхало за горизонтом и просто ожидало

исчезновения ночи. По радио играли *Heroes* Дэвида Боуи. Они почти не разговаривали, предоставив Боуи поддерживать беседу. Себастиан чувствовал себя сильнее. В одежде всегда бывало легче. За последние дни произошло много такого, что вертелось у Себастиана в голове. Много чувств, а теперь еще это. Эмоциональная привязка, хоть и слабая. Ему оставалось винить во всем ситуацию, он был просто-напросто ослаблен, утратил свое обычное «я».

Беатрис свернула к дому его родителей и, заглушив мотор, посмотрела на Себастиана с некоторым удивлением:

— Ты живешь здесь?

— В данный момент.

— Должна сказать, дом не совсем в твоём стиле.

— Ты даже не представляешь, насколько ты права.

Он улыбнулся ей и открыл дверцу. В салоне зажегся свет, сделавший ее веснушки еще прекраснее. Себастиан склонился к ней. От нее приятно пахло. Что он делает? Никаких поцелуев в щечку на ночь или при пробуждении. Черт, он же собирался держать дистанцию, он ведь решил. Беатрис обхватила его и поцеловала прямо в губы, словно желая еще больше усложнить ему ситуацию. В машине было тесно, но атмосфера стала накаляться. Ее руки ласкали его волосы и затылок. Он вырвался. Деликатно, но вырвался. Все-таки что-то.

— Мне надо идти.

Он поспешно захлопнул дверцу, погасив тем самым предательский свет, делавший ее слишком привлекательной. Беатрис завела мотор и дала задний ход. Галогеновые лампы ослепили его, но он смог увидеть, как она в последний раз помахала ему рукой, перед тем как полностью вывернуть колеса. Фары машины скользнули по родительскому дому и дальше — в сторону дома Клары Лундин. В свете фар у соседского дома блеснули чьи-то глаза и голубая стеганая куртка. Клара Лундин сидела на лестнице с сигаретой в руке и смотрела на него со злостью и болью во взгляде. Себастиан кивнул ей и попытался прощупать почву:

— Привет!

Ответа не последовало. Себастиан на него, собственно, и не рассчитывал. Клара загасила сигарету, бросила на него последний долгий взгляд и ушла в дом. Наверное, плохо. Но Себастиан слишком устал, чтобы обращать на это внимание. Он пошел к дому родителей. Ему казалось, что он чувствует, как взгляд Клары сверлит ему спину. Меньше чем за сорок восемь часов он обрел дом, возможного ребенка и работу, а также столкнулся с «наростом» и потенциальным мстителем. Ему необходимо поспать.

* * *

Приемная психологов находилась в шестистах метрах от Пальмлёвской гимназии, в трехэтажном доме с кабинетами на первом этаже и квартирами на остальных. Ванья прождала Себастиана в отделении до 8:25, а потом решила ехать к Вестину одна. С облегчением. Обычно она предпочитала проводить допросы вдвоем, какими бы примитивными они ни были, отчасти потому, что наличие разных углов зрения на любую историю всегда плюс, отчасти потому, что это позволяло неформально делиться информацией с другими членами группы. В результате не требовалось сидеть на долгих

брифингах, что с годами казалось Ванье все более и более скучным. Однако с Себастианом все было по-другому. Уж точно не скучно, но он обладал способностью почти из всего устраивать борьбу. Поэтому особенно долго Ванья ждать не стала.

На стеклянной двери значилось: «АО Вестин и Леммель», а пониже маленькими буквами: «Лицензированные психологи». Ванья вошла. Психологически уютная атмосфера, светлая мебель, освещение продумано лучше, чем в традиционных приемных врачей. На журнальном столике — маленькие белые дизайнерские настольные лампы. Удобный диван для ожидающих посетителей. В комнате имелась стеклянная дверь, за которой, как догадалась Ванья, располагались кабинеты. Она попробовала открыть дверь — заперто. Ванья несколько раз настойчиво постучала, после чего к ней вышел мужчина лет сорока. Он представился как Рольф Леммель. Ванья показала удостоверение и изложила свое дело.

— Петера еще нет, но он должен прийти с минуты на минуту, — объяснил Рольф и попросил ее пока посидеть.

Ванья уселась на диван и начала просматривать лежавшую на столе вчерашнюю газету. В комнате для посетителей было тихо и спокойно. Через несколько минут вошла девочка лет пятнадцати, немного полноватая, с влажными от недавнего мытья волосами. Ванья ей приветливо кивнула:

— Ты к Петеру Вестину?

Девочка кивнула.

Хорошо, значит, он должен скоро прийти.

— Мне надо с тобой поговорить.

* * *

Себастиан сразу понял: что-то случилось. Он достаточно хорошо знал Торкеля и его тон. Правда, Себастиан в виде исключения снова уснул после звонка будильника и появился в отделении только после десяти часов, но речь явно пойдет не о позднем приходе. Тут что-то посерьезнее.

— Конечно, — ответил Себастиан и поплелся за Торкелем, который зашел в одну из трех комнат для допросов, располагавшихся друг за другом на первом этаже здания, и помахал Себастиану, чтобы тот пошевеливался. Дело серьезное. Поторопись. Разговор наедине. К тому же в комнате с хорошей звукоизоляцией. Начало ничего хорошего не предвещало. Себастиан немного замедлил шаг — готовясь к худшему, он всегда действовал еще более раскованно. Торкелю это не понравилось.

— Заходи же, я не могу потратить на тебя весь день.

Торкель закрыл за Себастианом дверь и посмотрел на него в упор:

— В день накануне того, как ты пришел и попросился работать вместе с нами, ты занимался сексом с матерью Леонарда Лундина. Это соответствует действительности?

Себастиан помотал головой.

— Нет, вечером накануне того дня.

— Прекрати! Ты что, совсем с ума сошел? На тот момент она была матерью нашего главного подозреваемого.

— Какая разница? Лео ведь был невиновен.

— Тогда ты этого еще не знал!

Себастиан улыбнулся Торкелю. Разумеется. Кое-кто сказал бы — высокомерно.

— Нет, знал. Я был совершенно уверен, тебе же это известно.

Торкель покачал головой и раздраженно прошелся взад и вперед по тесной комнате для допросов.

— Ты поступил неправильно во всех отношениях, и ты это знаешь. Теперь она звонит мне и ставит меня в известность. Грозит сообщить в прессу, если я не приму мер. Ты должен, черт подери, попридержаться свой пенис!

Себастиану вдруг стало жаль Торкеля. Тот взял в группу печально известного возмутителя спокойствия вопреки воле большинства. Ему наверняка пришлось защищать свое решение в разных ситуациях, и прежде всего перед самим собой. Одним из аргументов, скорее всего, было классическое «Не беспокойтесь, он теперь другой, он изменился». Но правда заключается в том, что никто не меняется, Себастиан это знал. Мы просто вращаемся вокруг той же оси, в результате чего показываемые нами стороны варьируются, но основа всегда остается неизменной.

— Безусловно. Но, когда мы с Кларой вступили в интимные отношения, я ведь у вас еще не работал, не так ли?

Торкель смотрел на него, не чувствуя сил отвечать.

— Больше такое не повторится, — сказал Себастиан с максимальной честностью в голосе и добавил: — Я обещаю.

Как будто это дополнительное обещание могло стереть воспоминание об обнаженной Беатрис вчерашней ночью. О Беатрис Странд, классной руководительнице убитого. Ее сын к тому же являлся лучшим другом Рогера. Как ни крути, это было во всех отношениях недопустимо. Господи, действительно настоящий идиот, это он был вынужден признать даже сам.

Вечно, вечно мне надо проверять, где лопнет.

Торкель смотрел на него, и Себастиану на секунду показалось, что его попросят немедленно удалиться. Это было бы правильным решением. Но Торкель чуть слишком медлил с продолжением, он колебался по какой-то непостижимой для Себастиана причине.

— Ты уверен? — раздалось наконец.

Себастиан кивнул — по-прежнему с максимальной честностью, на какую был способен.

— Совершенно.

— Тебе ведь не обязательно заниматься сексом с каждой встречной женщиной, — чуть мягче продолжил Торкель.

Себастиан вдруг осознал то, что раньше представлялось ему непостижимым. Все просто: Торкель его любит. Себастиан решил хотя бы попытаться проявить честность, ему почему-то стало казаться, что Торкель заслуживает некоторого поощрения.

— Мне трудновато быть одному. Хуже всего по ночам.

Торкель посмотрел ему в глаза:

— Запомни одно: больше шансов у тебя не будет. А теперь ступай, чтобы я смог хоть немного от тебя отдохнуть.

Себастиан кивнул и пошел. С нормальной точки зрения, ему следовало бы страшно радоваться и ощущать превосходство. Он сумел выпутаться из еще одной трудной ситуации, отделался легким испугом.

— Ты впутываешь меня в дерьмо, — донеслось ему в спину. — А я этого не люблю.

Будь Себастиан предрасположен к раскаянию или угрызениям совести, он, вероятно,

испытал бы их. Пожалуй, привкус этих ощущений сопровождал его по пути к двери. Беатрис была и останется одноразовым приключением. Это он себе пообещал.

* * *

Через двадцать минут девочка со свежeweымытой головой сдалась. Петер Вестин к тому времени так и не появился. Вскоре Ванья решила пройтись вокруг дома, чтобы подышать свежим воздухом. Ей всегда было трудно сидеть на одном месте, а тут она еще и воспользовалась случаем, чтобы позвонить родителям. Те как раз собирались уходить, но все-таки немного с ней поговорили. Прямо как в старые времена. Сперва она обстоятельно побеседовала с матерью, а потом, совсем недолго, с отцом. Им, как ни странно, никогда не требовалось так много слов, чтобы сказать ровно столько же. В последние месяцы все крутилось вокруг жизни и смерти, а теперь в их разговорах стало потихоньку находиться место будням. Ванья поняла, насколько ей не хватало обычного даже в этом, и засмеялась, когда мама села на своего любимого конька — Ваньины любовные отношения. Или, вернее, отсутствие таковых. Ванья, как всегда, отнекивалась, но не так активно, как обычно.

Не встретила ли она кого-нибудь в Эребру?

В Вестеросе, но нет, она слишком занята работой.

А этот симпатичный Билли, с которым она работает? Ведь он ей нравится.

Да, но это было бы все равно что спать с братом.

А потом они добрались до Юнатана — непременно конечной остановки в маминых рассуждениях.

Не стоит ли ей все-таки начать с ним снова встречаться? Он ведь такой приятный.

Несколько месяцев назад Ванья обычно уходила в яростную оборону, когда речь касалась Юнатана. Ее до крайности возмущало то, что мама все время пытается воссоединить ее с бывшим молодым человеком, не понимая, насколько унижает этим Ванью. Сейчас же это казалось лишь приятно-будничным. Ванья даже некоторое время не прерывала маминых рассуждений и уговоров. Та, похоже, сама удивилась тому, что не получает резкого отпора, несколько сбавила силу убеждения и вскоре закончила тем, к чему обычно приходила сама Ванья:

— Ну, ты ведь уже взрослая, так что решай сама.

— Спасибо, мама.

Потом трубку ненадолго взял отец. Он решил сегодня вечером приехать ее навестить. Никаких возражений он не принимал, да Ванья и не пыталась возражать. Хоть она и старалась всегда четко разграничивать свои два мира, но чувствовала, что на этот раз даже рада их пересечению. Он собирался выехать на поезде в 18:20, и Ванья пообещала встретить его на вокзале. Она закончила разговор и вернулась в приемную. Раздобыла домашний адрес Петера Вестина у его коллеги, который уже успел к этому времени от нее подустать, но пообещал передать Петеру, когда тот появится, что к нему заходили из полиции. Ванья села в машину. Забила в *GPS*-навигатор адрес — Рутевеген, 12. Дорога займет около тридцати минут. Она обещала вернуться в отделение для совещания с остальной частью группы. Вестин подождет.

Торкель вошел в конференц-зал. Остальные уже собрались. Войдя, Торкель сразу услышал из-за спины голос Урсулы:

— Куда же ты дел Себастиана?

Он в это утро как-то особенно обидчив или между вопросами «Где Себастиан?» и «Куда же ты дел Себастиана?» действительно существует разница? Последнее звучало так, будто они совершенно неразлучны. Лёлик и Болек, Том и Джерри, Торкель и Себастиан. «Куда же ты дел Себастиана?» Пассивный, но агрессивный способ дать Торкелю понять, что у Урсулы сложилось впечатление, что Себастиан для него важнее, чем она. Будто ему требовалось еще какое-то напоминание. Если бы она только знала. В данный момент Торкель готов был продать Себастиана для мучительных медицинских опытов. Однако утро уже и так казалось достаточно отвратительным без дополнительной перебранки с Урсулой.

— Сейчас придет, — ограничившись таким ответом, Торкель выдвинул стул и сел. Потом потянулся через стол за термосом и налил кофе в один из одноразовых стаканчиков. — Микаэль еще не приехал?

Тон нейтральный. Обычный непринужденный разговор.

— К вечеру.

— Как приятно.

— Конечно.

Ванья подняла глаза. Ее насторожил тон разговора Урсулы с Торкелем. Какой-то другой тон. Такого ей раньше вроде слышать не доводилось. Или, пожалуй, это немного напоминало то, когда мама с папой в детстве не хотели ей показывать, что они поссорились. Когда они сохраняли вежливый нейтральный тон, чтобы она думала, будто все хорошо. Тогда это не срабатывало. Не сработало и сейчас. Ванья взглянула на Билли — он тоже уловил? Очевидно, нет. Он был полностью поглощен экраном ноутбука.

Вошел Себастиан, кивнул собравшимся и сел. Ванья исподтишка наблюдала за Урсулой. Та бросила на Себастиана мрачный взгляд, затем такой же — на Торкеля и уставилась в стол. Что же происходит? Торкель отпил глоток кофе и кашлянул.

— Билли, можешь начинать.

Билли распрямил спину, закрыл ноутбук, взял со стола небольшую пачку листов А4 и встал.

— Вчера вечером я получил распечатки от телефонного оператора, а сегодня утром — списки от криминалистов, поэтому я свел все в один документ.

Билли обошел стол и роздал каждому по несколько листов. Ванью заинтересовало, почему он просто не кинул их на середину стола, чтобы каждый сам взял себе экземпляр, но она промолчала. Открыла первую страницу полученной распечатки.

— На первой странице исходящие разговоры. В последний раз Рогер звонил домой классной руководительнице — в пятницу в двадцать семьнадцать. — Билли зафиксировал время разговора на висящем на стене графике.

Себастиан оторвал взгляд от распечаток:

— А можно увидеть, не пытался ли он звонить еще кому-нибудь, но не дозвонился?

— Да, больше он никуда не звонил.

— О чем ты подумал? — спросила Ванья, поворачиваясь к Себастиану.

— Он ведь хотел поговорить с Юханом, когда звонил к Страндам домой? Но потом даже не пытался звонить Юхану на мобильный?

Билли оторвался от доски и помотал головой:

— Да. Или нет, не пытался.

— Возможно, ему что-то помешало, — предположил Торкель.

— Например, убийца, — вставила Урсула.

— На следующей странице, — продолжил Билли, — принятые звонки. Последний от Лизы, около половины седьмого. Ну, вы сами видите.

Этот звонок Билли тоже записал на стене. Потом повернулся к столу и перевернул страницу.

— Следующая страница. Эсэмэс. На первом листе те, что, так сказать, сохранились в поврежденном водой телефоне. Их довольно мало, в большинстве своем это переписка с Юханом, Свенном и Лизой. Нам ведь уже известно, что с друзьями дела у Рогера обстояли неважно. Тут нет ничего примечательного. Если пролистнуть до последней страницы, то там у нас входящие эсэмэс, которые были стерты и, безусловно, представляют наибольший интерес.

Себастиан пробежал глазами лежавшую перед ним страницу и выпрямил спину. Представляют интерес — это еще мягко сказано.

— Два сообщения пришли с телефона с сим-картой экспресс-оплаты, — продолжал Билли. — Одно в четверг, а второе в пятницу, за несколько часов до исчезновения Рогера.

Себастиан прочел первое: «ЭТО НАДО НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ! РАДИ ВСЕХ!»

Второе: «ДОРОГОЙ, ОТЗОВИСЬ! ЭТО МОЯ ВИНА! ТЕБЯ НИКТО НЕ ОБВИНЯЕТ!»

Себастиан опустил распечатки на стол и повернулся к Билли:

— Технические вопросы никогда не были моей сильной стороной. Я не уверен, правильно ли я понимаю, что значит телефон с сим-картой экспресс-оплаты.

— Если ты думаешь, что у нас имеется номер, но нет имени абонента, то да, — ответил Билли, записывая на стене номер мобильного телефона. — Я заказал распечатки всех разговоров и сообщений с этого номера, посмотрим, не даст ли это нам что-нибудь.

Себастиан увидел, как Ванья, продолжая изучать лежавшие перед ней страницы, скорее всего машинально, поставила руку на локоть и вытянула вверх указательный палец, словно бы подняла руку. На мгновение Себастиан представил себе ее в школьной форме, но сразу же отбросил эту мысль. Он уже преступил достаточно много границ в этом расследовании, а если годы случайных связей чему-нибудь его и научили, так это сразу понимать, есть у него шанс или нет.

— Сообщения были написаны прописными, то есть большими, буквами и в телефоне тоже или только в распечатке?

Билли посмотрел на Ванью с некоторой усталостью во взгляде:

— Мне известно, что такое прописные буквы.

— Сорри.

— Они были изначально написаны именно так, прописными буквами.

— Похоже на крик.

— Или тот, кто писал сообщение, не слишком знаком с функцией эсэмэс.

— Плохо знакомыми со своими мобильными телефонами обычно бывают люди постарше.

Себастиан перечитал короткие сообщения и был склонен согласиться с Ваньей. Он не

знал, означали ли большие буквы крик, но выбор лексики явно указывал на взрослого, на человека немолодого.

— Значит, у нас нет никакой возможности узнать, кто это послал? — спросил Торкель, и в его голосе прозвучали нотки отчаяния.

Билли покачал головой.

— А кто-нибудь пробовал звонить по этому номеру?

В комнате воцарилась тишина. Все посмотрели на задавшую вопрос Ванью, потом друг на друга и, наконец, на Билли. Тот поспешно подошел к стоявшему посреди стола телефону, включил громкую связь и набрал номер. Тишина в комнате сделалась напряженной, полной надежд. Не прошло ни одного сигнала. Зато сразу раздалось: «Абонент временно недоступен, пожалуйста, попробуйте позже».

Билли отключил громкую связь. Торкель посмотрел на него серьезным взглядом:

— Проследи за тем, чтобы кто-нибудь продолжал звонить по этому номеру.

Билли кивнул.

— Что тут еще осталось? — Урсула указала на бумаги, которые снова взяла в руку.

Себастиан принялся изучать распечатку.

Первое сообщение: «12 пива + водка».

Следующее: «20 пива и джин:-)».

Следующее: «1 бут. красного & пиво».

И так далее.

— Это заказы.

Остальные подняли взгляды.

— На что?

— На то, что тут означено.

Себастиан обратился к Билли:

— Когда он получил последнее сообщение такого рода?

— Чуть меньше месяца назад.

Чуть меньше месяца назад — значит, несколько недель. Себастиан встретился через стол взглядом с Ваньей. Он увидел, что она уже понимает, к чему он клонит, но все же высказал это:

— Именно тогда Аксея Юханссона выгнали за незаконную продажу алкоголя.

Ванья встала и посмотрела на Себастиана, который уставился в распечатки. Он знал, куда она хочет направиться. Ему туда не хотелось.

Ванья двинулась к дому. Себастиан держался на несколько шагов сзади. Поначалу он собирался остаться в машине, но быстро сообразил, что это будет выглядеть странно. Не то чтобы его волновало, будет Ванья считать его странным или нет. Скорее, сработал инстинкт выживания. Себастиан решил, что ему надо еще немного продержаться в расследовании, во всяком случае пока Билли не найдет для него адрес. Если Беатрис Странд поблагодарит его за чудесную ночь, то определенно сможет помешать его плану. Ванья не успела позвонить, как дверь открылась. За ней оказалась Беатрис с подобранными волосами, одетая в простую блузку и джинсы. Вид у нее был удивленный.

— Здравствуйте, что-то случилось?

— Нам надо поговорить с Юханом, — начала Ванья.

— Его нет дома, они с Ульфом отправились в поход. — Беатрис посмотрела на

Себастиана, но ничем не выдала того, что с их прошлой встречи прошло всего несколько часов.

— Мы знаем, — продолжила Ванья, — а вам известно куда?

Они поехали на запад по шоссе E18. Инструкции Беатрис повели их мимо небольшого местечка Дингтуна, потом на юг по маленьким дорогам в сторону озера Меларен и залива Лилла Блуккен, где, по соображениям Беатрис, должны были находиться ее сын и муж. Ванья с Себастианом оба молчали. Ванья пробовала позвонить Петеру Вестину, но по-прежнему безрезультатно. Ее стало раздражать то, что психолог ей не перезванивает. Она оставила ему уже четыре сообщения. Себастиан закрыл глаза, пытаясь поспать.

— Вчерашний вечер затянулся?

Себастиан помотал головой:

— Нет, просто неважно спал.

Себастиан снова закрыл глаза, давая понять, что не хочет разговаривать. Вскоре ему, однако, пришлось их опять открыть, поскольку Ванья резко затормозила.

— В чем дело?

— Здесь надо поворачивать налево или направо? Ты же у нас штурман.

— Кончай.

— Ты ведь любишь командовать. Вот тебе хороший шанс.

Себастиан вздохнул, взял карту и принялся ее изучать. У него не было сил препираться. Пусть на этот раз победа останется за ней.

Он ненавидел Вестерос.

Господи, как он ненавидел Вестерос.

Создавалось впечатление, что он уже просмотрел каждый квадратный метр города на записях с камер наружного наблюдения — лучшего или худшего качества. Было бы приятно взглянуть на город, так сказать, вживую, но оторваться от записей ему удалось лишь однажды — чтобы сопоставлять телефонные распечатки или...

Билли вздрогнул. Быстро нащупал нужную клавишу. Стоп. Назад. Пуск. Да, наконец. Уважаемые дамы и господа, справа входит Рогер Эрикссон. Снова стоп. Билли посмотрел в прилагавшийся к записям регистр. Какая это у нас камера? 1:22. Улица Дроттнинггатан. Где она находится? Билли достал карту Вестероса, поискал, нашел и отметил место. Время в верхнем углу: 21:29.

Пуск.

Билли увидел, как Рогер медленно бредет по направлению к камере, опустив голову. Метров через десять он поднимает взгляд, сворачивает направо, скрывается за припаркованной на улице поменьше машиной и исчезает из кадра.

Билли вздохнул. Замечательное быстро закончилось. Парень еще был жив и продолжал двигаться дальше. Это означало, что Билли тоже придется продолжать. Увидеть еще больше Вестероса, хочет он того или нет. Рогер пошел на север. Билли снова посмотрел в регистр, сверился с картой, исключил кучку камер, расположенных в другой стороне, и стал искать дальше.

Он ненавидел Вестерос.

Побережье залива Лилла Блуккен было популярным местом отдыха, во всяком случае

летом. Сейчас оно казалось совершенно пустынным. Им пришлось немного поколесить по маленьким дорожкам, прежде чем они нашли то, что искали, — перед покосившейся доской с информацией стояла машина «рено меган». Себастиан вылез и подошел к пустой машине. Ему показалось, что он накануне видел ее возле дома Беатрис, когда они встретили Ульфа. Потрепанная вывеска на доске гласила: «Добро пожаловать в зону отдыха залива Лилла Блаккен». Под ней было приколото несколько размытых зимней влагой объявлений о купле-продаже и предложение лицензии на рыбную ловлю. Себастиан обернулся к Ванье:

— Думаю, мы у цели.

Они огляделись. На спускавшемся к воде открытом пространстве кое-где росли группки лиственных деревьев. На самом берегу виднелась синяя палатка, слегка покачивавшаяся от ветра.

Они прошли по влажной траве к расставленной палатке. День был облачным и серым, но от ночного холода не осталось и следа. Ванья, как всегда, шла впереди. Себастиан улыбнулся, подумав о ней. Всегда первая, всегда оставляет последнее слово за собой. В этом вся Ванья. В точности как он сам, когда был молодым и голодным. Теперь же он обычно довольствовался последним словом. Приблизившись, они увидели, что на шатких мостках, выдающихся в воду, чуть в стороне от палатки, сидят два человека. Они, похоже, ловили рыбу. Рядышком. Подойдя еще ближе, Себастиан и Ванья узнали Ульфа с Юханом. Классический образ отца и сына, какого не встречалось в жизни Себастиана.

Ульф и Юхан изрядно утеплились, на них были даже шапки и зеленые резиновые сапоги, рядом с ними стояли несколько ведер, лежали нож и коробка с крючками и грузилами. Каждый держал по удочке. Юхан остался сидеть, а Ульф поднялся навстречу полицейским с явным беспокойством в глазах:

— Что-нибудь случилось?

Из-за стаявшего снега вода в озере Меларен стояла высоко, и низ мостков опасно приблизился к водной поверхности. Когда Ульф пошел по мосткам, холодная озерная вода стала выплескиваться сквозь щели на деревянные доски. Себастиан отступил на несколько шагов назад, чтобы не промочить ноги.

— Нам надо немного поговорить с Юханом. У нас появились кое-какие новые сведения.

— Вот оно что, а мы-то надеялись, что нас ненадолго оставят в покое, хотелось от всего отключиться. Ведь ему пришлось очень нелегко.

— Да, вы это говорили, но нам необходимо с ним снова поговорить.

— Папа, все нормально.

Юхан неподвижно сидел на своем месте, глядя на воду.

Ульф обреченно кивнул и пропустил полицейских на мостки. Когда они приблизились, Юхан отложил удочку и медленно поднялся. Ванья была больше не в силах ждать:

— Юхан, Рогер торговал алкогольными напитками вместе с Акселем Юханссоном?

Юхан застыл на месте, глядя на Ванью. Он производил впечатление маленького мальчика в слишком большой одежде. Юхан слабо кивнул. Ульф тут же среагировал — для него это явно оказалось новостью:

— Что ты такое говоришь?

Трое взрослых смотрели на шестнадцатилетнего подростка, который еще больше побледнел.

— Изначально это была идея Рогера. Он принимал заказы. Аксель закупал. Они продавали спиртное дороже и делили прибыль.

Ульф серьезно посмотрел на сына:

— Ты тоже в этом участвовал?

Мальчик немедленно замотал головой:

— Нет, я не захотел.

Мальчик смотрел на отца умоляюще, но тот ответил на взгляд наставлением:

— Юхан, послушай меня внимательно. Я понимаю, ты чувствуешь, что должен защищать Рогера, но сейчас ты обязан рассказать мне и полицейским все, что знаешь. — Юхан подошел и встал рядом с отцом. — Ты меня понял?

Юхан тихонько кивнул. Ванья почувствовала, что пора продолжать.

— Когда это началось?

— Где-то осенью. Рогер поговорил с Акселем, и потом они быстро взялись за дело. Они довольно хорошо зарабатывали.

— Что же пошло не так? Почему Рогер сдал Акселя?

— Тот не захотел ни с кем делиться и начал торговать в одиночку. Рогер ему оказался не нужен. Заказы он мог принимать напрямую.

— И тогда Рогер пошел к директору?

— Да.

— А тот выгнал Акселя Юханссона.

— Да, в тот же день.

— Но Аксель не рассказал, что вначале Рогер в этом тоже участвовал?

— Не знаю. Думаю, Рогер сказал об этом сам. Что он участвовал, но раскаялся и больше участвовать не захотел.

Последние вопросы задавал Себастиан. Он прямо видел, как Рогер стоит перед педантичным директором, разыгрывая примерного и полного раскаяния ученика, и доносит на предавшего его человека. Рогер оказался более расчетливым, чем он предполагал. Все время раскрывался с новых сторон. Это увлекало.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Зачем Рогер занимался такими делами?

— Ему нужны были деньги.

Ульф счел необходимым вмешаться. Вероятно, хотел подчеркнуть, что к его семье это отношения не имеет.

— На что?

— Папа, ты разве не видел, как он выглядел? Что на нем было надето, когда он поступил в нашу школу? Он не мог допустить, чтобы его снова начали травить.

Все немного помолчали, потом Юхан продолжил:

— Неужели вы не понимаете? Он просто хотел быть как другие. И ради этого мог пойти на все что угодно.

Расплывчатый поначалу образ Рогера стал обретать форму. На свет стали выплывать его скрытые стороны, а с ними и мотивы. Печально, но по-человечески понятно. Молодой человек, который хотел быть кем-то другим. Чем-то другим. Любой ценой. Ванье это было знакомо по времени службы в полиции — удивление по поводу того, что такая борьба могла приводить к насилию и даже к убийству. Она достала полученные от Билли распечатки эсэмэс с мобильного телефона Рогера и протянула их Юхану.

— Эти сообщения мы обнаружили в его телефоне. — Ванья указала на листы с теми двумя отчаянными сообщениями, и Юхан внимательно их прочел.

— Ты не знаешь, кто бы мог их послать?

Юхан покачал головой:

— Представления не имею.

— А этот номер телефона тебе не знаком?

— Нет.

— Точно? Это может оказаться чрезвычайно важным.

Юхан кивнул в знак того, что понимает, но он не знал. Ульф приобнял сына.

— Вы с Рогером, пожалуй, стали немного отдаляться друг от друга в этом семестре, я прав?

Юхан кивнул.

— Почему же? — поинтересовалась Ванья.

— Но ведь это известное дело, парни в таком возрасте развиваются по-разному. — Ульф пожал плечами, всем своим видом показывая, что тут уж ничего не поделаешь, таков закон природы.

Ванья не сдавалась. Она еще более подчеркнуто обратилась к Юхану:

— Не было ли какой-то причины, почему вы стали меньше общаться?

Юхан немного поколебался, тоже пожав плечами:

— Он стал как бы другим.

— В каком смысле?

— Не знаю... В конечном счете все сводилось только к деньгам и сексу.

— Сексу?

Юхан кивнул:

— Он говорил о нем все время. Мне надоело.

Ульф наклонился и обнял сына. «Классика», — подумал Себастиан. Сколько родителей чувствуют необходимость защищать своих детей, как только речь заходит о сексе. И делают они это в основном для тех, кто за ними наблюдает. Чтобы показать остальным: в нашей семье детей защищают от всего животного, от всякой грязи. Если бы Ульф только знал, чем его жена вчера занималась с Себастианом, пока он сам дрожал в холодной палатке. Правда, с другой стороны, это бы свело на нет возможность проведения конструктивного допроса.

Они еще несколько минут поговорили с Юханом, лихорадочно пытаясь добыть еще какие-нибудь сведения о том, кем же на самом деле являлся Рогер, но Юхану, похоже, было больше нечего сказать. Он устал и измучился, это они оба видели, да им и так удалось узнать больше, чем они могли надеяться. В конце концов они поблагодарили и пошли обратно к машине. Себастиан посмотрел на отца с сыном, стоявших у берега и смотревших им вслед.

Любящий отец-защитник.

Его сын.

Другим тут места нет.

Возможно, это не Себастиан соблазнил Беатрис.

Возможно, наоборот.

На обратном пути Ванья решила заехать домой к Петеру Вестину на Рутевеген. Крюк получался не слишком большим. Раздражение по поводу его нежелания перезвонить ей сменилось у нее некоторым беспокойством. Ведь прошло уже полдня. Беспокойство вскоре получило подтверждение, когда машина стала приближаться к нужному адресу и Ванья внезапно почувствовала, что салон заполняется резким запахом пожара. Через боковое

стекло она увидела слабенький черно-серый столб дыма, поднимавшийся над деревьями и двухэтажными домами. Ваня сбавила скорость и свернула по поперечной улице налево, потом еще раз налево, на Рутевеген. По обеим сторонам улицы росли каштаны и располагались частные дома, но спокойствие нарушало множество пожарных машин, перегородивших дальний конец. Проблесковые маячки включены. Взад и вперед не спеша разгуливают пожарные с оборудованием. За ограждением толпятся любопытные. Даже у Себастиана сон как рукой сняло.

— Мы ехали именно туда?

— Думаю, да.

Они вышли из машины и быстрым шагом направились к дому. Чем ближе они подходили, тем более жуткая картина перед ними открывалась. С одной стороны второго этажа отсутствовала стена, и внутри виднелись сгоревшая мебель и разный хлам. Через улицу к люкам текла дурно пахнувшая черная вода. Чем ближе они подходили, тем резче становился запах. Несколько пожарных завершали тушение огня. На сером заборе, очевидно, имевшем до пожара тот же цвет, что и дом, висела металлическая табличка с номером 12. Это был дом Петера Вестина.

~ ~ ~

Ванья предъявила удостоверение и через несколько минут получила возможность встретиться с командиром подразделения Сундстедтом. Это был мужчина лет пятидесяти с усами и в блестящей куртке с надписью «командир подразделения». Он удивился тому, что полицейские в штатском уже прибыли. Он ведь едва успел позвонить и сообщить, что на втором этаже обнаружен труп. Ванья оцепенела. — Может ли это быть хозяин дома? Петер Вестин? — Мы не знаем, но очень вероятно, ведь тело нашли в остатках спальни, — ответил Сундстедт и рассказал, что один из пожарных заметил ногу, торчавшую из-под обломков крыши. Им хотелось бы поскорее попробовать извлечь тело, но, поскольку финальная стадия тушения огня еще продолжается, а риск обрушения очень велик, возможно, это удастся сделать только через несколько часов.

Пожар начался рано утром, и сигнал в пожарную команду поступил в 04:17. Позвонил ближайший сосед. Когда пожарные прибыли на место, большая часть второго этажа уже пылала, и им пришлось сосредоточить усилия на том, чтобы не дать огню перекинуться на соседние дома.

— Вы подозреваете поджог с целью убийства?

— Судить пока рано, но на это указывают точечный очаг возгорания и быстрое распространение огня.

Ванья огляделась. Себастиан стоял чуть поодаль и, похоже, разговаривал с кем-то из любопытных соседей. Она достала телефон, позвонила Урсуле и, объяснив ситуацию, попросила ту приехать как можно скорее. Потом позвонила Торкелю, чтобы все рассказать, но не дозвонилась. Она оставила сообщение на его мобильном автоответчике.

Себастиан подошел к ней и кивнул в сторону соседей, с которыми только что беседовал:

— Несколько человек утверждают, что видели Вестина вчера поздно вечером, и убеждены в том, что он ночевал дома. Он всегда ночует дома.

Они посмотрели друг на друга.

— Мне кажется, это не слишком похоже на случайность, — сказал Себастиан. — Насколько ты уверена в том, что Рогер был его пациентом?

— Совсем не уверена. Я знаю, что он посещал его раз-другой в начале, когда перешел в новую школу, об этом рассказала Беатрис, но ходил ли он туда в последнее время, я представления не имею. У меня есть только записи с инициалами и временем по средам.

Себастиан кивнул и взял ее под руку.

— Надо внести ясность. — Себастиан двинулся в сторону машины. — Эта школа слишком мала для того, чтобы хранить подобные тайны. Поверь мне, я ведь там учился.

Они развернулись и снова поехали в Пальмлёвскую гимназию. Казалось, это дело все время возвращает их туда.

Внешне безупречная школа.

Но за фасадом выявляется все больше трещин.

Ванья позвонила Билли и попросила его собрать все возможные сведения о Петере Вестине, психологе с улицы Рутевеген, 12. Тот пообещал выполнить просьбу побыстрее. Себастиан тем временем позвонил домой Лене Эрикссон, чтобы выяснить, не известно ли ей, чем ее сын занимался каждую вторую среду в десять часов. Как и подозревала Ванья, Лена о школьном психологе ничего не знала. Себастиан поблагодарил и повесил трубку.

Ванья посмотрела на него и сообразила, что в последний час совсем забыла о данном себе обещании относиться к нему плохо. Он оказался в общем-то довольно хорошей поддержкой в критических ситуациях. Она не смогла сдержать легкой усмешки. Себастиан, разумеется, использовал любую возможность для превратного толкования:

— Ты со мной флиртуешь?

— Что? Нет.

— Ты ведь наблюдаешь за мной, как возбужденная девочка.

— Пошел к черту.

— Тут нечего стыдиться, я имею такое воздействие на женщин. — Себастиан улыбнулся ей до смешного самоуверенной улыбкой. Ванья отвернулась и резко прибавила скорости.

На этот раз последнее слово осталось за ним.

* * *

— У тебя найдется минутка? — по тону Хансер Харальдссон сразу понял, что на самом деле та имеет в виду: «Я хочу с тобой поговорить. Немедленно!» И не ошибся. Оторвав взгляд от работы, он увидел, что Хансер стоит скрестив руки на груди и с очень суровым видом кивает на дверь своего кабинета. Так легко у нее все же не выйдет. В чем бы ни заключалось дело, Харальдссон не собирался давать ей играть на своем поле.

— А мы не могли бы поговорить здесь? Я стараюсь по возможности не напрягать ногу.

Хансер окинула взглядом офисный зал, прикидывая, насколько будет слышен ближайшим коллегам их разговор, а потом со вздохом умеренно раздраженным движением пододвинула себе стул от свободного рабочего места. Она уселась напротив Харальдссона, наклонилась вперед и понизила голос.

— Ты сегодня ночью был возле дома Акселя Юханссона?

— Нет.

Рефлекс.

Отпираться.

Не задумываясь.

Она спрашивает, потому что уже знает, что он там был? Вероятно. Тогда ответить «да» было бы лучше, а потом он смог бы придумать какую-нибудь вескую причину, почему он там находился, если все дело в этом. Наверное, так оно и есть, иначе она бы не пришла с ним разговаривать, или?.. Или она только подозревает, что он там был? В таком случае отпирательство сработает. Может, она просто хочет похвалить его за проявленную инициативу? Исключено. Мысли путались. У Харальдссона возникло ощущение, что ему придется выбирать наименьшее зло и что все-таки лучше было ответить «да» на первый вопрос. Слишком поздно.

— Это точно был не ты?

Теперь уже ничего не изменишь, но ведь не обязательно подтверждать или отрицать первый ответ.

— В каком смысле?

— Мне позвонила некая Дезире Хольмин. Она живет в одном доме с Акселем Юханссоном. Она говорит, что видела его этой ночью и что кто-то поджидал его в машине, а потом погнался за ним, когда тот пришел домой.

— И ты полагаешь, что это был я?

— А разве не так?

Харальдссон лихорадочно размышлял. Хольмин. Хольмин... Не та ли это serene старушонка, что живет на одном этаже с Юханссоном? Да, конечно. Она проявила невероятную активность, когда он заходил ее опрашивать. Ему едва удалось от нее вырваться. Он легко мог предположить, что она из тех, кто не спит и ведет частную слежку. Чтобы помочь полиции. Чтобы внести немного волнений в серую монотонную жизнь пенсионерки. Можно также предположить, что было темно, а старушка подустала и плохо видела. И вообще немного в маразме. Он выпутается.

— Нет, это был не я.

Хансер молча смотрела на него изучающим взглядом. Не без некоторого удовлетворения. Харальдссон еще не знает, что уже начал рыть себе могилу. Хансер сидела молча в полном убеждении, что он продолжит ее углублять.

Харальдссону стало не по себе. Он ненавидел ее взгляд. Ненавидел молчание, говорившее о том, что Хансер ему не верит. Неужели она еще и усмехается? Он решил сразу разыграть козырную карту:

— Как бы я смог за кем-нибудь гоняться, ведь я едва доползаю до туалета.

— Из-за ноги?

— Именно.

Хансер кивнула. Харальдссон улыбнулся ей. Вот так, значит, все выяснили. Хансер поймет всю нереальность ситуации и оставит его в покое. К его величайшему удивлению, она продолжала сидеть, по-прежнему чуть склонившись над столом.

— Какая у тебя машина?

— Что ты имеешь в виду?

— Хольмин сказала, что человек, гонявшийся за Юханссоном, вылез из зеленой «тойоты».

Ладно, подумал Харальдссон, пришла пора извлекать чуть менее сильные карты — ночь, усталость, плохое зрение и маразм. На каком расстоянии от дома он стоял? Метрах в двадцати-тридцати. Минимум. Он расплылся в обезоруживающей улыбке:

— Я совсем не хочу дискредитировать тетушку Хольмин, но если речь идет об этой ночи, то было довольно темно, как же она могла разглядеть цвет машины? И, честно говоря, сколько ей лет, около восьмидесяти? Я разговаривал с ней, и она не внушила мне особого доверия. Меня бы удивило, если бы она различала марки машин.

— Машина стояла под фонарем, а у Хольмин был бинокль.

Хансер откинулась на спинку, изучая лицо Харальдссона. Ей казалось, будто она видит, как работает его мозг. словно в мультипликационном фильме, где шестеренки вращаются все быстрее. Странно, ведь он уже должен бы понять, куда она клонит.

— Зеленая «тойота» есть не только у меня, если там действительно стояла такая машина.

«Явно не понял», — с некоторым изумлением подумала Хансер. Харальдссон не просто продолжил рыть могилу, он спрыгнул в нее и начал закапываться.

— Она записала регистрационный номер, а такой есть только у тебя.

Харальдссон утратил дар речи. Ничего на ум не приходило. Пустота. Хансер еще ниже наклонилась над столом.

— Теперь Аксель Юханссон знает, что мы его разыскиваем, и будет еще более

тщательно скрываться.

Харальдссон попытался ответить, но не смог выговорить ни слова. Голосовые связки отказывались ему подчиняться.

— Мне придется проинформировать об этом Госкомиссию. Это. Их. Расследование. Я говорю так членораздельно, поскольку ты, похоже, до сих пор этого не понял.

Хансер встала и посмотрела на сидевшего с совершенно потерянным видом Харальдссона сверху вниз. Не будь это таким грубым нарушением и — по совести говоря — не будь это Харальдссон, ей стало бы его немного жаль.

— О том, где ты был, когда тебе следовало находиться на болоте Листачер, мы еще поговорим. Дезире Хольмин сказала, что мужчина, гнавшийся за Юханссоном, не хромал. Напротив, бежал очень быстро.

Хансер развернулась и ушла. Харальдссон смотрел ей вслед совершенно пустым взглядом. Как же так получилось? Ведь он должен был выкрутиться. Свести все к наименьшему злу. На такое он никак не рассчитывал. Благодарственная речь комиссара полиции лена оказалась далеко-далеко. Харальдссон почувствовал, как идущая вниз спираль, представлявшая собой его жизнь, завертелась быстрее, стала круче и как он упал. Навзничь.

* * *

Урсула знала Сундстедта давно. Он некоторое время работал в Комиссии по чрезвычайным ситуациям, а потом снова вернулся к профессии пожарного. Они встретились, когда Урсула работала в Государственной криминалистической лаборатории, во время расследования сложного дела о крушении частного самолета в Сёрмланде, где подозревалось, что пилота отравила жена. Они понравились друг другу сразу. Сундстедт был точно таким же, как она, не боялся вступить в схватку. Не ловился на дерьмо. Он увидел ее, как только она вышла из машины, и фамильярно помахал ей рукой:

— О, какие гости пожаловали!

— А, это ты.

Дружеские объятия, несколько быстрых слов о том, как давно они не виделись. Потом он снабдил ее защитным шлемом, провел за ограждение и направился к разрушенному дому.

— Значит, ты все еще в Госкомиссии?

— Да.

— Вы здесь из-за убийства парня?

Урсула кивнула.

— Вы думаете, это как-то связано с тем убийством? — Сундстедт кивнул на дымящиеся остатки дома.

— Пока не знаем. Вы достали тело?

Он помотал головой и повел ее вокруг дома. Подойдя к припаркованной машине, Сундстедт открыл дверцу, вытащил большой брезентовый плащ и протянул Урсуле:

— Надень. Лучше я покажу тебе, где он лежит, а то ты будешь скулить, что тебе не дали присутствовать с самого начала.

— Я не скулю. Я жалуясь. С полным основанием. Есть разница.

Они улыбнулись друг другу и двинулись к дому. Вошли через отверстие, где раньше

находилась входная дверь, теперь дверь валялась в прихожей. Мебель в кухне была не тронута огнем и, казалось, просто ждала, чтобы кто-нибудь уселся обедать, зато пол покрывала смешанная с сажей вода, которая все еще стекала с потолка и вдоль стен. Они стали подниматься по скользкой от воды лестнице. Едкий запах усиливался, он ударил Урсуле в нос, и у нее начали немного слезиться глаза. Хотя на долю Урсулы выпало немало пожаров, они всегда ее завораживали. Огонь пугающим, почти чарующим образом преображал обыденность. Посреди разного хлама стояло нетронутое кресло. Позади него — там, где раньше находилась наружная стена, — виднелись сад и следующий дом. Бренность жизни в сочетании с остатками обыденности. Сундстедт притормозил и пошел осторожнее, жестом велел Урсуле оставаться на месте. Пол сильно трещал под его тяжестью. Сундстедт указал на белую тряпку, лежавшую возле того, что осталось от кровати. Крыша местами обвалилась, и над ними виднелось небо.

— Вот тело. Прежде чем его перемещать, нам надо укрепить пол.

Урсула кивнула, присела на корточки и достала фотоаппарат. Сундстедт знал, что она собирается делать, и, не говоря ни слова, потянулся вперед, взялся за ближайший конец тряпки и сдернул ее. Под ней оказались наиболее обугленные деревянные балки, а также поврежденные и целые доски от рухнувшего потолка. Но торчавшая из-под них нога определенно принадлежала человеку. Она почернела от огня, но мясо на кости сохранилось. Урсула сделала несколько снимков. Она начала с общих крупных планов, а когда переместилась поближе к ноге, чтобы сфотографировать детально, почувствовала сладковатый запах, смешанный с резким запахом гари, словно сочетание морга с лесным пожаром. На ее работе можно было привыкнуть к чему угодно, но запахи давались ей тяжелее всего.

Урсула сглотнула.

— Судя по размеру ноги, это, скорее всего, взрослый мужчина, — начал Сундстедт. — Помочь тебе взять пробы тканей? Вокруг голеностопа сохранились кое-какие мягкие части.

— Если потребуется, я смогу это сделать потом. Сейчас мне бы больше помогло сравнение с зубной картой.

— Я смогу переместить труп только через несколько часов.

Урсула кивнула ему.

— Ладно, если я уже уеду, позвони мне сразу же.

Она достала из кармана визитную карточку и протянула ее Сундстедту. Тот взял карточку, сунул в карман, вернул тряпку на место и поднялся с корточек. Урсула последовала его примеру.

Они начали вместе искать причины пожара. Урсула не являлась специалистом по очагам возгорания, но даже она увидела в спальне ряд признаков, указывавших на чрезвычайно быстрое распространение огня. Слишком быстрое для того, чтобы быть естественным.

* * *

Рольф Леммель был совершенно убит. Близкий знакомый позвонил и рассказал о пожаре в доме Петера. Правда, он не знал о том, что в спальне обнаружили тело, и, когда Ваня ему об этом сообщила, Рольф побледнел еще больше. Опустился на диван в комнате

для пациентов и закрыл лицо руками.

— Это Петер?

— Мы пока не знаем, но велика вероятность, что да.

Леммель заерзал, казалось, его тело просто не знало, куда деваться. Он тяжело и часто задышал. Себастиан пошел и принес ему стакан воды. Рольф сделал несколько глотков, это его немного успокоило. Он посмотрел на полицейских. Сообразил, что женщина искала Петера утром, пока он еще думал, что коллега просто запаздывает. Тогда она его в основном раздражала. Сейчас же он чувствовал, что недооценил серьезности ее утреннего визита.

— Зачем вы приходили утром? Это как-то связано со случившимся? — спросил он, пристально глядя Ванье в глаза.

— Мы не знаем. Меня интересовало, посещал ли его один пациент.

— Кто именно?

— Рогер Эрикссон, шестнадцатилетний парень из Пальмлёвской гимназии.

Ванья потянулась за фотографией, но предъявлять ее не потребовалось.

— Тот, которого убили?

— Именно.

Ванья все-таки дала ему фотографию. Леммель долго смотрел на нее, напрягая память, ему хотелось быть уверенным наверняка.

— Не знаю. У Петера ведь был с гимназией договор, поэтому сюда приходило много молодежи. Вполне возможно.

— В этом семестре каждую вторую среду в десять? Он приходил в это время?

Леммель покачал головой.

— Я здесь работаю только три дня в неделю, по средам и четвергам я бываю в больнице. Поэтому я не знаю. Но мы можем проверить у него в кабинете. У него там есть ежедневник.

— А регистратора у вас нет? — поинтересовался Себастиан, пока они, миновав стеклянную дверь, шли по маленькому коридору.

— Нет, вполне справляемся своими силами, это был бы только лишний расход.

Леммель остановился перед второй дверью по правую сторону и достал ключи, чтобы ее отпереть. У него сделался несколько удивленный вид, когда он попробовал повернуть ключ в замке, а дверь внезапно открылась сама.

— Странно...

Себастиан широко распахнул дверь. В кабинете все было вверх дном: выдернутые из папок бумаги, выдвинутые ящики, битое стекло. У Рольфа сделался совершенно растерянный вид. Ванья поспешно надела белые латексные перчатки.

— Не заходите. Себастиан, позвони Урсуле и скажи, чтобы приезжала как только сможет.

— Думаю, лучше, если позвонишь ты. — Себастиан попытался изобразить улыбку.

— Объясни ей, в чем дело. Она ненавидит тебя, но она профессионал.

Ванья повернулась к Леммелю:

— Значит, вы сегодня сюда не заходили?

Он отрицательно помотал головой. Ванья стала осматриваться.

— Вы видите где-нибудь ежедневник Петера?

Леммель все еще пребывал в шоке и немного помедлил с ответом.

— Нет, это большая зеленая книга, кожаная, форматом почти А4.

Ванья кивнула и принялась осторожно искать среди разбросанных бумаг. Дело оказалось не из легких — ей не хотелось слишком много топтаться, чтобы случайно не испортить какое-нибудь техническое доказательство. В то же время она чувствовала, что крайне важно установить, существовала ли действительно какая-то связь между Петером Вестином и Рогером. Ведь если да, то расследование, очевидно, приобретало неожиданный оборот.

Через десять минут Ванья сдалась. Насколько она могла судить, ежедневника в комнате не было. Правда, все переверачивать и искать повсюду она не могла. Если взлом кабинета связан с убийством, им потребуются все технические доказательства, какие только можно обнаружить. Урсула отзвонилась и сообщила, что задерживается на Рутевеген еще на несколько часов, но она поговорила с Хансер, которая пообещала прислать лучшего эксперта полиции Вестероса. Урсуле это, конечно, не нравилось, но ведь тщательно обработать одну комнату не так уж трудно? Ванья заперла дверь ключом Леммеля и вышла, чтобы продолжить разговор. Он снова сидел на диване и беседовал с кем-то по телефону. В глазах стояли слезы, тон был сдержанным, но полным скорби. Увидев Ванью, он попытался взять себя в руки.

— Дорогая, я должен заканчивать. Полиция опять хочет со мной поговорить.

— Криминалист уже едет. В кабинет никто не должен заходить. Я могу оставить ваши ключи у себя?

Он согласно кивнул. Ванья огляделась:

— Куда подевался мой коллега?

— Он собирался пойти что-то проверить.

Ванья вздохнула и достала мобильный телефон. Однако сообразила, что номера Себастиана у нее нет. Она никак не думала, что он ей сможет понадобиться.

Себастиан вошел в кафетерий Пальмлёвской гимназии. В то время, когда он тут учился, на первом этаже не было сколько-нибудь уютного помещения, похожего на кафе. Тогда здесь находилась комната для дополнительных занятий. Ее стены не были белыми и увешанными маленькими светильниками. Черные кожаные кресла с низкими столиками из светлого дерева и настенные динамики, из которых звучала фоновая музыка, в памяти Себастиана тоже не запечатлелись. В его времена стены покрывали книжные полки, а на полу стояли длинные школьные столы с жесткими стульями, и все.

В приемной психологов Себастиан почувствовал, что ему надоело играть вторую скрипку. Он весь день боролся с собой, чтобы подстраиваться, не забегать слишком далеко, быть командным игроком и все такое. Не то чтобы это давалось ему с особым трудом — плыви себе по течению и в большинстве случаев держи рот на замке. Но ему было скучно, чертовски, удручающе, смертельно скучно. Правда, ему удалось пару раз подколоть Ванью в машине, но надолго этого не хватило. Получалось какое-то существование, сведенное к минимуму, а Себастиан привык к другим масштабам.

Глядя на то, как Ванья, чтобы не испортить работу Урсуле, осторожно перемещает бумаги в перевернутом вверх дном кабинете, он решил покинуть команду и немного поиграть соло. Информация имеется повсюду. Кто-нибудь всегда что-нибудь знает. Главное — знать, кого спрашивать.

Поэтому сейчас он стоял и обзирал кафетерий. Увидел Лизу Ханссон, сидевшую неподалеку и болтавшую с подружками; перед ними стояло несколько бокалов из-под кофе

лагте. Себастиан подошел к ней. По ее взгляду он понял, что девушка ему не слишком обрадовалась. Смирилась. Вполне достаточно.

— Привет, Лиза. У тебя найдется две секунды?

Другая девушка посмотрела на него с удивлением, но он не стал дожидаться ответа.

— Мне кое в чем нужна твоя помощь.

Когда Себастиан двадцать две минуты спустя вошел в приемную Леммеля и Вестина, у него из двух независимых источников имелось подтверждение того, что Рогер Эрикссон действительно посещал Петера Вестина каждую вторую среду в десять часов. Как и во всех ярко выраженных группировках с сильным внутренним контролем — а существует мало групп, больше следящих друг за другом, чем подростковые, — Рогер никак не мог сбежать к психологу, оставаясь незамеченным. Сама Лиза не знала, с кем Рогер встречался каждую вторую среду, но она достаточно хорошо разбиралась в школьной иерархии и с готовностью согласилась найти того, кто это знал. Одна девушка, из старшего класса, видела его, а другая, из параллельного с Рогером класса, это подтвердила. Они дважды сталкивались в комнате для пациентов.

Ванья сидела и разговаривала по телефону. Она кисло посмотрела на Себастиана, когда тот с беззаботным видом вошел в комнату. Он ей улыбнулся. Увидел, что криминалист снимает отпечатки пальцев с дверного косяка кабинета Вестина. Время он рассчитал точно. Себастиан подождал, пока Ванья закончит разговор.

— Как дела? Нашли какие-нибудь технические доказательства?

— Пока нет. Где ты был?

— Немного поработал. Ты хотела получить подтверждение тому, что Рогер ходил сюда каждую вторую среду в десять. Он действительно ходил.

— Кто это сказал?

Себастиан выдал ей имена двух учениц, он даже записал для нее на клочке бумаги все их данные. Он знал, что это разозлит ее еще больше.

— Если хочешь, позвони им и проверь.

Ванья посмотрела на записку:

— Обязательно позвоню. Позже. Нам надо ехать в офис. Там Билли что-то нашел.

Торкель надеялся узнать что-нибудь хорошее. Ему требовался хоть какой-то успех, что-нибудь, чему можно порадоваться. По правде говоря, его бы удовлетворило что угодно, не шедшее к чертовой матери. Он уже успел посоветоваться с Хансер. После вежливого «спасибо за приятный вечер» она рассказала о Тумасе Харальдссоне. Какими бы благими намерениями этот кретин ни руководствовался, ему, судя по всему, удалось угробить их пока что единственную настоящую зацепку. В результате добытые ими сведения из телефонных распечаток и восстановленных эсэмэс практически полностью обесценились. В довершение всего еще, похоже, убили психотерапевта, которого посещал Рогер. В любом случае тот мертв. Торкель слишком долго проработал, чтобы считать это лишь неудачным совпадением. Стало быть, у них теперь имеется двойное убийство. Убежденность Себастиана в том, что первое убийство, скорее всего, было непреднамеренным, являлась слабым утешением. Второе убийство представлялось однозначным. Вестин, видимо, умер из-за того, что обладал какими-то сведениями. О Рогере Эрикссоне. Торкель выругался про себя. Почему они не действовали быстрее? Почему им не удалось опередить убийцу? Все в этом проклятом расследовании оборачивается против них. Прессе потребуется совсем немного времени, чтобы связать эти два убийства, — им только этого и надо, чтобы подогревать интерес публики.

Кроме того, на него злится Урсула.

Теперь еще приедет Микаэль.

Шел дождь, и дул сильный ветер.

Торкель распахнул дверь конференц-зала. Урсула по-прежнему оставалась на месте преступления, а остальные были уже в сборе. Вызвал всех Билли. Торкель уселся на стул и кивком велел Билли начинать. Под потолком жужжал проектор, поэтому Торкель предположил, что им предстоит смотреть новые записи с камер наружного наблюдения. И не ошибся. С правой стороны появился Рогер.

— В 21:29 Рогер Эрикссон находился здесь. — Билли обвел улицу на висящей на стене карте города. — Примерно в километре от Густавсборгсгатан. Как вы видите, он переходит улицу и исчезает. Я хочу сказать, действительно исчезает. — Билли перекрутил пленку назад и остановил на кадре, предшествовавшем тому, где Рогер исчезает за припаркованной машиной.

— Он сворачивает в переулок Спренггренд, который является тупиком и завершается пешеходными дорожками, ведущими в три стороны. — Билли показал карандашом на карте. — Я проверил все камеры к северу и западу от переулка Спренггренд. Их довольно мало. Ни на одной из них Рогер не появляется, поэтому я проверил, не пошел ли он обратно. Ничего. Я просмотрел больше безликих улиц, чем положено за целую жизнь. Это самое последнее изображение Рогера Эрикссона.

Все посмотрели на застывший на стене кадр. Торкель почувствовал, как его изначально плохое настроение упало еще на несколько градусов — или в чем там измеряется падение настроения. В любом случае оно упало.

— Если мы поиграем с мыслью, что он пошел прямо, на север, что там находится? — спросила Ванья.

Торкель с благодарностью подумал о том, что у них в команде по-прежнему есть

человек, пытающийся даже из ничего выжать максимум.

— По другую сторону шоссе E18 располагаются в основном многоэтажные жилые дома.

— Нет ли у него там какой-нибудь привязки? Скажем, живет кто-то из одноклассников или что-нибудь в этом роде?

Билли замотал головой. Себастиан встал и подошел к карте.

— А это что такое? — Себастиан указал на довольно крупное здание, стоявшее несколько особняком метрах в двадцати от конца переулка.

— Это мотель.

Себастиан принялся расхаживать по комнате и заговорил спокойно, с расстановкой, словно рассуждая сам с собой:

— Рогер с Лизой некоторое время изображали пару. Лиза сказала, что Рогер частенько встречался с кем-то другим, но она не знает, с кем именно. Он это тщательно скрывал.

Себастиан снова подошел к карте и приставил палец к мотелю.

— Юхан утверждал, что Рогер много говорил о сексе. Мотель — идеальное место для встреч такого рода.

Он окинул взглядом остальных.

— Ну, я говорю исходя из собственного опыта.

Себастиан многозначительно посмотрел Ванье в глаза. Не именно в этом мотеле, но ведь мы с тобой здесь еще не закончили. Ванья бросила на него усталый взгляд. За сегодня это уже второй намек на секс. Еще один, и она позаботится о том, чтобы он вылетел из расследования с такой скоростью, что даже не успеет понять, что произошло. Однако она ничего не сказала — зачем его предостерегать? Торкель скрестил руки на груди и посмотрел на Себастиана скептически:

— Не слишком ли это... шикарно — свидания в мотеле, когда тебе шестнадцать лет? В таком возрасте, пожалуй, встречаются у кого-нибудь дома.

— Может, это по каким-то причинам не получалось.

Все сидели молча. Тот же скептический взгляд, что и у Торкеля, со стороны Билли и Ваньи. Себастиан всплеснул руками:

— Очнитесь! У нас есть возбужденный шестнадцатилетний парень и мотель. Может, все-таки стоит хотя бы проверить?

Ванья встала:

— Билли.

Билли кивнул, и они вместе вышли из комнаты.

* * *

Дешевый мотель «Эделинс» был построен в 1960-е и выглядел заброшенным и обветшалым. На огромной парковке стояли всего три машины. Архитектора явно вдохновили американские мотели; здание состояло из двух низких этажей с наружными лестницами — каждый номер имел собственный выход прямо на парковку. В центре здания помещалась маленькая рецепция, над которой светилась неоновая вывеска: «Свободные номера». Билли с Ваньей решили, что ее, вероятно, довольно давно не гасили. Идеальное место для тайных свиданий.

Они вошли через двустворчатую стеклянную дверь с написанной от руки табличкой

«„Американ Экспресс“ у нас не принимают». В рецепции было довольно темно, она состояла из высокой закругленной стойки темного дерева, грязного темно-синего коврового покрытия и круглого кофейного столика с двумя креслами. Помещение казалось душным и прокуренным, с чем безрезультатно боролся маленький жужжащий настольный вентилятор на краю стойки. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти пяти с длинными, видимо крашеными, светлыми волосами. Она читала один из самых дешевых журналов со сплетнями, содержащих максимум фотографий и минимум текста. Рядом с ней лежала сегодняшняя газета «Афтонбладет», открытая на статье об убийстве Рогера. Ванья уже успела просмотреть эту статью. Ничего нового, кроме того, что директор Пальмлёвской гимназии высказывался о том, как активно его школа работает над предотвращением травли и отчуждения, и как Рогер, по его выражению, обрел у них дом. Ванью чуть не стошнило от всей произнесенной директором лжи. Женщина подняла глаза на новых посетителей:

— Здравствуйте, что вам угодно?

Билли улыбнулся ей:

— Вы работали в прошлую пятницу?

— Что вы имеете в виду?

— Мы из полиции.

Билли и Ванья предъявили свои удостоверения. Женщина кивнула со слегка извиняющимся видом. Ванья достала фотографию Рогера и положила под лампу перед женщиной, чтобы той было хорошо видно.

— Вы его знаете?

— Да, из газеты. — Женщина опустила руку на открытую страницу. — О нем ведь пишут ежедневно.

— Но по мотелю вы его не знаете?

— Нет, а должна?

— Мы думаем, что он, возможно, был здесь в прошлую пятницу. Около десяти.

Женщина за стойкой покачала головой:

— Мы ведь встречаемся не со всеми постояльцами, в основном с теми, кто расплачивается. Он мог находиться в одном из номеров вместе с кем-нибудь.

— Он был в одном из номеров?

— Мне это неизвестно. Я говорю только, что *мог* находиться.

— Нам бы надо немного узнать о тех, кто останавливался в мотеле в тот вечер.

Женщина сперва посмотрела на них скептически, но потом сделала два шага к слишком старому компьютеру. Минимум восемь лет, отметил Билли. Скорее, больше. Археологическая находка. Женщина застучала по пожелтевшим клавишам.

— С пятницы по субботу мы предоставили в общей сложности девять номеров.

— В половине десятого были заняты все девять номеров?

— Вы имеете в виду вечер?

Билли кивнул. Женщина продолжила проверять по компьютеру. Вскоре она нашла то, что искала.

— Нет, к тому времени было занято только семь.

— Нам нужны все имеющиеся у вас сведения об этих постояльцах.

Женщина озабоченно наморщила лоб:

— У меня такое впечатление, что для этого вам требуется какое-то разрешение, не так ли? Некий документ?

Ванья склонилась к ней:

— Я так не думаю.

Однако женщина уже приняла решение. Не потому, что хорошо разбиралась в новом варианте закона о предотвращении незаконной разведывательной деятельности и тому подобном, но она видела по телевизору, что полицейским на все требуются специальные разрешения. Она не обязана выдавать своих клиентов только потому, что ее об этом попросили. Надо стоять на своем.

— Нет, вы должны иметь разрешение.

Ванья мрачно посмотрела на нее, потом на Билли.

— Ладно, мы вернемся с разрешением.

Женщина удовлетворенно кивнула. Она защитила частную жизнь постояльцев и таким образом — свободу слова вообще. Однако женщина-полицейский продолжила:

— Раз уж нам придется возвращаться, мы прихватим с собой ревизора. А возможно, еще кого-нибудь из Комитета по здравоохранению. Вы ведь отвечаете и за ресторан тоже?

Женщина за стойкой посмотрела на Ванью с некоторым недоверием. Ведь не могут же они так поступить? — Не стоит забывать о пожарной безопасности. Я вижу, что тут надо проверить кое-какие запасные выходы. Вы ведь так печетесь о постояльцах мотеля, — кивая и озираясь по сторонам, добавил мужчина-полицейский.

Они направились к двери. Женщина за стойкой колебалась.

— Подождите. Я не хочу причинять вам неудобств. Я могу сделать вам копию прямо сейчас.

Она глупо улыбнулась полицейским. Ее взгляд упал на раскрытую газету. Внезапно она узнала его со странным чувством волнения и триумфа. Появился шанс заработать плюс. Возможно, ей удастся заставить их забыть о Комитете по здравоохранению. Она обратилась к направившейся к ней женщине-полицейскому:

— Он был здесь в прошлую пятницу.

Та подошла поближе с явным любопытством во взгляде:

— Что вы сказали?

— Я говорю, — она показала на раскрытую газету, — он был здесь в прошлую пятницу.

Увидев фотографию, на которую указывала женщина за стойкой, Ванья вздрогнула.

В конференц-зале возникло напряжение, которого не хватало раньше. Вопросов было много, в деле появилось несколько разных линий, и они внезапно оказались перед выбором, на что направить усилия в первую очередь. Последним стало то, что администратор мотеля уверенно утверждала, что видела директора Пальмлёвской гимназии Рагнара Грота у себя в мотеле вечером в ту самую пятницу. К тому же не в первый раз. Он появлялся у них с завидной регулярностью, всегда платил наличными и называл себя каким-то Робертом. В ту пятницу она видела, как он проходил по направлению к номерам левой стороны, но сам он номер не оформлял. Она всегда предполагала, что он встречается тут с любовницей. Ведь имеются люди, использующие мотель для такого, о чем реклама, возможно, и умалчивает, но факт остается фактом. Себастиан внутренне порадовался, ситуация нравилась ему все больше и больше — вполне могло оказаться, что педантичный директор Грот по уши погряз в дерьме. Торкель посмотрел на Ваню с Билли и с гордостью кивнул им:

— Отличная работа. Стало быть, первым делом надо сосредоточить усилия на директоре. На мой взгляд, велика вероятность того, что в вечер убийства они с Рогером находились в одном и том же месте.

Билли достал фотографию Рагнара Грота и вручил ее Торкелю.

— Повесь ее там. Я еще не успел поискать на него материал в интернете, но интересно, что и Рогер, и Петер Вестин имеют привязку к директору. У Вестина был с гимназией договор, и Рогер к нему ходил.

Торкель прикрепил фотографию директора и провел фломастером стрелочки к Рогеру и Вестину.

— Не посетить ли нам снова нашего директора? С некоторыми новыми вопросиками, — обратился Торкель к остальным.

Возникла пауза.

— Думаю, нам следует действовать более осторожно, лучше бы собрать перед встречей с ним побольше информации, — нарушил молчание Себастиан. — До сих пор он на редкость талантливо скрывал важные сведения. Поэтому чем более подготовленными мы придем на встречу, тем труднее ему будет увиливать.

Ванья согласно кивнула Себастиану. Она сама пришла к тому же заключению.

— К тому же мы по-прежнему слишком мало знаем о Петере Вестине. Нам даже не известно, его ли труп нашли в спальне и как начался пожар, — подхватила Ванья. — Урсула еще находится на Рутевеген и пообещала как можно скорее добыть предварительный отчет.

— А взлом кабинета что-нибудь дал? — вставил Торкель, взглянув на нее.

— Нет. Никаких технических доказательств и полное отсутствие ежедневника. Так что тут мы никуда не продвинулись. Коллега Вестина рассказал, что тот не принадлежал к числу любителей обстоятельных записей. Возможно, набрасывал отдельные слова, чтоб не забыть, но записывал их в этом случае именно в пропавшем ежедневнике.

— Удача нам, прямо скажем, не сопутствует, — вздохнул Билли.

— Да, но это значит, надо работать еще напряженнее, — ответил Торкель, глядя на своих сотрудников с некоторой строгостью. — Удача добывается напряженной работой, это нам известно. Давайте будем исходить из того, что взлом кабинета связан с пожаром и что ежедневник Петера Вестина украли из-за имеющихся в нем записей. Пока не получим

подтверждения противоположному. Я велел Хансер отправить несколько патрульных обойти жителей вокруг приемной психологов, чтобы узнать, не заметил ли кто-нибудь сегодня ночью чего-нибудь подозрительного.

— А как обстоят дела с Акселем Юханссоном? — Билли кивнул на фотографический завхоза, висевшую в углу стены. — Там есть какой-нибудь результат?

Торкель усмехнулся и покачал головой:

— Да, там провел небольшую частную операцию наш общий любимец Тумас Харальдссон.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю, с чего начать...

— Можешь начать с признания моей правоты. Нам следовало исключить его сразу, как только мы встретились с ним в вестибюле, не так ли? — произнесла Ванья с легкой улыбкой.

Торкель кивнул:

— Совершенно верно, Ванья, совершенно верно.

В дверь постучали, женщина в полицейской форме засунула голову внутрь и спросила Билли и Ванью. Она вручила им по конверту. Билли покосился на свой.

— Посмотреть сразу? — он вопросительно посмотрел на Торкеля.

— А что там?

— Предварительные сведения о тех посетителях мотеля, к которым, мы с Ваньей считаем, нужно присмотреться поподробнее.

Торкель кивнул:

— Безусловно. Но, чтобы закончить с Акселем Юханссоном: никаких новых зацепок там у нас нет. Благодаря Харальдссону он теперь знает, что мы его ищем. Поэтому существует риск, что он покинул Вестерос. Хансер пообещала задействовать все ресурсы, чтобы его разыскать, так что пусть доводит дело до конца. Могу добавить, что ей стыдно за случившееся.

Пока Торкель высказывался, Билли подошел к стене и принялся вынимать новые снимки. Он дал Торкелю закончить и приступил к комментариям:

— О'кей, около девяти вечера в ту пятницу было занято семь номеров. Мы исключили три семьи с детьми и пожилую пару, которая оставалась в мотеле до понедельника. Думается, маловероятно, чтобы Рогер или Рагнар Грот посещали семейства с детьми или эту пару. Значит, откладываем их в сторону, и у нас остается три имени, которые могут представлять интерес.

Билли начал вывешивать фотографии двух женщин и мужчины.

— Лисбет Стен, двадцать восемь лет, Франк Клевен, пятьдесят два года, и Стина Букстрём, сорок шесть лет.

Остальные подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть укрупненные паспортные фотографии.

Лисбет Стен, урожденная Рагнарссон, была самой молодой из них — привлекательная, с длинными кудрявыми темными волосами. Согласно полученным данным, она только что вышла замуж за Уильяма Стена. Фотография в центре изображала Франка Клевена, отца троих детей, проживающего в Эскильстуне, — короткие темные, чуть поседевшие волосы, небольшие залысины. Лицо выразительное, обветренное. На фотографии выглядит весьма решительно. Последней была Стина Букстрём — узкое лицо, короткие светлые волосы,

довольно нескладная внешность. Не замужем. Билли указал на темноволосую женщину.

— Мне удалось встретиться с Лисбет Стен, она торговый агент и остановилась в мотеле на ночь после какой-то встречи торговых работников в Вестеросе. Она сообщила, что ничего не видела, сразу направилась в номер и легла спать. Живет в Стокгольме. Остальных мне пока найти не удалось, но, как вы видите, они тоже не из Вестероса, во всяком случае согласно регистрации по месту жительства.

Торкель кивнул и обратился ко всей группе:

— Хорошо, надо отыскать оставшихся двоих постояльцев. Исходите из того, что им, возможно, есть что скрывать. Это относится и к Лисбет тоже.

Все закивали, кроме Ваньи. Она просматривала полученные только что бумаги, затем подняла взгляд:

— Простите, но, думаю, это может подождать.

Все присутствующие обернулись к ней. Даже Себастиан. Ванья наслаждалась пребыванием в центре внимания и перед продолжением сделала эффектную паузу.

— Я подумала о том, что оружие, которое применили против Рогера, имело 22-й калибр. Классическое оружие для спортивной стрельбы, не так ли?

Торкель смотрел на нее с нетерпением:

— И?

— Я только что получила список членов стрелкового клуба Вестероса.

Ванья сделала еще одну паузу и, окидывая взглядом остальных, не смогла сдержать довольной улыбки.

— Рагнар Грот является членом клуба с 1992 года, причем явно очень активным.

* * *

Стрелковый клуб находился к северу от города, поблизости от аэропорта. Он располагался в деревянном здании, напоминавшем казарму и явно когда-то принадлежавшем военным. Стрельбища, похоже, имелись как внутри, так и снаружи, и, приблизившись, Ванья, Себастиан и Билли слышали глухие хлопки ружейных выстрелов. Ванья заранее позвонила секретарю клуба, тот жил неподалеку и обещал прийти, чтобы ответить на несколько вопросов. На крыльце появился мужчина лет сорока пяти, который приветливо с ними поздоровался. Он был в рубашке с короткими рукавами и потертых джинсах. По виду он напоминал бывшего военного и представился как Уббе Линдстрём. Они вместе вошли в казарму, где их пригласили в простой офис, служивший канцелярией и складом одновременно.

— Вы сказали, что дело касается одного из наших членов, — начал Уббе, усаживаясь в потертое офисное кресло.

— Да, Рагнара Грота.

— А, Рагнар. Отличный стрелок. Дважды брал бронзу на первенстве Швеции.

Уббе подошел к переполненному стеллажу, достал потрепанную папку и открыл ее. Долго искал среди множества бумаг, пока не нашел нужную.

— Член клуба с 1992 года. Почему он вас интересует?

— Он держит свое оружие в клубе? — спросил Билли, проигнорировав вопрос.

— Нет, все у него дома, как и у большинства. Что он натворил?

Вопрос снова проигнорировали.

— Вы знаете, какое у него оружие? — вступила в беседу Ванья.

— У него несколько видов. Знаете ли, он не только соревнуется, но и охотится. Это как-то связано с парнем из его школы? С тем, которого убили?

Он упрям, этот Уббе. Себастиану уже успел наскучить разговор, и он потихоньку удалился из канцелярии. Чтобы игнорировать вопросы Линдстрёма, троих не требуется. Билли бросил взгляд ему вслед. Ванья продолжала настойчиво задавать вопросы:

— Вы не знаете, нет ли у него оружия 22-го калибра?

— У него есть *Brno CZ 453 Varmint*.

Уббе по крайней мере перестал задавать вопросы и начал отвечать. Все-таки что-то. Ванья стала записывать название модели в свой блокнот.

— Как вы сказали? *Bruno*?..

— *Brno CZ*. Ружье. Превосходное оружие. А у вас какое? *Sig Sauer p225? Glock 17?*

Ванья посмотрела на Уббе. Ему, несомненно, нравилось завершать каждый ответ собственным вопросом. На этот раз она вполне могла ответить.

— *Sig Sauer*. Рагнар имеет доступ только к этому оружию 22-го калибра?

— Не знаю. Что вы имеете в виду? Парня что, застрелили?

Себастиан двинулся по длинному коридору и вскоре добрался до помещения для собраний с кофеваркой и большим обшарпанным холодильником. Здесь возвышались два больших застекленных шкафа с кубками и медалями. Перед шкафами стояло несколько простых стульев и прожженных сигаретами столов, оставшихся с тех времен, когда человеку с ружьем, чтобы покурить, не приходилось выходить на улицу. Себастиан зашел в комнату. За одним из столов одиноко сидела девочка лет тринадцати с банкой колы и булочкой с корицей. Она посмотрела на Себастиана исподлобья. Тот коротко кивнул ей и подошел к шкафу с золотыми кубками. Себастиана всегда восхищало то, что победителей во всех видах спорта непременно награждали золотыми кубками невероятных размеров. Можно было подумать, что спортсмены обладают чрезвычайно заниженной самооценкой и в глубине души признают полную бессмысленность того, чем занимаются. Стремление отрицать эту правду и показать всему миру, насколько все же важно их занятие, выливалось в постоянное совершенствование кубков. В отношении как размеров, так и блеска.

На стенах висели фотографии отдельных стрелков и групповые снимки. Кое-где виднелись вставленные в рамочки газетные статьи. Классическое клубное помещение, только и всего. Себастиан стал небрежно просматривать снимки на стенах. На большинстве из них гордые мужчины с оружием в руках стояли, широко расставив ноги, и улыбались в камеру. Что-то в этих улыбках показалось Себастиану нелепо-искусственным. Неужели действительно так приятно держать эти ружья и такой кубок? Он спиной почувствовал взгляд девочки и обернулся к ней. Она по-прежнему смотрела на него исподлобья. Затем произнесла первые слова:

— Что вы делаете?

— Работаю.

— Над чем же?

Себастиан бегло взглянул на нее.

— Я полицейский психолог. А что делаешь ты?

— У меня скоро тренировка.

— Разве можно тренироваться в таком юном возрасте?

Девочка засмеялась:

— Друг в друга мы не стреляем.

— Пока... Это весело?

Девочка пожала плечами:

— Веселее, чем гоняться за дурацким мячом. А быть полицейским психологом весело?

— Не очень. Я бы лучше стрелял, как ты.

Девочка посмотрела на него молча, а потом опять переключилась на булочку. Разговор был явно окончен. Себастиан вновь обратился к стене. Его взгляд остановился на фотографии шести веселых мужчин, стоявших вокруг одного из громадных кубков. Маленькая золотая плакетка над рамкой описывала данное мгновение как «БРОНЗА НА ПЕРВЕНСТВЕ ШВЕЦИИ — 1999». Себастиан присмотрелся к снимку повнимательнее. Прежде всего — к одному из шести мужчин. Тот стоял с левого края и казался особенно довольным. Широкая улыбка. Много зубов. Себастиан решительно снял фотографию со стены и вышел из комнаты.

* * *

Прежде чем Урсула покинула Рутевеген, они с Сундстедтом еще отчетливее убедились в том, что пожар в доме Петера Вестина возник не случайно. Было твердо установлено, что начался он со спальни. На стене за кроватью и на полу возле нее имелись явные признаки чрезвычайно быстрого развития пожара. Разгоревшееся пламя жадно устремилось к потолку и получило кислородную подпитку, когда от жары распахнулись окна спальни. Вокруг кровати не нашлось ничего, что могло бы объяснить столь быстрое распространение огня. Исследовав место повнимательнее, они обнаружили явные следы катализатора. Следовательно, поджог с целью убийства. Истинная причина смерти Вестина пока оставалась неизвестной, но Сундстедту удалось вытащить тело из-под груды обломков. На это потребовалось несколько часов, поскольку сперва пришлось укрепить снизу пол. Урсула проследила за тем, чтобы тело аккуратно упаковали для транспортировки, и решила сопровождать его до судебно-медицинской лаборатории, чтобы лично присутствовать при вскрытии. Сундстедт пообещал предоставить ей отчет как можно быстрее.

Судебные медики не слишком обрадовались ее присутствию, но Урсула не придала этому значения. Она твердо решила на сей раз никому не уступать первенства, иначе это могло вылиться для Госкомиссии в настоящий кошмар. Заказанное ею сравнение с зубной картой быстро установило, что в наполовину сгоревшем доме ими действительно был обнаружен труп Петера Вестина. Урсула почти не сомневалась в том, что одно убийство превратилось в два и теперь они имеют дело с убийцей двух человек. Она также знала, что убивший дважды способен продолжать убивать снова и снова. С каждым разом — с большей легкостью.

Она позвонила Торкелю.

* * *

Билли и Ванье не удалось особо продвинуться с Уббе Линдстрёмом. Чем дольше они беседовали, тем больше тот уходил в глухую оборону. Они установили главное: директор Рагнар Грот обладает оружием, по крайней мере по калибру совпадающим с тем, из которого убили Рогера. Уббе все время пытался заставить их раскрыть причину интереса, проявляемого к одному из самых преданных и успешных членов клуба. Чем меньше он получал ответов, тем короче и неохотнее отвечал на вопросы сам. Ванья подумала, что Рагнар Грот и Уббе, вероятно, не просто состоят в одном клубе, у нее возникло подозрение, что они являются друзьями, и ее все больше беспокоило то, что, как только они уйдут, Уббе Линдстрём может запросто позвонить приятелю и рассказать о их визите.

— Вы ведь знаете, что ваша лицензия на оружие должна обновляться каждые пять лет. Если я обнаружу, что наш конфиденциальный разговор оказался не таким уж конфиденциальным, то... — Ванья оставила мысль недосказанной.

— Что вы имеете в виду? — спросил секретарь клуба со злостью в голосе. — Вы мне чем-то угрожаете?

Билли улыбнулся ему:

— Она имеет в виду лишь то, что этот разговор должен остаться между нами. Согласны?

Глаза Уббе потемнели, он сердито кивнул. Они, во всяком случае, предприняли попытку, и он предупрежден. Тут в комнату неспешно вошел Себастиан.

— Только еще одно. — Он положил перед Уббе фотографию в рамке и многозначительно указал на какую-то ее часть. — Кто это? Крайний слева?

Уббе склонился над фотографией и стал ее рассматривать. Билли с Ваньей успели подойти и мельком увидеть мужчину с широкой улыбкой.

— Это Франк. Франк Клевен.

Ванья и Билли оба сразу же узнали мужчину. Его фотография уже висела в отделении у них на стене. Правда, там без широкой улыбки, но не было никаких сомнений в том, что именно Франк Клевен останавливался в прошлую пятницу в ветхом мотеле.

— Он тоже член клуба?

— Он был членом. Переехал отсюда через год после первенства Швеции. Теперь, кажется, живет в Эребру. Или в Эскильстуне. Он тоже замешан?

— Никто ни в чем не замешан. Помните о лицензии, — ответила Ванья и вместе с остальными покинула клуб. Все трое шли к машине значительно быстрее обычного. День складывался по-настоящему удачно.

* * *

Франк Клевен жил в Эскильстуне на улице Лерквеген. Однако там Билли никто не ответил, а мобильного телефона, во всяком случае зарегистрированного на свое имя, по сведениям справочной службы, у Франка не было. После некоторых поисков Билли нашел место работы Франка — строительную фирму *H&R*. Тот работал инженером-строителем и пользовался мобильным телефоном, зарегистрированным на фирму. Билли позвонил ему. Франк очень удивился, узнав, что его разыскивает полиция, но Билли подчеркнул, что им надо лишь задать ему несколько вопросов.

Они с удовольствием к нему подъедут.

Через тридцать минут.

Да, они настаивают.

Ванья с Себастианом уже находились в машине, на полпути к Эскильстуне, когда им позвонил Билли, оставшийся в отделении полиции Вестероса. Он зачитал им короткую выдержку из данных регистрационной службы. Это дало им не слишком много. Пятьдесят два года, женат, трое детей, родился в Вестервике, переехал в юном возрасте в Вестерос, окончил четырехгодичную гимназию, военную службу проходил в артиллерийском полку на острове Готланд, с 1981 года имеет лицензии на пользование пистолетом и ружьем, взысканий и финансовых задолженностей не имеет. Зацепиться не за что. Но они получили адрес.

На подъезде к Эскильстуне они свернули к стройке, где сооружался новый супермаркет. В настоящий момент это мало походило на будущий храм торговли — на месте, где предполагалось возвести стены, пока торчали только балки, но огромный литой фундамент был уже в принципе готов. Вдали виднелось несколько рабочих, возившихся возле какого-то большого желтого агрегата. Себастиан с Ваньей направились к стоявшим чуть в стороне вагончикам. Им встретился мужчина, похожий на начальника.

— Мы ищем Франка Клевена.

Мужчина кивнул и указал на один из вагончиков в центре:

— В последний раз я его видел там.

— Спасибо.

Ванья и Себастиан пошли дальше.

Франк Клевен принадлежал к числу людей, выглядящих живьем лучше, чем на фотографиях. Тонкие черты лица, правда, кожа обветрилась из-за регулярного пребывания на открытом воздухе. Живые глаза, сощурившиеся, как у мужчины на рекламе «Мальборо», когда он за руку здоровался с Ваньей и Себастианом. За все время разговора они ни разу не увидели широкой улыбки с фотографии. Франк Клевен предложил устроиться в его маленьком офисе в одном из соседних вагончиков — там они смогут поговорить без помех. Ванья с Себастианом последовали за ним, и Ванье показалось, будто с каждым шагом по скрипящему гравию его плечи все больше опускаются. Она чувствовала, что они на правильном пути.

Наконец-то.

Клевен отпер дверь и пригласил их зайти. Серый дневной свет проникал в тесный вагончик через два запыленных окошка. Внутри ощущался резкий запах дубильной кислоты. В предбаннике, объединявшем две маленькие комнаты, стояла включенная кофеварка. Франку принадлежала первая каморка. Меблировка состояла из нескольких стульев и безликого письменного стола с множеством чертежей. На стенах кое-где торчали обрывки старого скотча и висел календарь из супермаркета за прошлый год. Франк посмотрел на полицейских, которые, несмотря на предложение садиться, остались стоять. Он составил им компанию.

— У меня плоховато со временем, поэтому надо разобраться побыстрее. — Клевен пытался говорить спокойным голосом, но у него не получилось. Себастиан заметил, что над верхней губой у Франка выступили капельки пота, а жарко в комнате не было.

— Мы временем не ограничены, насколько быстро пойдет дело, будет зависеть от вас, — ответил Себастиан, чтобы еще отчетливее подчеркнуть, что ставить условия они Франку не дадут.

— Я даже не понимаю, почему вы здесь, ваш коллега сказал только, что вам надо со мной поговорить.

— Если вы присядете, моя коллега вам расскажет.

Себастиан посмотрел на Ванью, та кивнула, но стала ждать, пока Франк сядет. После недолгой паузы Клевен решил все-таки пойти им навстречу и сел. На самый краешек стула, точно на иголки.

— Вы можете рассказать, зачем вы останавливались в мотеле Вестероса в прошлую пятницу?

Франк посмотрел на них:

— Ни в каком мотеле я в прошлую пятницу не останавливался. Кто это утверждает?

— Мы.

Ванья замолчала. Обычно в таких случаях человек, которого они расспрашивали, начинал говорить сам. Когда его ставили перед фактом. Конечно, Франку следовало бы понять, что они бы не поехали в Эскильстуну, не имей они железной уверенности. Ему оставалось выбирать между подтверждением или опровержением. Правда, существовал еще третий путь — молчать. Клевен избрал третий вариант. Он переводил взгляд с Ваньи на Себастиана и обратно, не произнося ни слова. Ванья вздохнула и склонилась к нему:

— С кем вы там встречались? Что вы там делали?

— Я же говорю, что меня там не было. — Он посмотрел на них чуть ли не с мольбой. — Вы меня, вероятно, с кем-то спутали.

Ванья стала просматривать свои бумаги, хмыкая про себя. Она явно тянула время. Себастиан не спускал с Франка глаз. Тот облизывал высохшие губы. На лбу у него выступила капля пота. Между тем в комнате по-прежнему было прохладно.

— Разве не вы Франк Клевен, персональный номер 580518? — нейтральным тоном спросила Ванья.

— Я.

— Разве вы в прошлую пятницу не платили банковской картой 779 крон за номер?

Франк побледнел:

— Ее украли. Моя карточка украдена.

— Украдена? А вы об этом заявили? В таком случае когда?

Франк умолк, его сердце, похоже, отчаянно колотилось. Капля пота потекла по значительно побледневшей щеке.

— Я не заявлял.

— А вы ее заблокировали?

— Возможно, забыл, я не знаю...

— Кончайте, неужели вы действительно думаете, что мы поверим, будто у вас украли карточку?

Ответа не последовало. Ванья почувствовала, что настало время дать Франку Клевену понять, насколько плохи его дела.

— Мы расследуем убийство. Это означает, что мы досконально проверим все сообщенные вами сведения. Итак, я снова спрашиваю, были вы в мотеле в Вестеросе в прошлую пятницу, да или нет?

Клевен явно пребывал чуть ли не в шоке.

— Расследуете убийство?

— Да.

— Но я никого не убивал.

— А тогда что же вы делали?

— Ничего. Я ничего не делал.

— Вы находились в Вестеросе в ночь убийства, а теперь лжете. В моих глазах это выглядит несколько подозрительно.

Франк вздрогнул, заерзал всем телом. Он никак не мог сфокусировать взгляд на сидящих перед ним полицейских. Себастиан резко поднялся:

— Хватит. Я поеду к вам домой и проверю, известно ли что-нибудь вашей жене. Ты посидишь с ним здесь?

Ванья кивнула, не спуская глаз с Клевена, который беспомощно уставился на Себастиана, медленно направившегося к двери.

— Она ничего не знает, — выдавил он.

— Пусть так, но она, вероятно, знает, были вы дома или нет? Жены обычно за этим довольно хорошо следят.

Себастиан особо широкой улыбкой продемонстрировал, насколько ему приятна одна мысль о том, чтобы поехать домой к Клеvenu и расспросить его жену и детей. Он успел сделать лишь несколько шагов к двери, прежде чем Франк остановил его:

— Ладно, я был в мотеле.

— Вот как.

— Но жена ничего не знает.

— Да, вы это уже говорили. С кем вы встречались?

Ответа не последовало.

— С кем вы встречались? Мы можем сидеть тут весь день. Можем вызвать полицейскую машину и забрать вас отсюда в наручниках. Как вам будет угодно. Но знайте одно: в конце концов мы все равно это узнаем.

— Я не могу сказать с кем. Это невозможно. Для меня уже будет достаточно плохо, если это выйдет наружу, но для него...

— Для него?

Франк умолк и пристыженно кивнул. Себастиана вдруг осенило.

Стрелковый клуб.

Пристыженный взгляд Франка.

Лживая насквозь Пальмлёвская гимназия.

— Вы встречались с Рагнар Гротом, не так ли?

Франк слабо кивнул.

Его взгляд рухнул на землю.

Его мир тоже.

* * *

По пути обратно Себастиан и Ванья чуть ли не ликовали.

Франк Клевен и Рагнар Грот долгое время состояли в любовной связи. Они обрели друг друга в стрелковом клубе. Четырнадцать лет назад. Сперва робко, потом всепоглощающе. Самозабвенно. Клевен даже переехал из Вестероса, чтобы попытаться покончить с тем, чего так стыдился. Он ведь женат. Имеет детей. Он не гомосексуалист. Просто не мог

удержаться. Это подобно яду.

Наслаждение.

Секс.

Стыд.

Все закрутилось. Они продолжали встречаться. Звонил и просил о свиданиях всегда Рагнар, но Франк ни разу не отказал. Он жаждал встречи. Дома у Рагнара они никогда не встречались. Мотель стал для них оазисом. Дешевый номер. Мягкие кровати. Бронировал и расплачивался Франк. Ему приходилось выдумывать причины. С подозрительностью жены разбираться удавалось вполне успешно. Легче, когда он не оставался в мотеле на ночь. Было проще приехать домой поздно, чем вообще не возвращаться. Да, в ту пятницу они виделись. Около четырех. Рагнар показался ему каким-то ненасытным. Франк покинул мотель почти в десять. Рагнар исчез из номера примерно на полчаса раньше.

Сразу после половины десятого.

В то самое время, когда Рогер, судя по всему, проходил мимо здания.

~ ~ ~

Все пятеро чувствовали витавшее в воздухе предвкушение, знакомое и долгожданное. Такое чувство возникало, когда удавалось добиться прорыва, когда расследование обретало новую скорость и когда впереди уже начинал маячить финал. На протяжении многих дней все версии и идеи заканчивались тупиком, но любовное свидание Рагнара Грота в мотеле привнесло в пазл совершенно новые фрагменты. Фрагменты, которые, казалось, идеально сочетаются друг с другом.

— Значит, директор школы, исповедующей христианские ценности и христианское отношение к человеку, является гомосексуалистом. — Торкель оглядел подчиненных. В обращенных к нему взглядах чувствовался новый прилив энергии. — Напрашивается мысль о том, что он был готов зайти довольно далеко, чтобы это скрыть.

— Убить человека — это зайти не довольно далеко, а слишком далеко, — поправила его Урсула.

«У нее усталый вид», — подумал Торкель. Конечно, она целый день занималась пожаром и предполагаемым убийством Петера Вестина, тем не менее его интересовало, спала ли она так же плохо, как он.

— Он вовсе не планировал никого убивать. — Себастиан наклонился вперед и, взяв из миски с фруктами грушу, смачно откусил большой кусок.

— Мы исходим из того, что Рогера Эрикссона и Петера Вестина убил один и тот же человек? — поинтересовалась Урсула. — Ведь, наверное, никто не считает, что там тоже произошел несчастный случай?

— Нет, но я продолжаю настаивать на том, что убийство Рогера не планировалось. — Вязнувшие в размягченной груше слова разобрать было довольно трудно. Себастиан несколько секунд дожевывал, потом проглотил и начал снова: — Я продолжаю настаивать на том, что убийство Рогера не планировалось. Но мы имеем дело с человеком, который очень целенаправленно и систематично делает все необходимое для того, чтобы его не вычислили.

— Допустим, убийство Рогера могло оказаться результатом несчастного случая, но получается, что ради того, чтобы никто ничего не узнал, он готов убивать умышленно?

— Да.

— Как же одно с другим стыкуется? — поинтересовался Билли. — Я имею в виду, у него в голове.

— Вероятно, самым главным для него является собственная персона. Не обязательно ради себя самого. Он может считать, что, если его поймают, пострадает кто-то еще. Из-за него. Допустим, у него есть работа, с которой, по его мнению, никто другой не справится, или какое-то задание, которое ему необходимо довести до конца. Любой ценой.

— Вписывается ли в эту схему директор Пальмлёвской гимназии? — спросила Ваня.

Себастиан пожал плечами. Ему не хотелось ставить Рагнару Гроту диагноз на основании двух коротких встреч, но и списывать его со счетов было нельзя. Ради репутации школы он уже не подал заявления в полицию. Готов ли он пойти на большее? Наверняка. Зайти сколь угодно далеко? В этом еще предстояло разобраться. Себастиан оставил вопрос открытым:

— Может и вписаться.

— Известно ли нам, знал ли Рагнар Грот о том, что Рогер посещает Вестина? — спросила Урсула, которая по понятным причинам заикнулась на линии Вестина.

— Конечно, должен был знать, — Билли огляделся, ища поддержки. — Вестин ведь работал на школу, он наверняка рассказывал о том, кто пользовался его услугами. Ему, скорее всего, за это платили.

— Надо будет проверить. — Торкель решил прервать разговор, пока возникший энтузиазм не стал подталкивать их к ответам на вопросы, которые они еще даже не ставили. На этой стадии расследования желание, чтобы все встало на свои места, чрезвычайно велико, сейчас главное — не спешить. Разобраться, что им известно, что существует на уровне предположений, пусть даже вполне вероятных, а о чем они пока не имеют представления.

— Себастиан с Ваньей составили версию развития событий. Давайте послушаем и сконцентрируемся на том, чтобы найти места, где имеются противоречия с фактами или техническими доказательствами. Идет?

Все закивали. Торкель повернулся к Себастиану, и тот чуть шевельнул рукой, показывая Ванье, что она может начинать. Ванья кивнула, бросила взгляд на свои бумаги и заговорила:

— Мы предполагаем, что...

...Рогер идет в сторону мотеля. Он зол и расстроен после встречи с Лео Лундином. Лицо у него в крови, и он с уязвленным чувством собственного достоинства смахивает рукавом куртки оставшиеся слезинки. Рогер заворачивает к мотелю, где у него назначена встреча. Внезапно он останавливается, среагировав на какое-то движение возле одного из номеров. Поднимает взгляд и видит своего директора. Рагнар поворачивается к дверям номера, который только что покинул, но чья-то рука тянет его обратно. В дверном проеме появляется незнакомый Рогеру мужчина и целует Рагнара в губы. Тот, похоже, пытается слабо протестовать, но Рогер, отступая в тень, видит, как Рагнар быстро расслабляется и отвечает на поцелуй. Когда поцелуй заканчивается и дверь в номер закрывается, Рагнар тщательно озирается по сторонам.

— Если Рогер действительно собирался встретиться с кем-то в мотеле, то теперь его планы кардинально меняются. — Ванья посмотрела на Себастиана, тот встал со стула и принялся расхаживать по комнате, подхватывая эстафетную палочку:

— Рогер крадется к парковке...

...и, когда Рагнар подходит к машине, Рогер его уже там поджидает. С высокомерной улыбкой на губах. Он выкладывает Рагнару только что увиденное. Тот отпирается, но Рогер стоит на своем. Раз ничего такого не было, значит, он может спокойно об этом рассказывать? Рогер видит, как Рагнар лихорадочно пытается найти выход. Смотрит и наслаждается. После встречи с Лео ему приятно ненадолго почувствовать власть. Видеть, как Рагнар покрывается потом. Как в виде исключения страдает кто-то другой. Быть сильнее. Рогер заявляет, что, конечно, может сохранить маленькие амурные похождения директора в тайне, но это обойдется недешево. Он хочет денег. Много денег. Рагнар отказывается. Рогер пожимает плечами: тогда это в течение четверти часа появится в Facebook. Рагнар понимает, что близок к потере всего. Рогер разворачивается, чтобы уйти. На парковке пусто. Освещение плохое. Повернувшись спиной, Рогер недооценил того, насколько многое для Рагнара оказывается поставленным на карту. Рагнар наносит удар, Рогер оседает на землю.

— Дождя давно не было. Нам следует поехать на парковку мотеля и посмотреть, не

осталось ли там следов.

Урсула кивнула и сделала пометку в лежащем перед ней блокноте. С тех пор как они нашли Рогера, дождь действительно почти не шел, только пару раз слегка покапало, но думать, что на довольно хорошо посещаемой парковке через неделю после возможного совершения преступления сохранились физические доказательства, — это уже выходит за грани самого оптимистичного прогноза. Но она заскочит туда. Может, мальчик или директор там что-нибудь обронили...

Себастиан посмотрел на Ваню. Та, прежде чем снова заговорить, опять быстро заглянула в свои бумаги. Торкель сидел молча. Не только потому, что вырвавшаяся гипотеза выглядела вполне реальной. Себастиан позволил Ванье участвовать в ее изложении. Обычно у Себастиана места под солнцем хватало только для одного. Он ни с кем не делился. Должно быть, Ваня сумела найти к нему правильный подход.

— С некоторым трудом Рагнар запикивает Рогера в машину...

...Он не собирался причинять мальчику вред, но нельзя было допустить, чтобы тот просто ушел. Стал рассказывать. Уничтожил все. Они должны прийти к решению, устраивающему обоих. Все обсудить. По-взрослому и рационально. Рагнар кружит наобум по все более безлюдным кварталам, взмокший и издерганный, с потерявшим сознание мальчиком на пассажирском месте. Он раздумывает, как ему выбраться из этой ситуации, что сказать ученику, когда тот придет в себя. Когда к Рогеру возвращается сознание, Рагнар все еще пытается разобраться в кошмарной ситуации. Но не успевает даже начать успокаивающую, рациональную речь. Рогер набрасывается на него. Наносит ему удар за ударом. Рагнар вынужден затормозить. Машина съезжает на обочину и останавливается. Все попытки Рагнара успокоить мальчика ни к чему не приводят. Мало того что все будут знать о том, что он трахается с парнями, так его еще, черт возьми, обвинят в рукоприкладстве и похищении. Рагнар не успевает даже среагировать, когда Рогер открывает дверцу, выскальзывается из машины и в ярости устремляется вперед по плохо освещенной дороге, пытаясь сориентироваться. Где мы находимся? Куда этот чокнутый мерзавец меня завез? Адреналин пульсирует, не давая Рогеру задуматься над тем, как ему страшно. Фары машины отбрасывают перед ним длинные тени. Рагнар вылезает из машины, зовет его, но в ответ получает только поднятый палец. Рагнар приходит в отчаяние. Прямо видит, как вся его жизнь рушится. Мальчишку необходимо остановить. Он не думает. Действует инстинктивно. Оббегает вокруг машины, распакивает багажник и достает спортивное ружье. Быстро и привычно вскидывает его наизготовку, ловит убегающего мальчика оптическим прицелом и нажимает на курок. Рогер падает.

Не проходит и секунды, как Рагнар соображает, что натворил. Он в шоке озирается. Людей не видно. Нет никого, кто бы слышал или видел. Еще остался шанс выпутаться. Выжить.

Подбежав к мальчику и увидев в свете фар, как из пулевой раны в спине хлещет кровь, Рагнар понимает две вещи.

Мальчик мертв.

Пуля равносильна отпечаткам пальцев.

Он хватается за Рогера и тащит его с дороги в кусты. Приносит из машины, нож. Встает над погибшим мальчиком, широко расставив ноги, и обнажает пулевое отверстие. Даже не думая, на автопилоте, Рагнар вырезает сердце и извлекает пулю. Чуть ли не с удивлением смотрит на маленький окровавленный кусочек металла, причинивший так много зла. Потом

смотрит на тело, над которым стоит. Пуля, конечно, изъята, но лучше бы вообще скрыть пулевое ранение, чтобы это выглядело как нападение с ножом. Инстинкт выживания берет верх, и Рагнар начинает в бешенстве наносить удары ножом.

— Потом он засовывает Рогера в машину, отвозит к болоту Листачер и выбрасывает его, остальное нам известно...

Себастиан с Ваньей закончили. Они представили очень живое описание развития событий. Конечно, с добавлением мыслей и чувств действующих лиц, о наличии или отсутствии которых они знать не могли, но, если абстрагироваться от этого, описание прозвучало для Торкеля вполне правдоподобно, кроме того, оно подкреплялось всеми техническими доказательствами. Он оглядел собравшихся. Никто, похоже, не мог и не хотел отыскивать уязвимые места в изложенной версии. Торкель снял очки и сложил их.

— Ладно, тогда побеседуем с Рагнаром Гротом.

* * *

— Нет, нет и нет, все было совсем не так.

Рагнар Грот замотал головой, склонился над столом и замахал руками с тщательно наманикюренными пальцами. От этого движения на сидевшую по другую сторону стола Ванью пахло слабым ароматом «Хьюго Босс». Тот же лосьон после бритья, что был у Юнатана, промелькнуло в голове у Ваньи, вероятно, единственное общее между этими двумя мужчинами. Ванья только что изложила начало версии развития событий в ночь убийства — что он встретился с Рогером перед мотелем и у них могла возникнуть драка. Это утверждение директор и принялся столь рьяно оспаривать.

— А как же тогда было?

— Вообще ничего не было. Я не встречался с Рогером в пятницу вечером, я ведь уже вам говорил.

Действительно, говорил. Его забрали из школы чуть больше часа назад. Когда Ванья и Билли появились у него в кабинете, он встретил их с усталым и раздраженным видом. Усталость исчезла в ту же секунду, как они изложили свое дело, и сменилась оскорбленным недоумением. Не могут же они всерьез утверждать, будто полагают, что он каким-то образом причастен к этому трагическому событию? Когда они попросили его проехать с ними в отделение для беседы, он понял, что могут. Грот поинтересовался, считается ли он задержанным, или арестованным, или как это там у них называется, но Ванья заверила его, что речь идет только о беседе. Директор спросил, не могут ли они поговорить у него в кабинете, как прошлые два раза, но Ванья настояла на том, чтобы на этот раз беседа состоялась в отделении полиции. Потребовалось довольно много времени, чтобы уладить формальности, связанные с такой простой вещью, как выход из кабинета и из школы. Грота очень заботило, чтобы это не выглядело как задержание. Ванья успокоила его: они не собираются использовать наручники, его не ждет персонал в форме, и ему предоставят возможность ехать на пассажирском месте в самой обычной машине. Она даже снабдила его поводом, когда кто-то из его коллег поинтересовался, куда он направляется. Рагнара Грота просили приехать в отделение для того, чтобы посмотреть, сможет ли он опознать кое-кого из молодежи на снимках с камер наружного наблюдения. Проходя под огромным изображением Христа на фасаде школы, директор поблагодарил ее за помощь.

Позже в одной из трех комнат для допросов он последовательно отказался от кофе, воды, смягчающих горло леденцов и присутствия адвоката. Он познакомился с Торкелем, и все трое уселись за стол — Ванья с Торкелем по одну сторону, Грот по другую. Прежде чем прикоснуться рукавами пиджака к поверхности стола, Грот насколько смог очистил ее от пятен носовым платком.

— Что это? — спросил он, когда Ванья взяла со стола малюсенький наушник.

— Это? — Ванья показала Гроту наушник, тот кивнул. — Наушник.

— Кого вы в нем слушаете?

Ванья предпочла не отвечать, просто вставила наушник обратно в ухо. Грот обернулся и посмотрел на закрывавшее большую часть стены несколько преувеличенных размеров зеркало.

— У вас там за ним Бергман? — Он не смог не выдать голосом откровенного недовольства.

Ванья снова предпочла не отвечать. Но директор угадал. Себастиан стоял в соседней комнате, следил за допросом и при необходимости мог напрямую снабжать Ванью краткими комментариями. Они сразу договорились о том, что Себастиан не будет присутствовать в комнате. Неустанно контролирующего себя Рагнара Грота, скорее всего, окажется достаточно трудно заставить открыться и без такого дополнительного раздражителя, как Себастиан.

Ванья включила лежащий на столе магнитофон, сообщила о том, кто находится в комнате и сколько сейчас времени, а потом рассказала, как они проследили путь Рогера с помощью камер наружного наблюдения, и изложила версию о том, что Рагнар Грот встретился с Рогером перед мотелем. Поначалу директор слушал с непроницаемым лицом. Впервые он проявил хоть какую-то форму реакции, только когда речь зашла о мотеле. Он молча помотал головой и сразу вслед за этим, скрестив руки на груди, откинулся на спинку стула, всем своим видом демонстрируя отрицательное отношение.

К Ванье.

Ко всему сказанному ею.

К ситуации в целом.

Только когда Ванья закончила, он склонился вперед и развел руками:

— Нет, нет и нет, все было совсем не так.

— А как же тогда было?

— Вообще ничего не было. Я не встречался с Рогером в пятницу вечером, я ведь уже вам говорил.

— Но вы находились у мотеля в интересующее нас время?

В соседней комнате Себастиан кивнул про себя. Ко времени и месту они его привязать могут, и это Грота явно беспокоило.

Очень.

Настолько, что он даже не ответил на вопрос Ваньи, но она, естественно, не отступилась.

— Вопрос является риторическим, нам известно, что вы были возле мотеля в пятницу около половины десятого вечера.

— Но Рогера я не видел.

— Попроси его рассказать о Франке, — произнес Себастиан в передатчик.

Он увидел, как Ванья в комнате для допросов прислушалась к его словам и бросила быстрый взгляд на зеркальное стекло. Себастиан утвердительно кивнул, будто она могла его видеть. Ванья склонилась над столом:

— Расскажите о Франке Клевене.

Грот ответил не сразу. Он немного потянул время, вытащил из рукавов пиджака манжеты рубашки — так, что они показались ровно на полтора сантиметра. Затем откинулся на спинку и спокойно посмотрел на Ванью с Торкелем:

— Это старый приятель по стрелковому клубу. Мы иногда встречаемся.

— С какой целью? — спросил Торкель, и Рагнар переключил внимание на него:

— Повспоминать былые времена. Мы вместе выиграли бронзу на первенстве Швеции, как вам, возможно, известно. Мы выпиваем по бокальчику вина, иногда играем в карты.

— Почему вы не встречаетесь у вас дома?

— Чаще всего мы встречаемся, когда Франк бывает здесь проездом по пути домой, и в мотеле получается удобнее.

— Мы знаем, что вы с Франком Клевеном встречаетесь в мотеле для занятий сексом.

Грот повернулся к Ванье, и на секунду показалось, будто одно это утверждение вызывает у него отвращение. Он наклонился к столу, не спуская с нее глаз:

— Откуда, позвольте спросить, вы можете это *знать*?

— Нам сказал Франк Клевен.

— Значит, он лжет.

— Он женат и имеет троих детей. Зачем ему лгать о том, что он ездит в Вестерос и занимается сексом с женщиной?

— Не знаю, спросите у него.

— Разве вы не являетесь хорошими друзьями?

— Я думал, что да, но услышанное заставляет меня в этом усомниться.

— Мы можем доказать ваше присутствие в мотеле.

— Я был там. Встречался с Франком. Этого я не отрицаю. Но я решительно отрицаю то что мы предавались каким-либо сексуальным утехам и что я встречался тем вечером с Рогером Эрикссоном.

Ванья с Торкелем быстро переглянулись. Рагнар Грот молодец, признает то, что доказуемо, и отрицает все остальное. Неужели они взяли его слишком рано? У них ведь есть только цепочка косвенных доказательств. Тайные сексуальные свидания, членство в стрелковом клубе, позиция, которая стоит того, чтобы ее защищать. Может, им требовалось больше?

В соседней комнате Себастиану пришла в голову та же мысль. Они ведь знают, что Рагнар — человек с явным, хоть и не слишком серьезным, психическим отклонением, выражающимся в педантичности и компульсивных действиях. Легко предположить, что он с годами выработал глухую, почти непробиваемую оборону для защиты поступков, которые сам считал нежелательными. У Себастиана возникло впечатление, будто Рагнар Грот все время взвешивает «за» и «против», а приняв решение, подстраивает под него действительность. Решение становится истиной. Он сам наверняка даже не отдает себе отчета в том, что лжет, утверждая, будто они с Франком Клевеном не занимались в мотеле сексом. Он в это верит. Чтобы он сознался, вероятно, требуются доказательства в виде

снимков. Доказательства, которых у них нет.

— Петер Вестин? — потянула за новую ниточку Ванья.

— А он тут при чем?

— Вы его знаете?

— У школы имеется договор с его медицинским кабинетом. Какое это имеет отношение к делу?

— Вам известно, где он живет?

— Нет, у нас с ним чисто служебные отношения. — Грота вдруг осенило, он склонился к столу: — Вы хотите сказать, что с ним я тоже состою в сексуальной связи?

— А вы состоите?

— Нет.

— Где вы находились вчера около четырех часов утра?

— Спал у себя дома. У меня есть такая дурная привычка — пытаться в это время дремать. Почему вас это интересует?

Сарказм. Себастиан в соседней комнате вздохнул. К Гроту вернулась уверенность в себе. Он понял, что у них недостаточно доказательств против него. Им ничего не добиться. В комнате для допросов Торкель попытался спасти то, что еще поддавалось спасению:

— Нам надо взглянуть на ваше оружие.

— Зачем?

Откровенное изумление. Ванья выругалась про себя. Им удалось утаить это от прессы. Никто, кроме убийцы, не знает о том, что Рогера застрелили. Сочти Грот их вопрос в высшей степени логичным или, еще лучше, откажись он показывать им оружие, это бы им очень помогло.

— Почему бы и нет?

— Я просто не понимаю причины. Ведь мальчика же не застрелили? — Он перевел вопросительный взгляд с Ваньи на Торкеля. Никто из них не намеревался ничего подтверждать или опровергать.

— Вы возражаете против того, чтобы мы посмотрели ваше оружие?

— Ничуть. Берите любое из них на любой срок.

— Нам бы также хотелось заглянуть в вашу квартиру.

— Я живу на вилле.

— Тогда нам хотелось бы осмотреть ваш дом.

— Разве вам для этого не требуется какое-то постановление суда?

— Требуется. Если мы не получаем разрешения владельца, нам достаточно санкции прокурора. — Ванья поняла, что директор теперь едва ли выразит готовность пойти им навстречу, поэтому она решила прибегнуть к угрозе, замаскированной под заботу. — Для получения разрешения придется привлекать кое-каких административных работников. Дополнительные люди увидят наше ходатайство, больше риска, что сведения просочатся наружу.

Грот посмотрел на нее, и ей стало ясно, что он быстро разглядел фальшь заботы и полностью осознал угрозу.

— Конечно. Обыскивайте что хотите. Чем быстрее вы убедитесь в том, что я не причинял Рогеру вреда, тем лучше.

У Ваньи создалось впечатление, что директор Грот выражает готовность к сотрудничеству в последний раз.

— У вас есть мобильный телефон?

— Да. Хотите на него посмотреть?

— Спасибо, да.

— Он лежит у меня в кабинете в верхнем ящике письменного стола. Вы поедете ко мне домой сейчас?

— Вскоре.

Рагнар Грот встал. Ванья с Торкелем замерли, но он лишь сунул руку в карман брюк и достал небольшую связку ключей. Три ключа. Он положил их на стол и размеренным движением подтолкнул к Ванье.

— Ключ от сейфа с оружием висит справа в чулане. Я решительно настаиваю на том, чтобы вы действовали деликатно, и рассчитываю на то, что возле моего дома не появятся люди в форме или полицейские машины. Среди соседей я считаюсь человеком уважаемым.

— Мы примем все меры предосторожности.

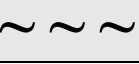
— Надеюсь.

Он снова сел на стул. Максимально удобно откинулся на спинку и опять скрестил руки на груди. Ванья с Торкелем быстро переглянулись. Ванья также бросила взгляд на зеркало. Себастиан поднес передатчик к губам:

— Больше мы, вероятно, ничего не добьемся.

Ванья в комнате для допросов кивнула про себя, озвучила время, потянулась вперед и выключила магнитофон. Встретившись взглядом с Торкелем, она поняла, что они думают об одном и том же.

Они слишком поторопились его брать.

Жил Рагнар Грот, строго говоря, не на вилле, а в доме ленточной застройки — его дом соединялся с соседним навесом для стоянки автомобиля. Сразу было видно, какой из домов на этой улице принадлежал ему. Билли и Урсула оба это инстинктивно почувствовали, как только приблизились к нужному адресу. Его дом выглядел... чище.

До самой границы участка весь гравий, оставленный машинами, которые зимой посыпали дороги песком, был тщательно сметен как с улицы, так и с тротуара. Под навесом для машины все висело, стояло и лежало в идеальном порядке. Направляясь к дому, Билли с Урсулой обратили внимание на то, что ни на дорожке, ни на ухоженном газоне не осталось ни единого прошлогоднего листочка. Возле входной двери Урсула провела пальцем по ближайшему оконному скату и продемонстрировала палец Билли: никакой грязи.

— Вероятно, у него все свободное время уходит на поддержание порядка, — констатировала Урсула, пока Билли вставлял ключ в замок, открывал и заходил внутрь.

Дом был довольно маленьким — девяносто два квадратных метра, разделенные на два этажа. Билли с Урсулой вошли в узкую прихожую, ведущую к лестнице. На пути к ней имелись две двери и два открытых арочных дверных проема. Билли включил лампу в прихожей, и они посмотрели друг на друга. Не произнеся ни слова, оба наклонились и сняли обувь. Обычно они при обыске домов не разувались, но сюда заходить в уличной обуви казалось чуть ли не богохульством. Обувь они оставили прямо на коврик, несмотря на то что на специальной подставке под вешалкой, справа от двери, имелось свободное место. На вешалке висело одно пальто, на полке над ней лежала шляпа, а на подставке стояла одна пара обуви, хорошо начищенная, без малейших следов травы или глины. Пахло чистотой. Не чистящими средствами, а... чистотой. Урсуле вспомнился новый дом, который они с Микаэлем смотрели несколько лет назад. Там пахло так же.

Обезличенно.

Неуютно.

Урсула с Билли прошли дальше и открыли каждый по двери. За правой дверью оказалась гардеробная, за левой — ванная комната первого этажа. Быстрая проверка показала, что оба помещения производят впечатление такой же безупречной чистоты и хорошей организованности, как и все остальное в жизни директора Грота. Оставшаяся часть первого этажа незамедлительно подтвердила это впечатление. Правая арка вела в небольшую, со вкусом обставленную гостиную. Напротив дивана и мягких кресел с прилегающим к ним журнальным столиком стоял стеллаж, половину полок которого занимали книги, а половину — виниловые пластинки. Джаз и классика. В центре стеллажа располагался начисто лишенный пыли проигрыватель. Телевизор у Рагнара Грота отсутствовал, во всяком случае в гостиной.

Левая арка вывела их в сверкающую чистотой кухню. На стене на магнитной ленте аккуратно висели ножи. Возле мойки стояла кофеварка, на столе имелись солонка и перечница. Остальные поверхности были пустыми. Чистыми.

Поднявшись по лестнице, Урсула и Билли очутились в маленьком квадратном холле с тремя дверями. Ванная, спальня и кабинет. В кабинете позади темного тяжелого дубового стола в санкционированном сейфе висело оружие Рагнара Грота.

— Верх или низ? — спросил Билли Урсулу.

— Все равно. Ты что хочешь взять?

— Я могу взять низ и оставить оружие тебе.

— Ладно, кто управится первым, займется навесом и машиной.

— Идет. — Билли кивнул и стал спускаться по лестнице. Урсула скрылась в кабинете.

* * *

Только заключив отца в объятия, Ванья почувствовала разницу. До и после. Конечно, он похудел, но дело было не только в этом. Объятия последних месяцев содержали трепетный страх перед хрупкостью жизни, отчаянную нежность, ведь каждое прикосновение могло оказаться последним. После положительного известия от врачей объятия вдруг стали означать нечто иное. Медицинская наука продлила им путешествие, спасла их от пропасти, на краю которой в последнее время пребывали их отношения. Теперь объятия обещали продолжение. Вальдемар улыбнулся дочери. Его зеленовато-голубые глаза выглядели бодрее, чем все последнее время, и поблескивали от наворачнувшихся слез радости.

— Я так по тебе соскучился.

— Я тоже, папа.

Вальдемар погладил ее по щеке.

— Такое странное впечатление, будто я все открываю для себя заново, как в первый раз.

Ванья подняла на него тихий взгляд:

— Я тебя прекрасно понимаю, прекрасно.

Она отошла на несколько шагов, ей не хотелось плакать посреди вестибюля гостиницы.

Она повела рукой в сторону окна и сгущавшихся за ним сумерек:

— Давай прогуляемся. Ты ведь можешь показать мне Вестерос.

— Я? Я не был здесь целую вечность.

— Ты знаешь город лучше меня. Ты же тут какое-то время жил?

Вальдемар засмеялся, взял дочь под руку и повел ее к вращающимся дверям:

— Это было тысячу лет назад, мне был двадцать один год, и я только-только устроился на первую работу.

— Ты все равно знаешь больше меня. Я знаю только гостиницу, отделение полиции и несколько мест преступления.

Они пошли, разговаривая о давних временах, когда Вальдемар был молодым и активным инженером — выпускником гимназии. Оба наслаждались моментом, беззаботной беседой, которая впервые за долгое время являлась именно беззаботной беседой, а не способом уклониться от того, что круглосуточно занимало их мысли.

Город уже стал погружаться в темноту, погода переменилась, потихоньку начинал моросить дождь. Они его почти не замечали, просто брели рядышком вдоль воды. Только через полчаса, когда дождь основательно усилился, Вальдемар почувствовал, что хорошо бы спрятаться под крышу. Ванья предложила вернуться в гостиницу и поесть.

— А у тебя есть на это время?

— Я его себе организую.

— Я не хочу, чтобы у тебя были из-за меня неприятности.

— Уверяю тебя, еще час расследование вполне может обойтись без меня.

Вальдемар удовлетворился. Снова взял дочь под руку, и они, ускорив шаг, двинулись

обратно в гостиницу.

Пока Вальдемар изучал меню бара, Ванья заказала бокал белого вина и колу лайт. Она не отрывала глаз от отца. Как же она его любит! Мать она тоже любит, но с ней всегда сложнее, больше баталий, борьбы за пространство. С отцом спокойнее. Он более гибкий. Конечно, он ее тоже провоцирует, но в областях, где Ванья чувствует себя увереннее.

Не заводит речь об отношениях.

Не ставит под сомнение ее способности.

Он в нее верит. Это придавало ей уверенности. Вообще-то Ванье тоже хотелось бы выпить бокал вина, но она чувствовала, что лучше не стоит. Скорее всего, ей придется еще поработать вечером или по крайней мере ознакомиться с новостями. Поэтому лучше сохранять голову свежей.

Вальдемар оторвался от меню:

— Мама передавала привет. Ей очень хотелось поехать со мной.

— Почему же она не приехала?

— Работа.

Ванья кивнула. Ясное дело. Не в первый раз.

— Поцелуй ее от меня.

Официантка принесла напитки. Они сделали заказ. Ванья выбрала чизбургер-чили, а Вальдемар — рыбный суп с айоли и хлеб с чесноком. Официантка взяла меню и ушла. Они подняли бокалы и молча выпили. Ванья сидела вместе с заново родившимся отцом, полностью отключившись от расследования и разных вызовов будней, но вдруг услышала голос. Голос, который ни при каких обстоятельствах не вписывался в эту интимную атмосферу.

— Ванья?

Она обернулась на голос, надеясь, что обозналась. Но нет. К ним направлялся Себастиан Бергман в мокром от дождя пальто.

— Привет, ты не слышала ничего нового о Гроте?

Ванья посмотрела на него взглядом, который, как она надеялась, явно давал Себастиану понять, что он им мешает.

— Нет. Что ты здесь делаешь? Ведь у тебя, кажется, есть дом?

— Я просто зашел перекусить и собираюсь обратно в отделение. Хотел узнать, нашли ли что-нибудь Билли с Урсолой. Ты не в курсе?

Себастиан бросил взгляд на молчавшего Вальдемара. Ванья сообразила, что надо действовать, пока отцу не взбрело в голову представиться, а в худшем случае еще и пригласить Себастиана составить им компанию.

— Я только поем. Иди вперед, я скоро буду. Увидимся в отделении.

Ни от одного нормального человека не укрылось бы прозвучавшее в ее голосе отмежевание, но, увидев, как Себастиан с осторожной улыбкой протягивает Вальдемару руку, Ванья поняла, что забыла: Себастиан нормальным человеком не является.

— Здравствуйте, меня зовут Себастиан Бергман, я работаю вместе с Ваньей.

Вальдемар вежливо поздоровался с Себастианом, привстав из кресла и пожав тому руку:

— Здравствуйте, я Вальдемар, отец Ваньи.

Ванья еще больше помрачнела: она знала, с каким удовольствием отец проявляет интерес к ее работе, и поняла, что коротким приветствием дело может не ограничиться. И

действительно. Вальдемар уселся на место и посмотрел на Себастиана с любопытством:

— Ванья рассказывала о большинстве своих коллег, но, думаю, о вас мне слышать не доводилось.

— Я в их группе временно. В качестве консультанта. Я психолог, не полицейский.

Себастиан заметил, как изменилось выражение лица Вальдемара, когда он сказал, чем занимается. Тот будто копался в памяти.

— Бергман... Уж не тот ли вы Себастиан Бергман, который написал книгу о серийном убийце Хинде...

Себастиан молниеносно кивнул.

— Книги. Ну да, это я.

— Ведь это та книга, которую ты мне подарила сто лет назад, помнишь? — спросил Вальдемар у Ваньи почти с восторгом.

— Да.

— Не хотите ли присесть? — вновь обратился он к Себастиану, указывая рукой на свободное кресло напротив Ваньи.

— Папа, я уверена, что у Себастиана есть другие дела. У нас довольно сложное расследование.

Себастиан встретился с Ваньей взглядом. Уж не мольбу ли он увидел? Во всяком случае, не оставалось сомнений в том, что она отнюдь не мечтает о его присутствии.

— Нет-нет, время у меня найдется.

Себастиан снял мокрое пальто и, прежде чем сесть, бросил его на спинку кресла. Он непрерывно наблюдал за Ваньей — с улыбкой, взглядом, который невозможно было истолковать иначе как вызывающий. Он наслаждался, видя, что это злит ее еще больше, чем то, что он не ушел.

— Я не знал, что ты читала мою книгу, — сказал ей Себастиан, опускаясь в кресло. — Ты мне не говорила.

— Наверное, не успела.

— Книга ей страшно понравилась, — вставил Вальдемар, не замечая, как взгляд дочери мрачнеет с каждым его словом. — Она чуть ли не заставила меня ее прочесть. Думаю, книга стала одной из причин того, что Ванья пошла работать в полицию.

— Ой, неужели? Как приятно слышать. — Себастиан с довольным видом откинулся на спинку кресла. — Подумать только, что мне удалось так на нее повлиять.

Игра окончена. Себастиан улыбнулся Ванье самой широкой улыбкой, на какую был способен. Больше последнее слово никогда, никогда не останется за ней. Об этом только что позаботился ее любимый папа.

* * *

Микаэль позвонил Урсуле с вокзала и поинтересовался, собирается ли она с ним встретиться или ему отправляться прямо в гостиницу? Урсула выругалась про себя. Она не забыла о том, что он приезжает, правда, за весь день ни разу об этом не подумала. Урсула бросила взгляд на часы. День получился чертовски длинным и еще не закончился. Она стояла в спальне Грота и как раз намеревалась заняться двустворчатым шкафом с аккуратно сложенными рубашками, пуловерами, нижним бельем, носками и всем прочим, что Рагнар

не считал нужным вешать на плечики, расположенные на расстоянии ровно три сантиметра друг от друга. Сперва Урсула хотела попросить мужа часок подождать. У нее было плохое настроение. Ее раздражало отсутствие конкретных находок. Она начала с оружия, но сразу поняла, что толку не будет. Признаки того, что из оружия недавно стреляли, конечно, имелись, но ведь Грот занимается спортивной стрельбой. При отсутствии пули, с которой можно сравнить, такая информация бессмысленна. Оставшаяся часть кабинета ничего не прибавила. В письменном столе, в секретере возле окна, на стеллаже с книгами — нигде ничего нет. Возможно, что-нибудь имеется в компьютере, но им потом займется Билли. Ванная комната тоже принесла разочарование — даже ни единого волоска в канализационных трубах.

А теперь в трубке звучал голос мужа. Микаэль настаивал на своем, ведь она сама просила его приехать. Время близится к ужину, и ей же все равно надо поесть? Урсула сдалась, спустилась по лестнице и заглянула на кухню, где Билли осматривал шкафы и ящики.

— Я ненадолго отлучусь. Вернусь через час или два.

Билли посмотрел на нее с изумлением:

— О'кей.

— Я возьму машину?

— А куда ты?

— Мне надо поехать... поужинать.

Билли ничего не понимал. Он не мог припомнить, когда Урсуле в последний раз требовалось отлучиться, чтобы поесть. В его глазах она была женщиной, живущей исключительно на бутербродах в пластиковой пленке, покупаемых на бензоколонках и поедаемых на разных местах преступлений.

— Что-нибудь случилось?

— Приехал Микаэль.

Билли кивнул, изо всех сил пытаясь изобразить понимание, хотя ему это казалось все более и более странным. Микаэль — муж, которого Билли видел один раз в течение десяти минут, когда тот забирал Урсулу с ежегодной рождественской вечеринки, — приехал в Вестерос, чтобы с ней поужинать.

Что-то явно произошло.

Урсула вышла из дома и раздраженным шагом направилась к припаркованной машине. Открывая дверцу, она вдруг сообразила, что на мгновение забыла о цели приезда Микаэля в Вестерос.

Злиться-то надо не на Микаэля.

Отнюдь.

Он ни в чем не виноват. Уже достаточно плохо, что она использует его в своих целях. Ведь он воображает, будто она позвонила, потому что соскучилась и хочет его видеть, а не потому, что его присутствие должно послужить уроком Торкелю.

Надо быть с ним поласковее, все время помнить об этом, наказывать ведь следует другого человека.

Урсула села в машину и достала мобильный телефон. По пути в центр она сделала два быстрых звонка. Один в полицию, чтобы убедиться в том, что Торкель никуда не ушел, другой Микаэлю, чтобы договориться о месте встречи. Потом сбавила скорость, чтобы наверняка приехать позже него. Включила радио, немного послушала и дала голове

отдохнуть.

Шар запущен.

Наказание определено.

* * *

— Привет, Торкель.

Торкель обернулся и сразу узнал высокого темноволосого мужчину, сидевшего на одном из диванов перед комнатой дежурного. Торкель кивнул ему, изо всех сил стараясь улыбнуться:

— Микаэль, рад тебя видеть. Урсула говорила, что ты приедешь.

— Она здесь?

— Насколько я знаю, нет, но я уточню.

— Не беспокойся, она знает о том, что я здесь.

Торкель снова кивнул. Выглядел Микаэль хорошо. В темных волосах у висков угадывались отдельные седые волоски, но это ему только шло. Они с Микаэлем были примерно ровесниками, но Торкель не мог избавиться от ощущения, что выглядит старше и измученнее. Он стареет не столь красиво, а на внешности Микаэля не отразилось даже то, что ему довелось пройти через периоды борьбы с алкогольной зависимостью. Он, напротив, выглядит более спортивно и бодро, чем когда-либо.

«Наверняка, дело в генетике», — подумал Торкель, но все же стал размышлять над тем, не приобрести ли ему абонемент в спортзал. Они немного постояли молча. Торкелю совершенно не хотелось показаться неприветливым, но он никак не мог сообразить, что бы сказать. За неимением лучшего он решил пойти по проторенной дорожке — разыграть надежную карту.

— Кофе? Хочешь кофе?

Микаэль кивнул, и Торкель направился ко входу, провел своей карточкой по кодовому замку и придержал стеклянную дверь, пропуская Микаэля. Они пошли через офисное помещение к столовой.

— Я читал об этом убийстве. Похоже, расследование не из легких.

— Да, так и есть.

Торкель шел впереди молча. За все годы они с Микаэлем встречались считанные разы. В основном в начале, когда Урсула только перешла к нему в отдел. Тогда Торкель приглашал их вдвоем домой к себе и Монике. Раза два или три. В то время они с Урсулой были исключительно коллегами и общались только вместе со своими половинками. Пока у них не возникли гостиничные отношения. Сколько же времени они уже продолжают? Четыре года? Пять, если считать тот поздний вечер в Копенгагене. Вечер, который по крайней мере Торкель, покрываясь холодным потом от угрызений совести, называл единичным эпизодом, который больше никогда не повторится. Так было тогда.

Теперь же все переменилось. Угрызения совести и обещание ограничиться одним эпизодом уступили место нескольким неписанным правилам.

Исключительно в командировках.

Дома — никогда.

Никаких планов на будущее.

Последний пункт поначалу давался Торкелю с особым трудом. Когда они лежали рядом, голые и удовлетворенные, было трудно, чтобы не сказать невозможно, не мечтать о большем. О продолжении за пределами безликого гостиничного номера. Однако в те немногие разы, когда он переходил грань и нарушал соглашение, ее глаза ожесточались, и его на несколько недель лишали свиданий. Поэтому Торкель усвоил.

Никаких планов на будущее.

Они обходятся слишком дорого.

И вот теперь он стоял в невзрачной столовой, глядя, как чашка наполняется коричневым кофе. Микаэль сидел за ближайшим столиком и потягивал капучино.

Торкель уже рассказал про расследование то, что считал возможным, значит, пришло время пустых разговоров.

Погода и ветер. *(Весна уже чувствуется всерьез.)*

Как дела у Микаэля на работе? *(Примерно как всегда, сплошное мучение.)*

Как поживает Белла? *(Спасибо, хорошо, она в этом году заканчивает юридическую гимназию.)*

По-прежнему ли Микаэль играет в футбол? *(Нет колена не выдерживает. Мениск.)*

Торкель никак не мог отделаться от мысли что накануне утром спал с женой Микаэля. Чувствовал себя лицемером.

Законченным лицемером.

Какого черта Урсула назначила мужу встречу здесь? Торкель догадывался о причине и, как ему показалось, получил подтверждение секундой позже, когда за их спинами возникла сама Урсула.

— Привет, дорогой. Извини, что опоздала.

Урсула проскользнула мимо Торкеля, не обращая на него ни малейшего внимания, и нежно поцеловала Микаэля. Потом она обернулась к Торкелю.

— У тебя есть время распивать кофе? — сухо спросила она.

Торкель уже собрался ответить, но Микаэль бросился ему на выручку:

— Я сидел и ждал у дежурного, и Торкель просто хотел проявить любезность.

— Вообще-то у нас много дел, настолько много, что приходится привлекать дополнительный персонал. Не так ли, Торкель?

Подтвердилось. Присутствие Микаэля вызвано желанием наказать Торкеля. Наказание, возможно, и не самое утонченное, но эффективно поставившее его на место. Торкель не ответил. Принимать этот вызов не было смысла. Во всяком случае, в присутствии Микаэля. Да и вообще. Когда Урсула в таком настроении, она непобедима.

Торкель извинился, но перед уходом старательно пожал Микаэлю руку. Немного гордости он все-таки способен продемонстрировать. Он терпеть не мог убегать поджав хвост.

Урсула взяла Микаэля под руку, и они вышли из столовой.

— Я плохо разбираюсь в здешних ресторанах, но Билли говорит, что тут поблизости есть отличный грек.

— Звучит прекрасно.

Они сделали несколько шагов молча, потом Микаэль остановился:

— Почему я здесь?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросила Урсула.

— Только то, что сказал. Почему я здесь? Что тебе надо?

— Ничего. Я просто подумала, что раз я всего в часе езды от Стокгольма, то мы могли бы воспользоваться случаем...

Микаэль посмотрел на нее испытующе, явно не удовлетворившись объяснением:

— Ты работала и ближе к Стокгольму, чем сейчас, но никогда не звонила.

Урсула вздохнула про себя, но не допустила, чтобы это проявилось внешне:

— Именно поэтому. Мы слишком редко видимся. Мне захотелось это изменить. Пошли.

Она взяла его под руку и мягко повела дальше. Прижимаясь к мужу, она проклинала идею, показавшуюся ей накануне правильной и естественной. Чего она, собственно, хочет?

Заставить Торкеля ревновать?

Унизить его?

Продемонстрировать свою независимость?

Что бы это ни было, присутствие Микаэля уже, похоже, выполнило свою функцию. Торкель явно чувствовал себя неловко, и она давно не видела его со столь низко опущенными плечами, как тогда, когда он, не произнеся ни слова, поплелся прочь.

Теперь перед Урсулой встал следующий вопрос.

Что ей делать с мужем?

Просидев чуть более часа в греческом ресторане, Урсула почувствовала, что должна возвращаться в дом Рагнара Грота. Ужин прошел приятно. Приятнее, чем она предполагала. Правда, Микаэль еще пару раз спросил о причине, по которой она его вызвала. Ему, похоже, было трудно поверить в то, что ей просто захотелось с ним повидаться. В общем-то неудивительно.

На протяжении многих лет их с Микаэлем отношения были мучительными, и, по правде говоря, чудо, что им удалось их сохранить, впрочем, борьба даже крепче привязала их друг к другу. Когда узнаешь внутренние слабости партнера, это либо укрепляет отношения, либо ставит на них крест. Каждый из них имел свои недостатки. Особенно в качестве родителей. В отношениях с Беллой будто бы существовал некий малюсенький фильтр, тонкая пленка, мешавшая Урсуле по-настоящему сблизиться с дочерью, в результате чего она, к сожалению, часто ставила работу выше семьи. Урсулу много раз терзала мысль о том, что она подсознательно вроде бы предпочитает криминалистические исследования и мертвые тела общению с собственной живой дочерью. Она винила свое детство, родителей, мозг, предпочитающий логику чувствам. Однако факт оставался фактом — пленка имелась, а вместе с ней и горечь по поводу собственной неспособности к воссоединению. Урсула всегда чувствовала, что ей следовало бы больше бывать дома, чаще, проявлять больше интереса. Особенно в те периоды, когда у Микаэля случались рецидивы запоев. Тогда на выручку на протяжении всех лет приходили ее или его родители.

Несмотря на очевидные слабости Микаэля, Урсула не могла им не восхищаться. Он никогда не позволял запоям подрывать финансовое благополучие семьи или делать жизнь дома невыносимой. В самых тяжелых случаях он предпочитал исчезать, как раненое животное. Наибольший вред он каждый раз причинял самому себе. Его жизнь представляла собой сплошную долгую борьбу с собственными пороками.

В этом, по твердому убеждению Урсулы, крылся ключ ее любви к нему. В том, что он не сдавался. Несмотря на все промахи, ошибочные шаги и лопнувшие надежды, он продолжал бороться дальше. Жестче, чем она. Он падал, совершал промахи, но поднимался и продолжал борьбу.

За нее.

За Беллу.

За семью.

А Урсула была предана тем, кто за нее боролся. Неколебимо предана. Это не имело ничего общего с романтикой, с девичьими мечтами об идеальных отношениях, но Урсулу подобные идеалы никогда особенно не вдохновляли. Она всегда ценила преданность выше любви. Человеку нужны люди, готовые прийти на выручку, а если таковые имеются, надо за них крепко держаться. Они того заслуживают. Если тебе в таких отношениях чего-то недостает, следует поискать в других местах.

Торкель не был ее первым любовником, хотя наверняка так думал. Да, имелись и прочие. Живя с Микаэлем, она рано начала дополнять его другими. Вначале она старалась вызвать у себя отвращение к себе самой, но у нее не получалось. Как она ни старалась. Ей не удавалось представить это как измену Микаэлю. Без внебрачных приключений она не смогла бы оставаться с ним. Ей требовались и эмоциональные сложности с Микаэлем, и

непритязательное физическое общение с кем-нибудь вроде Торкеля. Она походила на батарейку, непременным условием функционирования которой являлось наличие плюсового и минусового полюсов. Иначе она ощущала пустоту.

Правда, от обоих она требовала одного.

Преданности.

А Торкель ее предал. По этой простой причине она и решила свести свои полюса вместе и устроить короткое замыкание — решение детское, непродуманное и принятое в состоянии аффекта. Однако оно все же сработало.

И ужин прошел приятно.

Урсула рассталась с Михаэлем у ресторана, пообещав вернуться в гостиницу как можно скорее, правда, какое-то время ей потребуется. Михаэль сказал, что взял с собой книгу, так что ему будет чем заняться. Она может не волноваться.

После встречи с Михаэлем вечер у Торкеля продолжил идти по нисходящей. Ему позвонил Билли, возвращавшийся из дома Грота, и сообщил, что они ничего не нашли. Ни крови на одежде, ни запачканной глиной обуви, ни каких-либо следов пребывания в доме Рогера или кого-нибудь другого. Ни шин «Пирелли» у машины, ни крови внутри нее или под навесом, служившим гаражом. Ни канистры с легковоспламеняющейся жидкостью, ни пахнущей дымом одежды. Ничего, что могло хоть как-то привязать Грота к убийству Рогера Эрикссона или Петера Вестина.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Билли собирался еще разок просмотреть компьютер директора, но особых надежд возлагать на это не стоило.

Торкель закончил разговор вздохом. Он сидел за столом, уставившись невидящим взглядом на стену с материалами дела. Конечно, они имеют право удерживать Грота в течение двадцати четырех часов, но в данный момент Торкель, честно говоря, не видел возможности хоть как-то подкрепить подозрения в отношении него. Ни один прокурор на свете не даст санкцию на его арест на основании того, что у них имеется. Значит, то, выпустят они его сегодня вечером или завтра днем, никакой роли не играет. Торкель уже собрался встать, когда, к его изумлению, в комнату ворвалась Ванья. Он никак не ожидал ее сегодня снова увидеть. Она намеревалась заняться какими-то личными делами.

— Какого черта ты подключил Себастиана к расследованию?

В ее глазах сверкала злость. Торкель устало посмотрел на нее:

— Думаю, я это уже достаточно много раз объяснял.

— Это было идиотское решение.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего не случилось. Но его необходимо удалить. Он все портит.

У Торкеля зазвонил телефон. Он взглянул на дисплей — комиссар полиции лена. Торкель с извиняющимся видом взглянул на Ванью и ответил. Они примерно с минуту обменивались информацией.

Торкель узнал, что газета «Экспрессен» связала Петера Вестина с Пальмлёвской гимназией и тем самым с Рогером Эрикссоном. Это выложено в Сети.

Комиссар узнал, что Торкель собирается выпустить Рагнара Грота и почему. Торкель выслушал недовольство комиссара: дело необходимо раскрыть, и как можно скорее.

Комиссар услышал, что они прилагают максимум усилий.

Торкель узнал о том, что комиссар ожидает от него выступления перед собравшимися на улице журналистами.

Комиссар положил трубку. Торкель последовал его примеру, но, встретившись взглядом с Ваньей, понял, что на этом неприятности не закончились.

— Мы отпускаем Грота?

— Да.

— Почему?

— Ты ведь слышала, что я говорил по телефону?

— Да.

— Вот и хорошо.

Ванья пару секунд постояла молча, будто переваривая услышанную информацию. К выводу она пришла быстро:

— Я ненавижу это расследование. Я ненавижу весь этот чертов город.

Она развернулась и пошла к двери, открыла ее, но остановилась на полпути и бросила Торкелю:

— И я ненавижу Себастиана Бергмана.

Ванья вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Торкель увидел, как она поспешно идет через пустое офисное помещение. Он устало взял пиджак со спинки стула. Мгновенное решение относительно Себастиана обошлось ему действительно очень дорого.

Полчаса спустя Торкель уже уладил все детали, связанные с выпуском на свободу. Рагнар Грот был корректен и немногословен. Он вновь выразил надежду на то, что они действовали деликатно, и потребовал, чтобы его отвезли домой на обычной машине или такси и выпустили через заднюю дверь. Он не намеревался рисковать оказаться добычей журналистов. Поскольку машину в столь поздний час организовать не удалось, Торкель вызвал такси. Они попрощались. Грот выразил надежду, что они больше не увидятся. Торкель невольно подумал, что желание является обоюдным. Он постоял, пока красные огоньки задних фар такси не удалились из внутреннего двора. Еще немного помедлил, пытаясь сообразить, нет ли чего-нибудь, что не терпит отлагательств. Чего-нибудь такого, чему бы он с чистой совестью мог отдать предпочтение. Тщетно. Придется идти встречаться с прессой.

Если Торкель что-нибудь и ненавидел в своей работе, так это то, что отношения с прессой приобретали все большую важность. Он, разумеется, понимал, что общественность нуждается в информации, но начинал всерьез сомневаться в том, это ли на самом деле движет журналистами. Им требуется привлекать читателей, а ничто, похоже, не обеспечивает продажи так хорошо, как секс, страх и сенсации. В результате людей охотнее пугают, чем информируют, охотнее и быстрее обвиняют, чем оправдывают, и считают, что ради блага общественности надо раньше раскрывать личность возможного преступника. Давать имя и фотографию. До суда.

Торкелю всегда во всех репортажах виделась пугающая подоплека.

Это может обрушиться на тебя.

Ты ни от чего не застрахован.

Это могло случиться с твоим ребенком.

Для Торкеля это было тяжелее всего. Пресса упрощала трудные ситуации, купалась в трагедиях, вызывая у людей только страх и подозрительность.

Запирайся.

Не выходи ночью на улицу.

Никому не доверяй.

Страх.

Вот чем они на самом деле торгуют.

* * *

Часа через два Урсула вернулась в гостиницу в отвратительном настроении.

И ему предстояло еще ухудшиться.

Когда она приехала обратно к дому Грота, Билли в принципе уже все закончил. Они сели на кухне, чтобы он смог проинформировать ее о том, что дал обыск. Много времени не потребовалось.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Урсула вздохнула. Вначале любовь Рагнара Грота к порядку пришлась ей по душе, однако, когда обнаружилось полное отсутствие каких бы то ни было интересных находок, у нее возникло ощущение, что его педантичность на самом деле обернулась для расследования минусом. Грот никогда не допустил бы ничего необдуманного, незапланированного. Никогда не забыл бы чего-либо по небрежности, не позволил бы случайно обнаружить веские доказательства его вины. Если бы он что-нибудь утаивал, то обязательно позаботился бы о том, чтобы оно так и осталось утаенным.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Они не нашли никакой порнографии, никаких запрещенных веществ, никаких спрятанных любовных писем, никаких подозрительных ссылок в компьютере, ничего подтверждавшего сексуальную связь с Франком Клевером или с другими мужчинами, мобильный телефон оказался не тем, с которого посылались эсэмэс Рогеру Эрикссону. Черт, они не обнаружили даже ни единого напоминания о неуплате. Рагнар Грот был не по-человечески идеален.

Билли разделял разочарование Урсулы; он отсоединил компьютер, чтобы взять его с собой в отделение и проверить в третий раз, с лучшим программным обеспечением.

Впрочем, не хватало не только запретного. Среди вещей Грота не было вообще ничего особенно личного. Полное отсутствие доказательств каких-либо отношений, интимных или других. Никаких фотографий его самого или людей, которые могли бы к нему хорошо относиться, — родителей, родственников, друзей; никаких писем, никаких сохраненных рождественских и благодарственных открыток или приглашений. Самым личным из обнаруженного были его характеристики. Естественно, отличные. Билли с Урсулой все больше убеждались в том, что личная жизнь директора, если таковая имеется, явно находится где-то в другом месте.

Они решили, что Билли возьмет машину и поедет в отделение, чтобы отчитаться перед Торкелем, а Урсула останется, чтобы еще раз проверить верхний этаж. Ей непременно хотелось убедиться в том, что она ничего не пропустила из-за приезда Микаэля. Она ничего не нашла.

Абсолютно ничего.

Она взяла такси, поехала в гостиницу и сразу поднялась в номер.

Микаэль сидел перед телевизором и смотрел «Евроспорт». Войдя, Урсула тут же почувствовала, что в по-спартански обставленном номере что-то не так. Микаэль встал чуть слишком поспешно и улыбнулся ей чуть слишком радостно. Не говоря ни слова, Урсула прошла прямо к мини-бару и открыла дверцу. Там остались только две бутылки минеральной воды и банка сока. В мусорной корзине она углядела запретные пластиковые бутылочки. Он даже не попытался их спрятать. Слишком мало для того, чтобы он как следует опьянел. Но даже этого оказалось слишком много.

Слишком много, черт побери!

Урсула посмотрела на него и хотела разозлиться. Но чего она, собственно, ждала? Плюсвой и минусовой полюса ведь не зря находятся на разных концах батарейки.

Они не должны встречаться...

* * *

Харальдссон напился.

Такое с ним случалось нечасто. Обычно он употреблял алкоголь в очень умеренных количествах, но в этот раз он, к изумлению Йенни, открыл к ужину бутылку вина и единолично опустошил ее в течение двух часов. Йенни спросила, не случилось ли чего-нибудь, но Харальдссон туманно пробормотал что-то о большой загруженности на работе. Что же ему было говорить? Йенни ничего не знала о том, что он врал коллегам. Она ничего не знала о его частной слежке за Акселем Юханссоном и ее последствиях. Не знала — и лучше бы так и оставалась в неведении.

Она бы сочла его идиотом.

И вполне справедливо.

Сейчас он был к тому же довольно пьяным идиотом. Он сидел на диване и переключал пультом каналы, убрав звук, чтобы не разбудить Йенни. Они позанимались сексом, разумеется. Его мысли пребывали совсем в другом месте. Но это не имело никакого значения, разумеется. Теперь она спала.

Ему требовался план. Хансер нанесла ему сегодня сильный удар, но он все-таки успеет подняться до отмашки рефери. Он докажет им, что Тумаса Харальдссона нельзя отправить в нокаут. Завтра, придя на работу, он возьмет реванш. Покажет им всем. Покажет Хансер. Нужно только придумать план.

Мысль о том, что ему удастся поймать убийцу Рогера Эрикссона, казалась все более призрачной. В данный момент было больше шансов выиграть миллион по лотерейному билету, не имея билета. К расследованию его теперь и близко не подпустят, об этом Хансер уже позаботилась. Но Аксель Юханссон — тут по-прежнему остается возможность. Насколько Харальдссон понял, Госкомиссия взяла под арест другого подозреваемого, директора школы, где учился парень. Акселя Юханссона, по сведениям Харальдссона, со счетов не списали, только отодвинули на второй план.

Харальдссон злился на то, что не взял домой доступный ему материал о Юханссоне, и проклинал себя за то, что напился, иначе он мог бы сейчас поехать в отделение и забрать материал. Брать такси туда и обратно казалось не только дорогим и слишком обстоятельным

предприятием — ему ни в коем случае не хотелось встречаться с коллегами в нетрезвом виде. Придется подождать до завтра. Когда план окончательно созреет.

Харальдссон знал, что Госкомиссия общалась с бывшей девушкой Юханссона. Ему требовалось узнать, что она сказала. О том, чтобы ехать к девушке и допрашивать ее самому, не могло быть и речи. Если он поедет и это каким-то образом дойдет до Хансер, его положение еще ухудшится. Хансер ясно, чтобы не сказать слишком ясно, дала Харальдссону понять, что, посвяти он еще хоть минуту делу Рогера Эрикссона, она арестует его за создание препятствий расследованию. Шутка, конечно. Или, скорее, предупреждение. Способ продемонстрировать силу и поставить Харальдссона на место, раз уж он в виде исключения совершил маленький промах. Тут она сразу клюнула. Чертова Хансер...

Харальдссон сделал глубокий вдох.

Концентрация.

Нечего растрачивать время и силы на проклятия в адрес Хансер. Ему надо придумать план. План, который поставит ее на место, покажет, кто из них двоих является лучшим полицейским. Связываться с бывшей девушкой Аксея Юханссона нельзя, но Госкомиссия, как известно, с ней разговаривала, и, хотя Харальдссон больше не имеет доступа к тому, что связано с расследованием, его имеют другие.

Харальдссон взял мобильный телефон, поискал в перечне контактов номер и нажал на «вызов». Дело было около полуночи, но ему ответили после всего двух сигналов.

Раджан Мичич.

Это один из плюсов долгой работы на одном месте — у тебя заводятся друзья. Друзья, которым ты иногда оказываешь мелкие услуги, а они за это приходят на выручку, когда тебе самому требуется помощь.

Ничего особенного.

Ничего противозаконного или тому подобного.

Просто помогаешь справляться с рутинной. Пишешь за другого отчет, когда тому надо бежать забирать из садика ребенка. Заезжаешь на машине за спиртным в пятницу вечером. Подменяешь, выручаешь. Маленькие услуги, которые облегчают окружающим жизнь, а при необходимости дают тебе возможность попросить об ответной услуге.

Взяв поиски Аксея Юханссона на себя, Хансер назначила ответственным Раджана. Поэтому у того имелся доступ ко всем материалам, касавшимся исчезнувшего завхоза. Разговор продолжался не более двух минут. Раджан служил в полиции Вестероса столько же, сколько Харальдссон. Он все понял и, естественно, обещал помочь — снять копию с допроса бывшей подруги. Завтра утром копия будет лежать у Харальдссона на рабочем столе.

Положив с довольной усмешкой телефон рядом с собой на диван, Харальдссон обнаружил, что в дверях стоит сонная Йенни.

— С кем ты разговаривал?

— С Раджаном.

— В такое время?

— Да.

Йенни села рядом с ним на диван и поджала под себя ноги.

— Чем ты занимаешься?

— Смотрю телевизор.

— Что ты смотришь?

— Ничего.

Опершись о подлокотник, Пенни положила руку Харальдссону на голову. Начала гладить его по волосам, опустила свою голову ему на плечо:

— Что-то случилось. Расскажи.

Харальдссон закрыл глаза. Мысли путались. Он чувствовал, что ему хочется рассказать. Рассказать о работе, о Хансер. Серьезно, не только жалуясь и высмеивая. Ему хотелось рассказать, насколько он боится. Боится, что жизнь просто ускользает у него из рук, что он совершенно не представляет, какой она будет через десять лет. Чем он будет заниматься, кем работать? Будущее пугало его. Ему хотелось рассказать, что он боится того, что им так и не удастся зачать ребенка. Выдержат ли это их отношения? Не бросит ли его Йенни? Ему хотелось сказать, что он любит ее. Он слишком редко ей об этом говорит. Ему слишком многое хотелось рассказать, но он толком не знал как. Поэтому он только закрыл глаза, покачал головой и подставил ее массирующей руке жены.

— Иди спать. — Йенни наклонилась и поцеловала его в щеку.

Харальдссон почувствовал, насколько он устал. Устал и опьянел.

Они пошли в спальню и легли.

Вплотную друг к другу. Йенни крепко обняла его. Он чувствовал возле шеи ее спокойное дыхание. Близость. Как давно он ее не ощущал. Секс стал буднями, а близость... Он чувствовал, что истосковался по ней, потихоньку погружаясь в сон.

Виновные всегда сбегают.

Последняя отчетливая мысль.

Сбегают только виновные.

Тут содержался некий вывод. Некая система. Она присутствовала, но затуманенный алкоголем мозг за нее не ухватился. Тумас Харальдссон уснул и спал крепко, без снов.

~ ~ ~

Ближе к полуночи Торкелю наконец удалось выбраться из здания полиции. Он не ответил на конкретные вопросы о возможной связи между двумя убийствами, полностью проигнорировал вопрос о том, арестовали ли они по подозрению в убийстве кого-нибудь из сотрудников Пальмлёвской гимназии, но все же надеялся, что сумел показать: расследование постоянно продвигается вперед, и раскрытие преступления является просто вопросом времени.

Торкель поспешно направился в гостиницу в надежде на то, что кухня еще не закрылась. Он безумно проголодался и собирался перекусить в гостиничном ресторанчике. Добравшись до места, он обнаружил, что плохим день сегодня выдался не только у него одного. В баре сидел Микаэль. Перед ним стояла рюмка — плохо. Торкель собрался было незаметно выскользнуть обратно, но Микаэль успел его увидеть.

— Торкель!

Торкель остановился и слегка помахал рукой:

— Привет, Микаэль.

— Иди выпей со мной.

— Нет, спасибо. Мне завтра работать.

Торкель, улыбаясь, попытался отделаться от него и продемонстрировать полное отсутствие интереса, не показавшись невежливым. Тщетно. Микаэль слез с барного стула и насколько мог прямо направился к Торкелю. «Черт, он же пьян», — успел подумать Торкель, прежде чем Микаэль подошел. Он встал слишком близко. Торкель ощутил его дыхание — виски и какое-то более сладкое спиртное. Он не только стоял слишком близко, но и говорил чуть слишком громко.

— Черт возьми, Торкель, я на хрен оскандалился.

— Вижу.

— Может, ты поговоришь с ней?

— Думаю, это едва ли поможет. Это ваше с ней...

— Но она к тебе хорошо относится. Она тебя слушает.

— Микаэль, я думаю, тебе надо идти спать.

— Но мы ведь можем выпить по рюмочке? По одной?

Торкель решительно замотал головой, лихорадочно соображая, как ему выпутаться из этой ситуации. Он не имел ни малейшего желания сблизиться с Микаэлем. Он уже и так чувствовал себя достаточным подлецом, а мысль о том, чтобы узнать Микаэля получше, его просто пугала. До него сразу дошла важность правил Урсулы.

Только в командировках.

Дома — никогда.

А здесь еще хуже, чем дома. Впрочем, правило нарушила Урсула. Ведь она сама пригласила сюда мужа, который теперь стоял, прислонившись к нему, и нуждался в собеседнике, чтобы излить душу.

— До чего же я, черт подери, оскандалился. Я ведь люблю ее, понимаешь? Но она непростой человек. Понимаешь? Ты ведь с ней работаешь. Ты же знаешь?

Торкель решил действовать. Он проводит его до номера Урсулы и оставит там. Это единственное, что приходило на ум. Он взял Микаэля под руку и мягко, но решительно

повел его из бара.

— Давай я помогу тебе подняться наверх.

Микаэль послушно пошел. Лифт уже стоял на первом этаже, поэтому им удалось быстро покинуть рецепцию и косившуюся на них из-за стойки девушку. Торкель нажал кнопку четвертого этажа. «Его, наверное, удивит, откуда я знаю номер комнаты Урсулы», — подумал Торкель, но быстро успокоился. Они ведь коллеги и, естественно, знают номера комнат друг друга. Микаэль посмотрел на него:

— Ты хороший. Урсула говорит о тебе много хорошего.

— Приятно слышать.

— Все-таки чертовски странно, что она позвонила. Ты же знаешь, когда Урсула на работе, она на работе. У нее есть правила: если работать, то работать. Тогда она пропадает с концами. Так было всегда. Я свыкся.

Микаэль глубоко вдохнул. Торкель стоял молча.

— А тут она вчера позвонила и захотела, чтобы я приехал сюда. Как можно скорее. Понимаешь?

Эта поездка на лифте стала казаться Торкелю одной из самых долгих в его жизни. Только второй этаж. Наверное, все-таки лучше было оставить Микаэля в баре и просто уйти.

— У нас, чтоб ты знал, в последнее время все складывалось чертовски паршиво. Поэтому я вообразил, будто она хочет сказать, ну, типа, конец. Знаешь, что она приняла решение. Иначе за каким чертом ей просить меня приехать? Такого раньше не случалось.

— Микаэль, я не знаю, но тебе бы лучше поговорить об этом с Урсулой.

— Она ведь такая. Бац, и приняла какое-то решение. И тогда его надо выполнять незамедлительно. Что же мне было думать?

Они наконец доехали до четвертого этажа. Торкель поспешно открыл стеклянную дверь и вышел. Микаэль продолжал стоять в лифте.

— Может, и нет, но мне так подумалось. Она ведь ничего не сказала. Поужинала со мной и оставила сидеть в номере. Я спрашивал, зачем я ей понадобился, но она говорит только, что хотела повидаться. Но ведь этого не может быть.

— Выходи. — Торкель махнул рукой Микаэлю, который с известным трудом выбрался из лифта. Они вместе двинулись по коридору.

— Ну вот я и взял бутылку из мини-бара. Я нервничал. Был уверен, что она собирается меня бросить.

Торкель не ответил. Что он мог ответить? Микаэль снова затянул ту же песню. Дойдя до двери, Торкель постучал.

— Думаю, ее там нет. Она ушла. Не любит видеть меня таким. Но у меня есть ключ.

Микаэль принялся рыться в карманах и через некоторое время, показавшееся Торкелю вечностью, вытащил белую карточку-ключ и протянул ему. Встретившись с Микаэлем взглядом, Торкель увидел у него в глазах слезы.

— Зачем бы ей иначе просить меня приехать?

— Не знаю. Я действительно ничего не знаю, — солгал Торкель.

Он открыл дверь. В номере Урсулы пахло спиртным — такая комбинация была Торкелю в новинку. Они вошли, и Микаэль уселся в углу на одно из двух имевшихся в номере кресел. Вид у него был напуганный.

— Черт, я оскандалился.

Торкель посмотрел на полную развалину в кресле, и ему стало жаль Микаэля. Ведь он

не виноват. Виноваты они с Урсулой. Торкель хотел уйти, но не мог заставить себя двинуться с места. Какое-то мгновение он поиграл с мыслью рассказать ему.

Рассказать все.

Объяснить причину, по которой Микаэль сидит пьяный в углу гостиничного номера в Вестеросе.

Что виноват он, Торкель.

Наказать хотели его.

Не Микаэля.

Вдруг в дверях возникла Урсула. Она молчала. Вероятно, как и Торкель, чувствовала, что ей хочется и надо бы многое сказать и сделать, но что момент неподходящий. Созвучной ему мелодией казалось лишь молчание.

Торкель коротко кивнул Урсуле и вышел.

~ ~ ~

Не зная, что Торкель покинул здание менее часа назад, Билли сидел, положив ноги на стол, в маленькой комнате, в которой более или менее жил, пока просматривал записи с камер наружного наблюдения. Он ел шоколадное пирожное, чтобы добавить в кровь немного сахара. Устав после длинного дня, он ненадолго прикрыл глаза и сидел, прислушиваясь к звукам, доносившимся из пустого темного офиса. Помимо мягкого шипения кондиционеров было слышно, как новейшее программное обеспечение *Stellar Phoenix Windows Data Recovery* борется с жестким диском Рагнара Грота. Программа искала уничтоженные файлы, и злобное жужжание жесткого диска свидетельствовало о том, что она все еще работает.

Билли знал, что где-нибудь обязательно что-то есть. Иначе просто не бывает. Вопрос в том, в правильном ли месте они ищут. Компьютеры обычно скрывают больше, чем можно предположить, поэтому он продолжал поиски. Большинство людей совершенно не представляют себе, какое множество информации остается на жестком диске даже после уничтожения файлов. Система распределения файлов в памяти, определяющая место информации на жестком диске, при нажатии на клавишу «удалить» уничтожает не сам файл, а только его адрес. Это означает, что информация остается в глубине жесткого диска. В отношении компьютера Грота Билли, правда, начал ощущать известный скепсис. Он уже дважды проверил его, хоть и с помощью менее солидного программного обеспечения, но ничего интересного не обнаружил. Не было и каких-либо признаков того, что Рагнар использовал мощные программы, перманентно очищающие жесткий диск, напротив. Билли локализовал много уничтоженных мейлов и документов. Все они, к сожалению, пока оказывались не представляющими никакого интереса для расследования.

Билли потянулся. До завершения обработки жесткого диска оставалось минут пятнадцать-двадцать. Слишком мало времени, чтобы начинать что-то другое, и слишком много, чтобы просто сидеть сложа руки. Он прошелся по комнате с целью разогнать кровь и на секунду задумался, не пойти ли купить еще пирожное в автомате на первом этаже. Но решил воздержаться — его потребление сахара уже и так зашкаливало, и он знал, что, съешь он еще пирожное, через пару часов его потянет купить следующее. Его взгляд упал на один из стоящих на столе мониторов. Там светился последний кадр записи, показывавший Рогера живым. Мальчик, чуть повернув голову, направляется к мотелю. Так им по крайней мере думалось утром, но сейчас это представлялось, пожалуй, чуть более сомнительным. Билли взял клавиатуру и стал медленно вызывать кадр за кадром. Один за другим. Перед ним, словно в замедленной съемке, возникли последние шаги мальчика. Последней исчезла правая нога в кроссовке. Дальше экран зиял пустотой, если не считать заднего крыла автомобиля, за которым скрылся Рогер, оно едва угадывалось в углу кадра.

У Билли возникла идея. Он все время исходил из того, что Рогер пошел дальше, и поэтому усиленно искал его на записи с какой-нибудь другой камеры. Но ведь могло стать, что Рогер встретился с кем-то или выполнил какое-то дело и через некоторое время повернул обратно. Звучит достаточно правдоподобно, во всяком случае стоит попробовать, это всяко полезнее, чем продолжать есть шоколад. Билли уселся поудобнее и приступил. Он прокрутил пленку до последнего кадра с Рогером и начал с него. Увеличил скорость движения кадров до четырех, чтобы дело шло побыстрее. Билли неотрывно смотрел на

пустой конец улицы. Минуты на пленке побежали дальше: одна, две, три. Билли увеличил скорость до восьми, чтобы сэкономить побольше времени. Через тринадцать минут экранного времени он увидел, как машина, за которую зашел Рогер, уезжает, оставляя улицу совершенно пустой. Билли продолжил смотреть, теперь уже со скоростью шестнадцать. Вскоре появились две фигуры, двигавшиеся на пленке в шестнадцать раз быстрее обычного. Они выглядели довольно комично. Билли остановил кадр и прокрутил пленку обратно, пока перед ним вновь не возникли те же фигуры. Это оказалась пожилая пара с собакой, двигавшаяся в направлении, противоположном тому, куда шел Рогер. Все указывало на то, что они просто выгуливают собаку. Однако Билли записал означенное на пленке время, решив, что поручит Хансер разыскать эту пару. Если повезет, окажется, что они что-нибудь видели. Билли снова запустил пленку. Минуты летели, но ничего не происходило. Рогер так и не вернулся.

Билли откинулся на спинку стула, но вдруг его осенило: машина? Машина, уехавшая примерно через тринадцать минут после того, как мимо нее прошел Рогер, — когда она прибыла? Билли дважды кликнул и вернулся к тому времени, когда в кадре был виден Рогер. Они все время исходили из того, что машина стояла припаркованной у обочины, словно неживой объект. Но ведь кто-то на ней тринадцать минут спустя уехал. Билли начал перематывать пленку назад и обнаружил, что машина въезжает в кадр задним ходом всего за шесть минут до появления в нем Рогера. При мысли о том, что машина в течение всего девятнадцати минут простояла в непосредственной близости от Рогера, усталость как рукой сняло. Билли внезапно почувствовал себя дураком — он совершил непростительный грех, сузив толкование имеющегося у него доказательного материала. Замкнулся на поисках по одной конкретной схеме, исключив другие возможности. До сих пор Рогер шел от камеры к камере дальше и дальше. Это Билли и продолжал искать — что Рогер пойдет дальше, к следующей камере.

Теперь, допустив существование других возможностей, Билли сообразил, что имеются иные, весьма вероятные сценарии. Машина могла стоять не пустой. Возможно, тот, кто припарковал ее за шесть минут до появления Рогера, все время оставался в ней. Билли видел только часть левого заднего крыла машины и никак не мог определить, выходил из нее кто-нибудь или нет, но он все-таки снова вернулся к кадру с Рогером и запустил пленку, пытаясь внушить себе, что смотрит ее впервые.

Непредвзято.

Рогер появился на экране с правого края, прошел несколько шагов вперед и потом пересек улицу. Билли остановил пленку, стал кликать назад кадр за кадром. Вот! Рогер внезапно повернул голову чуть влево, будто что-то привлекло его внимание. Потом стал переходить улицу. Билли снова запустил пленку. Если взглянуть шире, то можно с таким же успехом допустить, что Рогер заходит за машину и подходит к дверцам с пассажирской стороны.

Билли сделал глубокий вдох. Больше никаких поспешных выводов. Надо все тщательно проверить. Сконцентрироваться на машине. На машине. Похоже, это «вольво», темно-синий или черный. Не универсал, а седан. Модель не новая, возможно, 2002–2006 годов, придется уточнить. Но точно «вольво-седан» с четырьмя дверями. Билли стал смотреть кадр за кадром, концентрируясь на машине. Исключительно на машине. Через пятьдесят семь секунд и шесть кадров после исчезновения Рогера Билли обнаружил то, чего не замечал раньше, — машина чуть-чуть качнулась, будто кто-то захлопнул дверцу. Не слишком

отчетливо, он вполне мог ошибиться. Но это легко проверить.

Билли загрузил фрагмент в простую программу для фотоизображений со стабилизатором движения. Он исходил из того, что перманентная камера наружного наблюдения не движется, значит, возможное движение должно исходить от объекта в машине. Билли быстро отметил несколько точек движения на металлической окантовке заднего крыла над колесом. 00.57.06 — точки определенно сместились на пару миллиметров, а потом стабилизировались чуть ниже исходного положения. Кто-то открыл дверцу, залез внутрь и с силой захлопнул ее. Раз точки стабилизировались чуть ниже, значит, машина вдруг стала тяжелее. Кто-то сел в машину — вероятно, Рогер.

Билли посмотрел на часы. Почти половина первого. Для звонка Торкелю слишком поздно не бывает. Торкель скорее рассердится, если он ему *не* позвонит. Билли достал телефон и нажал на быстрый вызов. В ожидании ответа он смотрел на экран компьютера. Новое развитие событий кое-что объясняет.

Рогер не появился на записях с других камер, поскольку дальше не пошел.

Он находился в темном «вольво».

По всей видимости, на пути к смерти.

Лена Эрикссон сидела на стуле, на котором чуть более семи часов назад сидел Билли, и с изумлением озиралась. В комнате собралось много людей, с большинством из них она уже встречалась, за исключением разве что молодого полицейского, который возился с клавиатурой перед двумя большими погашенными мониторами.

Такое количество полицейских могло означать только одно.

Что-то произошло.

Что-то важное.

Это ощущение возникло у Лены в тот же миг, как они позвонили ей в дверь, и теперь оно только усилилось. На часах было 6:45, когда она после многочисленных продолжительных звонков выбралась из постели и устало открыла дверь. Молодая женщина-полицейский, которая приходила к ней домой несколькими днями раньше, снова представилась и заговорила быстро и оживленно.

Им требовалась ее помощь.

Все вместе — раннее утро, немногословность и серьезность женщины из полиции, поспешность, с которой та хотела забрать Лену с собой, — стерло в сознании бессонные ночи и страх. Лена почувствовала, как все ее тело наполняется тревожной энергией.

Они проехали по городу серым туманным утром, не произнеся ни слова. Припарковались под зданием полиции в гараже, о существовании которого Лена даже не подозревала. Поднялись по бетонным ступенькам и вошли через большую стальную дверь. Женщина быстро повела ее по каким-то длинным коридорам. По пути им встретились несколько полицейских в форме, которые, похоже, направлялись на дежурство. Они над чем-то смеялись, и их веселье казалось неуместным. Все происходило так быстро, что Лене было трудно собрать впечатления в единую картину. Получался скорее ряд совершенно разных картинок: смех, поворачивающие туда-сюда коридоры и женщина-полицейский, которая все шла и шла. Последний поворот, и они вроде бы у цели. Тут ее ждали несколько человек. Они стали с ней здороваться, но Лена толком не слушала, что они говорили, а думала в основном о том, что никогда не сможет найти дорогу обратно. Мужчина, похоже, являвшийся начальником, тот, с которым она разговаривала о Лео Лундине, как теперь казалось, целую вечность назад, дружески положил ей руку на плечо:

— Спасибо за то, что приехали. Нам надо кое-что вам показать.

Они открыли дверь в маленькую комнату и провели Лену внутрь. «Наверное, так ощущается, когда тебя арестовывают», — подумала она.

С тобой здороваются и заводят сюда.

Здороваются, а потом разоблачают.

Она сделала глубокий вдох. Один из полицейских пододвинул ей стул, а самый молодой из них, довольно высокий парень, принялся возиться с лежащей перед ней на столе клавиатурой.

— Важно, чтобы то, что мы сейчас расскажем, не вышло за пределы этой комнаты.

Это опять заговорил самый старший из них. Начальник. Кажется, Торстен? Лена в любом случае кивнула.

— Мы думаем, что Рогера подобрала машина. Нам бы хотелось посмотреть, не сможете ли вы ее опознать, — продолжил начальник.

— Она есть у вас на снимке? — побледнев, спросила Лена.

— К сожалению, не полностью. Вернее, только очень маленькая ее часть. Вы готовы?

С этим старший полицейский умолк и кивнул молодому, стоящему возле компьютера. Тот нажал на большую клавишу пробела, и экран внезапно заполнило изображение пустой асфальтированной улицы. Рядом с проезжей частью газон, небольшой дом, а в одном из верхних углов отблеск чего-то, вероятно, желтого света уличного фонаря.

— Куда я должна смотреть? — растерянно спросила Лена.

— Сюда. — Молодой полицейский указал на нижний левый угол изображения.

Заднее крыло какой-то машины. Темной машины. Как, скажите на милость, она может ее узнать?

— Это «вольво», — продолжал парень. — Модель 2002–2006 годов. S-60.

— Мне это ни о чем не говорит.

Лена неотрывно смотрела на машину и увидела, как у той включились указатели поворота, после чего она сразу уехала и исчезла.

— Это все?

— К сожалению, да. Хотите посмотреть еще раз?

Лена кивнула. Молодой полицейский быстро нажал на несколько клавиш, и картинка опять перескочила к началу. Лена уставилась на машину, лихорадочно пытаясь в ней что-нибудь разглядеть. Но перед ней была только часть стоящей машины. Маленькая часть. Лена напряженно ждала, не произойдет ли чего-нибудь еще, но видела только все тот же кусок улицы, ту же машину. Пленка остановилась, и по вопросительным взглядам Лена поняла, что настала ее очередь что-нибудь сказать. Она посмотрела на них:

— Я ее не знаю.

Они закивали — все как и ожидалось.

— Не знаете ли вы кого-нибудь, у кого есть темная машина «вольво»?

— Думаю, это обычная машина, но я не знаю... Никого не могу припомнить.

— Вы не видели, чтобы кто-нибудь подвозил Рогера домой на такой машине?

— Нет.

Все замолчали. Лена почувствовала, как напряжение и ожидание сменились у полицейских разочарованием.

— Откуда у вас эти кадры? — обратилась она к Ванье.

— С камеры наружного наблюдения.

— Где она расположена?

— Этого я, к сожалению, сказать не могу.

Лена кивнула. Они не верят в то, что она сумеет держать язык за зубами, поэтому и не собираются рассказывать. Ее догадка получила подтверждение, когда слово вновь взял начальник:

— Если что-нибудь из этого выйдет наружу, это затруднит расследование. Надеюсь, вы понимаете.

— Я буду молчать.

Лена повернулась к экранам и к застывшему изображению пустой улицы:

— А Рогер на этой записи есть?

Билли посмотрел на Торкеля, тот слабо кивнул:

— Да.

— Можно мне на него посмотреть?

Билли снова взглянул на Торкеля и опять получил в ответ кивок. Он склонился над клавиатурой, перемотал фрагмент назад и нажал на «пуск». Через несколько секунд с правого края появился Рогер. Лена подалась вперед. Она не решалась даже моргнуть, боясь что-нибудь упустить.

Он живой.

Идет.

Быстрым легким шагом. Он хорошо натренирован. Всегда следил за телом. Гордился им. Теперь оно, холодное и изрезанное, лежит за нержавеющей дверью в морге. Глаза Лены наполнились слезами, но она не моргала.

Он живой.

Быстро поворачивает голову налево, пересекает улицу и исчезает за машиной.

Исчезает из кадра.

От нее.

Совсем.

Как быстро.

Лена боролась с желанием прикоснуться к экрану. Все и вся в комнате застыло в молчании. Молодой полицейский осторожно приблизился к ней:

— Хотите посмотреть еще раз?

Лена замотала головой и сглотнула, надеясь, что голос ей не изменит:

— Нет, спасибо, просто...

К ней подошел начальник и легонько опустил руку ей на плечо:

— Спасибо за то, что вы приехали. Мы отвезем вас домой.

Эти слова завершили встречу, и вскоре Лена обнаружила, что опять идет позади Ваньи. На этот раз все получилось не так быстро. Правда, полиция тут была ни при чем.

Просто для Лены все обстояло иначе. Волнение отпустило, сменилось злостью понимания, энергией от подтверждения догадки.

Машина S-60.

Модель 2002–2006 годов.

Лена точно знала, у кого есть такая машина.

Они подошли к сидевшему за письменным столом полицейскому в форме. Ванья что-то сказала ему, он встал и взял куртку. Лена замотала головой. Она догадалась, что именно сказала женщина.

— Не надо. Просто покажите мне, где выход. У меня все равно есть несколько дел в городе.

— Вы уверены? Для нас это не проблема.

— Совершенно уверена, но все равно спасибо.

Она попрощалась с Ваньей за руку. Полицейский повесил куртку на место и проводил ее по коридору до выхода.

Несколько дел в городе. Мягко говоря.

Во всяком случае одно.

Ванья встретилась с остальными в конференц-зале. Еще снаружи она увидела, что Торкель выглядит необычайно раздраженным — он расхаживал по комнате со сжатыми кулаками. Не будь Ванья по-прежнему в плохом настроении, ей бы наверняка показалось комичным то, как он описывает круги вокруг стола, за которым сидят Себастиан и Билли.

Ванья толкнула дверь и вошла. При ее появлении Себастиан умолк.

Она отвела глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом.

Ее злость не поддавалась логике. Ведь всему виной была болтливость Вальдемара. Это он испортил вечер, пригласив Себастиана и снабдив его козырем против нее. Придал ему важности и сильно преувеличил его значение. Все это проделал Вальдемар. Но Себастиан собирается по максимуму воспользоваться обретенными знаниями, это она чувствовала.

Нет, знала.

И ненавидела.

Ванья встала возле двери, скрестив руки на груди. Торкель посмотрел на нее. Она выглядит усталой. Черт побери, они все устали. Измотались. Раскапризничались. Больше обычного. Может, не стоит приписывать все эффекту появления Себастиана? Ведь у них необычайно трудное расследование.

Торкель кивком велел Себастиану продолжать.

— Я только что сказал, что если он двигался задним ходом, потому что знал о наличии там камеры, то он не только рационален и предусмотрителен. Тогда, значит, он ведет с нами дьявольскую игру, и надо рассчитывать на то, что, даже если мы найдем машину, это нам едва ли что-нибудь даст.

Ванья невольно кивнула. Это похоже на правду.

— Совсем не обязательно, — откликнулся Билли. — Я про то, что он знал о камере. Она перекрывает только тот конец улицы, который завершается тупиком. Он мог приехать отсюда... — Билли встал, подошел к висящей на стене карте и приставил к ней кончик ручки, чтобы продемонстрировать возможный сценарий, одновременно завершая предложение, — и сдать назад, не разворачивая машины.

Торкель прекратил ходить, посмотрел на Билли и на карту:

— Значит, если предположить, что он не знал о наличии камеры, то, сдвиг он назад на два метра дальше, мы бы видели, кто он?

— Да.

Торкель, казалось, не верил своим ушам. Два метра! Неужели они в двух метрах от раскрытия этого проклятого дела?

— Почему нам, черт подери, так не везет?!

Билли пожал плечами. За последнее время он уже начал привыкать к плохому настроению Торкеля. Если бы он натворил или упустил что-нибудь сам, то, наверное, реагировал бы по-другому, но дело было не в нем. В этом он не сомневался. Более вероятно, что это как-то связано с Урсулой. А та как раз распахнула дверь и вошла с чашкой кофе и пластиковым пакетом в руках.

— Извините, что опоздала. — Урсула поставила принесенное на стол и выдвинула стул.

— Как Микаэль?

Билли это только показалось или голос Торкеля прозвучал мягче? С сочувствием?

— Он уехал домой.

Билли посмотрел на Урсулу с откровенным удивлением. Не то чтобы это его касалось, но тем не менее.

— Разве он не вчера приехал?

— Да.

— Молниеносный визит?

— Да.

По тону Урсулы Торкель понял, что больше ничего о визите Микаэля не услышит, если только она не заговорит о нем сама, что представлялось маловероятным. Он увидел, как она, оглядывая комнату, достает из пластикового пакета булочку с сыром и питьевой йогурт.

— Что я пропустила?

— Я потом введу тебя в курс дела. Давайте продолжим.

Торкель помахал рукой Билли, который вернулся на место к своим бумагам.

— Порадовать вас мне особенно нечем. Я просмотрел транспортный регистр. В Вестеросе имеется двести шестнадцать черных, темно-синих или темно-серых машин «вольво» S-60 моделей 2002–2006 годов. Если прибавить близлежащие городки, то цифра увеличится примерно до пятисот.

Торкель, не чувствуя сил отвечать, только еще чуть крепче сжал кулаки. Зато Себастиан поднял взгляд на Билли:

— Сколько из них имеют привязку к Пальмлёвской гимназии? Если сопоставить регистр со списком родителей и сотрудников?

Билли посмотрел на Себастиана:

— Сопоставить мы не можем. Этим надо заниматься вручную, и потребуется кое-какое время.

— Тогда, думаю, лучше с этого и начать. До сих пор все приводило нас к этой чертовой школе.

Доводы Себастиана звучали убедительно. Билли его предложение показалось удачным, однако не требовалось быть доцентом в науке о поведении человека, чтобы уловить, что источником раздражения в группе являлось участие в их работе Себастиана. Билли не собирался высказываться по поводу планирования работы, пока свое слово не скажет Торкель. Но Торкель тоже закивал:

— Хорошая идея. Только мне хочется, чтобы мы параллельно просмотрели все записи со всех камер. Я хочу найти эту проклятую машину!

Услышав ответ, Билли громко вздохнул.

— Мне одному с этим не справиться.

— Нет проблем. Я поговорю с Хансер. А пока тебе поможет Себастиан. Он вполне в силах немного позаниматься настоящей полицейской работой.

Себастиан на секунду задумался, не попросить ли Торкеля пойти к черту. Сопоставлять регистры и быстро прокручивать записи с камер — это последнее, чем он мечтал заняться, но, когда грубые слова уже были готовы сорваться с губ, он все-таки промолчал. Раз уж он здесь так долго продержался, то незачем напрашиваться на то, чтобы его выгнали сейчас, пока он не добился своего, не узнал требуемый адрес. Глупо ссориться с единственным человеком, возможно, способным помочь ему в поисках Анны Эрикссон — истиной причине его пребывания здесь. Себастиан на удивление широко улыбнулся Билли:

— Конечно, Билли, говори, что мне делать, и я буду исполнять.

— Ты хорошо разбираешься в компьютерах?

Себастиан покачал головой. Торкель еще раз раздраженно прошелся по комнате: он попытался вызвать старого приятеля на словесную дуэль. Отчасти ему требовалось немного выпустить пар, а отчасти хотелось показать Урсуле, что он не дает Себастиану поблажек. Даже этого ему не удалось. Себастиан встал и хлопнул Билли по плечу:

— Тогда приступим.

Торкель сердито отошел от них.

Лена не пошла прямо туда. Решимость, которую она почувствовала в полиции, на свежем воздухе стала постепенно ослабевать. А что, если она ошибается? Вдруг это не та машина? Еще хуже, если она права. Что ей тогда делать?

Лена прошлась по новой торговой галерее, открывшейся прошлой осенью. Ее строили несколько лет, и местным жителям временами уже казалось, что строительство никогда не закончится. Лена бесцельно брела по сверкающему каменному полу, рассматривая большие освещенные витрины. Было по-прежнему рано, бутики еще не открылись, и она чувствовала себя единственным посетителем новой гордости Вестероса. В витринах уже начали выставлять вещи, которые будут в моде этим летом, — так, по крайней мере, с большой убежденностью утверждала реклама, — но особой разницы по сравнению с прошлым годом Лена не видела. Да и в любом случае ничто из вывешенного в витринах не будет смотреться на ней так же, как на тонюсеньких манекенах.

Кроме того, ей действительно было над чем подумать, помимо таких тривиальных вещей, как шопинг. Снова вернулся тоненький голосок. Голосок, который ей в последние дни более или менее успешно удавалось заглушать.

Возможно, поэтому теперь он звучал громче, чем когда-либо.

Это ты!

Теперь ты знаешь!

Это твоя вина!

Ей необходимо узнать, прав ли голос, это она понимала. Но даже приблизиться к такой возможности было настолько больно, настолько мучительно. Особенно теперь, когда отрицать его правоту, похоже, больше нельзя. Из-за темной машины на пленке.

Посередине галереи стояла девушка, выкладывающая на огромный застекленный прилавок кафе свежеспеченные булочки и печенье. Донесся сладкий запах сахара, ванили и корицы. Воспоминание о другой жизни — без мучительных мыслей. Лена почувствовала, что ей необходимо вернуться в эту жизнь, пусть хоть на мгновение. Ей удалось уговорить девушку продать булочку, несмотря на то что они еще не открылись. Лена выбрала большую ванильную булочку, слишком обильно посыпанную сахаром. Девушка положила выпечку в бумажный пакетик и протянула Лене. Та поблагодарила, прошла несколько шагов в сторону выхода и достала мягкую и еще теплую булочку. Другая жизнь на секунду посетила Лену, и она жадно откусила большой кусок. Когда вкус стал реальным и она ощутила во рту приторно-сладкое тесто, ее вдруг начало мутить.

Как она могла сюда прийти? Прицениваться к витринам и заходить в кафе. Стоять тут и пробовать насладиться. Перед ней снова всплыли снимки ее Рогера.

Его первая улыбка.

Его первые шаги.

Школьные будни, дни рождения, футбольные матчи.

Его последние слова.

«Ну, я побежал...»

Его последние шаги за машиной.

Лена выбросила булочку в урну и вышла. Она уже потеряла достаточно времени. Пряталась и уклонялась от того, чтобы узнать то, что ей знать необходимо.

Причастна ли она к этому кошмару?

Более того.

Ее ли это вина?

Голос упорно настаивал на своем.

Она почти побежала через город. Ее тело не привыкло к такому темпу. Легкие с трудом справлялись, во рту ощущалось напряжение. Но она не сбавляла скорости, целеустремленно приближаясь к месту, которое ненавидела больше всего на свете.

К месту, ставшему началом конца для нее и Рогера.

К месту, которое с легкостью заставило ее чувствовать себя такой второсортной, совершенно никчемной.

К Пальмлёвской гимназии.

Лена обнаружила то, что искала, позади школы. Сперва она ходила взад и вперед по большой стоянке перед главным входом, ничего не находя, а потом в отчаянии обошла вокруг здания и обнаружила маленькую парковку возле самого входа в школьную столовую.

Там стояла темно-синяя машина «вольво».

В точности как она и предполагала.

В точности как она боялась.

Тошнота вернулась. Мысли тоже. Значит, сюда он сел. Ее Рогер.

В ту пятницу, события которой каким-то странным образом казались одновременно удаленными на целую вечность и произошедшими буквально вчера. Оставалось проверить только одно. Лена подошла к левому заднему крылу и присела на корточки. Она не знала, обнаружили ли это полицейские — они, во всяком случае, ничего не сказали, — но, когда машина на пленке замигала и стала отъезжать, было отчетливо видно, что левая задняя фара заклеена скотчем.

Или Лене это привиделось. Недели две назад Рогер принес домой из школы записку. Сухое обвиняющее извещение о том, что обе задних фары машины оказались разбитыми, их временно подлатали, но виновным следует объявиться и оплатить ремонт. Как решился вопрос, Лена не знала. Она провела пальцами по широкому скотчу, будто надеясь, что время застынет и ничего больше не случится. Никогда.

Но случиться должно. Это только начало, она знала. Лена встала и обошла вокруг машины. Осторожно прикоснулась к холодному металлу. Возможно, он прикасался именно здесь. Или здесь. Она не останавливалась, пытаясь вычислить, где именно могли касаться машины его руки. Он определенно прикасался к одной из дверей, вероятно, к передней. Лена пощупала ее: холодная и запертая. Потом наклонилась и заглянула внутрь. Обитые однотонной темной тканью сиденья. На полу ничего нет. Немного мелочи в ящичке между сиденьями. Все.

Лена выпрямилась и, к своему удивлению, обнаружила, что все ее волнение как ветром сдуло. Самое худшее уже произошло.

Ее вина доказана.

Без сомнения.

Она ощущала полную опустошенность. По телу распространялся холод, будто холодный, конкретный внутренний голос наконец слился с ней воедино.

Это ее вина. Нигде в теле больше не находилось защиты против чувства вины, никакого тепла.

Одна часть Лены умерла в тот день, когда у нее вырвали Рогера.

Вторая часть умерла сейчас.

Лена достала мобильный телефон и набрала номер. После нескольких гудков ей ответил мужской голос. Она слышала собственный голос, обладавший тем же холодом, что и все ее нутро:

— Я сегодня кое-что видела в полиции. Я видела твою машину. Я знаю, что это ты.

~ ~ ~

Собака у Сиа Эдлунд появилась недавно.

Вообще-то она никогда не представляла себя в роли хозяйки собаки. Но однажды, два года назад, Рудольфо появился на ее дне рождения с очаровательным косматым щеночком. С кокер-спаниелем, девочкой. «Настоящая леди», — объявил Рудольфо с широкой улыбкой, а его глаза сияли так, как могут сиять только его глаза. Отказаться было невозможно, особенно когда Рудольфо, почувствовав ее спонтанное сомнение, милостиво пообещал ей помогать:

— Это не только твоя собака. Она будет нашей, я обещаю. Нашей малышкой...

Получилось не совсем так. Шестью месяцами позже, когда глаза Рудольфо начали сиять реже, а его визиты к ней сделались не столь частыми, Сиа поняла, что ответственность за собаку лежит на ней. Только на ней. Несмотря на то что собаку даже называли Люсия Альмира в честь бабушки Рудольфо, женщины, проживающей в Чили, которую Сиа никогда не видела, но которую они планировали посетить, как только им позволят средства.

Из этого тоже ничего не получилось. Поэтому теперь Сиа делила постель с существом, названным в честь бабушки, с которой она никогда не увидится.

Главной для нее быстро сделалась практическая проблема. Сиа работала санитаркой — много и в разное время. Выгулы Альмиры превратились в постоянные страдания. Чаще всего они совершали лишь коротенькую прогулку вокруг дома. Иногда они выходили посреди ночи, а потом только вечером следующего дня в зависимости от графика Сиа. Но сегодня она не работала и собиралась погулять подольше. Это пошло бы на пользу и ей, и Альмире. Они вместе двинулись по тропинке к футбольному стадиону, граничащему с лесом и освещенными дорожками для пробежек.

Когда они дошли до пустого стадиона, Сиа спустила Альмиру с поводка, и та с веселым лаем помчалась в кусты и еловый лес. Сиа периодически посматривала за тем, как хвостик Альмиры перемещается в зарослях низкого кустарника. Она улыбалась про себя — в кои-то веки она чувствовала себя хорошей владелицей собаки.

Альмира прибежала обратно. Она никогда не отсутствовала подолгу, всегда хотела точно знать, где находится хозяйка. После визуального контакта собачка снова убегала, чтобы вскоре вернуться обратно. Увидев появившуюся из кустов Альмиру, Сиа наморщила лоб. Вся мордочка собаки была в чем-то темном. Сиа подозвала ее. Альмира подошла, и Сиа замерла: похоже на кровь. Но собачка выглядит слишком веселой. Значит, кровь не ее. Сиа уклонилась от пытавшейся облизать ее мордочки и опять пристегнула поводок.

— Что ты такое нашла? Покажи мне.

* * *

Через пятнадцать минут Себастиану наскучило пялиться в монитор, высматривая машины «вольво» темного цвета. Это казалось классической иллюстрацией бессмыслицы. Билли пытался объяснить ему, как надо действовать. Поскольку известно, когда машина с Рогером отъехала, можно бла-бла-бла приблизительно рассчитать, где она бла-бла-бла в зависимости от того, в какую сторону она поехала и бла-бла-бла. Себастиан остановил

запись и покосился на Билли, сидевшего чуть поодаль с кучей списков адресов, которые он только что получил из канцелярии директора Пальмлёвской гимназии. Вид у Билли был не скучающий, а скорее ожесточенно-сконцентрированный. Он поднял глаза на неподвижно сидевшего Себастиана:

— Что-нибудь не так?

— Нет, все так. Как у тебя дела?

Билли улыбнулся ему:

— Я едва успел начать. Продолжай. Камер много, можешь мне поверить.

Билли вернулся к своим бумагам. Себастиан со вздохом повернулся к экрану. Ситуация напоминала ему время, когда он тридцать лет назад был ассистентом у профессора Эрландера и в его задачу входило сопоставлять тысячи анкетных ответов. В тот раз он заплатил нескольким студентам, чтобы те выполнили его работу, а сам отправился в кабак. Сейчас все было немного сложнее.

— Ты до чего-нибудь докопался с тем именем, что я тебе дал? Анна Эрикссон.

— К сожалению, мне пришлось разбираться кое с чем другим, но я займусь этим.

— Никакой спешки нет, я спросил просто из любопытства.

Себастиан заметил, что Билли смотрит на него призывным взглядом. Лучше уж продолжать подыгрывать, теперь все равно ничего не изменишь. Себастиан нажал на клавишу *F5*, как его научил Билли, и принялся с тоской рассматривать еще один безликий кусок дороги в какой-то части Вестероса. Зазвонивший телефон спас его, не дав умереть от отвращения.

* * *

Они приехали на футбольное поле на двух машинах. Ванья с Урсулой в одной, Торкель с Себастианом в другой. Торкелю казалось, что он вернулся в старшие классы школы и они разделились: девочки против мальчиков. Он не касался никаких личных тем, когда Урсула осталась, чтобы войти в курс событий последних часов, но она тем не менее игнорировала его по пути в гараж и, не сказав ни слова, направилась к своей машине.

Две машины полиции Вестероса были уже на месте. Когда вновь прибывшие вышли из машин, их встретил полицейский в форме и пошел вместе с ними через футбольное поле. Он казался напряженным и, похоже, был благодарен за то, что они приехали.

— Тут обнаружили кровь. Много крови.

— Кто ее обнаружил? — поинтересовалась Урсула. Речь шла пока только о технической находке, поэтому вопросы, естественно, задавала она.

— Некая Сиа Эдлунд, она выгуливала собаку. Она нас там ждет.

Они миновали футбольное поле и проследовали за коллегой в лес. Буквально через несколько шагов местность резко шла под уклон, и, спустившись вниз, человек оказывался не виден с футбольного поля, отметила Ванья.

Тропинка повернула налево и вскоре вывела их на маленькую полянку. Там уже ждали два человека — полицейский обтягивал большой квадрат заградительной лентой, а чуть поодаль стояла женщина лет двадцати пяти с кокер-спаниелем.

— Это она наша. Мы ее пока особенно не расспрашивали, как вы и просили.

— Я хочу сперва посмотреть на находку, — отозвалась Урсула и прошла дальше.

Полицейский указал на место примерно в метре от тропинки:

— Можете посмотреть отсюда.

Урсула остановилась и показала остальным рукой, чтобы они оставались на месте. Впереди, тяжело пригнувшись к земле, простиралась прошлогодняя желтая трава. Из-под нее торчали короткие ростки новой зеленой травки, создававшие лишь намек на зелень в бледно-желтом море. Зато эту ограниченную цветовую гамму нарушали пятна засохшей темно-красной крови. Посреди спорадически разбросанных пятен виднелось то, что лучше всего можно было описать как большую лужу свернувшейся крови.

— Похоже на место бойни, — внезапно произнес полицейский, развешивавший заградительную ленту.

— Возможно, так и есть, — сухо откликнулась Урсула, осторожно подходя поближе и присаживаясь на корточки.

Большая часть крови засохла, но на земле имелось несколько углублений, напоминавших следы ног и заполненных красной желеобразной субстанцией. Это только кажется или в воздухе действительно присутствует насыщенный запах железа? Урсула кивнула остальным.

— Я хочу сделать экспресс-анализ, чтобы мы не тратили время на какого-нибудь несчастного распрощавшегося с жизнью оленя. Это займет несколько минут. — Она открыла белую сумку и приступила к делу.

Торкель и Себастиан подошли к женщине с собакой. Та посмотрела на них усталым взглядом, словно долго ждала, чтобы кто-нибудь выслушал ее историю.

— Это нашла Альмира. Боюсь, что она отпила отсюда...

* * *

Когда Лена переступила порог квартиры, ее нагнало напряжение. Она в полном изнеможении опустилась на пол в прихожей. На улице, среди людей, сохранять маску было легче. Там она могла выпрямиться и идти, устремив взгляд вперед. Притворяться. Дома это оказалось сложнее. Невозможно. Сидя на полу среди обуви и пластиковых пакетов, она увидела старую школьную фотографию Рогера, которую повесила вечность назад. Фотографию ей прислали домой, когда он пошел в первый класс. Рогер в голубой тенниске улыбался в камеру. Двух зубов не хватало. Лена давно не видела этого снимка. Она повесила его, когда они переехали сюда, но расположила слишком близко к вешалке, и фото заслоняли пуховики и зимняя одежда. По мере взросления Рогера верхней одежды у него становилось все больше и больше, и она непрерывно увеличивалась в размерах, в результате Лена на несколько лет вообще забыла о фотографии. Казалось очень странным обнаружить ее сейчас, забытую и годами скрытую под верхней одеждой. Новых курток, которые смогут скрывать от нее сына, больше не появится. Он будет улыбаться ей отсюда беззубым ртом, пока она жива. Немой, нестареющий, с полным жизни взглядом.

В дверь позвонили. Лена решила не обращать внимания. Мир может подождать. Эти мгновения важнее.

Она поняла, что забыла запереть дверь, когда перед ней возник человек. Лена посмотрела на него. Самым странным казалось не то, что он стоит перед ней в ее квартире. Даже отчаяние у него в глазах ее не слишком удивляло. Нет, внутренне содрогнуться ее

заставило то, что ее глаза, секунду назад любовавшиеся улыбающимся лицом семилетнего сына, теперь рассматривали того, кто лишил его жизни.

* * *

Харальдссон опаздывал. Проспать — это было ему совсем не свойственно. Он винил во всем спиртное и Пенни. Из-за вина он спал крепче, чем обычно, и без всяких снов. Пенни не разбудила его перед отъездом в больницу. Он поставил будильник, но, очевидно, выключил его, не позаботившись о повторном звонке. Проснувшись сразу после половины десятого, Харальдссон даже не мог припомнить, чтобы будильник вообще звонил. Поначалу он подумал было быстро набросить одежду и помчаться на работу, но утро потекло точно в замедленной съемке, и, когда он принял душ, позавтракал и оделся, прошел уже час. Харальдссон решил прогуляться до работы пешком и прибыл на место ровно в одиннадцать часов.

Раджан выполнил просьбу Харальдссона. Когда тот уселся за письменный стол с чашкой кофе, там лежала одинокая папка. Харальдссон с нетерпением раскрыл ее — в ней содержались три полновесных листа А4. Он откинулся на спинку с чашкой в одной руке и распечаткой в другой и принялся внимательно читать.

Через сорок пять минут Харальдссон уже прочел допрос Линды Бекман трижды. Он отложил папку в сторону и повернулся к компьютеру. Завел данные Акселя Юханссона и начал прокручивать на экране результаты. Добрейший Юханссон довольно много перемещался и во всех местах проживания явно общался с полицией. Харальдссон просмотрел имеющиеся отчеты. Умео, Соллефтео, Иевле, Хельсингборг и несколько мелких правонарушений здесь, в Вестеросе. Нарушение общественного порядка, мелкая кража, воровство, сексуальное домогательство... Харальдссон поразился и стал листать обратно. В Соллефтео тоже сексуальное домогательство. Осужден за это Аксель не был ни разу, но заявления имелись. Оба расследования прекращены за недостатком доказательств. Харальдссон копнул глубже. Аксель Юханссон фигурировал также в расследовании изнасилования в Умео. Одиннадцать лет назад. Он участвовал в той же вечеринке, что и девушка, которую жестоко изнасиловали в саду, когда она вышла покурить. Всех участников вечеринки допросили. Никого к судебной ответственности не привлекли. Дело об изнасиловании осталось нераскрытым.

Харальдссону вспомнилась вчерашняя мысль.

Сбегают виновные.

Он откинулся на спинку и попытался развить мысль. Взял полученную от Раджана папку с ксерокопией допроса. Короткий пассаж. Аксель Юханссон любит доминировать в постели.

Сбегают виновные.

Шансов на успех немного. Но, учитывая то, что Харальдссон приближался к скамье запасных со скоростью экспресса, пожалуй, стоило рискнуть. Он снова склонился над компьютером и застучал по клавиатуре. Сначала узнал, в какой период Аксель Юханссон проживал в Умео, а затем извлек нераскрытые преступления за тот же период. Таковых набралось прилично. Он исключил преступления, не имевшие сексуальной подоплеки. Меньше, но по-прежнему много. Харальдссон продолжил сужать область поисков. Сперва

изнасилования. По-прежнему ужасающе много. Потом изнасилования с нападением. Намного меньше. Это все-таки довольно необычное преступление. В большинстве случаев жертва и насильник знали друг друга, пусть даже познакомились всего за несколько часов до преступления. За период проживания Акселя Юханссона в Умео было совершено пять изнасилований с нападением. Три по одному и тому же сценарию.

Одинокие женщины в уединенных местах. В уединенных, но не совсем пустынных. Поблизости присутствовали люди, наличие которых, очевидно, внушало женщинам чувство уверенности. Они решались уходить с сигаретой вглубь темного сада, потому что слышали доносившиеся из открытых окон звуки праздника. Или шли через парк, поскольку слышали разговоры с автобусной остановки за кустами. Это оказывалось иллюзией защищенности. При трех идентичных изнасилованиях мужчина приближался сзади и набрасывался на них. Прижимал лицом к земле, не давая закричать, и насиловал сзади. Всех трех успешно. Физически сильный мужчина. Потом он исчезал. Вероятно, быстро и незаметно смешивался с находившимися поблизости людьми. Шел по улицам города, как обычный мужчина. Женщины вообще не успевали его увидеть. Никаких примет, никаких свидетелей.

Харальдссон повторил процедуру, на этот раз в Соллефтео. Сперва выяснил, между какими датами Аксель Юханссон там проживал, потом посмотрел нераскрытые сексуальные преступления. Имелись два отчета об изнасилованиях с нападением, почти идентичные случаям в Умео. Уединенные, но не полностью безлюдное места. Нападение сзади. Лицо прижато к земле. Никаких примет, никаких свидетелей.

Харальдссон откинулся на спинку и тяжело задышал. Намечалось нечто грандиозное. Он это чувствовал. Он возьмет реванш с лихвой. Серийный насильник. Возможно, покруче чем Хагаманнен^[14]. И напал на его след Харальдссон. Речь комиссара полиции лена казалась ближе, чем когда-либо.

При всем уважении к Рогеру Эрикссону и тому психологу, происходящее следует признать грандиозным. Действительно грандиозным. На таких делах строят карьеру. Дрожащими руками Харальдссон снова взялся за компьютер. Иевле. Отмечено одно изнасилование за сравнительно короткий период проживания Акселя в городе. Тот же сценарий.

За год, проведенный Акселем в Хельсингборге, — ни одного изнасилования.

Харальдссон замер. Будто бежал по дорожке, здорово разогнался — и вдруг резкая остановка. Как ни странно, его охватило разочарование. Ему бы следовало радоваться тому, что ни одной женщине не пришлось испытать ужас, сопряженный с изнасилованием, но это подрывало его теории. Теории, к окончательному подтверждению которых он уже подошел вплотную. Харальдссон проверил еще раз. Тот же неутешительный результат. Аксель Юханссон прожил в Хельсингборге два года, но за это время не отмечено ни единого нападения, которое бы вписывалось в общую картину. Харальдссон опять откинулся на спинку и допил остатки кофе. Кофе уже успел остыть. Харальдссон размышлял. Это совсем не обязательно что-то означает. Возможно, о преступлениях просто не заявляли. Ведь не обо всех сексуальных преступлениях заявляют. Далеко не обо всех. О большинстве изнасилований с нападением, правда, заявляют, но точно-то знать нельзя.

В принципе Хельсингборг ему не так уж и нужен. Почти во всех предыдущих случаях имеются доказательства в виде ДНК.

Однако это раздражало.

Нарушало целостность.

Получалось, будто рисуешь картину, проводя линии от точки до точки, и вдруг перескакиваешь через одну или две. Конечно, увидеть, что изображено на картине, можно, но взгляд все время притягивают пропущенные места, и это раздражает. Противно. Кроме того, Харальдссон не сомневался, что Аксель Юханссон перерыва не делал. Во всяком случае длиной в два года. Раз уж он начал и пока что выходил сухим из воды.

Харальдссон встал и пошел в столовую, чтобы налить себе еще кофе. Придя на работу, он ощущал какую-то вялость и сонливость, проще говоря, легкое похмелье, но это ощущение быстро улетучилось и сменилось не дающим покоя, напряженным ожиданием. Чувством сродни тому, которое он испытывал в раннем детстве, когда ожидал в Сочельник появления Санта-Клауса. Надо только разобраться с Хельсингборгом.

Вернувшись на место, Харальдссон зашел в их собственный архив. Он знал, что ищет. И действительно, два изнасилования, полностью совпадающие с методом Акселя Юханссона. Оба произошли после появления Акселя в городе.

Значит, остался только Хельсингборг.

Теперь Харальдссон представлял себе картину. Видел ее, но все же хотел соединить последние точки. Они с Пенни однажды были в Хельсингборге. В начале 1990-х. До строительства моста. Отпуск в Сконе^[15] с заездом в Данию на одном из паромов, которые в то время курсировали между странами. Харальдссон помнил, что дорога занимала всего десять минут. Другой город, другая страна, и всего в десяти минутах. Он нашел номер полиции Хельсингёра. Объяснил свое дело, его переключили, снабдили новыми номерами, потом он снова звонил, его переключали, неправильно понимали, опять переключали, но в конце концов соединили с женщиной по имени Шарлот, которая могла ему помочь. Датский язык Харальдссона оставлял желать лучшего, и после нескольких минут переспрашиваний и повторов они дружно перешли на английский.

Он знал время.

Знал способ действия.

Это не должно было занять много времени.

И действительно не заняло. За нужный период в полиции Хельсингёра имелось два нераскрытых дела об изнасиловании с нападением. Харальдссон едва удержался от победного жеста. Дело оказалось международным.

И оно раскрыто.

Теперь остается только найти Акселя Юханссона. Но сперва надо сообщить Хансер.

— Как дела с ногой? — спросила Хансер, почти не отрывая глаз от работы на письменном столе, когда Харальдссон, постучавшись, открыл дверь и вошел к ней в кабинет.

— Спасибо, хорошо.

Харальдссон не намеревался играть по ее правилам. Не собирался давать себя провоцировать или унижать. Он мог позволить ей сохранять перевес в течение еще нескольких секунд. Скоро ей придется признать, что, несмотря на маленький промах, он все-таки отличный полицейский. Гораздо лучше, чем она когда-нибудь была или станет.

— Ты сказала, чтобы я не смел приближаться к расследованию дела Рогера Эрикссона.

— Именно. Надеюсь, ты так и поступаешь.

— В каком-то смысле да. — Харальдссон взвешивал каждое слово. Ему хотелось растянуть это мгновение, не раскрывать всего сразу. Хотелось видеть каждый шаг Хансер на пути от неприязненного недоверия к невольному восхищению.

— Я присмотрелся поближе к Акселю Юханссону.

Хансер не реагировала, продолжала интересоваться исключительно лежащими перед ней бумагами. Харальдссон приблизился к ней на шаг. Понизил голос.

Выразительнее.

Интереснее.

— У меня возникло ощущение, что он в чем-то замешан. В чем-то ином, нежели привязка к Рогеру. Ощущение... Если хочешь, можешь назвать это интуицией.

— Хм.

Она изображала полное отсутствие интереса. Может, еще с минуту она продержится, но довольно скоро ей придется отреагировать.

— Я оказался прав. Он насильник. Серийный насильник.

Хансер подняла скучающий взгляд:

— Неужели?

Она ему не верит. Не хочет верить. Скоро у нее не останется выбора. Харальдссон сделал последние несколько шагов к ее письменному столу и положил перед ней краткий отчет о сегодняшней работе. Города, временные параметры, переезды, жертвы.

— Я обнаружил связь, указывающую на то, что за последние двенадцать лет он совершил изнасилования в Умео, Соллефтео, Иевле, Хельсингборге и здесь, в Вестеросе.

Хансер бросила взгляд на список и впервые сосредоточила внимание на Харальдссоне.

— Ты надо мной издеваешься?

— Что? Нет, конечно, требуется анализ ДНК, но я знаю, что прав.

— Все отделение знает, что ты прав.

— Что? Как это? Я пока не знаю, где он, но...

— Зато я знаю, — перебила его Хансер.

Харальдссон был обескуражен. Разговор принял оборот, на который он никак не рассчитывал. Что она, собственно, хочет сказать?

— Знаешь?

— Аксель Юханссон сидит в третьей камере. Его сегодня утром арестовал твой коллега Раджан.

Харальдссон слышал, что она сказала, но никак не мог вникнуть в информацию. Он застыл на месте буквально с открытым ртом.

* * *

Урсула решила выбросить из головы вчерашнюю неудачу и сконцентрироваться на том, в чем была истинным профессионалом, — на обследовании места преступления. Ее примитивный тест быстро дал результат, которого она ожидала: они, вне всяких сомнений, обнаружили человеческую кровь. Это подстегнуло Урсулу еще больше. Теперь она ходила и присматривалась.

Без спешки.

Сейчас надо составить себе общее впечатление, познакомиться с картиной в целом, чтобы потом сконцентрироваться на деталях. Начать анализировать следы и получить представление о наиболее вероятном развитии событий. Она затылком чувствовала взгляд Торкеля, но он ее не напрягал, скорее напротив, она знала, что Торкель восхищается ею. Это

ее звездный миг, а не его. Пока она медленно ходила взад и вперед внутри заграждения, осторожно, чтобы не повредить каких-нибудь доказательств, остальные наблюдали за ней с расстояния. Через десять долгих минут она подошла к ним, чувствуя, что готова.

— О количестве крови судить трудно. Какая-то часть впиталась в землю, вероятно, тут поковырялись вороны и разные животные, но это кровь человека, и ее много. Взгляните сюда.

Подойдя к концу заграждения, Урсула указала на мягкую землю. Ванья, как всегда проявлявшая наибольшую активность, осторожно сделала несколько шагов и присела на корточки, чтобы хорошенько рассмотреть то, на что показывала Урсула.

— Отпечатки шин.

— Похоже, «Пирелли П7», я узнаю этот зигзаг посередине. Здесь стояла машина. Она уехала отсюда по той маленькой лесной дороге. — Урсула показала на следы в траве, ведущие к узкой разъезженной дороге. Она улыбнулась им с известным торжеством в глазах.

— Я бы сказала, что перед нами место преступления. Конечно, лаборатория еще должна подтвердить, что это кровь Рогера, но в Вестеросе едва ли найдется много других людей, потерявших в последние недели несколько литров крови. — Она сделала эффектную паузу, оглядывая поляну. — Однако убили его не здесь.

— Ты ведь, кажется, только что сказала, что это место преступления, — начал Торкель.

— Это и есть место преступления, но не место убийства. Жертву сюда перетащили. Посмотрите сюда.

Урсула осторожно повела остальных по тропинке по направлению обратно к стадиону. Мимо заграждения и дальше.

— Старайтесь держаться рядом с тропинкой. Уже достаточно плохо, что мы по ней разок прошлись.

Они молча двинулись дальше и вскоре увидели то, что обнаружила Урсула. Отчетливые следы крови на бледно-желтой траве. Торкель помахал полицейскому в форме:

— Надо расширить заграждение.

Урсула, не обращая внимания, пошла дальше мимо кустарника и молодых побегов вверх по склону и вышла к футбольному полю.

— Кто-то стащил его вниз. Отсюда. — Урсула показала рукой в сторону стадиона, и, присмотревшись, они увидели слабые следы на сером гравии края стадиона. Такие следы могли оставить только две пятки.

Все застыли, проникнувшись серьезностью момента: так близко они еще не подходили. Была некая магия в том, как обычное тоскливое место обретает значение только потому, что ты смотришь на него глазами Урсулы. Маленькие, едва заметные пятнышки становились кровью, сломанные ветки — отпечатками мертвого тела, а грязный гравий переставал быть всего лишь камешками и оказывался местом, где навсегда угасла жизнь юноши. Теперь они двигались еще медленнее, стремясь вперед, но с осторожностью. Прежде всего чтобы не испортить каких-нибудь доказательств, но и чтобы не утратить эту проясняющую, освобождающую магию. Торкель достал телефон и позвонил Хансер. Ему требовалось подкрепление, надо было значительно расширить зону поиска. Как раз когда Хансер ответила, они подошли к месту, где едва заметные следы обрывались и сменялись круглым темным пятном, которое могло означать только одно. Они стояли на месте, где умер шестнадцатилетний мальчик. Где все и началось, и закончилось.

Торкель поймал себя на том, что шепчет, объясняя Хансер, где они находятся.

Себастиан огляделся. Они сделали важную находку. Выявили не просто отдельные следы, а весь ход событий. Теперь требовался следующий шаг. Следы крови и волочения трупа — это да, но им необходимо дойти до сути и начать сближение с убийцей. Место преступления является одним из важнейших компонентов расследования убийства. О последнем пути Рогера им уже кое-что известно. А что говорит место об убийце?

— Странное место, чтобы в кого-нибудь стрелять. Посреди футбольного поля, — через некоторое время произнес Себастиан.

Урсула кивнула:

— Особенно при наличии там многоэтажных домов. — Она указала в сторону трех больших высоких серых зданий, расположенных на возвышении неподалеку.

— Это, безусловно, подтверждает теорию, что убийство не планировалось, — Себастиан отошел на несколько шагов от темного пятна, горя желанием обсудить возможности. — Рогера застрелили здесь. Когда он умер, убийца понял, что необходимо извлечь пулю. Для этого он избрал более укромное место. Первое попавшееся, выбор нам ни о чем не говорит.

Остальные кивнули.

— Кроме того, мы знаем, что Рогеру выстрелили в спину, верно? Тогда существуют два варианта. Либо Рогер знал об угрозе и пытался бежать, либо его застрелили совершенно неожиданно.

— Думаю, он знал, — решительно заявила Урсула. — Определенно. Он бежал от угрозы.

— Согласна, — вставила Ванья.

— Что заставляет вас так думать? — спросил Торкель.

Урсула впервые за день посмотрела ему в глаза:

— Посмотри на место убийства. Мы находимся в самом конце стадиона. Если бы я чувствовала угрозу, я побежала бы к лесу. Особенно если бы кто-то направил на меня оружие.

Торкель огляделся. Урсула права. Футбольный стадион кажется отсюда прямоугольником: дальняя короткая сторона почти вплотную подходит к клубу и большой открытой парковке; вдоль одной длинной стороны идет высокий забор, метрах в десяти за ним дорога, дальше — поле; с противоположной длинной стороны расположены многоэтажные дома, и еще лес возле ближайшей короткой стороны. Лесная сторона совершенно естественно воспринимается как наилучшее убежище. Если приходится принимать решение молниеносно. Конечно, бежать к домам вроде бы не менее надежно, но они располагаются на возвышении и кажутся скорее неприступным фортом, нежели хорошим укрытием. Кроме того, разница в уровнях вынудила бы его сбавить скорость.

Молча озиравший окрестности Себастиан робко поднял руку:

— Позвольте мне изложить другую версию.

— Какая неожиданность, — театральным шепотом произнесла Ванья.

Себастиан притворился, будто не слышит.

— Я согласен с вами. Если Рогер действительно видел угрозу, он наверняка побежал бы к лесу. Но я не совсем понимаю, каким образом он мог ее видеть. — Себастиан сделал паузу. Все его внимательно слушали. — Мы сейчас исходим из того, что Рогер приехал сюда на машине. Парковка располагается там, вдали, — Себастиан махнул рукой в направлении

противоположной короткой стороны, здания клуба и парковки, где стояли несколько полицейских машин.

На парковку свернули несколько легковых автомобилей, из них стали выходить мужчины, которых тут же остановила полиция. Сюда уже добрались журналисты.

— Неужели Рогер проделал весь этот путь вместе с кем-то, кто имел при себе ружье? — продолжил Себастиан.

— Правда, в лесу тоже имеются следы шин, — вставила Урсула.

— Ты хочешь сказать, что он направлялся не к лесу, а из него? — поинтересовался Торкель.

— Не исключено, — ответила Урсула.

— Возможно, но маловероятно, — Себастиан покачал головой. — Недоступное, удаленное, скрытое от глаз место. Зачем бы человеку съезжать туда на машине и парковаться, если он не планировал причинять Рогеру вред? А мы вроде бы сошлись на том, что убийство не планировалось заранее.

Остальные согласно закивали. Себастиан повел рукой в сторону леса:

— Взгляните на это место. Довольно пустынно. Подходящее местечко для того, чтобы кого-нибудь незаметно высадить, — а мы ведь, кажется, находимся недалеко от дома Рогера?

— Да, думаю, его дом должен располагаться позади них. — Ваня махнула рукой в направлении высоких домов. — Примерно в полукилometре отсюда.

— Тогда это довольно удобный короткий путь, верно? — произнес Себастиан.

Остальные закивали. Торкель посмотрел на него. Почесал щеку, почувствовав, что забыл утром побриться.

— Что ты имеешь в виду? Рогера подвезли сюда и... что?

Все взгляды устремились на Себастиана, в точности как ему и хотелось.

— Лиза говорила, что Рогер собирался с кем-то встретиться...

Водитель, которому в недалеком будущем предстоит стать убийцей, поджидает в машине и, увидев идущего по противоположной стороне улицы Рогера, тихонько сигналист. Рогер пересекает улицу и после разговора через опущенное боковое стекло садится в «вольво», они уезжают. По пути водитель с Рогером что-то обсуждают и не приходят к согласию. Водитель заезжает на парковку возле стадиона, и Рогер выходит. Возможно, он неправильно понял ситуацию и чувствует себя триумфатором. Возможно, разговор был ему неприятен, и он спешит через стадион к дому. В любом случае он не представляет себе, что происходит у него за спиной. Водитель обдумывает ситуацию. Не видит выхода. Или, точнее, видит только один выход. Он принимает поспешное и непродуманное решение: выскакивает из машины, открывает багажник и достает ружье. Рогер идет через футбольное поле, не зная о том, что кто-то целится в него с парковки. Расстояние не слишком велико. Особенно если человек хорошо владеет оружием. Охотник или стрелок. Водитель стреляет. Рогер падает. Водитель соображает, что пуля, естественно, выведет на его след. Он бежит через стадион, тащит Рогера в скрытый от глаз лес. Бежит обратно, объезжает вокруг на машине, извлекает пулю, наносит удары по телу, загружает его в автомобиль и везет к болоту, чтобы утопить.

Себастиан умолк. По дороге проезжали редкие машины. В лесу пела одинокая птица.

— Ты сказал стрелок. Ты по-прежнему считаешь, что это директор? — нарушил тишину Торкель.

— Это лишь версия. Теперь, пожалуйста, продолжайте техническое обследование без меня. — Себастиан двинулся в сторону высоких домов. Торкель посмотрел ему вслед.

— Куда ты?

— Хочу поговорить с Леной Эрикссон, узнать, пользовался ли Рогер этим коротким путем. Если да, то это подтвердит мою версию и увеличит возможность того, что кто-нибудь видел здесь его и машину в какой-то другой раз.

Остальные кивнули. Себастиан остановился и обернулся, сделав пригласительный жест.

— Кто-нибудь хочет пойти со мной?

Никто желаний не изъявил.

Себастиан быстро нашел хорошо утоптанную тропинку, ведущую на возвышение с серыми домами. Вскоре тропинка вывела его на асфальтированную пешеходную дорожку, которая, петляя, поднималась дальше наверх и скрывалась между домами. Себастиану помнилось, что дома построили, когда он еще учился в Пальмлёвской гимназии, но подходить к ним так близко, как сейчас, ему прежде не доводилось. Дома находились не в лучшей части города, а кроме того, его родители испытывали свойственную среднему классу неприязнь к съемным квартирам. Люди их круга жили на виллах. Себастиан увидел, что к оставшемуся внизу футбольному полю подъехали новые полицейские машины. Они пробудут там долго, в этом он не сомневался. Техническая сторона полицейской работы вызвала у него смешанные чувства. Умом он понимал ее важность — она давала веские доказательства, которые чаще всего имели решающее значение в суде и приводили к большому количеству обвинительных приговоров, чем его собственная специализация. Приводимые им доказательства, если их вообще можно назвать доказательствами, были гораздо более гибкими, и хороший адвокат мог поставить их под сомнение, повернуть под другим углом и опротестовать. Это были скорее рабочие гипотезы и теории о темных движущих силах, более применимые на стадии предварительного следствия, чем в освещенном зале суда. Однако для Себастиана доказательства никогда не играли главной роли, им двигало не стремление содействовать обвинительному приговору. Его цель заключалась в проникновении в душу преступника. Вознаграждением для него являлась возможность предвидеть следующий шаг убийцы.

Когда-то это занимало все его мысли, составляло главную цель его жизни, и сейчас он понимал, насколько ему этого не доставало. В последние дни он вновь ощутил привкус знакомого чувства, хотя, по правде говоря, работал даже не вполсилы. В концентрации заключалось нечто особенное. На секунду Себастиан почти забыл о своем горе и вечной боли. Он остановился, обдумывая эту мысль. Неужели возможно вернуться обратно?

Обрести движущую силу.

Одержимость.

Сменить фокус.

Разумеется нет. Кого он, собственно, пытается обмануть? Как прежде никогда уже не будет.

Никогда.

Об этом позаботятся его сны.

Себастиан открыл застекленную входную дверь дома Лены Эрикссон. В Стокгольме обязательно бы имелся кодовый замок, а тут просто открывай дверь и заходи. Он не помнил, на каком этаже живет Лена. Табличка при входе извещала, что на третьем. Себастиан стал подниматься пешком, эхо от его тяжелой поступи разносилось по лестничной клетке с

белесо-бежевыми стенами. На площадке третьего этажа он остановился. Странно. Дверь в квартиру Лены Эрикссон была приоткрыта. Себастиан подошел, позвонил в звонок и, осторожно надавив на дверь ногой, прокричал:

— Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало. Дверь медленно открылась, и перед Себастианом оказалась маленькая прихожая. На полу какая-то обувь, коричневый комод с пачкой небрежно брошенных рекламных листов.

— Есть кто дома?

Себастиан вошел. Слева дверь, ведущая в туалет. Прямо — обставленная мебелью из магазина «ИКЕА» гостиная. Воздух спертый, сильно накурено. Жалюзи опущены, отчего квартира казалась темной, особенно при полностью выключенном свете.

Себастиан зашел в гостиную и увидел, что на полу валяется стул и какая-то битая посуда. Он остановился с ощущением нарастающего беспокойства. Здесь что-то случилось. Тишина в квартире внезапно сделалась предвестницей беды. Себастиан быстро прошел дальше, в помещение, очевидно, представляющее собой кухню, и тут он увидел Лену. Она лежала на линолеуме необутая, ступни обращены в его сторону. Одна нога переброшена через другую. Кухонный стол перевернут, лежит на боку. Себастиан подбежал и склонился над Леной. Ему стала видна вытекшая из ее затылка кровь. Волосы у Лены совершенно слиплись, а кровь образовала под головой круглую сверкающую лужицу, словно глаорию смерти. Он принялся искать на белой шее признаки пульса, но вскоре понял, что холод, который ощущали кончики его пальцев, мог означать только одно: он опоздал. Себастиан снова выпрямился и достал мобильный телефон. Только он собрался позвонить Торкелю, как телефон у него в руке зажужжал. Номер на дисплее Себастиан не узнал, но поспешно ответил взволнованным голосом:

— Да!

Звонил Билли. Его голос звучал ликующе, и Себастиан даже не успел сообщить, где он находится и что обнаружил.

— Торкель тебе уже звонил?

— Нет, но...

— У Пальмлёвской гимназии имеется «вольво», — быстро проговорил Билли. — Вернее, у фонда, который ее содержит. Темно-синяя модель *S-60* 2004 года. И есть кое-что еще лучше...

Себастиан вышел в гостиную, подальше от тела. Ситуация представлялась слишком абсурдной, чтобы обсуждать с Билли модели машин «вольво».

— Билли, послушай меня.

Но Билли не слушал. Напротив. Он говорил, быстро и взволнованно:

— Я получил распечатки разговоров с того телефона, откуда отправлялись эсэмэс Рогеру. С того же телефона звонили Франку Клевену и Лене Эрикссон. Улавливаешь, что это означает?

Себастиан сделал глубокий вдох и уже собрался прервать Билли, когда заметил кое-что в комнате Рогера. Нечто такое, чего там ни при каких условиях не должно было быть. Почти не слушая Билли, он прошел оставшиеся несколько шагов до двери в комнату мальчика.

— Теперь мы возьмем Грота! Он у нас в руках. — В голосе Билли прямо чувствовались торжествующие нотки. — Эй, Себастиан, ты меня слышишь? Теперь директора можно брать!

— Этого не требуется... Он здесь.

Себастиан опустил телефон и уставился на Рагнара Грота, висевшего на крюке от люстры в комнате Рогера.

Рагнар Грот неотрывно смотрел на него мертвым взглядом.

Остаток дня они работали не покладая рук. Действовали быстро и эффективно, не допуская при этом ни малейшей небрежности. События дня требовали полнейшей концентрации. Если до сих пор им не хватало прорыва, то теперь они, судя по всему, находились в нескольких шагах от раскрытия дела. Они не имели права на ошибку. Ни в чем. А справиться со всем было чрезвычайно трудно. Им требовалось время, чтобы сопоставить данные и получить техническое подтверждение материала и находок, а от них ждали молниеносного результата.

Торкель пытался как можно дольше скрывать все от прессы — не в интересах расследования, чтобы информация о месте убийства или о двух трупах в квартире стала достоянием общественности. Но, как и при всех экстремальных расследованиях с большим количеством задействованных лиц, сведения о смерти директора Рагнара Грота вскоре просочились наружу. Начались бурные обсуждения, особенно в местной прессе, которая, похоже, имела доступ к хорошо информированному источнику в полиции, и тянуть было уже нельзя. Торкель и Хансер устроили общую пресс-конференцию, чтобы получить возможность хоть сколько-нибудь спокойно работать. Торкель, который обычно соблюдал крайнюю осторожность в высказываниях, суммировав вместе с Урсолой и Хансер кое-какие предварительные результаты, решил, что у них есть основания обещать скорый прорыв в расследовании. Когда они приехали, комната оказалась заполненной журналистами до отказа, и Торкель не стал тратить время на раскачку, а сразу приступил к делу.

Обнаружены еще двое мертвых: мужчина и женщина.

Женщина приходится близкой родственницей покойному Рогеру Эрикссону, и ее, судя по всему, лишил жизни мужчина, которого нашли мертвым.

Многое указывает на то, что мужчина, уже ранее фигурировавший в расследовании, после смерти женщины покончил с собой.

Впрочем, одно Торкель дал понять ясно: подозреваемым является не тот юноша, которого задерживали на ранней стадии расследования. Он по-прежнему вне подозрений. Торкель подчеркнул это еще раз, прежде чем закончить свое краткое выступление.

Журналисты напоминали ос, перед которыми поставили клубничный сок. Вверх взметнулось множество рук, вопросы посыпались градом. Все говорили, не слушая друг друга, а только требуя ответов. Торкелю удавалось различать многократно повторяющиеся вопросы.

Соответствуют ли действительности сведения о том, что речь идет о директоре Пальмлёвской гимназии?

Действительно ли он является тем мужчиной, которого они нашли?

Убитая женщина — это мать Рогера?

Торкелю пришлось в голову, что между двумя командами в этой тесной душной комнате ведется совершенно особая игра. С одной стороны — журналисты, на самом деле столь же хорошо информированные, как те, кому они задают вопросы. С другой стороны — полицейские, в чью задачу, по сути дела, входит придать уже известному статус официального. Одна сторона заранее знает ответы, а вторая — вопросы.

Это не всегда бывало выражено столь явно, Впрочем, Торкель давно не участвовал в расследованиях, где бы отсутствовала утечка информации. Во всяком случае, как только

сведения выходили за пределы его маленькой группы.

Торкель отвечал максимально уклончиво, упорно продолжая ссылаться на то, что расследование еще идет. Он привык уходить от вопросов журналистов. Вероятно, поэтому и не пользовался у них особой популярностью. Хансер приходилось труднее. Торкель мог это понять. Речь идет о ее городе, ее карьере, и соблазн иметь их лучше в друзьях, нежели в недругах, стал под конец брать верх.

— Я могу сказать лишь, что некоторые следы ведут в сторону школы, — начала она, но тут Торкель быстро поблагодарил собравшихся от имени обоих и увел ее из зала.

Торкель видел, что ей стыдно, но она все же попыталась оправдаться:

— Они ведь все равно это уже знали.

— Суть не в этом. Что им выдавать, решаем мы. Не наоборот. Это дело принципа. Теперь в школе начнется настоящий цирк.

Как раз этого Торкелю хотелось избежать. Ведь школа теперь вышла на первый план как место потенциальных находок. Одной из первых мер, предпринятых Торкелем после страшной находки Себастиана, стало расширение зоны поиска, что он предварительно обсудил с Билли и Урсулой. Дом Грота обнаружил почти подозрительное отсутствие личных принадлежностей, не говоря о доказательствах. Машина числилась за фондом, содержащим школу, поэтому проведение обыска в здании представлялось совершенно естественным. Это было единственное известное им место, к которому Грот имел неограниченный доступ. Торкель быстро принял решение направить туда Урсулу, после того как та проведет предварительный осмотр нового места преступления. Однако ехать ей предстояло не одной, а вместе с Себастианом.

К изумлению Торкеля, Урсула даже не запротестовала. Когда фрагменты мозаики были вот-вот готовы сложиться в единое целое, возможность раскрыть дело оказалась превыше собственного «я», а хорошо помещения школы знал только Себастиан. Конечно, знания у него были тридцатилетней давности, но тем не менее... Урсула даже предложила ему сесть на переднее сиденье.

По пути в школу они не разговаривали.

Всему есть предел.

* * *

Оставленный в офисе Билли чувствовал себя совершенно не в курсе происходящего. Торкель попросил его попытаться установить местонахождение темно-синей машины *S-60* с регистрационным номером *BSG 228*. В школе ее не было — это подтвердили и Урсула, и секретарши директора. Билли оповестил патрульных и решил все-таки отправиться в квартиру Лены Эрикссон. Он сделал все что мог, и ему хотелось составить собственное впечатление о новом месте преступления. Отделение полиции казалось более пустынным, чем обычно, и Билли заподозрил, что Торкель распорядился отправить большую часть персонала для оцепления мест преступления и школы. Теперь им предстояло проанализировать много мест. Футбольное поле, квартиру Лены, повторно — дом Грота и школу. Четыре интересных места одновременно — колоссальный объем работы. Торкелю пришлось выбирать, чем они будут заниматься сами, а что передадут криминалистам из полиции Вестероса.

Усаживаясь в машину, Билли пребывал в приподнятом настроении. Впервые за долгое время он чувствовал, что раскрытие убийства Рогера не за горами. Все сейчас, похоже, шло им навстречу. Только бы так и продолжалось. Когда Билли сворачивал к дому Лены, один из патрульных вышел на связь и сообщил, что разыскиваемая машина стоит возле дома, к которому он направляется. Полминуты спустя Билли оказался рядом с «вольво» и позвонил Торкелю, чтобы рассказать о находке. Торкель вместе с Ваньей находился в квартире Лены и как раз нашел в одном из карманов директора ключи от «вольво».

Казалось, теперь все действительно идет им навстречу.

* * *

В течение тридцати минут Урсула с Себастианом осмотрели все помещения школы и теперь стояли перед грязно-серой стальной дверью в школьном подвале. Спустившимся вместе с ними вниз завхозу и даме из канцелярии эта дверь оказалась незнакома. Во времена Себастиана здесь находилось бомбоубежище, но никто точно не знал, для чего используется помещение за дверью сейчас. Сотрудники школы особой услужливостью не отличались, и завхоз с дамой из канцелярии не собирались помогать открывать дверь, не поговорив с директором. Себастиан посмотрел на них, и ему вспомнилось, как суетился персонал вокруг его собственного отца. Суетился — это, пожалуй, мягко сказано. Уважение, или, скорее, страх перед авторитетом, вероятно, въелось в здешние стены. Хватит!

— Скажем так: я знаю, что Рагнару Гроту наплевать, откроете вы дверь или нет. Его это больше не волнует.

Не помогло. Скорее напротив.

Завхоз слегка заважничал и стал вдруг утверждать, будто у него все равно нет ключа от этой двери. И никогда не было. Дама из канцелярии согласно закивала. Себастиан подошел к ним ближе; он видел во взгляде завхоза сомнение. Власть Рагнара Грота заканчивается, они оба это знали, но каким-то образом именно это, вероятно, и придавало завхозу энергии. Последний бой перед падением института, всегда считавшего себя выше большинства. Себастиан смотрел на мужчину, сознавая, что в данный миг приблизился к уничтожению мечты отца больше, чем когда-либо. После этого Пальмлёвская гимназия и ее безупречная репутация уже никогда не будут прежними. Независимо от того, виновен директор или нет. Себастиан понимал это, того же мнения, вероятно, придерживался и стоящий перед ним мужчина. Хоть завхоз ничего и не знал о судьбе Рагнара, допросы и постоянные визиты полиции кое-что ему подсказали. Чистое вскоре перестанет быть чистым. Они смотрели друг на друга не отводя глаз. Себастиан видел перед собой уже не просто школьного завхоза, а бесконечную ложь, лицемерие и все, что олицетворяло собой творение его отца. Чтобы зарядиться энергией, Себастиан сделал глубокий вдох, а затем приблизился еще на шаг с целью вытрясти все до последнего ключи из карманов стоящего перед ним не крупного мужчины. Дверь будет открыта. Урсула, редко видевшая Себастиана в столь воинственном настроении, остановила его.

— Уходите отсюда! — Она жестом отправила персонал восвояси и посмотрела на Себастиана. — Мы полицейские. Не забывай. Веди себя соответственно.

Потом она молча прошла мимо него. Себастиан посмотрел ей вслед, в виде исключения не находя язвительной ответной реплики, что обычно являлось его коньком. Но она

ошибается. Он не полицейский. Он здесь только ради себя самого, а не ради кого-то другого. С этого начиналось, этим и закончится. Он с удовольствием поможет им «опустить» Пальмлёвскую гимназию, если только это будет в его силах, но потом — все, он пойдет дальше. Разыскивать женщину, с которой когда-то переспал.

Только и всего.

И ничего больше.

Урсула молча вернулась. Она принесла с собой ящик с инструментами, поставила его на пол и открыла. Нырнула в него и появилась обратно с большой электродрелью. Всего тремя минутами позже вокруг Урсулы уже летала металлическая стружка, а она вовсю сверлила замок. Они общими усилиями надавили на дверь и заглянули в скрытую за ней комнату. Внутри все напоминало хорошо организованный офис. Разумеется, без окон, но с белыми стенами, мягким освещением и большим, темного цвета письменным столом, на котором стоял компьютер. Несколько стильных шкафчиков для документов, а в центре — английское кожаное кресло. По педантичному порядку Себастиан сразу понял, что они нашли то, что искали. Мебель стояла симметрично, придавая комнате сбалансированный вид, а расположение ручек и карандашей на письменном столе просто выкрикивало имя директора. Себастиан с Урсулой переглянулись и даже улыбнулись друг другу. Маленькая тайна директора, какой бы она ни была, теперь раскрыта.

Урсула протянула Себастиану пару белых, с синеватым отливом латексных перчаток и вошла в комнату первой. Помещение напомнило Себастиану одну из образцовых комнат для допросов, которые он видел, когда вместе с Лили посещал Музей Штази в бывшей ГДР. Внешне все красиво и цивилизованно, но стены вибрируют от тайн и событий, которые, как предполагалось, никогда не выйдут наружу. Противоречие в запахе, которое они с Урсулой ощутили, едва войдя внутрь, только подкрепило это чувство: свежий лимон и сухая спертость воздуха.

Они приступили к осторожному обследованию. Себастиан взялся за начищенные до блеска шкафчики, Урсула — за письменный стол. Буквально через несколько минут Себастиан сделал первую находку позади папок одного из шкафчиков. Он показал Урсуле пачку *DVD*-дисков с яркими фотографиями:

— *Real Men, Hard Cocks*. Диски два и три. Интересно, где у него первый?

Урсула сухо усмехнулась:

— Мы ведь только начали. Ты его наверняка найдешь.

Себастиан продолжал перебирать отдельные диски.

— *Vareback Mountain. Bears Jacking and Fucking*^[16]. Не слишком разнообразно, — Себастиан отложил диски и продолжил обыскивать шкаф.

— Посмотри-ка.

Урсула подошла к нему и заглянула в шкафчик. Сзади за папками лежала коробка от мобильного телефона «Самсунг», на первый взгляд совсем новая. Урсула потянулась за коробкой.

Обыск в квартире Лены Эрикссон подтвердил версию, которую разрабатывали Торкель с Ваньей. Грот по какой-то причине оказался дома у Лены. Они поругались. Глубокие раны на затылке Лены указывали на то, что ее толкнули или она сама упала и так сильно ударилась об острый край кухонного стола, что скончалась от полученных ран. Не удалось обнаружить ничего, опровергавшего версию того, что Рагнар Грот покончил с собой. На

письменном столе Рогера Ванья даже нашла коротенькое прощальное письмо, написанное на вырванном линованном листе А4.

Синей шариковой ручкой было написано: «Простите меня».

После того как Урсула провела предварительное обследование квартиры и уехала с Себастианом в гимназию, дальнейшую работу организовывал Торкель. Главной проблемой стало не допустить излишней беготни по квартире, чтобы не повредить улики. Складывалось впечатление, что сюда по какой-то причине норвила заехать вся полиция Вестероса, и Торкелю пришлось спешно поставить при входе на лестницу мощного полицейского, который следил за тем, чтобы внутрь заходили только те, кому следовало.

Первым делом они сконцентрировались на телах. Сфотографировали их во всех мыслимых ракурсах, чтобы как можно скорее отправить на вскрытие. Ванья нашла в Лениной сумочке ее мобильный телефон, который дал дополнительные сведения о развитии событий, приведших к трагедии.

Два часа спустя после того, как Лена покинула отделение полиции, где ей показали снимки темно-синего «вольво» S-60, она позвонила по телефону. Разговор длился всего двадцать пять секунд. Позвонила мужчине, висевшему в спальне ее сына и имевшему доступ к темно-синему «вольво» S-60. Все говорило о том, что Лена узнала машину, но по какой-то причине предпочла им об этом не сообщать.

Возникал вопрос: почему?

Почему она предпочла связаться с Гротом?

Ванья немедленно предположила, что между Леной и Гротом должна существовать какая-то связь, о которой им не известно. Когда минутой позже позвонила Урсула и рассказала, что они с Себастианом обнаружили в гимназии потайную комнату, просто напичканную уликами против Грота, Ванья поняла, что не ошиблась.

Особенно веской уликой был телефон с анонимной сим-картой, лежавший в упаковке в шкафчике для документов. Перечень разговоров с него включал только три номера.

Один принадлежал Франку Клеvenu, а остальные два — Рогеру и Лене Эрикссонам. Кроме того, именно с этого телефона посылались умоляющие эсэмэс Рогеру непосредственно перед его смертью. Ванья включила на своем телефоне громкую связь, чтобы Торкель тоже мог слышать новости. Еще Себастиан с Урсулой обнаружили школьную книгу бухгалтерского учета и массу гей-порно. Все четверо решили встретиться в отделении через час.

* * *

Билли немного задержался, и, когда он вошел, остальные уже начали обсуждение. В конференц-зале, казалось, стало теплее, будто последние часы не только накалили атмосферу в самом расследовании, но и повлияли на окружающую среду. Урсула кивнула Билли.

— Ну, как я сказала, гимназия была для Рагнара Грота поистине любимым чадом. Он занимался всем, даже лично вел бухгалтерский учет. Вот, взгляните, — Урсула достала несколько листов А4 и раздала остальным. — Мы искали связь между Гротом и Леной Эрикссон. В бухгалтерской книге за последний месяц бросаются в глаза три статьи расхода с рубрикой «Личные расходы». Сперва две тысячи крон, а потом еще дважды по пять тысяч.

Урсула сделала паузу. Все в комнате догадывались, к чему она клонит, но дружно промолчали, поэтому она продолжила:

— Я позвонила в банк. Лена Эрикссон вносила на счет примерно такие же суммы буквально день спустя.

Урсула неоспоримым образом связала покойных между собой.

— Шантаж? — подкинул мысль Торкель.

— Почему бы он иначе выдал ей двенадцать тысяч крон?

— Особенно учитывая, что Рагнар параллельно посылал Рогеру эсэмэс с просьбой что-то там прекратить, — добавила Ванья, указывая на телефон в новенькой упаковке.

— Вопрос в том, что именно он просил прекратить, — заметил Билли, которому хотелось тоже войти в игру. — Здесь тоже существует пара вариантов.

— Нам известно, что Рагнар любил мальчиков, — сказала Ванья, кивнув на лежащие на столе порнофильмы. — Возможно, Лена об этом узнала.

— Неужели ты заплатила бы двенадцать тысяч за то, чтобы никто не узнал, что ты смотришь на компьютере гей-порно? — поинтересовался Себастиан с резонным скепсисом в голосе. — Он мог просто выбросить диски. Для успешного шантажа она должна была разузнать о чем-то более криминальном.

— Например о чем? — спросила Ванья.

— Я думаю о том, что сказала тебе Лиза. Что у Рогера имелись тайны... — Себастиан помедлил с окончанием предложения, и Ванья сразу поняла, на что он намекает.

Она взволнованно выпрямилась на стуле.

— ...и что он с кем-то встречается. С Рагнаром Гротом?

Остальные посмотрели на Ванью и Себастиана. В их словах, конечно, что-то было. Все понимали, что тайна, ставшая причиной трагедии, несомненно, являлась для Рагнара Грота очень серьезной, чтобы не сказать роковой. Запретные сексуальные отношения с шестнадцатилетним учеником определенно подпадали под эту категорию.

— Лена могла узнать об этом. И вместо того, чтобы заявить на него, решила извлечь из ситуации личную выгоду.

— Нам известно, что она нуждалась в деньгах. Она ведь даже продала интервью тем, кто предложил ей заплатить больше всех, правильно? — Ванья вопросительно кивнула подошедшему к доске Торкелю.

Он теперь снова был в форме. Все прежнее раздражение как ветром сдуло. Личную драму тоже.

— Ладно, давайте попробуем проработать эту версию, — продолжая говорить, он принялся набрасывать на доске почти нечитабельные заметки. Его почерк ухудшался пропорционально степени экзальтированности. — За месяц до убийства Рогера Рагнар Грот начал выплачивать Лене деньги. Как мы предполагаем, чтобы помешать ей предать что-то огласке. Так? Возможно, его интимные отношения с ее сыном. Что нам на это указывает? Давайте здесь на секунду остановимся, — он требовательно посмотрел на членов своей команды, желая услышать их соображения.

Первой высказалась Ванья:

— Мы знаем, что Грот был гомосексуалистом. Мы также знаем, что он посылал Рогеру эсэмэс, стремясь что-то прервать или прекратить. Значит, их что-то связывало. Лиза рассказала, что, по ее мнению, Рогер с кем-то тайно встречался.

— Подожди-ка. — Торкель не успевал записывать.

Ванья замолчала.

— Нам известно, что Грот был в мотеле в тот вечер, когда Рогер находился поблизости, — продолжила она, увидев на доске нечто похожее на «встретаться» и «тайно». — Мы знаем, что Грот использовал мотель для сексуальных свиданий. Кроме того, Рогера в тот вечер поджидала школьная машина, в которую тот, по всей вероятности, сел. Многие указывает на то, что машина отвезла его к футбольному стадиону.

— Я могу, если хотите, немного рассказать о машине, — вставил Билли. — Там обнаружено кое-что интересное.

Торкель кивнул.

— Конечно, давай.

— К сожалению, никаких видимых следов крови в машине нет, но я нашел в ней отпечатки пальцев Рогера, Рагнара Грота и еще двоих людей. Отпечатки Рогера имеются на двери возле пассажирского сиденья и на бардачке. Кроме того, я обнаружил в багажнике рулон полиэтилена, который можно использовать, чтобы завернуть тело. Урсуле придется заглянуть в машину после совещания, чтобы проверить, нет ли там следов крови и ДНК. У машины к тому же подходящие шины, «Пирелли П7», — Билли встал и выложил на стол изрядно потрепанную книгу в жесткой красной обложке. — Еще я нашел журнал с путевыми листами. Любопытно, что там значится поездка в четверг накануне исчезновения Рогера, а следующая — в понедельник, после выходных. Однако между ними не хватает семнадцати километров.

— Значит, кто-то воспользовался машиной между пятницей и утром понедельника и наездил семнадцать километров? — спросил Торкель, лихорадочно записывая на доске.

— Согласно журналу — да. Вообще-то при желании легко датировать дополнительный километраж более поздним числом. Однако семнадцать километров не вписаны.

Себастиан бросил взгляд на карту, висящую рядом с Торкелем:

— Путь от школы к мотелю, футбольному полю, болоту Листачер и обратно к школе, пожалуй, составляет больше семнадцати километров.

Билли кивнул.

— Да, в этом-то и загвоздка, но, как я сказал, путевыми листами легко манипулировать. В любом случае машиной пользовались. — Билли снова сел.

Торкель согласился.

— Хорошо, после совещания Урсула осмотрит машину, — согласился он и продолжил: — Но мы не должны забывать о Петере Вестине, школьном психологе.

Торкель записал его имя на доске.

— Нам известно, что Рогер в течение года его неоднократно посещал. Представляется логичным, что если кто-то еще знал о его предполагаемой связи с Гротом, то это Вестин. Возможно, он даже беседовал с Гротом. Тогда понятно, почему исчез его блокнот. Ведь о чем обычно разговаривают с психологом?

— Это, вероятно, знает Себастиан, — в шутку ответила Ванья.

Все, кроме Себастиана, улыбнулись. Он же не спеша смерил ее взглядом:

— Ну, ты ведь читала мою книгу, значит, тоже должна знать.

Торкель посмотрел на обоих и покачал головой.

— Давайте не будем отвлекаться от темы. Разумно предположить, что если между Рогером и директором существовали тайные сексуальные отношения, то Рогер вполне мог рассказать о них Вестину.

— Нет, не сходится, — возразил Себастиан. — Сожалею. Рогер ведь хотел вписаться, стать в школе своим. Для этого ему требовались деньги. Может, он и продавал Гроту сексуальные услуги, но никогда бы не рассказал об этом Вестину. Это было бы равносильно уничтожению копилки.

— Может, его каким-то образом принуждали? — предположила Урсула.

— Не думаю. Он уходил от Лизы, чтобы с кем-то встретаться.

— Как ни крути, мне трудно представить, что Вестин умер не потому, что знал что-то о Рогере, — продолжила Урсула. — Альтернативы просто нет. Особенно учитывая то, что исчез только его блокнот.

В дверь постучали, и в комнату вошла Хансер. На ней был красивый темно-лиловый костюм, похоже, совсем новый, и Торкель не мог отделаться от мысли, что она купила его специально для того дня, когда дело будет раскрыто. Чтобы хорошо выглядеть на фотографиях. Она явно готовится к следующей пресс-конференции. Тогда остановить ее будет еще труднее.

— Я не собираюсь вам мешать, — сказала она, — только хочу спросить, нельзя ли мне присутствовать?

Торкель кивнул и показал рукой на свободный стул с короткой стороны стола. Хансер села — аккуратно, чтобы не помять одежду.

— Мы прорабатываем возможные сценарии, — пояснил Торкель, указывая на свои неразборчивые каракули на доске. — Нам стало известно, что Рагнар Грот тайно выплачивал Лене Эрикссон деньги. По всей видимости, шантаж. Вероятно, из-за того что Рогер был любовником Грота, добровольно или по принуждению, — взгляд Хансер сделался более сосредоточенным, она даже наклонилась вперед. — Школьная машина имеет подходящие шины, на ней имеются отпечатки пальцев Рогера и директора, и мы знаем, что она в интересующий нас вечер стояла на улице возле мотеля. Следов крови мы пока не обнаружили, так что придется осмотреть машину еще раз. Мы по-прежнему считаем, что убийство не планировалось заранее, но Грот с Рогером поехали на машине к футбольному стадиону. Там что-то пошло не так. Грот застрелил Рогера, а потом сообразил, что необходимо извлечь пулю. Когда мы утром спрашивали Лену Эрикссон, не знакома ли ей эта машина, Лена нам солгала. Однако она узнала, что ее сына убил Рагнар Грот. Она решила на этот раз надавить на него как следует, но Грот начал выяснять с ней отношения, и ситуация вышла из-под контроля, — Торкель остановился перед Хансер.

— Мне кажется, звучит правдоподобно.

— Пока это лишь цепочка косвенных доказательств. Нам необходимо найти подтверждающие ее улики.

Ванья и Билли кивнули. В те мгновения, когда возможное становилось вероятным, всегда возникало особое чувство. Теперь требовалось лишь найти способ превратить вероятное в доказуемое.

Внезапно Себастиан в одиночку зааплодировал, и его аплодисменты вызывающим эхом разнеслись по небольшому помещению.

— Bravo. О том, что ряд мелких деталей не совсем вписывается в вашу потрясающую версию, мне, наверное, лучше умолчать? Я не хочу портить общее настроение.

Ванья бросила сердитый взгляд на Себастиана, развалившегося на стуле с надменным видом.

— Не поздновато ли сейчас об этом думать?

Себастиан демонстративно улыбнулся ей и показал рукой на лежащую на столе кипу дисков с фильмами:

— Мужчины. Настоящие мужчины. Взрослые мужчины. Маленькими мальчиками Рагнар Грот не увлекался. Он любил мускулатуру и большие пенисы. Посмотрите на Франка Клевена. Зрелый мачо. Не какой-нибудь безусый подросток. Вы заблуждаетесь, полагая, что у гомосексуалистов нет предпочтений, что для них главное — наличие пениса, все равно какого.

— Однако некоторые мужчины не могут устоять перед сексом, невзирая на предпочтения. Кому, как не тебе, это знать? — заметила Урсула.

— Для меня главное не секс, а завоевание. Это совсем другое дело.

— Не можем ли мы не отклоняться от темы? — Торкель посмотрел на них умоляюще. — Тогда все же будет несколько проще. Конечно, ты прав, Себастиан. Мы не знаем, действительно ли Грот и Рогер состояли в сексуальных отношениях.

— Меня здесь смущает еще одно, — продолжил Себастиан. — Самоубийство Рагнара. Оно тоже не вписывается.

— Что ты имеешь в виду?

— Посмотрите на нашего убийцу. Убивать Рогера он, может, и не планировал, но, когда это произошло, он не гнушался никакими средствами, чтобы это скрыть. Даже вырезал сердце, чтобы избавиться от пули.

Себастиан встал и принялся расхаживать по комнате.

— Почувствовав угрозу со стороны Петера Вестина, он его тут же устранил. Он подбросил улику к Лео, вломился в кабинет Вестина. Будучи загнанным в угол, он каждый раз действовал очень целеустремленно. Исключительно ради того, чтобы его не раскрыли. Он хладнокровен. Расчетлив. Не подвержен стрессу. Он бы ни за что не повесился в комнате мальчика и уж точно не стал бы просить прощения. Ведь он не испытывает угрызений совести.

Себастиан закончил, и воцарилось молчание. Противоречивые чувства. Авторитет и рассуждения Себастиана против желания считать, что раскрытие дела уже не за горами. Первой заговорила Ванья:

— О'кей, господин Фрейд, только один маленький вопрос. Допустим, ты прав. Это не Грот, а совершенно другой убийца. Грот просто был в мотеле. Его машина просто стояла в том месте, мимо которого шел Рогер, как раз когда собирался с кем-то встретиться. Он вел машину. Рогер сидел в ней. Они едут к футбольному стадиону, но убивает его кто-то другой. В этом заключается твоя версия? — Она откинулась на спинку стула с суровым, но все же явно торжествующим видом.

Себастиан остановился и спокойно посмотрел на нее.

— Нет, своей версии я не выдвигал. Я только говорю, что ваша версия ошибочна. Мы что-то упускаем.

У Торкеля зазвонил телефон. Он извинился и ответил на звонок. Себастиан вернулся на свое место и сел. Торкель некоторое время слушал молча, потом заговорил. Его голос звучал, мягко говоря, решительно:

— Везите сюда. Немедленно.

— Ваши криминалисты только что сделали в доме Грота новую находку, — обратился он к Хансер, положив трубку. — Они обнаружили в печке блокнот, принадлежавший Петеру Вестину.

Хансер выпрямилась и улыбнулась. Теперь ясно, что это Рагнар Грот. Однозначно.

— Себастиан, как же это вписывается в его психологический портрет? — не удержавшись, спросила Ванья.

Себастиан знал ответ. Но он окончательно утратил интерес.

Они ведь все равно уже приняли решение.

* * *

Себастиан покинул конференц-зал.

Оставшимся хотелось все закончить. Он мог их понять. Дело было сложным, они вымотались и устали. Лежавшее на поверхности решение казалось идеальным. Но Себастиана «поверхность» не устраивала. Он всегда стремился к скрытой под ней связи. К четким ответам. Когда все, что он знал, сходилось. Когда действие, последствия, движущая сила и мотив — все говорило об одном. Рассказывало ту же самую историю.

На поверхности такого не бывает.

Что ему, собственно, беспокоиться? Цепочка косвенных доказательств безупречна, и в личном плане ему бы следовало быть более чем удовлетворенным. Следовало бы бурно радоваться. Возведенный его отцом храм знаний будет теперь замаран, осквернен, низвергнут, лишен статуса обители богов и растоптан действительностью.

В огромные окна светило вечернее солнце, Себастиан прошел несколько шагов к центру большого помещения, заполненного работающими полицейскими, а потом остановился и оглянулся на Торкеля и остальных в конференц-зале. Они собирали вещи. Блокнот Вестина в печке у Рагнара Грота. Большинство страниц сгорело, значит, потенциальные доказательства отсутствуют, но сам факт, что блокнот обнаружили у Грота, еще больше убедил Хансер. Для Себастиана эта находка делала историю только более туманной. Тот Рагнар Грот, с которым он встречался, никогда бы не допустил такой оплошности. Ни малейшего шанса. Он не допускал, чтобы ручка или бумага лежали не на месте. Не сходится. Когда Себастиан услышал, где нашли блокнот, он посмотрел на Урсулу. Она наверняка разделяла его мнение, уж настолько-то он ее знал. Хотя они вечно препирались по поводу деталей, они на самом деле искали того же — глубины. Четкого уравнения. И действительно, у нее во взгляде он видел то же сомнение, какое испытывал сам, но в виде исключения она изменила своему прежнему «я». Она явно дала слабину, отвлекшись на ужин с Микаэлем, когда они с Билли обыскивали дом. Она не успела осмотреть эту часть дома, положившись на Билли. А Билли ошибочно полагал, что она уже там все посмотрела. Урсула обычно так просто ничего не пропускала. Все в комнате видели, как ей стыдно, и тогда Себастиан принял решение. Он устал от всего этого. Раз они довольны, он тоже будет доволен. Произойдет лишь то, что они втопчут имя Рагнара Грота в грязь, а настоящий убийца останется разгуливать на свободе.

И то и другое Себастиан мог спокойно пережить.

Поэтому он встал и ушел.

Теперь он стоял, глядя на них в последний раз. Потом надел пальто и пошел. Он успел уже почти выйти из здания полиции, когда услышал позади себя голос. Это оказался Билли. Он направлялся к Себастиану, озираясь по сторонам, а подойдя, слегка понизил голос:

— У меня вчера образовалось немного свободного времени.

— Вот как. Рад за тебя.

— Не знаю, зачем он тебе понадобился, но я нашел адрес той Анны Эрикссон, которую ты искал.

Себастиан смотрел на Билли. Он даже не мог разобраться в своих чувствах. Внезапно она оказалась близко. Взявшись ниоткуда. Через тридцать лет. Женщина, которой он не знает. Готов ли он? Хочется ли ему этого? Наверное, нет.

— Это ведь не имеет никакого отношения к расследованию?

Билли смотрел на него испытующе. Лгать Себастиан был не в силах.

— Да, не имеет.

— Тогда я не могу дать тебе адрес, ты же знаешь.

Себастиан кивнул. Билли внезапно наклонился и прошептал:

— Стуршерсгатан, 12, в Стокгольме, — потом он улыбнулся и пожал руку Себастиана. — Мне все-таки очень понравилось с тобой работать.

Себастиан кивнул. Но не смог изменить себе. Особенно сейчас, когда он получил то, ради чего изначально пришел.

— Я был бы рад, если бы мог ответить тем же.

С этим он ушел, решив больше никогда не возвращаться.

Никогда.

~ ~ ~

Человек, который не был убийцей, едва мог усидеть на месте. Информация шла везде: в интернете, по телевидению, по радио. Полиция, похоже, совершила решающий прорыв. Кульминацией стал показанный по телевидению короткий репортаж с последней пресс-конференции. В центре сидела женщина — начальник полиции в элегантном костюме, а рядом с ней — комиссар из Госкомиссии, которого он уже несколько раз видел. Женщина широко и расслабленно улыбалась, ее улыбка казалась такой широкой и белоснежной, что он готов был подумать, будто женщина недавно отбелила зубы и хотела их продемонстрировать. Комиссар же изменился мало, держался как всегда формально и серьезно. Женщина — в кадр попала табличка с именем, сообщавшая, что ее зовут Керстин Хансер, — рассказала, что у полиции есть подозреваемый в убийствах. Они достаточно уверены для того, чтобы довести это до сведения общественности уже сейчас, хотя детали смогут изложить только по окончании технического обследования. К прорыву привели утренние трагические события, и подозреваемым является мужчина лет пятидесяти, проживавший в Вестеросе и покончивший с собой. Они не назвали его, но все местные жители знали его имя и так.

Особенно человек, который не был убийцей.

Директор Рагнар Грот.

Он сам накануне наткнулся на этот слух на одном из сайтов. Сайт назывался «Флэшбек» и был забит злобными сплетнями и догадками обо всех и вся. Впрочем, там имелось на удивление много правдивой информации. Под рубрикой «Ритуальное убийство в Вестеросе» он обнаружил анонимную реплику, в которой решительно утверждалось, что директора Пальмлёвской гимназии забрали в полицию для допроса. Человек, который не был убийцей, сразу позвонил в канцелярию школы и попросил связать его с директором, но ему ответили, что тот до конца дня пробудет в служебной командировке. Он отпраился на работе и почти бегом кинулся к машине. Узнав в справочном домашний адрес директора, он быстро поехал туда. Припарковался на улице чуть поодаль и осторожно прогулялся мимо двухэтажного дома, разумеется, как можно более незаметно, но стоявшая перед домом машина сказала ему все. Она, конечно, не имела никаких опознавательных знаков, но он ее узнал.

Та же машина несколькими днями раньше стояла перед домом Лео Лундина.

Человека, который не был убийцей, бросило в жар, как будто он крупно выиграл в лотерею и об этом никому не известно. С выигрышем можно делать все что угодно. Пока он там стоял, открылась дверь, и из дома вышла женщина. Он пошел прочь, чтобы не привлекать ее внимания, но она, похоже, была целиком поглощена своими мыслями и казалась раздраженной. Это он определил по тому, как она захлопнула дверцу машины. Он прошел еще немного, но, когда она проехала мимо, осторожно огляделся и вернулся к собственной машине. Дом был довольно большим.

Десять минут, чтобы привезти блокнот.

Десять минут на обратную дорогу.

В доме остался один полицейский.

Может получиться.

Получилось.

Себастиан стоял, разглядывая темный родительский дом. Вечер выдался холодный, а Себастиан был слишком легко одет, но пронизывающий холод его не волновал, он даже скорее соответствовал моменту. Стало быть, настало время для того, что он собирался сделать сразу по приезде, но чему помешали события последних дней. Завтра все будет по-другому. Он уедет. Исчезнет. Ему даже удалось раздобыть адрес, из-за которого он изначально включился в расследование.

Стуршерсгатан, 12.

Там может находиться ответ.

Если ему все-таки захочется его узнать.

Стоя тут, Себастиан осознал, что во всем произошедшем на самом деле имелось кое-что положительное. Эти письма и открывавшаяся в них колоссальная перспектива, впрочем, даже расследование, работа с Госкомиссией зарядили его энергией. Его дни оказались заняты чем-то иным, нежели мешаниной из угрызений совести и ужаса, чересчур долго повсюду сопровождавшей его. Те чувства, разумеется, никуда не исчезли, сон оставался при нем каждую ночь и по утрам его неизменно будил запах Сабины, но боль утраты больше не парализовывала его полностью. Ему дали прикоснуться к возможности другой жизни. Это одновременно пугало и манило его. В ставшей ему привычной жизни существовала некая надежность. Как бы негативно она на нем ни сказывалась, в рутине присутствовало определенное удобство. Позиция, в каком-то смысле выбранная им самим и говорившая его внутренней сущности.

Что он недостоин счастья.

Что он обречен.

Он знал это с самого детства. Цунами, казалось, лишь подтвердило это.

Себастиан повернулся к дому Клары. Она стояла на крыльце и наблюдала за ним. Он ее проигнорировал. Может, он и правда стоит на пороге решающего мгновения жизни? Что-то, во всяком случае, произошло. Он ведь ни разу не был с женщиной после Беатрис. Даже и не думал о сексе. Это что-нибудь да значит. Он посмотрел на часы: 19:20. Маклеру следовало бы уже приехать. Предполагалось, что они встретятся в семь и быстро подпишут контракт, чтобы Себастиан смог уехать в Стокгольм на девятичасовом поезде. Таков был план. Почему же маклера еще нет? Себастиан раздраженно зашел в дом и зажег свет на кухне. Позвонил маклеру, некоему Петеру Нюландеру, который, взяв после нескольких сигналов трубку, извинился и сказал, что по-прежнему продолжает показывать какую-то недвижимость и сможет приехать не раньше завтрашнего утра.

Типично.

Еще одна ночь в этом проклятом доме.

Вот тебе и решающее мгновение жизни.

* * *

Торкель снял пиджак и ботинки и, смертельно уставший, улегся на мягкую гостиничную кровать. Он на секунду включил телевизор, но тут же снова выключил его, едва

увидев кадры с пресс-конференции. И не только потому, что терпеть не мог смотреть на самого себя, — ему не давало покоя их дело. Торкель попытался прикрыть глаза и немного отдохнуть, но не получилось. Недовольство не отпускало. Цепочка косвенных улик его вполне устраивала, ведь он сам ее и выстроил, но ему не хватало неоспоримого доказательства. Доказательства, которое могло бы полностью убедить его в их правоте. Больше всего ему не хватало следов крови. Даже при наличии промышленного полиэтилена полностью устранить такую субстанцию, как кровь, преступнику крайне трудно. В этой органической жидкости настолько много оставляющих следы веществ, что для ее выявления вполне достаточно микроскопического количества. Тем не менее в «вольво» следы крови отсутствовали. Урсула чувствовала то же самое, он это знал. После совещания она несколько часов отчаянно провозилась с машиной, но ничего не обнаружила. Если он хорошо знает Урсулу, то она по-прежнему не ушла и продолжает осмотр. Она достаточно упустила в доме Рагнара Грота с этой книжкой, чтобы теперь выпустить что-либо из рук, не перепроверив трижды. Но остановить или хотя бы немного сдержать Хансер было невозможно, и ей удалось привлечь на свою сторону комиссара полиции лена. Торкель и Хансер ходили к нему за полчаса до запланированной Хансер пресс-конференции. Торкель умолял дать ему еще немного времени, ведь какой-нибудь день не мог иметь для них особого значения. Однако он быстро понял, что сидящие перед ним хотят победить немедленно. Они, по сути, больше политики, нежели полицейские, осознал он, лихорадочно пытаясь склонить их к более осторожной позиции. Им раскрытие дела было необходимо для дальнейшего карьерного роста без пятна в характеристике. Для Торкеля же оно являло собой нечто большее — правду. Ее заслуживали жертвы, к его собственной карьере раскрытие дела отношения не имело. Под конец они его уломали. Торкель чувствовал, что мог бы бороться жестче, но он устал, был измучен и на самом деле тоже стремился поскорее покончить с этим расследованием. Плохие аргументы, но такова реальность. Все равно решает здесь не он, а комиссар полиции лена. Ему уже не в первый раз приходилось мириться с ситуацией. В такой организации, как полиция, к этому приходится привыкать. Иначе можно закончить как Себастиан — стать несносным отшельником, с которым больше никто не хочет работать. Торкель снова потянулся к пульту в надежде на то, что программа новостей закончилась, но прежде, чем он успел включить телевизор, в дверь тихонько постучали. Он встал и открыл. За дверью оказалась Урсула. Она тоже выглядела усталой.

— Что-нибудь нашла?

Урсула помотала головой:

— Машина показывает ноль кровяного протеина и даже обычного белка. Крови там просто-напросто нет.

Торкель кивнул. Они немного постояли молча. Казалось, никто из них не знал, как продолжить разговор.

— Значит, вероятно, завтра поедем домой? — под конец произнесла она.

— Да, похоже на то. Хансер наверняка захочет завершить дело сама, а мы здесь по ее просьбе.

Урсула понимающе кивнула и повернулась, чтобы уйти, но Торкель остановил ее:

— Ты пришла, только чтобы рассказать о машине?

— Вообще-то нет, — она посмотрела на него. — Но, думаю, можно этим ограничиться. Я как-то не знаю, что еще сказать.

— Себастиана в любом случае уже больше нет.

Урсула кивнула:

— Зато с остальным полная неразбериха.

— Знаю. Мне очень жаль.

— Мне кажется, что в этом не только твоя вина.

Она посмотрела на него. Подошла поближе и коснулась его руки:

— Но я думала, что ты меня знаешь. Правда.

— Пожалуй, теперь знаю.

— Нет, придется, вероятно, выразиться яснее.

Торкель засмеялся:

— Ты выразилась достаточно ясно. Можно ли осмелиться пригласить тебя войти?

— Попробуй. — Она улыбнулась и вошла в комнату.

Он запер за ней дверь. Урсула повесила сумку и куртку на стул и пошла принимать душ.

Торкель снял рубашку и приготовил постель. Урсула любила такую последовательность: первой в душ шла она, затем он, а потом он залезал к ней в постель. Таков был установленный ею порядок, ей нравилось именно так. Ее правила.

Только в командировках.

Дома — никогда.

Никаких планов на будущее.

И, подумал Торкель, неколебимая преданность ей. Это ему следует добавить.

~ ~ ~

Себастиан никак не мог заснуть. Слишком многое крутилось в голове, слишком много всего произошло. Поначалу он думал, что расслабиться ему не дает стокгольмский адрес. Пожалуй, ничего удивительного: как можно заснуть, имея впереди то ли почти непостижимую возможность, то ли риск? Однако дело было не только в адресе. Существовало кое-что еще помимо потенциальных последствий письма из прошлого. Другой образ, куда более актуальный и отчетливый. Образ юноши, идущего через футбольный стадион навстречу своей смерти. Юноши, которого ему не удалось понять. За все это время. Он чувствовал, что здесь-то и кроется ошибка. Они слишком быстро начали концентрироваться на периферии вместо центра. Аксель Юханссон, Рагнар Грот, Франк Клевен — все логично. Они искали преступника.

Но совсем забыли о жертве. У Себастиана возникло ощущение, что здесь-то они и начали терять взаимосвязь. Рогер Эрикссон — юноша, являвшийся центром трагедии, — по-прежнему оставался загадкой.

Себастиан поднялся и пошел на кухню. В холодильнике все еще стояло несколько бутылок минеральной воды с бензоколонки. Он открыл одну из них и уселся за кухонный стол. Потом принес сумку и достал бумагу, ручку и оставшиеся у него материалы расследования. Бумаги и папки, которые ему наверняка следовало вернуть. Он совершенно забыл про них, да и был не из тех, кто возвращается ради того, чтобы отдать какие-то копии. Причем всегда. Напротив, он предпочитал иметь под рукой как можно больше материалов — именно для таких случаев, как сейчас. Так он работал всегда, когда, давным-давно, работал всерьез, и его порадовало, что он хотя бы не утратил привычку набивать сумку. К сожалению, материал не содержал почти ничего о Рогере. В основном отдельные бумаги, полученные из двух его школ. Себастиан отложил их в сторону, открыл в блокноте чистый лист, взял ручку и решил немного систематизировать мысли. Сверху он написал большими буквами:

СМЕНИЛ ШКОЛУ

Себастиан вырвал страницу и положил ее на дальний край стола. Ему обычно нравилось работать с опорными словами на отдельных листах, создавая таким образом простор для мыслей. Следовало прочувствовать доступные части скелета, чтобы затем посмотреть, как их можно повернуть и нарастить. Себастиан продолжил:

НИКАКИХ ДРУЗЕЙ

Ограниченность круга друзей Рогера стала для полиции одной из проблем. У него было слишком мало приятелей, о нем почти никто ничего не знал. Лиза оказалась его девушкой только понарошку, а друг детства Юхан от него отдалился. Просто-напросто одинокий человек. С одинокими людьми разбираться труднее всего.

ПОСЕЩАЛ ПСИХОЛОГА

Покойного Петера Вестина. Вероятно, чтобы хоть с кем-то поговорить. Еще больше подтверждает тезис о его одиночестве. Возможно, ему требовалось выговориться, чтобы с чем-то справиться.

НУЖДАЛСЯ В ДЕНЬГАХ

Торговля спиртным и вся история с Акселем оказались побочным следом. Но Рогер, похоже, был на многое способен ради денег. Деньги ему требовались для того, чтобы вписаться, стать равным. Особенно в новой школе, в престижной Пальмлёвской гимназии.

МАТЬ ПОЛУЧАЕТ ДЕНЬГИ ОТ ДИРЕКТОРА

Порочное отношение к деньгам, похоже, было для семьи характерным. Версия с шантажом казалась весьма вероятной. Лена знала нечто, вынуждавшее Рагнара Грота платить ей за то, чтобы это не вышло наружу. Наверняка нечто, способное нанести урон репутации школы, поскольку он и жил исключительно ради репутации школы. Единственным известным Себастиану связующим звеном между Леной и Гротом был Рогер. Из этого вытекало:

ЛЮБОВНИК ГЕЯ?

Но он быстро зачеркнул рубрику.

Этот тезис в цепи косвенных улик беспокоил его больше всего. Такие отправные точки нередко начинают слишком доминировать и способны повлиять на весь ход расследования. Сейчас же следовало мыслить свободно, не замыкаться на чем-нибудь, а рассматривать связи, не наделяя их излишним значением. Решение, как правило, кроется в мелких деталях. Он это знал, поэтому предпочел написать:

ТАЙНЫЙ ЛЮБОВНИК / ТАЙНАЯ ЛЮБОВНИЦА

Этот след тоже казался в общем-то слабоватым. Ощущение Лизы, подхваченное и усиленное Ваньей. Ощущение, которое разделял и он сам. Оно вполне могло быть их субъективным восприятием слова «тайна». То, что человек скрывает, непременно имеет отношение к сексу. Есть ли что-нибудь другое помимо ощущения, что подтверждало бы их правоту? Да, кое-что есть. Он обозначил следующую рубрику:

«ВСЕ РАЗГОВОРЫ ТОЛЬКО О СЕКСЕ»

Ведь так сказал им с Ваньей Юхан, когда они беседовали с ним возле палатки. Возможно, это важнее, чем ему показалось поначалу. Ведь, по словам Юхана, они с Рогером отделились друг от друга именно поэтому. Это, бесспорно, свидетельствовало об интересе Рогера к сексу — столь сильном, что Юхан находил его слишком обременительным. С кем же он занимался сексом? Не с Лизой. А с кем?

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР

Он тоже не давал Себастиану покоя — последний разговор Рогера. Когда тот в роковую пятницу звонил Юхану домой, но не застал его. Почему он не перезвонил Юхану на мобильный телефон? Одно время они склонялись к мысли, что Рогер мог просто не успеть, когда же им удалось благодаря камерам проследить его последний путь, эта мысль подтверждения не нашла. Напротив. После несостоявшегося разговора, до того как сесть в машину, Рогер довольно долго шел по городу. Следовательно, временем он располагал. Наиболее вероятным представлялось, что его дело к Юхану было не слишком важным. Возможно, он счел достаточным просто передать, что звонил. Возможно.

Себастиан достал из холодильника еще бутылку воды. Не забыл ли он чего-нибудь? Наверняка довольно многое. Он чувствовал усталость и раздражение из-за того, как трудно понять Рогера. Себастиан знал: он что-то упускает. Он принялся перелистывать школьные бумаги, школьный каталог, последние характеристики. Обнаружил только, что Рогер стал лучше успевать. Особенно по предметам Беатрис. Похоже, она хорошая учительница. Больше ничего путного найти не удалось.

Себастиан встал, чувствуя, что ему требуется выйти на воздух. Прочистить голову, взглянуть пошире. Он знал, как у него работает мыслительный процесс. Иногда проходило некоторое время, прежде чем у него возникала мысль, переворачивающая отдельные кусочки пазла и расставляющая их по своим местам. Иногда она вообще не возникала. Гарантии, как и с большинством процессов, не было.

* * *

Маклер появился около половины девятого. К этому времени Себастиан уже успел раздраженно собрать сумку и совершить еще одну прогулку. По-прежнему ничего. Мыслительный процесс в основном застыл на той же заезженной схеме. Возможно, в тайну Рогера не проникнуть. По крайней мере, с доступным ему материалом. Маклер прибыл с широкой, чересчур радостной улыбкой, в отличном пиджаке и на большом сверкающем «мерседесе». Себастиан его сразу же возненавидел. Даже не пожал протянутую ему руку.

— Значит, вы хотите продать дом?

— Я хочу убраться отсюда как можно скорее. Давайте контракт, и я его сразу подпишу. Ведь я, кажется, все объяснил по телефону?

— Да, но, может быть, все-таки посмотрим договор?

— Этого не требуется. Вы ведь получаете процент с конечной суммы, правильно?

— Да.

— Значит, чем она выше, тем больше вы получите?

— Именно.

— Это все, что мне требуется знать. Следовательно, у вас есть стимул продать как можно дороже. Мне этого достаточно.

Себастиан кивнул маклеру и взял ручку, чтобы поставить на пунктирной линии подпись. Маклер посмотрел на него слегка скептически.

— Мне бы сперва немного осмотреть дом.

— Тогда я позвоню кому-нибудь другому. Подписывать или как?

Маклер колебался:

— А почему вы выбрали нашу фирму?

— Она оказалась первой в телефонном справочнике, у кого имелся автоответчик, где можно было оставить сообщение. Устраивает? Я могу подписывать?

Маклер самодовольно улыбнулся:

— Мне приятно это слышать. Знаете, сейчас все чаще устанавливают автоответчики, которые только тараторят о времени работы и просят клиентов перезвонить. Но я просчитал, что тогда человек может позвонить в другое место. Ведь так? Ловко, да?

Себастиан счел вопрос риторическим. Как бы то ни было, он не собирался подтверждать теории маклера, рассказывая о том, что в его случае дело именно так и обстояло.

— Я хочу сказать, что быть доступным клиенту чрезвычайно важно. Я оставлю вам в папке номер своего мобильного телефона, — продолжал маклер, не дожидаясь ответа, которого все равно бы не последовало. — Если только у вас возникнут вопросы, пожалуйста, звоните, в выходные, вечером, когда угодно, это мой принцип работы.

И, словно чтобы продемонстрировать, до какой степени он всегда доступен, его мобильный зазвонил, прежде чем маклер успел продолжить. Себастиан устало посмотрел на мужчину, о звонке которому в данный момент очень сожалел.

— Привет, дорогая, да, немного помешала... но, конечно, — маклер чуть отошел в сторону, чтобы разговаривать немного более уединенно. — Дорогая, ты справишься. Я уверен. Сейчас мне надо идти. Целую.

Маклер положил трубку и обратился к Себастиану с извиняющейся улыбкой:

— Извините, это моя девушка, она идет на интервью к работодателю. А она всегда перед этим так волнуется.

Себастиан уставился на стоящего перед ним мужчину, о котором знал уже слишком много, и начал поспешно искать внутри что-нибудь убийственное, чтобы заставить того замолчать. Желательно настолько сильное, чтобы маклер больше вообще никогда не заговорил. И тут возникло то, чего он ждал.

Мыслительный процесс.

Связь.

Кому человек звонит?

* * *

Стив Кукувинос счел эту поездку весьма странной. Он забрал мужчину с сумкой возле его дома. Тот говорил очень быстро. Ему сперва надо было доехать до Пальмлёвской гимназии, чтобы затем сразу отправиться дальше. Выходить он не собирался, просто хотел туда доехать как можно скорее.

По прибытии на место мужчина попросил Стива обнулить одометр, развернуться и поехать кратчайшим путем к мотелю возле шоссе E18. Мужчина достал карту, чтобы показать, где находится мотель, но Стив знал свой Вестерос и успокоил его. Они ехали в полном молчании, но, периодически поглядывая на пассажира, Стив видел, что тому едва удается сидеть спокойно. Его, казалось, просто распирает от радости.

Когда они стали приближаться к мотелю, мужчина передумал. Он дал Стиву название

улицы и велел ехать туда. Переулок Спренггренд. Мужчина попросил, чтобы Стив доехал до самого тупика, сдал назад и припарковался. Когда Стив все это проделал, мужчина посмотрел на одомер. Там значилось неполных шесть километров. Мужчина дал Стиву свою кредитку и попросил немного подождать. Вышел из машины и почти бегом направился в сторону мотеля. Стив заглушил мотор и вышел, чтобы покурить. Он в недоумении покачал головой. Если мужчине было нужно в мотель, Стив мог бы отвезти его прямо туда. Он успел сделать всего несколько затяжек, прежде чем мужчина вернулся. Выглядел он, если можно себе такое представить, еще более взволнованным, почти бледным. В руке он держал нечто напоминавшее школьный каталог. Водитель такси узнал фотографию на обложке — та самая снобистская школа, к которой они только что подъезжали, Пальмлёвская гимназия.

Стив снова уселся в машину, и теперь мужчина захотел поехать к футбольному стадиону возле высотных домов, а потом опять к школе.

Мужчина неотрывно смотрел на одомер.

Странная, как уже говорилось, получилась поездка.

Странная поездка длиной в семнадцать километров.

* * *

Себастиан должен был понять. Если кто и мог понять, то это он. Ведь ему самому довелось пережить это в непосредственной близости. Перемену в ней, силу и мощь, появившиеся по мере того, как ты ее узнавал. Как тебя захватывало и тебе хотелось встретиться с ней снова.

Как Рогеру.

Рогер нуждался в ком-то. В ком-то помогавшем ему, поддерживавшем его, когда он сменил школу. В ком-то, кому он мог позвонить, когда нервничал. Когда его избили. В ком-то, кого он любил. Рогер сделал один звонок.

Но не Юхану.

А Беатрис.

В мотель Себастиан побежал, в основном поддавшись внезапному импульсу. Когда такси, сдав назад, остановилось, у него возникло ощущение, будто мотель мог оказаться более важным местом, чем он предполагал. Что Рогер шел туда не случайно, он уже бывал там раньше. Хотя и не вместе с Рагнарсом Гротом. Положив школьный каталог перед женщиной в рецепции, Себастиан получил подтверждение.

О да, она здесь бывала.

Неоднократно.

Она не просто «нарост».

Она нечто значительно большее.

Ванья и Торкель сидели в комнате для допросов. Напротив них сидела Беатрис Странд. На ней были те же темно-зеленая блузка и длинная юбка, что и в тот раз, когда Ванья с Себастианом впервые встретились с ней в гимназии. Но сейчас Беатрис выглядела усталой. Усталой и бледной. Веснушки еще отчетливее выступали на ее бледном лице. Возможно, это только казалось, но стоящему в соседней комнате Себастиану подумалось, что даже ее пышные рыжие волосы утратили часть блеска. Беатрис сжимала в руке бумажный носовой платок, но даже не пыталась вытирать слезы, беззвучно стекавшие у нее по щекам.

— Конечно, мне следовало рассказать.

— Да, это бы многое упростило, — кратко, сердито, почти с укором произнесла Ванья. Беатрис посмотрела на нее с ужасом, будто ее только что осенило:

— Они бы тогда остались живы? Лена и Рагнар. Если бы я рассказала?

За столом возникла пауза. Торкель, казалось, понял, что Ванья собирается ответить «да», и накрыл ее руку своей. Ванья сдержалась.

— Это невозможно сказать, и размышления на данную тему ни к чему нас не приведут, — Торкель говорил спокойно, внушая доверие. — Лучше расскажите о вас с Рогером.

Беатрис глотнула воздуха и ненадолго задержала дыхание, словно собираясь с силами.

— Я понимаю, что вам это кажется крайне неподобающим. Я замужем, а ему всего шестнадцать, но он был очень зрелым для своего возраста, и... так уж произошло.

— Когда это произошло?

— Через несколько месяцев после того, как он начал у нас учиться. Он нуждался в ком-то, дома ему особой поддержки не оказывали. А я... я нуждалась в ощущении, что нужна. Любима. Это звучит совершенно ужасно?

— Ему было шестнадцать, и он находился в зависимом положении, вам самой как кажется — как это звучит? — снова Ванья. Жестко.

Излишне жестко.

Беатрис стыдливо опустила глаза. Она сидела, положив руки на стол и сжимая платок. Они потеряют ее, если Ванья немного не успокоится. У Беатрис сдадут нервы. От этого они ничего не выиграют. Торкель снова легонько коснулся руки Ваньи. Себастиан предпочел действовать через наушник.

— Спроси, почему у нее возникла потребность ощущать себя любимой. Она ведь замужем.

Ванья покосилась на зеркало. В ее взгляде чувствовался вопрос: какое это имеет отношение к делу? Себастиан снова нажал кнопку трансляции:

— Не добивай ее. Просто спроси. Ей хочется об этом рассказать.

Ванья пожалала плечами и вновь переключила внимание на Беатрис:

— Что вы можете сказать о своем браке?

— Он... — Беатрис вновь подняла глаза. Посомневалась. Похоже, подыскивала слово или слова, которые бы лучше всего подходили к ее домашней ситуации. К ее жизни. В конце концов она их нашла: — Он лишен любви.

— Почему же?

— Я не знаю, что вам известно, но мы с Ульфом шесть лет назад развелись. А примерно

полтора года назад снова поженились.

— Почему вы развелись?

— У меня завязались отношения с другим мужчиной.

— Вы изменяли мужу?

Беатрис кивнула и снова опустила глаза. Пристыженно. Ей стало совершенно очевидно, что именно думает о ней молодая женщина напротив. Это слышалось в ее голосе, просматривалось в ее взгляде. Беатрис ее не осуждала. Сейчас, когда она услышала, как сама озвучила в этой комнате с пустыми стенами свои действия, они предстали глубоко аморальными. Но тогда, ощущая любовь, почти граничащую с преклонением, она ничего не могла с собой поделать. Она все время сознавала, что это неправильно. Во многих отношениях.

Во всех отношениях.

Но как она могла отвергнуть любовь, в которой так отчаянно нуждалась и нигде в другом месте не получала?

— И Ульф вас оставил?

— Да. Меня и Юхана. Он в принципе просто открыл дверь и ушел. Потребовалось не меньше года, чтобы мы стали снова разговаривать.

— Но теперь-то он вас простил?

Беатрис посмотрела на Ванюю на удивление ясным взглядом. Это важно. Необходимо, чтобы молодая женщина все поняла правильно.

— Нет. Ульф вернулся ради Юхана. Наш развод и последующий год очень тяжело на нем сказались. Он озлобился и утратил почву под ногами. Жил он со мной, а ведь семью разрушила я. Началась открытая война. Мы никак не могли найти выход из положения. Большинство детей справляются с разводом родителей, кому-то требуется больше времени, кому-то меньше, но в конечном счете у большинства все устраивается благополучно. С Юханом же получалось иначе. Даже когда он стал жить у Ульфа каждую вторую неделю или дольше. Он вбил себе в голову, что если семья не в сборе, то все плохо. Постепенно это превратилось у него в навязчивую идею. Он заболел. Страдал депрессией. Какое-то время помышлял о самоубийстве. Он начал посещать психотерапевта, но лучше не стало. Все крутилось вокруг семьи. Мы, все трое, вместе. Как раньше. Как было всегда.

— И Ульф вернулся.

— Ради Юхана. Я ему очень благодарна, но мы с Ульфом... Наш брак нельзя назвать браком в полном смысле слова.

Себастиан в соседней комнате кивнул. Значит, у него возникло правильное ощущение, что не он соблазнил Беатрис, а она его. Но все оказалось куда хуже, чем он думал. Через какой же ад ей, очевидно, пришлось пройти в последние годы. Только представить себе: изо дня в день жить с мужем, который тебя попросту отвергает и откровенно демонстрирует нежелание иметь с тобой дело, и с сыном, который обвиняет тебя во всех бедах семьи. Вероятно, Беатрис страшно одинока. Неудивительно, что она принимает любовь и подтверждение чувств, как только ей предоставляется такая возможность.

— Каким образом о ваших отношениях узнала Лена Эрикссон? — вступил в разговор в комнате для допросов Торкель.

Беатрис перестала плакать. Ей стало легче от того, что она кому-то все рассказала. Казалось, даже молодая женщина напротив теперь смотрела на нее с некоторым сочувствием. Она, естественно, никогда не стала бы защищать действия Беатрис, но,

возможно, сумела понять, что той двигало.

— Не знаю. Просто вдруг оказалось, что ей все известно. Но вместо того, чтобы попытаться положить этому конец, она начала выжимать из Рагнара и школы деньги. Так он и узнал.

— И он платил?

— Думаю, да. Рагнар ставил репутацию школы превыше всего. Он разрешил мне доработать до конца учебного года, мы ведь уже уволили завхоза посреди семестра, и если бы ушел еще один человек... это выглядело бы нехорошо. Но он, разумеется, потребовал, чтобы я прекратила отношения с Рогером.

— И вы прекратили?

— Да. Вернее, попыталась. Рогер отказывался понимать, что все кончено.

— Когда это было?

— Наверное, чуть меньше месяца назад.

— Но вы снова встретились с ним в ту пятницу?

Беатрис кивнула и сделала еще один глубокий вдох. Ее лицо вновь немного обрело краски. Пусть содеянное ею предосудительно и сидящие здесь люди ее вполне справедливо осуждают, но нельзя не признать, что возможность выговориться принесла ей облегчение.

— Он позвонил в пятницу вечером и попросил встретиться с ним в последний раз. Сказал, что нам надо поговорить.

— И вы согласились?

— Да. Мы условились о месте, где я буду его ждать. Я сказала дома, что пойду прогуляться. Взяла школьную машину и встретила с ним. Он пришел расстроенный, поскольку угодил в драку, у него шла носом кровь.

— Лео Лундин.

— Да. Мы поговорили, и я попыталась объяснить. Потом отвезла его к футбольному стадиону. Он по-прежнему отказывался понимать, что мы больше не сможем встречаться. Плакал, умолял, злился. Чувствовал себя брошенным.

— Что произошло потом?

— Он покинул машину. Злой и расстроенный. Последнее, что я видела, — это как он почти бегом пересекает футбольное поле.

— Вы не бросились следом?

— Нет. Я поехала обратно к школе и поставила машину на стоянку.

В комнате воцарилось молчание. Беатрис сразу восприняла его как недоверие. Они думают, что она лжет. У нее из глаз снова полились слезы.

— Я не имею никакого отношения к его смерти. Вы должны мне верить. Я любила его. Можете думать об этом что угодно. Но я его любила.

Беатрис зарыдала, уткнувшись лицом в ладони. Ванья с Торкелем переглянулись. Торкель слегка кивнул на дверь, и они оба встали. Торкель объяснил, что они скоро вернутся, но усомнился в том, поняла ли его Беатрис.

Когда они уже открыли дверь в коридор, Беатрис остановила их:

— А Себастиан здесь?

По виду Торкеля и Ваньи казалось, будто они неправильно поняли слова рыдающей на стуле женщины.

— Себастиан Бергман?

Беатрис кивнула сквозь слезы.

— В каком смысле? — Ванья пыталась припомнить, встречались ли когда-нибудь Себастиан и Беатрис. Конечно, в тот раз в школе и еще когда они спрашивали у нее дорогу к палаточному лагерю Ульфа и Юхана, но это были лишь короткие мгновения.

— Мне надо с ним поговорить.

— Мы посмотрим, что сможем сделать.

— Я вас очень прошу. Думаю, он тоже захочет со мной встретиться.

Торкель придержал перед Ваньей дверь, и они оба покинули комнату.

Секундой позже из другой комнаты вышел Себастиан. Он перешел прямо к делу.

— Она не имеет к убийству никакого отношения.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Торкель, пока все трое шли по коридору. — Ведь это ты выдвинул мысль о том, что машину вела она и что они с Рогером состояли в связи.

— Знаю, но я сделал поспешные выводы. Я исходил из того, что сидевший за рулем и является убийцей. Но она не убийца.

— Этого ты знать не можешь.

— Нет, могу. Ничто в ее рассказе или поведении не указывает на то, что она лжет.

— Этого маловато для того, чтобы списывать ее со счетов.

— Технические доказательства в машине соответствуют рассказу Беатрис о том вечере.

Поэтому-то мы и не обнаружили в машине следов крови.

— В виде исключения я вынуждена согласиться с Себастианом, — сказала Ванья Торкелю.

Тот кивнул. Он сам был того же мнения. Рассказ Беатрис звучал очень достоверно. К сожалению. У Ваньи мысль явно работала в том же направлении. Она не могла скрыть усталости и разочарования.

— Это означает, что существует еще одна машина. Мы уже в который раз вернулись к исходной точке.

— Совсем не обязательно, — произнес Себастиан. Все трое остановились. — Если кого-то обманывают, кто-то становится обманутым. Что мы знаем о ее муже?

Харальдссон пребывал в шоке.

Описать его состояние иначе было просто невозможно.

Его план.

Его реванш.

Уничтожен.

Он в одиночестве сидел в столовой перед чашкой остывающего кофе и пытался сообразить, как могло получиться, что его план провалился. Очевидно, когда он звонил Раджану, он рассказал больше, чем ему помнилось. Проболтался. О том, что в бега ударяются только виновные и что Аксель Юханссон повинен в чем-то большем, нежели только в нелегальной торговле спиртным. Возможно, это и не имеет отношения к Рогеру Эрикссону и Петеру Вестину, но что-то за ним числится. Алкоголь развязал язык. Слишком сильно.

Раджан не только скопировал файл, но и просмотрел его свежим взглядом. Прочитал и, так же как Харальдссон, искал в компьютере сведения об Акселе Юханссоне. Раджан Мичич отнюдь не плохой полицейский. Он довольно быстро пришел к тому же выводу, что и несколькими часами позднее — Харальдссон. Раньше другие полицейские — в Йевле, Соллефтео и даже в их собственном отделении — естественно, видели сходство между этими изнасилованиями и подозревали, что во всех случаях действовал тот же самый преступник, но без имени, с которым можно было бы связать эту информацию, она мало что давала.

У Харальдссона имелось имя, и он снабдил им Раджана.

Раджан, как теперь понимал Харальдссон, имел в городе гораздо более разветвленную сеть контактов, чем он сам. В отделении поговаривали, что с того момента, как Раджан со своим коллегой Эловссоном покинул здание полиции, до того, как у них появился адрес, прошло всего четверть часа. Они арестовали Аксея Юханссона в половине одиннадцатого. Примерно тогда же, когда Харальдссон вышел из дома, чтобы идти на работу. Когда стало ясно, что у него будут брать на анализ ДНК, Аксель признался. Во всем. Причем даже в большем количестве изнасилований, чем значилось в регистре. Правда, он отрицал, что имеет какое-либо отношение к убийствам Рогера Эрикссона и Петера Вестина. Он даже представил на момент убийства Рогера алиби, которое, похоже, подтвердилось. Тем не менее утро для полиции Вестероса выдалось удачным.

Раскрыто пятнадцать изнасилований.

Раскрыто Мичичем и Эловссоном.

Ходили слухи, будто во второй половине дня они встречаются с комиссаром полиции лена. Харальдссон почувствовал жжение в глазах и прижал к ним пальцы, сдерживая слезы. Крепко. В темноте возникли краски. Мигающий свет. Ему хотелось провалиться глубже, подальше от действительности. Остаться у себя за веками. Он услышал приближающиеся шаги, которые замерли возле его стола. Харальдссон опустил руки и неотчетливо увидел подошедшую к нему фигуру.

— Идем, — кратко скомандовала Хансер и развернулась.

Харальдссон послушно последовал за ней.

Они снова собрались в конференц-зале. Пятеро. Билли с Урсулой все утро занимались возвращением материалов расследования на стену. В комнате чувствовалась общая инертность. Еще недавно они думали или по крайней мере стремились убедить себя в том, что все закончено. Дело раскрыто. Казалось, будто они только что выиграли марафонский забег и тут узнали, что им предстоит пробежать еще десять километров. Силы были на исходе.

— Ульф Странд развелся с Беатрис Странд шесть лет назад, а полтора года назад они снова поженились, — сообщил Билли, собравший все что успел о муже Беатрис.

Ванья вздохнула. Себастиан взглянул на нее и быстро понял, что вздох вызван не скукой или отсутствием интереса. Он явился выражением если не симпатии, то известного сочувствия к самоотверженному поступку, во многих отношениях, похоже, приведшему к загубленной жизни.

— На него дважды заявляли в полицию, — продолжал Билли. — Угроза насилем и нанесение побоев. Оба заявления датированы 2004 годом, и оба поступили от некоего Биргера Франсена, который на тот момент состоял в интимных отношениях с Беатрис Странд.

— Это с ним она изменяла мужу? — едва услышав собственный вопрос, Ванья поняла, что он не имеет никакого отношения к делу и был задан просто из любопытства. Она знала также, что не получит ответа, и оказалась права.

— Здесь не сказано. Говорится только, что на момент подачи заявлений они состояли в «гостевом браке».

— Какое он получил наказание? — нетерпеливо спросил Торкель. Ему хотелось поскорее услышать продолжение, двинуться дальше и покончить с этим.

— Штраф в размере нескольких дневных заработков в первом случае и условное наказание плюс запрет на посещение во втором. Запрет на посещение Франсена, не Беатрис с Юханом, — уточнил Билли.

— Значит, он из числа ревнивцев, — Себастиан откинулся на спинку стула. — То, что жена спит с приятелями сына, вполне могло его несколько разозлить.

— Продолжай, — Торкель вновь обратился к Билли.

— У него есть лицензия на оружие.

— На несколько видов?

— У него зарегистрировано ружье *Unique T66 Match*.

— Калибр 22, — вставила Урсула, больше в порядке информации, нежели вопроса. Тем не менее Билли утвердительно кивнул:

— Да.

— Что еще?

— Это в принципе все. Он работает системным администратором в фирме, занимающейся подбором персонала, и у него есть машина «рено меган» 2008 года.

Торкель встал.

— Ладно, тогда поехали побеседуем с Ульфом Страндом.

Ванья, Себастиан и Урсула тоже отодвинулись от стола и поднялись. Билли остался сидеть на месте. Когда они вернутся с Ульфом, им захочется иметь в своем распоряжении

весь доступный материал. А это его работа. Все четверо как раз собрались уходить, когда в дверь постучали, и секундой позже показалась голова Хансер.

— Вы можете уделить мне минутку? — Она вошла в комнату, не дожидаясь ответа.

— Мы как раз собрались уходить, — ответил Торкель, не сумев скрыть нотки раздражения в голосе. Хансер их почувствовала, но предпочла не обращать внимания.

— Какие-нибудь новости в деле Рогера Эрикссона?

— Мы едем, чтобы забрать для допроса Ульфа Странда. Мужа Беатрис.

— Тогда хорошо, что я успела во время. Я разговаривала с комиссаром полиции лена...

— Ну, он, вероятно, доволен. Я слышал об Акселе Юханссоне. Поздравляю, — перебил ее Торкель.

Он указал на дверь, давая понять, что они могут продолжить разговор по пути. Но Хансер не двинулась с места.

— Спасибо. Он доволен, но это не предел его желаний.

Ситуация была Торкелю знакома. Он понимал, к чему клонит Хансер, догадывался, почему именно, и тут же получил подтверждение.

— Мы вчера довольно широко разгласили, что дело раскрыто.

— Это не моя вина. Вчера многое указывало на то, что это Рагнар Грот, но при ближайшем рассмотрении доказательств оказалось недостаточно. Такое случается.

— Комиссар несколько рассердился из-за того, что вы забрали Беатрис Странд, не проинформировав нас. Он настаивает на том, чтобы в случае задержаний в них участвовали представители полиции Вестероса.

— Я не обязан информировать его о том, что делаем я или моя команда, — голос Торкеля стал жестче.

Торкель не принадлежал к числу любителей тыкать в нос своей властью, но не намеревался и выслушивать идиотские упреки из-за того, что комиссар полиции лена, видите ли, пребывает в плохом настроении после неудачной пиар-акции.

— Если у него имеются претензии к моей работе, почему он не явился сюда лично?

Хансер пожала плечами:

— Он послал меня.

Торкель почувствовал, что готов убить посланницу. Он стиснул зубы и быстро взвесил ситуацию. Что он от этого выиграет и что может потерять?

— Ладно. Хорошо. Мы возьмем кого-нибудь с собой.

— У нас проходит демонстрация в поддержку дома для молодежи, которая немного вышла из-под контроля, и еще случилась авария на E18, поэтому в данный момент с людьми довольно напряженно.

— Ждать я не намерен, если вы это имеете в виду, всему есть предел.

— Нет, ждать не надо, я только хочу объяснить, почему вам придется взять с собой того, кого придется.

Торкелю показалось, что он увидел на лице Хансер намек на сострадание, прежде чем та кивнула в сторону офисного помещения. Торкель посмотрел сквозь стекло в ту сторону, куда она кивнула. Обрато он повернулся с таким выражением лица, будто его только что грубо разыграли.

— Вы шутите!

Снаружи Харальдссон как раз склонился над письменным столом, опрокинув при этом на пол подставку для ручек.

Машины без полицейской символики припарковались метрах в двадцати от желтого дома, и из них вышли пять человек. Харальдссон ехал, сидя в одиночестве на заднем сиденье в той же машине, что Ванья с Торкелем. Когда они отъезжали от здания полиции, он попытался завязать с ними разговор, но довольно быстро понял, что его слова не вызывают никакого интереса, и умолк.

Они — Харальдссон, Ванья и Торкель — пересекли улицу чуть впереди Урсулы с Себастианом. В лучах дневного солнца район вилл казался тихим и спокойным. Где-то вдали слышался звук электрической газонокосилки. Себастиан не слишком разбирался в садоводстве, но разве траву начинают стричь раньше апреля? Вероятно, какой-то энтузиаст.

Группа приблизилась к дороге, ведущей к дому Страндов. Когда они забирали Беатрис из школы, та сказала, что к приходу Юхана Ульф обычно бывает дома. У него в фирме сообщили, что он уже ушел совсем. Похоже, сходится. Возле гаража красовалась машина «рено меган».

Ванья подошла к машине и присела на корточки возле заднего колеса.

— «Пирелли».

Урсула быстро подошла к Ванье и тоже присела. Достала фотоаппарат и сфотографировала шину.

— П7. Сходится.

Урсула вынула маленький ножичек и принялась соскабливать глину и грязь, забившиеся в протектор шины. Ванья выпрямилась, обошла Урсулу и встала сзади машины. Подергала багажник. Не заперто. Она бросила вопросительный взгляд на Торкеля, тот утвердительно кивнул. Ванья открыла крышку. Торкель подошел, и они вместе осмотрели практически пустой багажник. Стенки черные, и определить, имеются ли на них пятна крови, без специального оборудования невозможно. На дне пластиковый коврик.

Новый пластиковый коврик.

Торкель наклонился и приподнял его. Под ковриком оказались две закрытые крышками камеры. Вероятно, там находятся запаска, треугольник — знак аварийной остановки, предохранители и прочие неинтересные предметы. Зато сами крышки показались ему далеко не безынтересными. Они были обиты ковровином. Ковровином серого цвета. Таковым он, во всяком случае, остался по краям, а в центре находилось большое темно-красное пятно. Ванья с Торкелем достаточно много раз видели засохшую кровь, чтобы сразу определить, что именно у них перед глазами. Даже если бы они усомнились, догадку подтвердил бы запах. Они захлопнули багажник.

Себастиан увидел, как помрачнели коллеги, и понял, что они что-то обнаружили.

Нечто решающее.

Наконец-то они попали в точку. Себастиан быстро обернулся к дому. Ему показалось, что уголком глаза он заметил какое-то движение в окне второго этажа. Он присмотрелся. Ничего. Все спокойно.

— Себастиан...

Торкель подзывал всех к себе. Себастиан в последний раз взглянул на окно второго этажа и переключил внимание на Торкеля.

Человек, который не был убийцей, видел, как они подошли к гаражу и остановились. Возле машины. Он знал это, все время знал — его ахиллесовой пятой является машина.

На следующий день после роковой пятницы он подумал было поехать сдать ее в утиль, но воздержался. Как бы он смог это объяснить? Зачем утилизировать абсолютно пригодный к использованию автомобиль? Это могло вызвать подозрения. Он предпочел сделать то, что было в его силах. Помыл и почистил машину, купил новый коврик для багажника и выставил ее на продажу. Два человека уже приходили ее посмотреть, но купить никто из них так и не решился. Он заказал новые крышки для двух отделений в нижней части багажника. Их обещали доставить на следующей неделе.

Слишком поздно.

Полиция уже здесь.

Возле машины. Две женщины сидели на корточках у заднего колеса. Неужели он где-то наследил? Вероятно. Человек, который не был убийцей, выругался про себя. Ведь тут он мог принять меры. Новые шины. Ничего странного. А теперь?

Слишком поздно.

Оставалось только одно: выйти и сознаться. Принять наказание. Может, они его и поймут. Поймут, но не простят.

Никогда.

Никто его не простит. Прощение предполагает не только признание, но и раскаяние, а его он по-прежнему не испытывал.

Он делал то, что должен был.

Пока мог.

Но теперь все кончено.

— Многое указывает на то, что на этот раз мы попали в точку.

Торкель собрал всех и теперь тихо, почти шепотом, проводил инструктаж:

— Мы знаем, что он имеет доступ к оружию, так что проявляйте максимальную осторожность. Держитесь ближе к стенам. Ванья, возьми заднюю сторону.

Все согласно кивнули. Ванья, слегка пригнувшись, удалилась за дом, доставая по пути пистолет.

— Урсула, обойди дом и стой сбоку на случай, если он воспользуется окном и попытается бежать через соседний участок. Себастиан, ты держись на заднем плане.

Себастиан с легким сердцем подчинился. Эта часть полицейской работы его ничуть не интересовала. Он знал, что остальные ждали этого с того момента, как услышали об исчезновении шестнадцатилетнего парня по имени Рогер Эрикссон, а ему само задержание преступника ничего не давало.

Для него действительно всем являлся путь к цели, сама же цель — ничем.

— А мы с тобой пойдем звонить в дверь. Я хочу, чтобы ты держал оружие наготове, но стоял сбоку, опустив пистолет. Нам нельзя его спугнуть. Понятно? — обратился Торкель к

Харальдссону.

Тот кивнул. Адреналин забурлил. Это уже всерьез, по-настоящему. Он сможет участвовать в том, о чем когда-то мечтал и на что потом даже не смел надеяться. Он будет ловить убийцу Рогера Эрикссона. Пусть не один, но все-таки.

Он здесь, он участвует. У Харальдссона зашумело в ушах, когда он, вытащив свой «вальтер», стал вместе с Торкелем приближаться к входной двери дома.

Пройдя всего несколько шагов, они увидели, что ручка двери медленно опускается вниз. Торкель молниеносно выхватил пистолет и направил его на дверь. Харальдссон, поспешно взглянув на Торкеля, понял, что приказ держать оружие опущенным больше не действует, и тоже поднял пистолет. Дверь медленно открылась.

— Я выхожу, — донесся из дома мужской голос.

— Медленно! Руки держать на виду!

Торкель остановился в четырех-пяти метрах от входной двери. Харальдссон тоже. Они увидели, как из образовавшейся между дверью и дверным косяком щели показалась нога в ботинке и как эта нога открыла дверь пошире. Ульф Странд вышел, держа руки на уровне головы.

— Подозреваю, что вы ищете меня.

— Не двигайтесь!

Ульф подчинился. Он спокойно смотрел на приближавшихся вооруженных полицейских. Урсула с Ваньей вернулись к главному фасаду дома. Они тоже держали в руках пистолеты.

— Развернитесь!

Ульф развернулся и спокойно устремил взгляд в захлавленную прихожую. Торкель знаком показал Харальдссону оставаться на месте, а сам приблизился к Ульфу.

— На колени!

Ульф сделал что было велено. Грубый камень крыльца сразу врезался в колени. Торкель шагнул к нему, положил одну руку Ульфу на шею, а другой принялся быстро его обыскивать.

— Это я. Его убил я.

Закончив обыск, Торкель поднял Ульфа Старка на ноги. Остальные полицейские зачехлили оружие.

— Это я, его убил я, — повторил Ульф, глядя Торкелю в глаза.

— Да, я слышал.

Торкель кивнул Харальдссону, и тот подошел с наручниками в руках.

— Руки за спину, пожалуйста.

Ульф посмотрел на Торкеля почти умоляющим взглядом:

— А без наручников никак нельзя? Мне бы хотелось уйти отсюда самым обычным образом. Тогда Юхану не придется видеть меня... преступником.

— А он дома? Юхан?

— Да. Он у себя в комнате, наверху.

Даже если мальчик еще не услышал и не увидел происходящего, то он ведь рано или поздно выйдет из своей комнаты. Ему незачем обнаруживать дом пустым. Ему потребуется кто-нибудь, с кем можно поговорить. Торкель подозвал Ванью:

— Останься с парнем.

— Конечно.

— Ладно, тогда пошли, — сказал Торкель Ульфу.

Ульф повернул голову:

— Юхан, я ненадолго уеду с полицейскими. Мама скоро придет! — прокричал он в дом.

Ответа не последовало. Торкель взял Ульфа под руку. Харальдссон убрал наручники и пристроился с другой стороны. С Ульфом Страндом посередине они двинулись к машине. Когда они проходили мимо того места, где стоял Себастиан, он присоединился к ним.

— Как давно вы знали?

Ульф сощурился против вечернего солнца и посмотрел на Себастиана с откровенным удивлением:

— Как давно я знал что?

— Что ваша жена состояла в связи с Рогером Эрикссоном.

Себастиан увидел, как Ульф на мгновение выпучил от изумления глаза. На его лице отразились шок и недоверие. Еще не успев полностью совладать с выражением лица, Ульф опустил глаза:

— Ну-у... некоторое время...

Себастиан остановился. Замер всем телом. Он сообразил, что именно только что увидел. Человека, которого огорошили. Совершенно. Полностью. Человека, который до того, как Себастиан открыл ему глаза, не имел ни малейшего представления о том, чем занимались его жена и лучший друг сына.

— Тут что-то не так, — молниеносно сообщил остальным Себастиан.

Торкель остановился. Ульф и Харальдссон тоже. Ульф по-прежнему смотрел прямо себе под ноги.

— Что ты сказал?

— Он ни черта не знает!

Себастиан поспешно подошел к Торкелю.

— Что такое? О чем ты говоришь?

Себастиан уловил значение собственных слов, только когда произнес их вслух:

— Это не он.

Прежде чем кто-нибудь успел среагировать, раздался выстрел и крик. Себастиан повернулся к Ульфу и увидел, как Харальдссон схватился за грудь и рухнул на землю.

~ ~ ~

— Оружие!

Урсула бросилась вперед и одним движением утащила истекающего кровью Харальдссона за припаркованную машину «рено», в безопасное место. Торкель среагировал столь же быстро: резко оттолкнув Ульфа Странда на расстояние, недостижимое для выстрелов, он пригнулся и бросился следом. В несколько секунд все покинули ведущую к дому дорогу. Себастиан использовал эти секунды для того, чтобы быстро оглянуться на дом. Из окна на втором этаже, уже раньше привлекшего его внимание, торчал ствол ружья. За ним виднелось бледное молодое лицо.

— Себастиан! — закричал Торкель.

Себастиан на мгновение задумался о том, что остальные действовали инстинктивно и благодаря приобретенным за годы тренировок навыкам незамедлительно позаботились об укрытии. Сам же он по-прежнему стоял на дороге, прямо на виду. Он снова взглянул на окно второго этажа и увидел, как дуло ружья смещается немного влево.

К нему.

Он побежал.

Бросился к дому, к входной двери. Пробежав несколько шагов, Себастиан услышал, как пуля ударилась о камни у него за спиной. Он прибавил скорости. В дверях перед ним возникла какая-то фигура: Ванья, с пистолетом в руках.

— Что происходит?!

Себастиан был почти уверен, что находится настолько близко к дому, что под таким углом попасть в него нельзя, но предпочел не рисковать и не останавливаться, чтобы ввести Ванью в курс дела. Он бросился в прихожую, в безопасное место. Ванья молниеносно оказалась рядом.

— Себастиан, что происходит?

Себастиан тяжело дышал. Сердце бешено колотилось. Пульс отдавался в ушах. Не от напряжения, просто он, вероятно, за последние пятнадцать секунд использовал годовую норму адреналина.

— Он наверху, — едва переводя дух, ответил Себастиан. — С ружьем.

— Кто?

— Юхан. Он подстрелил Харальдссона.

Они слышали шаги на втором этаже. Ванья развернулась и быстро направила пистолет на лестницу. Никто не вышел. Шаги стихли.

— Ты уверен?

— Я его видел.

— Зачем ему понадобилось стрелять в Харальдссона?

Себастиан пожал плечами и вытащил дрожащими руками мобильный телефон. Набрал номер. Занято. Себастиан сбросил звонок, снова набрал номер. По-прежнему занято. Он решил, что Торкель звонит, чтобы вызвать подкрепление.

Вооруженное подкрепление.

Себастиан попытался собраться с мыслями.

Что ему известно?

Наверху подросток, только что выстреливший в полицейского. Подросток, который, по

словам его матери, уже и раньше отличался психической неуравновешенностью. Возможно, он действовал импульсивно, увидев, что они отнимают у него отца. Возможно, он каким-то образом причастен к убийству Рогера Эрикссона и теперь чувствует, что весь его мир рушится.

Себастиан двинулся в сторону лестницы. Ванья остановила его, упершись ему рукой в грудь:

— Куда ты?

— Наверх. Я должен с ним поговорить.

— Нет, не должен. Подождем подкрепления.

Себастиан сделал глубокий вдох.

— Ему шестнадцать лет. Он напуган и заперся у себя в комнате. Если он увидит чертову массу полицейских и почувствует, что у него нет выхода, то направит ружье на себя.

Себастиан устремил на Ванью серьезный взгляд:

— Я не хочу, чтобы это было на моей совести. А ты хочешь?

Ванья посмотрела ему в глаза. Они помолчали. Себастиан видел, что Ванья взвешивает аргументы.

Плюсы и минусы.

Разум и чувства.

Себастиан наблюдал за ней, обдумывая, как ему убедить ее, если она откажется пускать его наверх. Будет трудно, но ему необходимо что-то предпринять. Он не сомневался в том, что, если в ближайшее время не поговорить с Юханом, мальчик погибнет. Это самое вероятное развитие событий, и допускать его никак нельзя. К его большому облегчению, Ванья кивнула и отошла в сторону. Себастиан прошел мимо нее.

— Позвони Торкелю и расскажи, чем я занимаюсь. Скажи, чтобы они подождали.

Ванья кивнула. Себастиан набрал воздуха, взялся за перила лестницы и поставил ногу на первую ступеньку.

— Удачи. — Ванья коснулась его руки.

— Спасибо.

Себастиан стал медленно подниматься по лестнице.

Лестница завершалась маленьким коридором, уходившим налево по второму этажу. Четыре двери: две на правой стороне, одна на левой и одна прямо в конце коридора. На белых стенах в рамках беспорядочно висели афиши, фотографии и детские рисунки. На полу лежала красная дорожка, чуть-чуть не доходившая до стен и покрытая слоем пыли. Себастиан посмотрел на закрытые двери и задумался. Лестница поворачивает влево на девяносто градусов. Входная дверь располагается на той же стороне, что и окно комнаты Юхана. Значит, туда, по всей видимости, ведет закрытая дверь в конце короткого коридора. Себастиан крадучись подошел к ней.

— Юхан?..

Молчание. Себастиан прижался к правой стенке — стоять прямо против двери ему не хотелось. Он не имел представления о том, способна ли пуля ружья *Unique T66 Match* пробить дверь комнаты, но не имел и желания проверять это.

— Юхан, это я, Себастиан, — он осторожно постучал в дверь. — Ты меня помнишь?

— Убирайся отсюда, — донесся из комнаты слабый голос.

Себастиан выдохнул. Контакт. Важный первый шаг. Теперь дело за вторым. Ему необходимо проникнуть в комнату.

— Я хочу с тобой поговорить. Можно?

Ответа не последовало.

— Думаю, нам стоило бы немного побеседовать. Ты помнишь, я ведь не полицейский. Я психолог.

В последовавшей тишине Себастиан услышал приближавшиеся издалека звуки сирен. Он выругался про себя. Что они, черт возьми, делают? Мальчик только еще больше разнервничается. Необходимо войти в комнату.

Немедленно.

Он сменил сторону и встал слева от двери. Осторожно взялся за ручку. Она показалась ему холодной. Себастиан почувствовал, что покрывается потом, и обтер лоб второй рукой.

— Я хочу только поговорить с тобой, и все. Обещаю.

Ответа не последовало. Сирены приблизились. Должно быть, они уже выехали на ведущую к дому улицу. Себастиан повысил голос:

— Ты меня слышишь?

— Не мог бы ты просто убраться отсюда?! — в голосе Юхана слышалось больше отчаяния, чем угрозы.

Голос звучит сдавленно. Он плачет? Собирается сдаться? Себастиан сделал глубокий вдох:

— Я открываю дверь.

Себастиан нажал на ручку. Изнутри не последовало никакой ощутимой реакции. Дверь открывалась наружу, поэтому Себастиан приоткрыл ее на сантиметр и замер.

— Сейчас я открою дверь полностью и войду. Хорошо?

Ответом Себастиану вновь стало молчание. Он запустил указательный палец в щель и осторожно открыл дверь, оставаясь снаружи, под защитой стены. Он закрыл глаза. Быстро сконцентрировался.

Затем шагнул вперед и встал в дверях так, чтобы его руки были хорошо видны.

Юхан сидел на полу под окном. С ружьем в руках. Он повернулся к Себастиану с таким видом, будто никак не ожидал его появления.

Растерян.

В шоке.

Поэтому опасен. Себастиан замер в дверях, глядя на Юхана с теплотой. Тот выглядел таким маленьким. Таким ранимым. Бледное лицо покрыто потом. Налитые кровью глаза казались ввалившимися, вокруг них черные круги. Возможно, от недосыпа. Что бы ни произошло, что бы Юхан ни натворил, но это загнало его туда, откуда уже нет возврата. Существовал риск, что давление станет слишком велико, что тоненькая поверхность, на которой балансирует его рассудок, удерживающая его в реальности, даст трещину. Себастиан видел, насколько мальчик напряжен. Под бледными щеками судорожно двигаются челюсти. Внезапно Юхан, похоже, полностью утратил интерес к Себастиану и снова переключил внимание на окно и происходящее за ним.

Со своего места в дверях Себастиан увидел, как подъехали «скорая помощь» и еще несколько полицейских машин. Все в сборе. Он видел, как Торкель разговаривает с вооруженным мужчиной, вероятно, представителем местной полиции. Юхан поднял ружье с коленей и направил его на Себастиана:

— Скажи им, чтобы уезжали.

— Не могу.

— Я хочу, чтобы меня просто оставили в покое.

— Они не уедут. Ты застрелил полицейского.

Юхан сильно заморгал, и по щеке потекла слеза.

Себастиан шагнул в комнату. Юхан вздрогнул и вскинул ружье. Себастиан сразу остановился. Вытянул вперед руки протестующим и одновременно успокаивающим жестом. Юхан скользил по нему зловещим взглядом.

— Я собираюсь тут просто присесть.

Себастиан шагнул в сторону и опустился на пол возле открытой двери, прислонившись спиной к стене. Юхан не спускал с него глаз, но ружье опустил.

— Хочешь рассказать мне о том, что случилось?

Юхан покачал головой, развернулся и снова принялся изучать происходящее на улице.

— Они придут и арестуют меня?

— Пока я здесь, не придут, — Себастиан осторожным движением вытянул вперед ноги. — А я временем не ограничен.

Юхан кивнул. Себастиану показалось, будто плечи мальчика чуть опустились. Расслабился? Похоже, что так. Однако голова у него по-прежнему подергивалась, как у маленькой птички, когда он пытался разглядеть происходящее за окном, и ружье было по-прежнему направлено на Себастиана.

— Мы всегда пытаемся защищать то, что любим. Это совершенно естественно. Я понял, что ты действительно любишь папу.

Никакой реакции со стороны мальчика не последовало. Возможно, он настолько сосредоточенно следил за происходящим перед домом, что ничего не слышал. Возможно, просто не слушал. Себастиан помолчал. Они продолжали сидеть. Через открытое окно Себастиан слышал, как по асфальту везут носилки и как сразу за этим захлопнулись задние дверцы «скорой помощи». Врачи занялись Харальдссоном. Приглушенные голоса. Шаги. Завелся мотор, и какая-то машина отъехала. Где-то вдали, там, где жизнь оставалась понятной и контролируемой, по-прежнему работала газонокосилка.

— Я пытался защитить тех, кого любил. Но не сумел.

Возможно, свою роль сыграл тон. Возможно, деятельность на улице в основном замерла и перестала требовать внимания, но Юхан повернулся к Себастиану:

— Что случилось?

— Они умерли. Моя жена и дочка.

— Как?

— Утонули. В цунами — ты помнишь цунами?

Юхан кивнул. Себастиан не спускал с него глаз.

— Я был бы готов на все, лишь бы вернуть их. Чтобы мы снова стали семьей.

В точности как и надеялся Себастиан, его слова, похоже, задели что-то в душе у мальчика. Что-то, явно ему очень близкое. Семья. Боль ее утраты. Беатрис рассказывала о тоске, от которой Юхан заболел. Семья. Образ идеальной семьи. Себастиан уже начал догадываться, насколько далеко Юхан способен пойти, чтобы ничто этого образа не поколебало.

Юхан молчал. Себастиан сидел очень неудобно. Он осторожно подтянул колени и оперся о них руками. Намного лучше. Юхан на его движения не отреагировал. Они продолжали сидеть.

Напротив друг друга.

Молча.

Юхан с несколько отсутствующим видом покусывал нижнюю губу. Он невидящим взглядом смотрел в окно — так, будто ничто его там больше не интересовало.

— Я не собирался убивать Рогера.

Себастиан с трудом улавливал слова. Юхан говорил тихо, не разжимая зубов. Себастиан на мгновение закрыл глаза. Вот, значит, как оно было. Он предчувствовал это, когда выяснилось, что у Ульфа отсутствовал мотив, но гнал от себя эту мысль. Трагедия и так была уже достаточно велика.

— Я рассказал Лене, его маме, чтобы она их остановила. Но ничего не изменилось. Они продолжали дальше.

— Рогер и твоя мама?

Юхан неотрывно смотрел в окно. Его взгляд был все время устремлен наружу. Прочь. Куда-то в другое место.

— Мама однажды встречалась с другим. До того. Ты знал об этом?

— Да. С Биргером Франсеном.

— Тогда папа исчез.

Себастиан ждал. Но продолжения не последовало. Будто Юхан рассчитывал на то, что остальное Себастиан додумает сам.

— Ты боялся, что он снова исчезнет.

— Он бы обязательно исчез. Это ведь было еще хуже.

Юхан говорил уверенно, и Себастиану нечего было возразить, даже если бы он захотел.

Разница в возрасте.

Связь учительницы с учеником.

Лучший друг сына.

Предательство, несомненно, воспринималось бы как еще большее. Его было бы куда труднее простить. Особенно такому мужу, как Ульф. Человеку, который еще даже не начал прощать за прошлое.

— Как ты узнал об их отношениях?

— Я однажды увидел, как они целуются. Я знал, что у него кто-то есть. Он довольно много рассказывал о том... чем они занимаются. Но я...

Юхан не закончил предложение. По крайней мере вслух. Себастиан видел, как мальчик покачал головой, словно продолжая мысль в голове.

Себастиан ждал.

Процесс пошел. Раз уж мальчик начал открываться таким образом, он едва ли сразу снова замкнется. Ему хочется рассказать. Тайны носить в себе тяжело. В комбинации же с чувством вины они способны тебя уничтожить. Себастиан почти не сомневался, что Юхан уже испытал облегчение. Ему казалось, что он видит у мальчика физические изменения. Плечи еще больше опустились. Челюсти сжаты уже не столь плотно. Спина, прежде прямая и напряженная, немного расслабилась.

Поэтому Себастиан ждал.

Уже казалось, будто Юхан забыл о присутствии Себастиана. Но вдруг он снова заговорил, словно бы прокручивая в голове фильм и рассказывая о том, что видит:

— Он позвонил. Сюда, домой. Мама ответила. Папа был на работе. Я понял, что они собираются опять встретиться. Мама сказала, что пойдет прогуляться. Я знал, где они. Чем они занимаются, — последние слова Юхан чуть ли не выплюнул.

Слова пошпи быстрее. Голос стал громче. Взгляд по-прежнему блуждал где-то, куда доступ имел только Юхан. Словно он был там, словно...

Он ждет возле футбольного поля, спрятавшись на лесной опушке. Знает, где она обычно его выпускает. Рогер рассказывал еще до того, как узнал, что Юхану все известно. Он видит, как школьная машина приближается к парковке. Она останавливается, но никто не выходит. Ему не хочется даже думать о том, чем они, возможно, занимаются там, внутри. Он водит ногой по ружью, которое прихватил с собой из дома и положил на землю. Через некоторое время он видит, как в салоне машины загорается свет, когда кто-то выходит. Это Рогер. Юхану кажется, что он слышит, будто Рогер что-то кричит, но слов он не разбирает. Рогер быстро идет через стадион. Прямо на него. Быстрым шагом. Юхан встает и берет ружье в руки. Когда Рогер направляется к тропинке, ведущей к его дому, Юхан окликает его. Рогер останавливается. Щурится в сторону леса. Юхан выходит из-за деревьев и видит, как Рогер, увидев его, качает головой. Не обрадованно. Не удивленно. Не с испугом. Словно Юхан представляет собой проблему, которая ему сейчас ни к чему. Юхан делает несколько шагов вперед и оказывается на стадионе.

Похоже, что Рогер плакал. Видит ли он висящее вдоль правой ноги Юхана ружье? Если и видит, то, во всяком случае, ничего об этом не говорит. Он спрашивает, что Юхану надо. Тот четко излагает свои желания. Он хочет, чтобы Рогер перестал спать с его матерью. Хочет, чтобы Рогер больше никогда не приходил к ним домой. Хочет, чтобы Рогер держался от него и его семьи как можно дальше. Он поднимает ружье, чтобы придать своим словам вес. Однако Рогер реагирует совсем не так, как ожидал и надеялся Юхан. Он кричит.

Что все равно кругом одно дерьмо.

Что все, вся его проклятая жизнь, идет к черту.

Что Юхан — чертов идиот.

Что разбираться с ним у него сейчас нет сил.

Он плачет. Потом идет. Прочь от Юхана. Но допускать этого нельзя. Сейчас. Вот так. Он не пообещал ничего изменить. Не пообещал прекратить. Ничего не пообещал. Казалось, Рогер не понял серьезности ситуации. Насколько это важно. Юхан должен заставить его понять. Но, чтобы заставить понять, необходимо, чтобы он выслушал Юхана. Чтобы заставить слушать, надо его остановить. Юхан вскидывает ружье. Кричит Рогеру, чтобы тот остановился. Видит, что он продолжает идти дальше. Снова кричит. Рогер через плечо показывает ему палец.

Юхан нажимает на курок.

— Я хотел только заставить его слушать.

Юхан поворачивается к Себастиану. Щеки мокрые. Энергия вышла. В руках больше нет сил и желания держать ружье, оно сползает на пол перед мальчиком.

— Я хотел только заставить слушать.

Рыдания сотрясают его тело. Это напоминает судорогу. Юхан почти складывается пополам, лбом к ногам. Себастиан ползет к трясущемуся бедняге. Осторожно берет ружье и откладывает его в сторону.

Затем обвивает Юхана рукой и дает ему единственное, что в данный момент может дать.

Время и человеческую близость.

Ванья нервничала, теряя терпение. С тех пор как Себастиан поднялся на второй этаж, прошло уже почти полчаса. Она слышала, как он разговаривал с Юханом через закрытую дверь, но после того, как он, очевидно, вошел в комнату, вниз доносилось только приглушенное бормотание. И еще периодический скрежет, когда кто-нибудь менял положение. Ванья сочла это хорошим признаком. Никаких криков.

Никаких взволнованных голосов.

Главное, никаких новых выстрелов.

Харальдссона везли в больницу — или, может, уже доставили. Пуля вошла под лопатку с левой стороны и вышла спереди. Он потерял очень много крови, и его собирались оперировать, но, согласно полученным ими первым сообщениям, опасности для жизни ранение не представляет.

Ванья непрерывно поддерживала телефонную связь с находящимся снаружи Торкелем. Прибыли шесть полицейских машин. Двенадцать хорошо вооруженных полицейских в бронежилетах окружили дом плотным кольцом. Но войти в дом Торкель им не позволял. Персонал в форме оцепил квартал. По углам улицы толпились любопытные вместе с журналистами и фотографами, изо всех сил старавшимися подобраться поближе. Ванья снова посмотрела на часы. Что же происходит наверху? Она искренне надеялась, что ей не придется сожалеть о решении пустить Себастиана наверх.

Тут она услышала шаги. Шаги приближались к лестнице. Ванья вскинула пистолет и, широко расставив ноги, встала возле подножия лестницы, готовая ко всему.

Они шли бок о бок. Себастиан и Юхан. Себастиан поддерживал рукой мальчика, выглядевшего гораздо меньше и младше своих шестнадцати лет. Казалось, будто Себастиан более или менее несет его вниз по лестнице. Ванья убрала пистолет и связалась с Торкелем.

* * *

Когда Себастиан сдал Юхана на руки врачам и того увезли в ожидавшую его лечебницу, он, не обращая внимания на происходящее на улице, вернулся в дом. С тяжелым сердцем прошел в гостиную, немного сдвинул неглаженое белье и опустился на диван. Потом откинулся на грубую обивку, положил ноги на низкий журнальный столик и закрыл глаза. В период активной работы он редко допускал, чтобы расследования, преступники или жертвы задерживались у него в сознании. Все они представляли собой лишь требующие решения проблемы, орудия, которыми он пользовался, или препятствия, которые он преодолевал. В конечном счете все это существовало только для того, чтобы бросить ему вызов.

Доказать его талант.

Подпитать его «я».

Когда они выполняли свою функцию, он забывал о них и двигался дальше. Правовые последствия интересовали его столь же мало, как задержания и нанесение решительных ударов. Почему же Странды его не отпускают? Юный преступник. Развалившаяся семья. Трагично, конечно, но в принципе ничего для него нового. Ничего такого, что он намеревался носить в себе сколько-нибудь долго.

Он покончил с расследованием.

Покончил с Вестеросом.

Он точно знал, что ему требуется, чтобы освободиться от Страндов.

Секс.

Ему требовался секс.

Заняться сексом, продать дом и уехать обратно в Стокгольм — таков был его план.

Стоит ли ему отправляться на улицу Стуршерсгатан, 12? Стоит ли пытаться установить контакт с сыном или дочерью? Сейчас ему казалось, что скорее всего нет, но он не собирался принимать никаких окончательных решений, пока не будет чувствовать себя лучше.

После секса.

После продажи.

После Вестероса.

Себастиан почувствовал, как диванная подушка слегка опустилась, когда кто-то сел рядом с ним. Он открыл глаза. На самом краешке сидела Ванья. Спина прямая, руки сцеплены в замок на коленях. Сама собранность. Полная противоположность развалившемуся на диване Себастиану. Казалось, будто она всеми способами хочет подчеркнуть существующую между ними колоссальную дистанцию.

— Что он сказал?

— Юхан?

— Да.

— Что он убил Рогера.

— Он сказал почему?

— Он боялся, что отец снова покинет его. Просто так вышло.

Ванья скептически наморщила лоб:

— Двадцать два удара ножом и утопление в болоте. Как-то не совсем похоже на несчастный случай.

— Ему каким-то образом помог в этом отец. Допросите его. Вестина ведь тоже убил не парень.

Ванья, казалось, удовлетворилась. Она встала и пошла в прихожую. Но в дверях остановилась и обернулась к Себастиану. Тот с удивлением посмотрел ей в глаза.

— Ты спал с ней, да?

— Что?

— С его матерью. С Беатрис. Ты спал с ней.

На этот раз это уже был не вопрос, поэтому Себастиан не ответил. Зачем? Молчание всегда является лучшим подтверждением.

Неужели в глазах уже почти бывшей коллеги мелькнуло разочарование?

— Когда ты пошел к парню, потому что думал, будто он может причинить себе вред, я подумала, что ты, возможно, и не совсем законченный подлец.

Себастиан понял, к чему идет разговор. Знакомо до боли. Другие женщины. Другие ситуации. Другие слова. Вывод тот же.

— Я явно ошиблась.

Ванья покинула его. Он видел, как она уходит, но остался сидеть. Молча. Что он мог сказать?

Ведь она права.

Ульф Странд сидел на стуле, на котором несколькими часами ранее сидела его жена. Он производил очень благоприятное впечатление. Вежливый, прямо-таки предупредительный. Первое, о чем он спросил, когда Ванья с Торкелем вошли в комнату для допросов и уселись напротив него, — это как обстоит дело с Юханом. Получив успокаивающее известие о том, что Юханом занимаются врачи и Беатрис находится при нем, Ульф поинтересовался состоянием Харальдссона. Ванья с Торкелем объяснили, что того прооперировали и его жизнь вне опасности, а потом включили магнитофон и попросили Ульфа рассказать все с самого начала. С того момента, как он впервые услышал о смерти Рогера.

— В тот вечер Юхан позвонил мне на работу. Он плакал и был в полном отчаянии, сказал, что на футбольном поле произошло нечто ужасное.

— И вы поехали туда?

— Да.

— Что произошло потом?

Ульф выпрямился на стуле:

— Рогер был мертв. Юхан пребывал на грани нервного срыва, поэтому я как мог постарался его успокоить, а потом усадил в машину.

Ванья отметила, что в голосе Ульфа совсем не чувствуется волнения. Как будто он выступает перед коллегами и клиентами, стараясь показаться корректным и опытным оратором.

— Потом я занялся Рогером.

— В каком смысле занялся? — поинтересовался Торкель.

— Я оттащил его в лес, чтобы его не было видно. Потом сообразил, что пуля может вывести на след, поэтому мне пришлось ее извлечь.

— Как вы это сделали?

— Я сходил к машине и принес нож.

Ульф остановился и резко сглотнул. «Неудивительно», — подумал сидящий в соседней комнате Себастиан. До этого Ульф не являлся активно действующим лицом, он лишь переместил тело, но не причинял ему вреда. Самое тяжелое начинается теперь.

В комнате для допросов Ульф попросил стакан воды. Торкель принес воду, и Ульф отпил два-три глотка. Потом поставил стакан и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Вы принесли из машины нож. А дальше? — поторопила его Ванья.

— Я вернулся и воспользовался им, чтобы вырезать пулю, — ответил Ульф ослабевшим голосом.

Ванья открыла лежащую перед ней на столе папку и принялась перебирать крупные фотографии изрезанного тела мальчика. Казалось, она что-то ищет. «Игра на публику», — подумал Себастиан. Она знает все, что нужно для этого допроса, и без сверки с какими-либо бумагами или протоколами. Просто хочет, чтобы Ульф взглянул на дело рук своих.

Не потому, что он забыл.

Не потому, что сможет когда-нибудь забыть.

Ванья сделала вид, будто нашла бумагу, которую якобы искала.

— Когда мы нашли Рогера, у него на теле имелось двадцать два ножевых ранения.

Ульф пытался оторвать взгляд от жутких снимков, лежащих на столе вокруг папки. Классическая дилемма автомобильной катастрофы: смотреть не хочется, а оторвать взгляд нет сил.

— Да... Я подумал, что так будет выглядеть, будто его зарезали. Возможно, как ритуальное убийство. Злодеяние безумца, даже не знаю. — Ульф сумел-таки оторвать взгляд от снимков и посмотрел на Ваню в упор. — Собственно говоря, мне просто хотелось скрыть то, что его застрелили.

— Ладно, а когда вы двадцать два раза ударили его ножом и вырезали сердце, что вы сделали дальше?

— Отвез Юхана домой.

— Где в это время находилась Беатрис?

— Не знаю, во всяком случае не дома. Юхан, вероятно, пребывал в шоке. Он по пути домой уснул в машине. Я отвел его наверх и уложил в постель.

Ульф умолк, похоже, полностью отдавшись этому мгновению. Его осенило, что оно, по всей видимости, было последним проявлением чего-то нормального. Отец, укладывающий в постель спящего сына. Далее последовала одна сплошная борьба. За то, чтобы хранить молчание. Держаться вместе.

— Продолжайте.

— Я поехал обратно к лесной поляне и перевез тело. Я решил отвезти его куда-нибудь, куда его не смог бы доставить шестнадцатилетний парень. Чтобы быть уверенным, что никто не заподозрит Юхана.

Себастиан выпрямился на стуле и нажал кнопку связи на головном телефоне. Сквозь стекло он увидел, как Ваня прислушалась, уловив шуршание в наушнике.

— Он не знал, что Беатрис трахалась с Рогером. Почему же, с его точки зрения, Юхан застрелил приятеля?

Ваня коротко кивнула. Хороший вопрос. Она вновь переключила все внимание на Ульфа.

— Я не понимаю одного. Если вы не знали о связи жены с Рогером, по какой же тогда, вы считали, причине Юхан его застрелил?

— Никакой причины не было. Просто недоразумение. Игра, окончившаяся трагически. Они тренировались в стрельбе, и Юхан допустил неосторожность. Мне он объяснил это так.

Внезапно Ульф стал совершенно по-новому, пристально, всматриваться то в Ваню, то в Торкеля, словно до этого думал, что главная вина сына заключается в том, что тот солгал, а сейчас до него дошло, что Юхана нельзя считать невиновным. Что это не был несчастный случай. Во всяком случае не только.

— Что будет с Юханом? — в его голосе звучало искреннее беспокойство и забота.

— Ему уже больше пятнадцати, значит, к нему можно применять наказание, — со знанием дела ответил Торкель.

— Что это означает?

— Что будет суд.

— Расскажите о Петере Вестине, — сменила тему Ваня, рвущаяся поскорее добраться до конца.

— Он психолог.

— Это нам известно. Мы хотим знать, почему он мертв. Вы думали, Рогер мог рассказать ему такое опасное, что его нельзя было оставлять в живых?

Ульф, казалось, ничего не понимал:

— Рогер?

— Да, он был психологом Рогера. Вы не знали?

— Нет. Он психолог Юхана. Уже несколько лет. С нашего развода. Юхан был совершенно сломлен после... ну, после всего случившегося с Рогером. По понятным причинам. Поэтому он пошел к Петеру. Я не знал, чего он ему наговорил. Я спрашивал, но Юхан не мог толком вспомнить. Мне было понятно, что он ни в чем не признался, иначе бы у нас сразу появилась полиция, но он вполне мог наговорить вещей, которые Петеру ничего не стоило бы потом сложить вместе и понять, что произошло. Я побоялся рисковать.

Ванья сложила разбросанные по столу фотографии и снова закрыла папку. Они узнали все, что требовалось. Теперь дело за судом. Юхан, скорее всего, отделается довольно мягким наказанием, не то что Ульф. Семье Странд еще долго не удастся собраться вместе.

Ванья уже потянулась, чтобы выключить магнитофон, но Торкель остановил ее. Оставалось задать еще один вопрос. Вопрос, над которым он все время размышлял, поняв, как обстояло дело.

— Почему вы не сообщили в полицию? Сын звонит вам и говорит, что случайно застрелил приятеля. Почему вы просто не взяли и не позвонили в полицию?

Ульф спокойно посмотрел в заинтересованные глаза Торкеля. Это просто. Если Торкель тоже отец, он поймет.

— Юхан не хотел. Он безумно боялся. Это было бы предательством по отношению к нему. Я уже однажды предал его. Когда ушел. На этот раз я должен был ему помочь.

— Четыре человека погибли, вы попадете в тюрьму, а он получил травму, возможно на всю оставшуюся жизнь. В чем же заключалась помощь?

— Мне не удалось. Признаю, не удалось. Но я сделал все, что было в моих силах. Единственное, чего мне хотелось, — это быть по-настоящему хорошим отцом.

— Хорошим отцом?

Сомнение в голосе Торкеля натолкнулось на взгляд, излучающий стопроцентную убежденность.

— Я отсутствовал несколько важных лет. Но, думаю, стать хорошим отцом никогда не поздно.

* * *

Ульфа Странда увели. Вечером его отвезут в следственный изолятор. Работа закончена. Себастиан продолжал сидеть в соседней комнате, наблюдая через стекло за тем, как Ванья и Торкель складывают вещи. Они радостно обсуждали отъезд домой. Ванья надеялась уехать на каком-нибудь позднем поезде прямо вечером, если, конечно, Билли не поедет в Стокгольм на машине. Торкель собирался на день или два задержаться. Урсула тоже. Торкелю предстояло разобраться с последними деталями, а Урсуле — осмотреть дом Страндов и проследить за тем, чтобы не упустили никаких улик. Последнее, что услышал Себастиан перед тем, как за ними захлопнулась дверь в коридор, — это что Торкель надеется до отъезда Ваньи успеть организовать общий ужин.

Они явно испытывали облегчение. Оно чувствовалось в их голосах, в их движениях. Облегчение. Добро победило. *Mission completed*^[17]. Впору затягивать песню и скакать в

сторону заката.

Себастиану же петь не хотелось. Праздновать тоже. У него пропало даже желание заняться сексом.

Все мысли сосредоточились на двух вещах.

На улице Стуршерсгатан, 12 и на голосе Ульфа.

Думаю, стать хорошим отцом никогда не поздно.

Самое странное, что Себастиан понимал, что уже более или менее решился. Не четко и осознанно, но в глубине души он был почти уверен, что, вернувшись в Стокгольм, разыщет Анну Эрикссон и/или своего ребенка. Почти уверен и доволен решением, которое приняло за него подсознание.

Особых иллюзий он не питал.

Что это ему даст?

К чему приведет?

Анна никогда не станет второй Лили, а ребенок — новой Сабиной. Ведь это их ему не хватало. Их он хотел вернуть. Думал, что волновать его будут только они. Лили и Сабина.

Но слова Ульфа против воли Себастиана задели в нем какую-то струну. Не то, *что* он сказал, а *как* он это сказал.

Уверенность.

Естественность. Будто это был неопровержимый факт. Универсальная истина.

Стать хорошим отцом никогда не поздно.

У Себастиана есть сын или дочь. Есть ребенок, который, скорее всего, еще жив. Где-то ходит человек, наполовину являющийся им самим.

Его человек.

Стать хорошим отцом никогда не поздно.

Простые слова, ставящие трудные вопросы.

Неужели он действительно допустит, чтобы еще один ребенок выскользнул у него из рук?

Сможет ли он?

Хочет ли он?

Себастиан все больше склонялся к ответу «нет» на все три вопроса.

До поезда, которому предстояло увезти Себастиана обратно в Стокгольм, оставалось чуть более часа. С тех пор как Себастиан со звенящими в ушах словами Ульфа вышел из здания полиции и направился к родительскому дому, прошло почти трое суток. С Торкелем или Урсулой он больше не связывался, хотя и слышал, что они собирались задержаться в городе на несколько дней. По-прежнему ли они здесь, он не знал. Расследование закончено. В поддержании контактов вне работы никто, похоже, не нуждался. Себастиана это устраивало. Он получил то, за чем приходил.

Позавчера снова приезжал маклер, и они договорились обо всем, что требовалось для продажи дома. Вечером Себастиан отыскал записку с именем и номером телефона, полученную от женщины, читавшей в поезде по пути в Вестерос. Встреча, произошедшая, казалось, целую вечность назад. Когда он позвонил, женщина засомневалась. Он извинился. Объяснил, что был завален работой, занят расследованием убийства, о котором она, возможно, слышала. Смерть подростка из Пальмлёвской гимназии. Как он и предполагал, женщина проявила любопытство и согласилась встретиться на следующий день. Вчера. Вечер они закончили у него дома. Отделаться от нее Себастиану удалось только сегодня в первой половине дня. Ей хотелось встретиться снова. Он ничего не обещал. Если он не позвонит, она найдет его сама, сказала она с улыбкой. Ему не отвертеться, ведь теперь она знает, где он живет. Тремя часами позже Себастиан взял с собой все, что хотел забрать, запер дверь и покинул дом, чтобы больше никогда не возвращаться.

Теперь он стоял возле того места, которое отнюдь не предполагал посещать. По правде говоря, он клялся, что никогда сюда не придет. Никогда больше не навестит *его*. Теперь же они лежали тут оба. На кладбище. Могила родителей.

Оставшиеся от похорон цветы завяли. Могила выглядела неопрятно. Себастиан задумался над тем, почему никто не убирает завядшие букеты и перевернутые, объединенные косулями венки. Может, ему надо написать какую-то бумагу, чтобы администрация кладбища занялась могилой? Сам он ухаживать за ней не собирался. Даже если бы жил в Вестеросе. Теперь же об этом не могло быть и речи.

На памятнике из красного гранита было изображено то ли восходящее, то ли заходящее солнце, а на переднем плане возвышались две сосны. Надпись гласила: «Семейная могила Бергманов», и чуть пониже стояло имя отца: «Туре Бергман». Имя Эстер еще не приписали. Хотели, прежде чем перемещать камень для новой гравировки, подождать, чтобы могила хорошенько осела. Шесть месяцев, Себастиан где-то об этом слышал.

Туре умер в 1988 году. Двадцать два года она прожила в одиночестве. Его мать. Себастиан поймал себя на мысли, что интересно, не думала ли она когда-нибудь разыскать его. Протянуть руку. А если бы протянула, принял ли бы он ее?

Наверное, нет.

Себастиан стоял в метре от неприбранной могилы. В нерешительности. Вокруг была тишина. Весеннее солнце грело ему спину. На одной из посаженных кое-где между могилами берез пела одинокая птица. По дорожке на велосипедах проехали двое. Девушка над чем-то смеялась. Искрометным, заразительным смехом, который, казалось, совершенно не подходил ярко-голубому весеннему небу, к которому устремлялся. Себастиан задумался: что он, собственно, здесь делает? Неужели ему действительно хочется подойти к могиле?

Вместе с тем было что-то вдвойне трагическое в том, что последнее пристанище матери, столь любимшей порядок, выглядит как компост.

Себастиан подошел к могиле и присел на корточки. Начал неумело собирать увядшие цветы.

— Ты ведь никак не думала, мама, что я приду.

Звук собственного голоса удивил его. Привел в замешательство. Он никогда не представлял себя человеком, сидящим на корточках, прибирающим могилу и разговаривающим с покойной матерью. Что же с ним произошло?

Вероятно, это как-то связано с цифрами.

1988.

Двадцать два года.

Одна. Дни рождения, будни, Рождество, отпуска. Даже при наличии друзей большую часть времени в огромном доме — тишина. Много времени для размышлений.

Что было.

Как так получилось.

Гордость превыше тоски.

Боязнь отказа сильнее потребности в любви.

Мать сына, с которым не общалась. Несколько коротких лет — бабушка ребенка, которого никогда не видела. Себастиан прекратил неловко возиться с растениями и поднялся. Порылся в кармане, достал бумажник и вынул фотографию Сабины и Лили, стоявшую на пианино в родительском доме.

— Тебе не удалось ее увидеть. Я об этом позаботился.

Правая рука сжалась вокруг бумажника. Себастиан почувствовал, что сейчас заплачет. Скорбь. Уж точно не по отцу. Да и не по матери, хоть он и ощущал известную печаль из-за ничтожности их конфликта по сравнению с последствиями, к которым тот привел. Он оплакивал даже не Лили с Сабиной. Он оплакивал самого себя. Из-за понимания.

— Помнишь, что ты мне сказала, когда мы виделись в последний раз? Ты сказала, что Бог покинул меня. Отвел от меня свою руку.

Себастиан смотрел на фотографию умерших жены и ребенка, на недоделанный памятник, на кладбище в городе, где он вырос и где его никто не знает, никто им не интересуется, никто по нему не скучает. Это относилось и к любому городу. Себастиан вытер щеки тыльной стороной левой ладони:

— Ты была права.

~ ~ ~

Стуршерсгатан, 12.

Все-таки он тут оказался. Перед большим функционалистским домом. В архитектуре Себастиан совершенно не разбирался и отнюдь к этому не стремился, но знал, что дома к западу от района Иердет построены в стиле функционализма.

Он знал, что в этом доме живет Анна Эрикссон. Мать его ребенка.

Хотелось бы надеяться.

Или?

Себастиан вернулся в Стокгольм почти неделю назад. Он ежедневно ходил мимо дома двенадцать по Стуршерсгатан. Иногда по несколько раз в день. Однако внутри он пока еще не был. Максимум, на что он решился, это подойти и заглянуть через окно в парадную, чтобы увидеть на внутренней стене табличку с именами жильцов. Анна Эрикссон жила на третьем этаже.

Зайти?

Или нет?

Этот вопрос мучил Себастиана с самого приезда. В Вестеросе вопрос казался более абстрактным. Игрой мысли. Себастиан мог взвешивать за и против. Принимать решение. Передумывать. Снова передумывать. Без последствий.

Теперь же он был на месте. Принятое решение могло стать бесповоротным.

Развернуться и уйти. Или нет.

Объявиться. Или нет.

Он менял решение. Иногда несколько раз в день. Аргументы оставались теми же, что он приводил себе в Вестеросе. Не возникало никаких новых мыслей, никаких новых соображений. Он проклинал собственную нерешительность.

Иногда он прогуливался в район Иердет в полном убеждении, что сразу зайдет в дом, поднимется по лестнице и позвонит в дверь. Тогда случалось, что он даже не заворачивал на Стуршерсгатан.

В другие разы, когда у него и в мыслях не было объявляться, он мог вдруг оказаться перед темной деревянной входной дверью и стоять там часами. Им словно бы управлял кто-то другой. Как будто у него вообще не было права голоса в данном вопросе. Однако на лестницу он не заходил ни разу. Пока.

Но сегодня зайдет. Он это чувствовал. Ему удалось все время держать правильный курс. Он вышел из своей квартиры на Грев-Магнигатан и двинулся по Стургатан. Свернул направо к улице Нарваеген, дошел до площади Карлаплан, миновал торговый центр «Фельтёверстен», пересек Вальхаллавеген и оказался на месте. Прогулка заняла менее четверти часа. Если Анна Эрикссон жила здесь и тогда, когда ребенок был маленьким, они, возможно, встречались в «Фельтёверстен». Его ребенок вместе с матерью, возможно, стоял перед ним в очереди к мясному прилавку. Эти мысли занимали Себастиана, пока он стоял на улице, глядя на дом двенадцать по Стуршерсгатан.

Начинало смеркаться. День выдался прекрасный, почти по-летнему теплый.

Сегодня он объявится.

Сегодня он поговорит с ней.

Он наконец решился.

Себастиан пересек улицу и направился к двери. Как раз когда он стал размышлять над тем, как ему войти, внутри из лифта вышла женщина лет тридцати пяти и двинулась к выходу. Себастиан воспринял это как знак того, что ему действительно суждено встретиться с Анной Эрикссон именно сегодня.

Он подошел, как раз когда женщина выходила на тротуар, и придержал закрывавшуюся за ней дверь: — Здравствуйте, спасибо, какая удача.

Женщина едва удостоила его взглядом. Себастиан вошел в дом, и дверь с грохотом захлопнулась. Он снова взглянул на табличку с именами жильцов, хотя уже знал, что там написано.

Третий этаж.

Себастиан подумал было поехать на лифте, расположенном в центре дома внутри черного квадрата из стальной сетки, но отверг его. Ему требовалось как можно больше времени. Он почувствовал, что сердце забилось быстрее, а руки вспотели. Он нервничал. Такое с ним случалось нечасто.

Себастиан стал медленно подниматься по лестнице.

На третьем этаже имелось две двери. На одной из них он увидел фамилию Эрикссон и еще одну. Секунду на то, чтобы собраться с мыслями. Он закрыл глаза. Сделал два глубоких вдоха, а потом подошел и позвонил. Ничего не произошло. Себастиан испытал почти облегчение. Никого нет дома. Он попытался, но никто не открыл. Он ошибся. Значит, им вовсе не суждено встретиться — ему и Анне Эрикссон. Во всяком случае сегодня. Себастиан уже собирался повернуть обратно, но тут услышал в квартире шаги, и секундой позже дверь открылась.

Женщина, на несколько лет моложе его, посмотрела на Себастиана вопросительно. У нее были темные волосы до плеч и голубые глаза. Высокие скулы. Узкие губы. Даже глядя на нее, Себастиан ее не узнавал. Он никак не мог припомнить, чтобы спал с этой женщиной, которая сейчас, вытирая руки о кухонное полотенце в красную клетку, вопросительно смотрела на него.

— Здравствуйте, вы... — Себастиан запнулся, не зная, с чего начать. В голове была полная пустота, хоть там и крутилась тысяча мыслей.

Женщина молча смотрела на него.

— Анна Эрикссон? — выдавил из себя под конец Себастиан.

Женщина кивнула.

— Меня зовут Себасти...

— Я знаю, кто ты, — перебила его женщина.

Себастиан совсем растерялся:

— Правда?

— Да. Что ты здесь делаешь?

Себастиан молчал. После прочтения писем он много раз прокручивал в голове эту встречу. Но она приняла совершенно иной оборот, нежели он рассчитывал. Такой он их первую встречу никогда себе не представлял. Он думал, что Анна будет почти в шоке, возможно, даже слегка покачнется. Ему мыслилось полное потрясение у нее в глазах, когда за дверью окажется призрак из прошлого тридцатилетней давности. Он предполагал, что ему придется всеми возможными способами объяснять, кто он такой, чтобы она вообще ему поверила. Все виделось совсем не так, как со стоявшей перед ним женщиной, которая засунула за пояс брюк уголок полотенца, оставив его висеть, и смотрела на Себастиана

испытующим взглядом.

— Я... — Себастиан загнулся. Это он тоже мысленно проигрывал. Можно по-прежнему придерживаться той линии: начать с начала.

— Моя мать умерла, и, очищая ее дом, я нашел несколько писем.

Женщина продолжала стоять молча, но кивнула. Явно поняла, какие письма он имеет в виду.

— В них говорилось о том, что ты ждала ребенка. От меня. Я пришел только для того, чтобы узнать, правда ли это и что в таком случае произошло.

— Зайди.

Женщина отодвинулась в сторону, и Себастиан вошел в относительно маленькую прихожую. Анна закрыла дверь, а он наклонился, чтобы снять обувь.

— Не надо. Ты сразу уйдешь.

Себастиан снова выпрямился с удивленным лицом.

— Я просто не хотела, чтобы ты стоял на лестнице. Там эхо.

Анна встала напротив него в тесной прихожей и скрестила руки на груди.

— Это правда. Я ждала ребенка и искала тебя, но не нашла. И, честно говоря, уже давно перестала искать.

— Я понимаю, что ты злишься, но...

— Я не злюсь.

— Я ведь так и не получил этих писем. Я ничего не знал.

Они молчали, стоя друг напротив друга. На мгновение Себастиан задумался над тем, что бы произошло, узнай он. Там и тогда. Приехал бы он обратно к Анне Эрикссон и стал отцом? Как бы выглядела его жизнь с этой женщиной? Даже думать об этом, конечно, идиотизм. Бессмысленно рассуждать о гипотетическом будущем, альтернативном настоящему. Кроме того, он ни за что не вернулся бы к ней, даже если бы получил письма. Там и тогда. Тот прежний Себастиан.

— Я видела тебя, сколько же... лет пятнадцать назад, — спокойным голосом сказала Анна. — Когда ты участвовал в задержании того серийного убийцы.

— Хинде. В 1996-м.

— Я тогда видела тебя. По телевизору. Если бы мне по-прежнему хотелось тебя найти, я бы наверняка смогла.

Себастиан секунду размышлял над ее словами.

— Но у меня есть ребенок?

— Нет. У меня есть дочь. И у моего мужа есть дочь, а у тебя нет. Во всяком случае, здесь и от меня.

— Значит, она не знает, что...

— Что он ей не отец? — дополнила Анна. — Нет. Он, разумеется, знает, а она нет, и если ты ей расскажешь, то все испортишь.

Себастиан кивнул, глядя в пол. Собственно говоря, он не удивился. Такой сценарий он проигрывал: ребенок ничего не знает, у него другой отец, и он только разрушит хорошую семью. Такое ему доводилось совершать и прежде, когда он спал с замужними женщинами, не всегда заботясь об осторожности, но это другое.

— Себастиан...

Он поднял глаза. Анна опустила руки и смотрела на него взглядом, требовавшим полного внимания:

— Ты действительно все разрушишь. Для всех. Она любит нас. Любит своего отца. Если она узнает, что мы все эти годы ей лгали... Я не думаю, что нам удастся с этим справиться.

— Хотя если она моя, то... — последняя слабая попытка. Обреченная изначально.

— Она не твоя. Возможно, она была твоей. Какое-то время. Смогла бы стать твоей, если бы ты вернулся. А теперь нет.

Себастиан кивнул. Он видел в ее словах логику. Какая от этого будет польза? Что это ему даст? Анна словно бы сумела прочесть его мысли:

— Что ты можешь ей дать? Совершенно чужой человек является через тридцать лет и сообщает, что он ее отец. Что, кроме разрушения всего?

Себастиан кивнул и шагнул к двери:

— Я ухожу.

Когда он взялся за ручку двери, Анна положила руку ему на плечо. Он обернулся.

— Я знаю свою дочь. Она не захочет иметь с тобой дела. Единственное, чего ты добьешься, — это разрушишь нашу семью и заставишь дочь тебя возненавидеть.

Себастиан кивнул.

Он понимал.

Он покинул квартиру и альтернативную жизнь, которая могла бы быть или стать его жизнью. Анна закрыла за ним дверь, но он остался стоять на лестнице.

Ну вот и все.

Сделано.

У него есть дочь, которую он никогда не увидит. Никогда не узнает. Так долго накапливавшееся напряжение отпустило, и он почувствовал физическую усталость. Ноги едва его держали. Себастиан подошел к лестнице, ведущей наверх, и сел.

Он сидел, уставившись прямо перед собой.

Опустошенный.

Совершенно опустошенный.

Издали донесся глухой звук захлопнувшейся тремя этажами ниже входной двери. Себастиан раздумывал над тем, как ему добраться домой. Вроде бы совсем недалеко, но сейчас расстояние казалось бесконечным.

Прошло несколько секунд, прежде чем он заметил, что лифт слева от него начал подниматься. Себастиан встал. Если лифт остановится здесь, он сможет на нем спуститься. Это станет первым шагом на долгом пути домой, в пустую квартиру.

Ему повезло. Лифт остановился на третьем этаже. Встретаться с кем-либо Себастиану уж точно не хотелось, даже для бессмысленной улыбки у двери лифта. Пока человек в лифте отодвигал предохранительную решетку, Себастиан поднялся еще на несколько ступенек вверх. Из лифта вышла женщина, и Себастиан мельком увидел ее сквозь перила над кабиной лифта.

Что-то показалось ему знакомым.

Очень знакомым.

Но ведь не может быть, чтобы...

— Привет, мама, это я! — услышал он возглас Ваньи, прежде чем за ней закрылась дверь.

Не может быть...

Неужели...

Тут он вспомнил. Фамилии на двери. Он был настолько зациклен на Эрикссон, что даже

не взглянул на вторую фамилию.

Литнер.

Ваня Литнер.

Ваня — его дочь.

К такой информации он оказался абсолютно не подготовлен.

Абсолютно.

Себастиан почувствовал, что у него подкашиваются ноги, и был вынужден сесть.

Прошло много времени, прежде чем он снова поднялся.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

notes

Вестерос — административный центр лена Вестманланд, расположен в 114 км от Стокгольма. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Эстермальм — один из самых уважаемых районов Стокгольма.

Мартин Бек — центральный персонаж детективных романов Май Шёвалль и Пера Валё.

Дочь (нем.)

«Давайте потанцуем» — шведская телепрограмма, напоминающая «Танцы со звездами». По окончании трансляции зрители каждый раз решают, какая пара покидает конкурс.

Анна Линд — министр иностранных дел Швеции, была убита среди бела дня в универсаме «НК» в Стокгольме в 2003 году.

Имеется в виду знаменитая шведская фабрика по изготовлению фарфора, в настоящее время являющаяся частью финской фирмы «Литтала».

Вестманланд — лен, в котором расположен город Вестерос.

Буквально — «Мой путь или шоссе» (*англ.*). Используется в смысле «Делай по-моему или катись».

«Сотри и перемотай назад» — название песни группы *The Cardigans*.

Post mortem — после смерти (лат.).

Дерьмо тоже, название другое (*англ.*).

Премьер-министр Швеции Улоф Пальме был застрелен на улице в центре Стокгольма в 1986 году. Убийство так и осталось нераскрытым.

Хагаманнен — прозвище известного всей Швеции преступника, совершавшего насильственные действия в районе Хага города Умео в 1998–2000 и 2005 годах.

Сконе — южная провинция Швеции, отделенная от Дании проливом Эресунд.

Названия фильмов гей-порно.

Миссия завершена (*англ.*).